ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

9(1) 2023

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 9. № 1. 2023

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 9. № 1. 2023

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: **Новак М.В.**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Масалов А.Г., кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – ***председатель редакционной коллегии***

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований,

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: Margarita V. Novak, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: Alexei G. Masalov, PhD in Philosophy, Head of the Department of Rare Books of Strakhov Scientific Library, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – ***Chairman***

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023
© Belgorod National Research University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ

Мальцев Я. В.
Феномен бытия в структуре перманентной современности **5**

Колесников С. А.
Мосты над грозами… Аспекты духовно-культурологической методики С.С. Аверинцева **21**

Гусейнов Ф. И.
Присутствие как со-бытийствование в философии Габриэля Марселя **41**

Винер Б. Е.
Существуют ли нации? Альтернативный взгляд на старую проблему **50**

Аров Я. И.
В.В. Розанов: язычество и миф в контексте национальной и религиозной идентичности **63**

Хорольский В. В.
Коммуникология в кругу общественных наук: радиус влияния и конкуренция **73**

Загидуллина М. В.
Современное состояние мультимодального анализа: к вопросу о перспективах метода **84**

Якоба И. А.
Метод интерпретации в аспекте инференции на примере медийного дискурса о вакцинации **100**

Шарабарина Е. А.
Любовь как этико-аксиологическая доминанта православного подвижничества (на примере русского юродства) **114**

Шульгина Е. Ю.
Массовая жилая застройка как решение проблемы расселения рабочего класса и малоимущих слоев населения в первой половине XX века **126**

Кожаева И. В., Чжоу Цзе
Театрализованное представление и поиск его аутентичности **140**

RESEARCHES

Maltsev Ya. V.
The phenomenon of being in the structure of permanent modernity **5**

Kolesnikov S. A.
Bridges over thunderstorms... Aspects of the spiritual and cultural methodology of S. S. Averintsev **21**

Guseynov F. I.
Presence as co-existence in the philosophy of Gabriel Marcel **41**

Wiener B. E.
Do Nations Exist? An Alternative Look at an Old Problem **50**

Arov Ya. I.
V. V. Rozanov: Paganism and myth in the context of national and religious identity **63**

Khorolsky V. V.
Communicology among the social sciences: radius of influence and competition **73**

Zagidullina M. V.
The current state of multimodal analysis: on the question of the prospects of the method **84**

Iakoba I. A.
Method of interpretation in the aspect of inference on the example of media discourse on vaccination **100**

Sharabarina E. A.
Love as an Ethical and Axiological dominant of Orthodox Asceticism (on the example of Russian Foolishness) **114**

Shulgina E. Yu.
Mass housing as a solution to the resettlement problem of a working class and disadvantaged segments of a population in the first half of the 20th century **126**

Kozhaeva I. V., Zhou Jie
Theatrical performance and the search for its authenticity **140**

Полосаев Н. А. Концерт для балалайки начала XXI века. Основные принципы развития жанра, композиционные и идейно-драматургические особенности на примере концертов А. Марчаковского, Е. Подгайца, В. Беляева **150**	**Polosaev N. A.** Concert for balalaika of the beginning of the 21th century. The basic principles of the genre development, compositional and ideological-dramatic features on the example of concerts by A. Marchakovsky, E. Podgaits, V. Belyaev **150**
АРХИВ	**ARCHIVE**
Сипягина Е. А. Социальное служение Русской православной церкви в конце XX – начале XXI вв. (на примере Костромской епархии) **165**	**Sipyagina E. A.** Social service of the Russian Orthodox Church in the late 20th – early 21st centuries (on the example of the Kostroma Diocese) **165**
РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	**MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**
Масалов А. Г., Чистякова Е. Ю. Естественнонаучные труды Н. Н. Страхова (опыт информационно-аналитического обзора) **176**	**Masalov A. G., Chistyakova E. Yu.** Natural science works of N.N. Strakhov (experience of information and analytical review) **176**
Бондарев А. А., Апатенко Д. В. А.Ф. Кони в русской философии права (некоторые размышления о книге А.Я. Кодинцева, Д.В. Рыбина и Н.Н. Штыковой «Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони», СПб.: Нестор-История, 2022. 336 с.) **194**	**Bondarev A. A., Apatenko D. V.** A. F. Koni in Russian philosophy of law (some reflections on the book by A.Ya. Kodintsev, D.V. Rybin and N.N. Shtykova (2022), *Humanitarian research of Anatoly Fedorovich Koni*, Nestor-Istoriya, St. Petersburg) **194**
Борисов С. Н., Дроботова Н. А. Как никогда новая наука политики Э. Фёгелина (рецензия на книгу Э. Фёгелин. Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.) **201**	**Borisov S. N., Drobotova N. A.** As never before E. Voegelin's New Science of Politics (review of the book by Eric Voegelin (2021) *The New Science of Politics. Introduction*, Vladimir Dal, St. Petersburg.) **201**
Мальцева Н. Н., Новак М. В. Медиаграмотность, безопасность и социализация личности в цифровом пространстве: обзор отечественной и зарубежной аналитики **207**	**Maltseva N. N., Novak M. V.** Media literacy, security and socialization of the individual in the digital space: overview analytics **207**
Ба Амаду Особенности функционирования СМИ в Республике Мали **213**	**Ba Amadou** Features of the functioning of the media in the Republic of Mali **213**

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 11; 14; 141.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-1**

Мальцев Я. В. **Феномен бытия в структуре перманентной современности**

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация; *maltsevyaroslav@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка понять основания и динамику культуры через отношение чистого и опосредованного бытия, диалог бытия и живого, человека и человека, человека и бытия, где все указанные отношения диалога образуют общий, находящийся в субъект-субъектном полилоге, универсум, диалогичность, познавательная и творческая активность которого оказываются его имманентными свойствами. Актуальность работы связана с поисками ответа на вопросы о сущности субъекта (либо он есть, либо он «перечеркнут»), его роли и значении в культуре и универсуме; о структуре самого универсума; а также с возможностью более ясно и полно, быть может, несколько иначе рассмотреть феноменологию культуры. Работа основана на концепциях А.В. Павлова, Ж. Лакана, Г. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Бубера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, К. Мейясу, Г. Хармана. Ее концептуальным каркасом является теория перманентной современности как особой ситуации отношений человека и времени, из которой, благодаря которой и возникает матрица культуры. В результате делается вывод о структурной неоднородности и сложности бытия, являющегося неким задающим (и создающим) возможности творческим актором, атрибутами коего является саморазвертывание и диалог с возникающим внутри него *живым* как партнером и самостоятельной экзистенцией.

Ключевые слова: современность; перманентная современность; бытие; диалог; объектно-ориентированная онтология; субъект; философия культуры

Для цитирования: Мальцев Я. В. Феномен бытия в структуре перманентной современности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 5-20. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-1

Ya. V. Maltsev **The phenomenon of being in the structure of permanent modernity**

Tyumen State University, 6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russian Federation; *maltsevyaroslav@gmail.com*

Abstract. The article is attempts to understand the foundations and dynamics of culture through the relationship of pure and mediated being, the dialogue of being and the

living, man and man, man and being, where all these dialogue relations form a common universe located in the subject-subject polylogue, dialogicity, cognitive and creative activity which turn out to be its immanent properties. The relevance of the work is connected with the search for an answer to questions about the essence of the subject (either it exists or it is crossed out), its role and significance in culture and the universe; about the structure of the universe itself; and also with the opportunity to more clearly and fully, perhaps in a slightly different way, consider the phenomenology of culture. The work is based on the concepts of A.V. Pavlov, J. Lacan, Hegel, E. Husserl, M. Buber, M. Heidegger, J.-P. Sartre, C. Meillassoux, G. Harman; its conceptual framework is the theory of permanent modernity as a special situation of the relationship between man and time, from which, thanks to which, the matrix of culture arises. As a result, a conclusion is made about the structural heterogeneity and complexity of being, which is a kind of creative actor that sets (and creates) opportunities, the attributes of which are self-deployment and dialogue with the living being that arises inside it as a partner and independent existence.

Keywords: modernity; permanent modernity; being; dialog; object-oriented ontology; subject; philosophy of culture

For citation: Maltsev Ya. V. (2023), “The phenomenon of being in the structure of permanent modernity”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 5-20, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-1

Двадцатый век вошел в историю философии как век множественных «поворотов» и стремления *перечеркнуть, деконструировать, умертвить, расколдовать*, то есть тем или иным образом отойти от метафизики, так или иначе произвести деонтологизацию реальности, отрешиться от метафизики, объявив ее бессмысленной. Смерть метафизики автоматически влекла за собой смерть субъекта. К концу века человек должен был обнаружить себя на своеобразном философском кладбище. Но этого не произошло: мысль сделала свой очередной поворот и в начале XXI века С. Жижек призвал всех не согласных со смертью субъекта «открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке картезианской субъективности противопоставить философский манифест самой картезианской субъективности» (Жижек, 2014: 24) и mutato nomine его поддерживает А. Бадью (Бадью, 2013); Л. Хатчеон поставила вопрос о необходимости определиться с тем, что приходит на смену постмодернизму (Hutcheon, 2002), вызвав шквал новых теорий, объединяемых зонтичным термином постпостмодерна – надсовременность или сверхсовременность/la surmodernité (Оже, 2017), гипермодерн (Липовецкий, 2001, 2012), текучая современность/liquid modernity (Бауман, 2008), поздняя современность/late modernity (Гидденс, 2011), «иной модернизм»/altermodernism (Буррио, 2016), космодернизм/cosmodernism (Морару, 2001), цифромодернизм/digimodernism (Кирби, 2006), метамодернизм/(metamodernism (Аккер, Вермюлен, 2015), неомодернизм (Пелипенко, 2016); сюда же можно отнести постгуманизм/post-humanism, перфоматизм/performatism, вторую современность (Бек, 2000), время «после конца истории» (Чоран, 2002). Одновременно с этим произошел так называемый онтологический поворот (Wan, 2011: 17), вновь ставящий вопрос о необходимости онтологии и потребности в ее обновлении (Pellizzoni, 2015: 72). Возникли акторно-сетевая теория (Латур, 2014), новый материализм (Деланда, 2018), теория сборки (Батлер, 2018), агент-

ный реализм (Barad, 2012), критический реализм (Kemp, 2005), объектно-ориентированная онтология (Харман, 2021) etc., многие из которых так или иначе наследуют теориям Ж. Делеза и Ф. Гваттари (Делез, 2010), стараясь иначе переосмыслить структуру бытия, место в нем субъекта и отношение между бытием и субъектом.

Концепция перманентной современности, выросшая из идей А.В. Павлова (Павлов, 2012, 2013) и вызванной ими дискуссии (Борисов, 2013; Ершов, 2013; Тульчинский, 2013; Чупров, 2013), представляет собой попытку комплексно помыслить универсум во взаимодействии его основных инвариантов: бытия, субъекта, культуры, условно соответствующих лакановской триаде Реального, Воображаемого, Символического – этим борромеевым кольцам, одновременно и автономными, и созависимыми, связанными со-бытием, со-творчеством, порождающими ряд других феноменов: время, историю, цивилизацию. Теория перманентной современности – особой связки человека и времени, человека и бытия – служит исследовательской рамкой работы, основанной также на трудах Гегеля, Хайдеггера, Сартра, Бубера, Гуссерля, Мейясу, Хармана. В статье раскрывается мысль о *бытии как движении по определению и обоснованию самого себя как нечто*.

Чистое бытие (понятие Гегеля) есть данность самому себе, находящаяся в постоянном саморазворачивании, то есть в движении. Чистое бытие суть разворачиваемое *нечто-и-ничто* (вещь вне восприятия, за горизонтом смысла) в полной объективации себя самого, в полной невоспринимаемости себя. Либо в восприятии себя целостно, полностью понимая само себя и полностью данное само себе бытие все равно оказывается абсолютным ничто, где все замкнуто само на себя. Вместе с тем бытие постоянно разворачивается (создаются новые Вселенные и новые формы) и одновременно с этим создает формы живого. В результате появляется разум как часть бытия. Материя, жизнь и мысль – три основных порядка, как указывает Мейясу в своей докторской диссертации о божественном несуществовании (Харман, 2020: 263). «Жизнь есть свой особый образ бытия» (Хайдеггер, 2015: 50). Разум как познающая и осмысляющая часть бытия. Как часть бытия, привносящая в бытие смысл. Как часть бытия, возможно, необходимая самому бытию для обоснования самого себя, для диалога внутри себя, для существования. Через создание живого и воспринимающего *само бытие обретает существование*, обретает *экзистенцию*. Бытие обретает существование благодаря наличию *воспринимающего* внутри самого себя. Так само сознание человека автоматически обретает свое главное качество – *интенциональность*, то есть оно необходимо должно быть сознанием о чем-то (Гуссерль, 2000: 363), иметь направленность. Направленность сознания человека на бытие – акт, предустановленный для человека, хотя и не всегда рефлексируемый: человек отвлекается повседневностью. Ситуация, перефразируя Ницше, всматривающихся друг в друга бездны и человека, человека и бытия – изначальная оппозиция, в которой и для которой, вероятно, и появляется человек.

Другими словами, бытию интересно, что оно есть. Бытие создает объекты внутри себя как части себя, но дает этим объектам свободу и потенцию, чтобы они могли реализоваться, тем самым показав бытию, что оно есть и каковы его собственные возможности и границы. Каждый объект бытия суть свободный объект, часто действующий объект, зачастую творческий объект. «Сотворенное бытие возобновляет себя, отрывается от создателя, чтобы тотчас замкнуться в себе и взять на себя свое бытие» (Сартр, 2000: 49). Самый же главный, в силу сложности и комплексности, ответ бытие в состоянии получить (пока) только через человека и благодаря человеку. Человек расшифровывает бытие. Находясь в потоке разворачивания, движения и действия бытия – *временности*, – человек улавливает голос и требование бытия и реализует его. Как отмечал Бергсон, сама материальность (бытие) является потоком, неразделенной

непрерывностью, чьи составные части поливариантны и создают поток (Бергсон, 2015). Человек постепенно и последовательно познает сущность и истину бытия, познает, что оно есть, однако вполне вероятно, что *само бытие изменяется под влиянием понимания и действия человека*. Бытие осознает себя через человека. Как отмечает Мейясу: «Ценность [человека. – *Я.М.*] заключается в *самом* акте познания; люди обладают ценностью не из-за того, *что* они познают, а *поскольку* они познают» (Харман, 2020: 269).

Неслучайно вопрос о бытии возникает у Парменида, и происходит это одновременно с зарождением философии, то есть одномоментно с осознанием и фиксацией факта человеческой рефлексии о мире вокруг себя и о себе в этом мире. Поэтому прав Хайдеггер: как бы аналитические философы не пытались вывести метафизические вопросы за пределы философского знания, метафизические вопросы оказываются принципиальными для философии, так как они касаются основ существования человека и его взаимодействия с миром. Собственно, сам Витгенштейн писал об ускользании бытия из-под попытки его рациональной концептуализации: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *показывает* себя; это – мистическое» (Витгенштейн, 2017: 218). Иными словами, Витгенштейн выводит основание мира из-под попыток как-либо помыслить и ухватить его, раз мы не можем сделать этого с абсолютной ясностью, при этом, однако, не отказываясь от признания факта существования некой *проблемной* для нас первоосновы мира. Тот путь, что выбрал для себя Витгенштейн и подхватили его последователи, не должен быть примером для нас и вовсе не обязан означать смерть метафизики, ибо любое размышление, действие и осознанное бытие-в-мире трудно начинать, выводя за скобки вопрос об основаниях. Человеку необходимо определиться с устройством той реальности, в какой он существует, даже признавая факт наличия в ней некоего неподдающегося познанию (узнаванию, символизации у Лакана) ядра. Как отмечает А.Л. Доброхотов, уже появляющейся философии было необходимо обосновать свое право на существование в ряду эмпирических «наук», и в качестве такового философы нашли точки совпадения мысли и сущего: Пифагор обратил внимание на число, Гераклит – на слово, Парменид – на бытие (Доброхотов, 1986: 6). Собственно говоря, для Парменида, со всем оговорками, про которые уже было сказано, бытие также есть условие. Бытие – изначальность, благодаря которой все есть. Но эта изначальность гераклитовская, изменчивая.

Гегель говорил нам о *вещности* бытия. Вещь – первоэлемент бытия. Бытие реализует себя через *наличность*, через *вещность*, оно воплощает себя в вещах, в том, что Дж. Локк обозначал в качестве «первичных качеств». Гегель указывал, что Вещь просто существует. Вещь – часть чистого бытия, материализация чистого бытия, не требующая ни анализа, ни слов, ни концептуализации. Она просто есть. Исходно. Она дана сама себе и таким образом осуществляет себя и представляет собой чистое бытие (Гегель, 1959: 51-52).

К. Мейясу определяет эту ситуацию существования бытия как ситуацию *доисторического* – ситуацию, предшествующую появлению человека как вида, возможно, как предшествующую появлению любых известных форм жизни на Земле (Мейясу, 2015: 19). Ситуация чистого бытия – ситуация до момента возникновения *корреляционизма* как процесса отношения чистого бытия и воспринимающего его разума (Мейясу, 2015: 11) (парадокс ситуации в том, что чистое бытие и разум взаимно трансцендентны друг другу, хотя разум одновременно еще и имманентен бытию, так как порождаем им и существует как часть его).

Чистое бытие суть ткань. Оно похоже на изначальную ризому, на сложное переплетение взаимозависимостей, которые и образуют собой нечто, находясь в постоянном движении, то есть. в роении. Роении вариантов и возможностей. Любой момент

развития/разворачивания бытия поливариантен, множественен. «Бытие как таковое есть чистая множественность» (Бадью). Эта изначальная множественность вариантов и возможностей в сжатом виде присутствует уже в сингулярности Большого взрыва и по мере развертывания бытия сохраняется и увеличивается. Именно поэтому нужно согласиться с Й. Грантом: у нас нет простого способа редуцировать сложные явления к их простым причинам (Brassier, Grant, Hatman, Meillassoux, 2007: 334) – бытие содержит возможности в каждом участке/фрагменте себя; бытие – вечное роение возможностей. Это структурное роение бытия и есть движение бытия. Бытие копошится в самом себе. Через это копошение/движение изначальная гладкость бытия превращается в его рифленость. Бытие обретает реальность, превращается в сложный физический мир, в универсум через движение, через обретение рельефа, разметки. Пространство бытия постепенно расчерчивается вещами, которые являются его частностями, его частями. Пространство чистого бытия расчерчивается частями чистого бытия, представляющими собой объекты чистого бытия: вещи, феномены (его вещность, его феноменальность). Объектно-ориентированная онтология обретает свою справедливость именно в доисторических границах чистого бытия. С этого начинает складываться (бытие как складка) диалоговый характер бытия. «Мы живем в потоке всеохватывающей взаимности, неисследимо в него вовлеченные» (Бубер, 1995: 24). Множественность самого бытия подразумевает множество путей его познания (познания им себя).

Такой подход прекрасно согласуется с теорией объектно-ориентированной онтологии (ООО), созданной Г. Харманом, основной тезис которой сводится к тому, что реальность (существующая независимо от человеческого сознания) состоит из взаимодействующих объектов: 1) все объекты (живые и неживые, природные и культурные) равноправны относительно друг друга (что безусловно так, ибо они – часть чистого бытия и само чистое бытие в самих себе, то есть ни один объект в качестве части не имеет преимуществ перед остальными); 2) объекты отличаются от своих свойств (то, что воспринимается) и потому находятся с ними в напряженных отношениях; 3) есть реальные объекты и чувственные объекты (данность реального объекта Другому); 4) реальные объекты даны через чувственность (Харман, 2021: 13-14). (Далее Харман говорит о том, что философия теснее связана с эстетикой и математикой, в чем противопоставляет свое мнение о философии мнению А. Бадью, однако кажется возможным примирить обе эти точки зрения, предоставив математике и эстетике свою зону ответственности в структуре бытия: математика отвечает за многообразие и соотношение форм, в то время как эстетика – процедура культуры как части бытия, призванная прикрыть страх бытия перед самим собой). С. Жижек последовательно критикует ООО за тот факт, что она не оставляет места субъекту (Жижек, Руда, Хамза, 2019: 25-73), но представляется возможным найти место субъекта в ООО как раз в структуре перманентной современности, то есть если принимать чистое бытие как форму существования ноуменальных объектов, которые одновременно и меняются, и взаимодействуют, и образуют рифленое пространство сборки/ризомы, посредством чего (изменений) и создается временность: бытие через постоянное развертывание самого себя создает пространство (протяженность) и временность; и если допустить существование человека (cogito) как воспринимающего и осмысляющего бытие, вносящего в него смысл, расшифровывающего его, в том числе для него самого. Роль субъекта – роль cogito самого чистого бытия, способного поддерживать диалог с бытием и познавать его для него самого. Субъект – одновременно и объект бытия, и его субъект, его взгляд (как глагол) на самого себя. Субъект в своем esse est percipi собирает разрозненные объекты бытия в одно и придает им объяснение и смысл.

«Во всяком собирании и сопряжении Я всегда уже лежит основой» (Хайдеггер, 2015: 319). В этом двойственность человека.

Однако Харман напрасно обрушивается на континентальную философскую традицию, отказывая ей в признании исходной объективности мира. И Кант, и Гегель признают феноменальный характер мира, а теория «взаимного соприкосновения объектов друг с другом в той же минимальной степени, что и их соприкосновение с человеческим сознанием» (Харман, 2021: 16) – прямое следствие из признания *темной* феноменологии объектов. Тот факт, что в состоянии чистого бытия объекты *темны,* следовало бы назвать банальностью, а не каким-то принципиально значимым открытием в области онтологии. Более того, следует дополнить теорию ООО, добавив, что объекты чистого бытия не только реальны и автономны, но именно автономны, то есть не «вступают в отношения лишь по особым случаям» (Харман, 2021: 16), а как раз находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, как единые составные части чистого бытия, как части его саморазворачивания, подчиняющиеся его внутренним законам, его общей воле (общей воле быть), при этом сохраняя уникальность собственных акциденций. Иными словами, объекты вынуждены взаимодействовать как акциденции единого, как эманация единого, как находящиеся на единой площадке формы единого. Под единым подразумевается чистое бытие как вещь-в-себе. Объекты образуют ассамбляж/коллектив/сборку, но эта сборка – результат саморазвертывания чистого бытия. В этих условиях сам «индивид действует, однако это действие вплетается в порядок вещей, который поддерживает наличное существование», – как отмечал Кьеркегор. «А уж что из этого выходит – о том действующий субъект вообще ничего не ведает» (Кьеркегор, 2011: 613).

Чистое бытие – бытие взаимодействующее – «все объекты переводят друг друга» (Брайант, 2019: 26), – оно целостно само по себе, а не расщеплено на множество отдельных объектов-бытий. Объекты суть элементы бытия, явленные в реальности. Объекты суть Вещи, суть фактичность бытия, его воплощение в материальном. Безусловно, между подобными вещами устанавливается определенная демократия сред (Брайант, 2019), формируемых ими. Однако все объекты исходно ориентированы друг на друга и предъявляют себя друг другу как части чистого бытия, познающего самого себя и раскрывающего собственные истины. «Бытие – просто условие всякого раскрытия» (Сартр, 2000: 37). Для понимания роли субъекта в ситуации перманентной современности, таким образом, требуется исходить из так называемого *онтологического реализма*, признающего существование объектов самих по себе, независимо от того, есть человек или нет, не в качестве конструктов человеческого разума. Более того, сам человек оказывается одним из таких объектов, необходимых бытию как его собственное cogito. Но речь не о децентрировании человека (Брайант, 2019: 20), как на то указывает Л. Брайант, не на его растворении, а на ином понимании его центральной роли: человек суть объект внутри чистого бытия и как часть чистого бытия, как его форма, но его активная – познающая и смыслообразующая – часть. Человек одновременно мыслит и за себя, и для себя, и для бытия. Он – разумная функция бытия. Он, как считали схоласты (Эко, 2017: 276), – живое единство бытия. И благодаря этому внутри чистого бытия разворачивается диалог, оно обретает диалоговый характер меж-объектной коммуникации. Субъект суть медиатор, средний термин между чистым бытием как материальностью и его стремлением осмыслить себя. Он – форма, создаваемая бытием для расщепления и соединения целостности. При этом он ограничен тем, как другие объекты *являют* себя ему. Каждый объект чистого бытия определенным образом являет себя другому объекту во взаимоотношениях с ним, при этом возможности другого объекта к схватыванию *визави* ограничены. И

только человек может создавать холистические системы отношения объектов, объясняющие чистое бытие и как ноумен, и как феномен культуры, бытие как манифестацию себя, бытие как самопознание себя через живое (не только через человека, но мы можем говорить только исходя *из опыта человечности*, вместе с тем говорить об опыте человечности как о наиболее сложном и полном опыте познания бытия, о наиболее изощренном способе диалога бытия в себе самом для себя самого). Р. Брассье отмечал, что сама «структура материальной реальности порождает структуру мышления» (Brassier, Grant, Hatman, Meillassoux, 2007: 301). Так материальное бытие постепенно эволюционирует к созданию мыслящих форм. Этот тезис подкрепляет мнение Хомского о своеобразной *предустановленности* лингвистических паттернов у человека, что делает его способным к определенному типу мышления. Как отмечает Брайант, речь идет о том, как сущности «творчески переводят мир вокруг себя» (Брайант, 2019: 189), осуществляя этот перевод, эту интерпретацию чистого бытия и для самих себя, и для бытия. Все объекты бытия образуют то, что Гегель назвал *точечностью* (Гегель, 1975: 46), то есть образуют пространство, состоящее из точек, сплетающихся в ризомные линии и создающие плоскости. Точечность объектов создает пространство, точечность субъектов культуры – культуру.

Иными словами, если говорить о бытии как о глаголе, о его *фактичности*, *доисторичности*, о том, что оно состоит из объектов как воплощенных форм, то бытие, следует согласиться и с Г. Харманом, и с Л. Брайантом, «целиком состоит из объектов, или первичных субстанций» (Брайант, 2019: 132). Проблемными оказываются только последующие выводы приверженцев объектно-ориентированной онтологии: адепты ООО призывают нас считать, что у человека нет привилегированного места, с чем крайне трудно согласиться. Бесспорно, что и зебры в саванне, и сама саванна, и пресловутое дерево Беркли могут прекрасно обходиться без человеческого взгляда, человеческий взгляд не необходим миру, и мир способен развиваться без человека. Человек в этой связи всего лишь объект среди других объектов. Тонкость заключается в том, что человек – сложный объект, что он находится с бытием в состоянии *со*-бытия или диалога. Человек как бы размыкает и смыкает объекты бытия, раскрывая их для него. «С присутствием как бытием-в-мире внутримирное сущее всегда уже разомкнуто» (Хайдеггер, 2015: 207).

Брайант пишет: «Если Жижек прав, то не было бы бытия помимо человеческого, поскольку язык – сколь бы чуждым и отчуждающим он ни был – существует только для людей и, возможно, для некоторых животных» (Брайант, 2019: 132). Непонятное утверждение: почему корреляционизм должен обязательно ограничивать право бытия быть вне человека? Бытие абсолютно возможно *без* человека (и таким оно *было*, таким оно, вероятно, *будет*), но оно абсолютно возможно и *с* человеком. Человек всего лишь объект, элемент бытия; результат его разворачивания, усложнения, его саморефлексии. Привилегированное положение человека в бытии объясняется сложностью его устройства, способностями его разума, его способностью создавать культуру и определенным образом интерпретировать бытие. «Бытие, называемое *свободным,* – это бытие, которое может *реализовывать* свои проекты», – писал Сартр (Сартр, 2000: 721). Мы можем говорить о том, что для бытия все объекты равноправны. Мы можем предполагать, что все объекты бытия, тем более живые объекты, дают бытию какую-то обратную связь и предоставляют информацию о самом себе. Но только человек дает бытию комплексное представление о самом себе. «Смысл мира приходит к нему через меня» (Сартр, 2000: 111). Только человек создает культуру. С этим связано привилегированное положение человека среди других объектов бытия. Он одновременно и объект взгляда, и субъект взгляда. Он смотрит, но и в него смотрят. От него

ждут. Бытие как бы предъявляет себя человеку. *Щекочет* (Жижек) его. Бытие говорит человеку: «Вот я. И что ты будешь с этим делать?» Вот саванна, вот зебры, вот дерево. Что *ты* будешь с этим делать?

Человек не может просто принимать бытие пассивно, как это делают, например, коты. Конечно, мы не знаем, как бытие воспринимают коты, но мы знаем, что человек обязательно создает сложный нарратив о том, что есть формы бытия вокруг него: что лес – это место, где есть грибы, волки, куда опасно ходить Красной Шапочке. И бытие предъявляет своим формам определенный запрос: это отношения между объектами бытия, каждый из которых по-своему пассивен, и между субъектами бытия, каждый из которых по-своему активен. Бытие говорит: «Есть такая-то форма, есть такая-то ситуация, что ты будешь с этим делать? Как ты будешь с этим *быть?»* Бытие задается вопросом: «Что есть Оно? Что есть Я?».

Собственно говоря, объекты существуют в бытии как таковые (первичные качества), но эта их изначальная *таковость* нема, она молчит. Гора, камень, гора как каменистый возвышенный участок рельефа *выражают/озвучивают* свою суть только через человека, благодаря направленности его сознания на эти объекты. Возможно, что само бытие через живое сознание определяет гору как гору. Summa summarum в среде объектов, только живое имеет возможность мыслить и таким образом вступать в отношение с вещами. «Коль скоро я мыслю, я необходимым образом отношусь к тому, о чем я мыслю», – писал Кьеркегор (Кьеркегор, 2011: 659). Для горы-объекта прочие объекты безразличны абсолютно; гора – непосредственная часть чистого бытия; горе вовсе безразлична и другая гора, и животное, и человек. Но для человека гора суть то, чему можно скомандовать перейти. Определенным образом подобное положение вещей затрагивает и вечную проблему добра и зла. В объектной онтологии не существует ни добра, ни зла. Этическая составляющая чистого бытия нейтральна. «Мир нейтрален», – отмечал А. Моруа. – «Он не дружественен и не враждебен человеку» (Моруа, 1983: 295-296). В безразличии одного объекта к другому объекту, в безразличии сборки чистого бытия не существует понятия морали, потому что существует только процесс разворачивания. Не существует зла, существуют только процессы и взаимодействия. Есть абсолютная нейтральность всего. В результате зла не существует вовсе. То, что люди называют злом, подразумевая некую не зависящую от них объективность, суть разворачивание бытия самого по себе. Разворачивание процесса, где человек лишь объект среди объектов. Но в мире, конструируемом человеком в качестве своего и в качестве некой защитной оболочки от чистого бытия, зло есть отсутствие добра (концепция privation boni Августина, опирающаяся на Первую Эннеаду Плотина). А вот добро суть деяние человека, оно аналогично злу не существует в чистом бытии, но существует как человеческий (животный) акт: «Добро есть, потому что я этого желаю, иначе его нет вовсе» (Кьеркегор, 2011: 659). Именно живое привносит в бытие элемент этики.

Проблема всей объектно-ориентированной онтологии, ее так называемой новизны, во-первых, в том, что новизны нет (Гегель об этом писал, для Хайдеггера сие было банальностью, а Делез и Гваттари разработали и исчерпали проблематику, максимально возможно вскрыв механизмы взаимодействий), во-вторых, ООО рассуждает об объектах, их автономности, взаимодействии и необходимости признания их (что должно улучшить экологию жизни, по Беннетт (Беннетт, 2018)), но не объясняет, что дальше, не дает истинно нового знания, не говорит о сущем. Как писал Хайдеггер: «Бытие никогда не объяснимо через сущее, но для любого сущего всегда уже “трансцендентально”» (Хайдеггер, 2015: 208). Вся попытка приверженцев ООО быть максимально материальными и реалистами проваливается в этом указании Хайдеггера на трансцедентальный характер бытия как такового, чтобы мы с этим ни пытались сделать.

Тезис Гуссерля, что не следует сводить феномены к их материальным подоплекам работает здесь же. Объекты – еще не культура (на чем ошибочно настаивают объектно-ориентированные спекулятивные реалисты). Только встроенность объекта в языковую среду, в символическое пространство, учитывающее даже неучтенное (фактически именно так работают эйдосы Платона) – мы узнаем гору, как только ее видим, даже если до этого не знали о ее существовании (конкретно этой горы, но знали о существовании гор вообще), – только эта встроенность позволяет объекту *существовать как нечто*. Вне языковой среды, вне организуемой ею процедуры мышления само бытие оказывается *ничто*. Феномен существует как нечто сверхматериальное: изначальная объектность (доисторичность) нефти расходится с тем, как нефть используется человеком в качестве продукта культуры.

В результате и складывается культура: из предъявления объектов бытия человеку и из возможности человека познать эти объекты. И в этом самопознании человек, будучи субъектом, самого себя исследует как объект, сам себе дан как объект, но и бытие исследует в качестве объекта, будучи сам объектом бытия, но и субъектом бытия как форма разума бытия. Но любой объект бытия *предъявляет* себя миру и включается в мир. Привилегия человека – сделать из мира (и для мира) внятный эстетический нарратив, преодолев абсурдизм (но избежав фашизма).

Брайант, кажется, напрасно обвиняет Лакана, Жижека и других философов, не касающихся вопросов бытия как такового, в «гегемонистском заблуждении» (Брайант, 2019: 133), подразумевая под этим отношения доминирования теорий языка среди концепций о Вселенной: что сущие подчиняются означающему языка как гегемону. Но дело в том, что знание *объектной* составляющей бытия очень мало нам может сказать о культуре и о нас. Во всяком случае много меньше, чем теории языка. Мы взаимодействуем с объектами бытия как объекты бытия посредством интуиции и посредством языка. И язык встроен в бытие. Он предусмотрен. Он – *дом бытия* (Хайдеггер). Объекты для человека всегда существуют как *те* объекты, только через включенность в нарратив. Собственно, ни Гегель (в чем упрекает его Брайант), ни Хайдеггер (бытие суть объекты, сложнее (Хайдеггер, 2015: 203)), ни Жижек, ни Лакан не отрицали исходной *фактичности* мира, но лишь указывали на то, что человек в состоянии работать с Реальным бытия через его лингвистическую символизацию. Человек взаимодействует с объектами и с самим собой через посредство языка. Можно сказать, что человек с момента своего становления как *существа говорящего* теряет доступ к непосредственной фактичности бытия. Отсюда Вселенная как продукт риторики (Лакан) – это лингвистический синтаксис культуры. Проблема объектно-ориентированных онтологов в том, что, как бы они не пытались разграничить манифестации и актуализации (Брайант, 2019: 135), вне человека они остаются вещами-в-себе, а с присутствием человека превращаются в *те* объекты, которые поименованы и включены в культуру – зарегистрированы в Символическом. В конечном счете, когда Брайант рассуждает о том, как объекты участвуют в манифестации или актуализации себя, он сам означивает *нечто* (тоже означивание) как объекты и приписывает последним определенные качества (возможность себя актуализировать), а значит включает их в *человеческое.* Рассуждения же о том, как объекты взаимодействуют между собой – вид философской фантастики, от которой воздерживаются и Гегель, и Витгенштейн.

Впрочем, объектно-ориентированные философы, кажется, это прекрасно понимают, поэтому от по-настоящему онтологических рассуждений о бытии переходят на уровень околонаучных теорий о взаимоотношениях систем (Брайант, 2019: 145-150), в результате оказываясь либо в области биологии/химии, либо социологии. Проблема здесь в том, что в таком случае речь

не об онтологии: любая попытка мыслить бытие локально выводит нас из поля метафизики. Тезис, что «*мира* не существует» (Брайант, 2019: 149), элементарно опровергается глагольным кодом бытия. И совершенно непонятно, как независимость и автономность объектов и образуемых ими систем друг от друга (объектов от объектов, объектов от систем, систем от объектов, систем от систем) подрывает представления о целостности Вселенной и бытия (Брайант, 2019: 154), если учесть одинаковость базовых элементов, исходность базового кода бытия, исходность точки взрыва пространства-времени, а также невозможность существования систем без объектов, сложного без простого, прилагательного без существительного.

В объектно-ориентированной теории есть еще одно слабое место: радикальное стремление объективировать человека в ряду других объектов и систем, отрицая уникальную силу его разума. Подобный подход располагается в границах вульгарного понимания Лакана, который, по мнению многих, перечеркивает своего субъекта, отрицая за человеком право быть чем-то, кроме желания Другого. Однако интерпретация Лакана Жижеком иная. Жижек отмечает, что Лакан – настоящий наследник Просвещения и на самом деле возвращает человеку власть над собой (Жижек, 1999: 15). Объектно-ориентированные философы, однако, стремятся растворить человека в его биологической сущности. Так Брайант указывает, что как личинки муравьев наследуют через негенетические факторы свои будущие роли в муравейнике (рабочего, солдата и т. д., через следы феромонов, оставшиеся от других муравьев), так и люди наследуют культуру, инфраструктуру и практики (Брайант, 2019: 205). Такой подход абсолютно не учитывает тот факт, что человек не наследует культурные и социальные паттерны роботизированно, но волен самостоятельно выбирать их, а также самостоятельно учреждать себя. Что человек есть *воля к жизни.* Что человек есть проект. Что определение человека суть *мыслящий разум* (Гегель, 2019: 127). Что человек проделывает творческие операции относительно самого себя (кто он) и того, как ему жить, чем заниматься, и через это определение создает культуру во всей ее сложности и многогранности. Муравьи создают систему, создают одну модель культуры, их бытие моновариантно. Бытие человека всегда поле множественных возможностей. Человек всегда на перекрестке, он никогда полностью не следует по приложенным маршрутам. Пример с муравьями может работать в ограниченном поле *взаимодействия* человека-объекта с состоящей из объектов средой: например, человек выросший в границах одного города, исподволь усваивает правила движения в нем, своевременно усваивает происходящие изменения; но это относится к *телесности, объективности* человека, его роли индивида, тогда как роль субъекта всегда *над* паттернами.

Исходя из биологического, социологического, механизированного взгляда и современное искусство перестает быть формой взаимодействия с бытием, лишается эстетического измерения, становится неспособным говорить с человеком о нем и о мире, превращаясь в простое пересечение объектов, в сборку места и маркетинга. Разрушается мост между земным миром и трансцендентным.

Последователи ООО, думается, абсолютно правы, когда говорят об *объектности* универсума и о том, что объекты полностью не даны себе, как бы *изъяты* – ничего нового, вполне кантовский тезис. В рамках этого рассуждения верным кажется и тезис о том, что и сам человек, и остальные объекты не даны себе для полного познания: «Ни одна сущность не является полностью репрезентованной для самой себя. Наоборот, любая сущность необходимо содержит в себе слепые пятна, то есть является непрозрачной для самой себя. Изъятость – это сама структура сущностей» (Брайант, 2019: 272). Таким же образом и само бытие изъято для самого себя, не дано

себе и оказывается, по Лакану, истерическим, постоянно задающимся вопросам о том, что оно есть, что оно есть для Другого/для Живого. В этом тезисе (как и в теории дискурсивного производства субъекта у Фуко, в теории интерпелляции Альтюссера) не учитывается только тот факт, что человек помимо объектности собственного тела, помимо кости (Гегель), есть дух, есть мысль, и, как таковой, в области духа способен полностью овладеть своими основаниями и более того – учредить себя наново в соответствии с теми представлениями о себе, какие он создаст. Человек как мысль и сущность (бытие предшествует сущности у Сартра) способен властвовать над собой и быть тем, чем и кем хочет, с учетом имеющихся объективных ограничений. Иными словами, объектность человека как тела расходится с чистой субъективностью человека как духа. И если как тело человек всего лишь часть разрозненности и разнообразия саморазворачивающегося бытия, чьи функции неясны (и мы на самом деле не знаем того, как бытие взаимодействует с камнями и котами, и взаимодействует ли), а природа неподконтрольна и содержит «слепые пятна», то как субъект он принадлежит себе и является творческим партнером бытия. Бытия, остающегося *неданным*.

Выводы

Итак, если говорить о чистом бытии как таковом, то мы просто не в состоянии помыслить его целостно, мы элементарно не в состоянии узнать его как феномен, но нам необходимо учитывать, что бытие есть: оно условие нашего собственного существования, и подсознательно мы всегда улавливаем свою причастность к чему-то большему, чем мы сами. Наш мистический опыт говорит нам о большем. Наш опыт наблюдений за миром говорит нам о большем. Наше взаимодействие друг с другом, с животными могут говорить о том, что бытие как нечто исходное может относиться к общему информационному полю, благодаря манифестации которого и возникает из ноуменального феноменальное, то есть данное друг другу, в том числе и человеку, а потому в некоторой степени познаваемое. Благодаря этому образуется *плоская онтология* объектов, благодаря этому образуются полифокальность площадки, акторно-сетевая зависимость, объекты получают то, что Харман называет *доступом к бытию:* мы можем мыслить не бытие как таковое, а только как то, что *Оно* есть для нас. Мы можем мыслить бытие только в отношении Я-Оно, но не в отношении Оно-Оно. Как Оно, как часть Оно, мы не даны сами себе. Наивные попытки спекулятивных реалистов выделить реальность *как она есть* и сосредоточиться на ней, упираются в максимум возможного: признание фактичности и доисторичности реальности, и не в состоянии сказать нам большего. Их борьба с антропоцентризмом (Брайант, 2019: 38) легко нивелируется (внутри их же собственной теории) признанием равенства объектов бытия внутри этого бытия и как частей этого бытия. В данном ключе проблема заключается только в том, что *мы* имеем возможность мыслить бытие только исходя из антропоцентризма, так как мы люди и у нас особые способы мышления, но *в границах плоской онтологии* бытие по-своему мыслят коты, собаки и комары (ученые говорят нам сегодня, что и у них есть некоторая толика интеллекта); тот факт, что мы не можем мыслить бытие исходя из *котоцентризма,* не означает, что такового нет: коты, безусловно, думают о мире, исходя из собственного его понимания. И этот диалог котов и бытия по-своему необходим и важен бытию, в не меньшей степени, чем диалог с человеком. На самом деле мы не знаем, о чем речь между котами и бытием. И никогда не узнаем, потому как нам не дан ни внутренний мир котов, ни доступ к бытию как таковому. Но тот факт, что коты включены в общую сеть бытия, как и остальные живые объекты, как и неживые объекты, как и сам человек – этот факт мы необходимо должны признать.

Спекулятивные реалисты пытаются вести разговор о бытии, но слабость их позиции выдает то, что весь их разговор постоянно вращается вокруг необходимости

такого разговора, вокруг признания *вещности* объектов и вокруг критики корреляционизма. Это происходит потому, что на самом деле адепты спекулятивного реализма и объектно-ориентированной онтологии ничего нового не говорят нам, ничего нового, в добавление к тому, что уже было сказано. И потому, что единственная операция, которую возможно проделать относительно чистого бытия, это операция Гегеля: просто вывести *чистое бытие за рамки разговора, априорно признав факт его бытия*. Потому что бытие есть условие старта диалога для познания себя между ним самим и его объектами, пользующимися значительной степенью автономии и даже субъективностью внутри самих себя. *Чистое бытие выведено за рамки познания объектами чистого бытия, чтобы не ограничивать их свободу быть субъектами собственного индивидуального бытия.* Это условие позволяет и чистому бытию, и бытию его объектов обрести *экзистенцию.*

Литература

Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Беннетт, Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / пер. с англ. А. Саркисьянца. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.

Бергсон, А. Творческая эволюция / пер. с франц. В. Флеровой. М.: Академический проект, 2015. 320 с.

Борисов, С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123-126.

Брайант, Л.Р. Демократия объектов / пер. с англ. О.С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.

Бубер, М. Два образа веры / пер. с нем. под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. М.: Республика, 1995. 464 с.

Буррио, Н. Реляционная эстетика. Постпродукция / пер. с франц. А. Шестаков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

Вермюлен, Т., Аккер, Р. ван ден. Заметки о метамодернизме / перевод: А. Есипенко // Метамодерн – Журнал о метамодернизме [Электронный ресурс] URL: http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/ (дата обращения: 23.07.2022).

Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Logisch-Philosophische Abhandlung / Tractatus Logico-Philosophicus. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.

Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / пер. с нем. Б. Столпнера. М.: Изд-во АСТ, 2019. 960 с.

Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4: Система наук. Ч. 1. Феноменология духа М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1959. 488 с.

Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 695 с.

Гидденс, Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 352 с.

Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 752 с.

Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.

Делез, Ж., Гваттари, Ф Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Доброхотов, А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 248 с.

Ершов, Ю. Г. Современность как проблема // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131-136.

Жижек, С. Возвышенный Объект Идеологии / пер. с англ. В. Софронов. М.: Художественный журнал, 1999. 136 с.

Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело, 2014. 528 с.

Жижек, С., Руда, Ф., Хамза, А. Читать Маркса / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 176 с.

Кьеркегор, С. Или — или: фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Изд-во Рус. христианской гуманитарной академии и др. 2011. 823 с.

Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. Полонской, И. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Липовецки, Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с франц. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 331 с.

Липовецки, Ж. Империя эфемерного: мода и ее судьба в современном обществе / пер. с франц. Ю. Розенберг; под ред. А. Маркова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.

Мейясу, К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Моруа, А. Надежды и воспоминания. М.: Прогресс, 1983. 392 с.

Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с франц. А.Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5-14.

Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5-11.

Пелипенко, А.А. Манифест неомодерна. URL: https://rufabula.com/articles/2016/08/26/neomodern-manifesto (дата обращения: 20.12.2020).

Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с франц. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

Тульчинский, Г.Л. Современность и субъективность // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116-122.

Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2015. 460 с.

Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.

Харман, Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.

Чоран, Э.М. После конца истории: Философская эссеистика / пер. Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной. СПб.: Симпозиум, 2002. 544 с.

Чупров, А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать» // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129-131.

Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / пер. с итал. А. Шурбелева. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. 352 с.

Barad, K. Agentieller Realismus: Über die Bedeutung materiell-diskursiver Praktiken. Berlin: Suhrkamp. 2012. 122 S.

Brassier, R., Grant, I. H., Hatman, G., Meillassoux, Q. Speculative Realism // Collapse III: Unknown Deleuze. Falmouth: Urbanomic, 2007, 306-449.

Hutcheon, L. The Politics of Postmodernism. New York; London: Routledge, 2002. X, 222 p.

Kemp, S. Critical Realism and the Limits of Philosophy // European Journal of Social Theory. 2005. Vol. 8. No. 2. Pp. 71-191.

Kirby, A. The death of postmodernism and beyond // Philosophy now: A magazine of ideas. 2006. No. 58. Pp. 34-37.

References

Augé, M. (2017), *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiju gipermoderna* [Non-places. Introduction to an anthropology of survodernity (Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la survodernité)], Transl. by Konnov, A. Yu., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Badiou, A. (2013), *Filosofija i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiju Alena Bad'ju* [Philosophy and the Event, interviews with Fabien Tarby, (La Philosophie et l'Événement, entretiens avec Fabien Tarby)], Transl. by Kralechkin, D., Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, Russia (in Russ.).

Badiou, A. *Sub'ekt iskusstva*, [Art subject], Transl. by Klyushnikov, B. [Online], available at: https://syg.ma/@winzavod/alien-badiu-subiekt-iskusstva (Accessed 15 September 2022) (in Russ.).

Barad, K. (2012), *Agentieller Realismus: Über die Bedeutung materiell-diskursiver Praktiken* [Agential Realism: On the Significance of Material-Discursive Practices], Suhrkamp, Berlin, Germany (in German).

Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremennost*, [Liquid modernity], Transl. by Komarov, S. A., Piter, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Bek, U. (2000), *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. On the way to another modernity], Transl. by Sedelnik, V. and Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bennett, J. (2018), *Pul'sirujushhaja materija: Politicheskaja ekologija veshhej*, Vibrant matter: A political ecology of things], Transl. by Sarkisyants, A., HylePress, Perm, Russia (in Russ.).

Bergson, A. (2015), *Tvorcheskaja evoljutsija* [Creative Evolution (Évolution creative)], Transl. from French by Flerova, V., Akademicheskij proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Borisov, S. V. (2013), "What it means to be modern (in the context of the article by A. V. Pavlov 'Notes on modernity and subjectivity')", *SOCIUM and POWER*, 3, 123-126 (in Russ.).

Bourriaud, N. (2016) *Relyatsionnaya estetika. Postproduktsiya*, [Relational aesthetics. Postproduction (Esthétique relationnelle. Postproduction)], Transl. from French by Shestakov, A., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Brassier, R., Grant, I. H., Hatman, G. and Meillassoux, Q. (2007), "Speculative Realism", *Collapse III: Unknown Deleuze*, Urbanomic, Falmouth, UK.

Brayant, L. R. (2019), *Demokratiya ob'ektov* [The democracy of objects], Transl. by Myshkin, O. S., HylePress, Perm, Russia (in Russ.).

Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith], Transl. from German in Gurevich, P. S., Levit, S. Ya., Lezov, S. V. (eds.), Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Butler, J. (2018), *Zametki k performativnoj teorii sobranija* [Notes Toward a Performative Theory of Assemby], Transl. by Kralechkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Chuprov, A. S. (2013), "The modernity of the postmodernist, or 'Nowhere to run'", *SOCIUM and POWER*, 2, 129-131 (in Russ.).

Cioran, E. M. (2002), *Posle kontsa istorii: Filosofskaya esseistika*, [After the End of History: A Philosophical Essays], Transl. from French by Dubin, B. et al., Simpozium, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Delanda, M. (2018), *Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assamblyazhey i sotsialnaya slozhnost* [A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity], Transl. from English by Mayorova, K. S., HylePress, Perm, Russia (in Russ.).

Deleuze, G. & Guattari, F. (2010), *Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija*, [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], Transl. from French by Svirsky, Ya. I., U-Factoria, Yekaterinburg, Astrel, Moscow, Russia (in Russ.).

Dobrohotov, A. L. (1986), *Kategoriya bytiya v klassicheskoy zapadnoevropeyskoy filosofii* [The category of being in classical Western European philosophy], Publishing House of Moscow University, Moscow, Russia (in Russ.).

Eco, U. (2017), *Iskusstvo i krasota v srednevekovoy estetike*, [Art and beauty in the medieval aesthetics (Arte e bellezza nell' ectetica medievale)], Transl. from Italian by Shurbelev, A., AST: CORPUS, Moscow, Russia (in Russ.).

Ershov, Yu. G. (2013), "Modernity as a problem", *SOCIUM and POWER*, 5, 131-136 (in Russ.).

Giddens, A. (2011), *Posledstviya sovremennosti* [The consequences of modernity], Transl. by Olkhovikov, G. K. and Kibalchich, D. A., Praksis, Moscow, Russia (in Russ.).

Harman, G. (2021), *Ob'ektno-orientirovannaja ontologija: novaja «teorija vsego»* [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything], Transl. from English by Fetisov, M., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Harman, G. (2020), *Spekulyativniy realizm: vvedenie* [Speculative Realism: An Introduction], Transl. from English by Pisarev, A. A., RIPOL klassik, Moscow, Russia (in Russ.).

Hegel, G. W. F. (1975), *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 2. Filosofiya prirody* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 2. Philosophy of nature. Philosophy of nature], in Sitkovskiy, Ye. P. (ed.), Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Hegel, G. W. F. (1959), *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit], Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Hegel, G. W. F. (2019), *Nauka logiki* [The science of logic], Transl. from the German by Stolpner, B., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Heidegger, M. (2015), *Bytie i vremja* [Being and Time (Sein und Zeit)], Transl. from German by Bibikhin, V. V., Akademicheskiy proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Husserl, E. (2000), *Logicheskie issledovanija. Kartezianskie razmyshlenija. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofija. Filosofija kak strogaja nauka* [Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science], Kharvest, Minsk, AST, Moscow, (in Russ.).

Hutcheon, L. (2002), *The Politics of Postmodernism*, Routledge, New York, London.

Kemp, S. (2005), "Critical Realism and the Limits of Philosophy", *European Journal of Social Theory*, 8, 2, 71-191.

Kierkegaard, S. (2011), *Ili — ili: fragment iz zhizn*, [Either – or: a fragment from life], Transl. from Danish by Isaeva, N. and Isaev, S., Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academia, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Kirby, A. (2006), "The death of postmodernism and beyond", *Philosophy now: A magazine of ideas*, 58, 34-37.

Latour, B. (2014), *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*, [Reassembling the social], Transl. from English by Polonskaya, I., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Lipovetsky, G. (2001), *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme*, [The age of emptiness: Essays on contemporary individualism], Transl. from French by Kuznetsov, V. V., Vladimir Dal, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Lipovetsky, G. (2012), *Imperiya efemernogo: moda i yeye sud'ba v sovremennom obshchestve* [The Empire of the Ephemeral: Fashion and Its Destiny in Modern Society], Transl. from French by Rozenberg, Yu., in Markov, A. (ed.), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Maurois, A. (1983), *Nadezhdy i vospominaniya*, [Hopes and Memories], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Meillassoux, Q. (2015), *Posle konechnosti: esse o neobhodimosti kontingentnosti*, [After finitude. Essay on the necessity of contingency (Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence)], Transl. from French by Medvedeva, L., Kabinetniy ucheniy, Ekaterinburg; Moscow, Russia (in Russ.).

Moraru, C. (2001), *Rewriting: Postmodern Narrative and Cultural Critique in the Age of Cloning*, SUNY Press, Albany, US.

Pavlov, A. V. (2013), "Notes on modernity and subjectivity. Criteria of modernity", *SOCIUM and POWER*, 1, 5-14 (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2012), "Notes on modernity and subjectivity. Modernity and plasticity", *SOCIUM and POWER*, 6, 5-11 (in Russ.).

Pelipenko, A. A. (2016), *Manifest neomoderna*, [Neomodern Manifesto] [Online], available at: https://rufabula.com/articles/2016/08/26/neomodern-manifesto (Accessed: 20.12.2020) (in Russ.).

Pellizzoni, L. (2015), *Ontological Politics in a Disposable World: The New Mastery of Nature*, Ashgate, Farnham, UK.

Sartre, J.-P. (2000), *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothing: An Experience of a Phenomenological Ontology], Transl. from French by Kolyadko, V. I., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Tulchinsky, G. L. (2013), "Modernity and subjectivity", *SOCIUM and POWER*, 3, 116-122 (in Russ.).

Vermeulen, T., Akker van den R. "Notes on metamodernism", *Metamodern – Journal of Metamodernism*, Transl. by Esipenko, A. [Online], available at: http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/ (Accessed: 23.07.2022) (in Russ.).

Wan, P. Y. Z. (2011), *Reframing the Social: Emergentist Systemism and Social Theory*, Ashgate, Farnham, UK.

Wittgenstein, L. (2017), *Logiko-filosofskiy traktat/Logisch-Philosophische Abhandlung/Tractatus logico-philosophicus*, Kanon+ROOI«Reabilitatsiya», Moscow, Russia (in Russ.).

Žižek, S. (2014), *Shchekotliviy sub'ekt: otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii*, Transl. from English by Shchukina, S., Delo, Moscow, Russia (in Russ.).

Žižek, S. (1999), *Vozvyshennyj Ob'ekt Ideologii*, Transl. by Sofronov, V., Hudozhestvenniy zhurnal, Moscow, Russia (in Russ.).

Žižek, S., Ruda, F., Hamza, A. (2019), *Chitat' Marksa* [Reading Marx], Transl. by Kralechkin, D., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Мальцев Ярослав Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, 625003, Россия; *maltsevyaroslav@gmail.com*

ABOUT THE AUTHOR:

Yaroslav V. Maltsev, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of History and World Politics, Tyumen State University, 6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russian Federation; *maltsevyaroslav@gmail.com*

УДК 141.2 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-2**

Колесников С. А.

Мосты над грозами… Аспекты духовно-культурологической методики С. С. Аверинцева

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основании трудов С.С. Аверинцева рассматриваются аспекты духовно-культурологической методики, составляющей фундамент мировоззрения исследователя. В качестве ключевых принципов методики Аверинцева предлагается рассматривать следующие положения. Прежде всего, это гармоничная гносеология, соединяющая словесно-фонетическое и созерцательное познание, преображающееся в симфонический диалог, который, в свою очередь, преодолевает рамки схематичной коммуникации, определяя позицию Аверинцева как духовно значимый поступок. Для методики Аверинцева характерна филигранная способность преображения смысловых контрапунктов в единую целостность, а также пристальное внимание к тем «стыкам» культуры, которые обеспечивают связанность и крепость культурного мира. Для охвата всей панорамы методики Аверинцева используется метафора «моста между культурами», позволяющая увидеть особенности построения Аверинцевым связующих звеньев между культурными мирами. Духовно-религиозная возвышенность выступает определяющим моментом в формировании разворачивающихся горизонтов, способных преодолеть потоки невежества. Цементирующим составом для культурологических построений Аверинцева выступает духовно-религиозная память в ее опоре на опыт церковного понимания исторического времени. Аверинцев в процессе выстраивания своего методологического «моста» использует особый научный инструментарий и научный аппарат, дающий возможность поддерживать «крепость» и духовно-интеллектуальную результативность принципов познания. Результатом прохождения по «мосту между культурами» становится обретение духовного здоровья как категории познания, включающей уютность мира и открытость чудесному, обретение духовно-религиозного равновесия, обеспечивающего результативность выводов Аверинцева. В контексте преображенного познания Аверинцевым формируется представление об особом восприятии вещественности, а также презентация текста как воплощенной чудесности.

Ключевые слова: Сергей Сергеевич Аверинцев; православие; христианство и культура; духовно-интеллектуальная методика

Для цитирования: Колесников С.А. Мосты над грозами… Аспекты духовно-культурологической методики С. С. Аверинцева // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 21-40. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-2

S. A. Kolesnikov

Bridges over thunderstorms... Aspects of the spiritual and cultural methodology of S. S. Averintsev

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *skolesnikov2015@yandex.ru*

Abstract. Based on the writings of S. S. Averintsev, the article examines some aspects of the spiritual and cultural methodology that form the basis of the researcher's worldview. The following provisions are proposed to be considered as the key principles of Averintsev's methodology. First of all, it is a harmonious epistemology, combining verbal-phonetic and contemplative cognition, transforming into a symphonic dialogue, which, in turn, overcomes the framework of schematic communication, defining Averintsev's position as a spiritually significant act. Averintsev's methodology is characterized by a filigree ability to transform semantic counterpoints into a single whole, as well as close attention to those "junctions" of culture that ensure the cohesion and strength of the cultural world. To cover the entire panorama of Averintsev's methodology, the metaphor of "a bridge between cultures" is used, which allows one to see the peculiarities of Averintsev's construction of connecting links between cultural worlds. Spiritual and religious elevation acts as a defining moment in the formation of unfolding horizons capable of overcoming the flows of ignorance. The cementing composition for the cultural studies of Averintsev is the spiritual and religious memory in its reliance on the experience of the church understanding of historical time. Averintsev, in the process of building his methodological "bridge", uses a special scientific toolkit and scientific apparatus, which makes it possible to maintain the "strength" and spiritual and intellectual effectiveness of the principles of cognition. The result of crossing the "bridge between cultures" is the acquisition of spiritual health as a category of knowledge, including the comfort of the world and openness to the miraculous, the acquisition of spiritual and religious balance, ensuring the effectiveness of Averintsev's conclusions. In the context of transformed cognition, Averintsev forms an idea of a special perception of materiality, as well as a presentation of the text as an embodied miracle.

Key words: Sergei Averintsev; Orthodoxy; Christianity and culture; spiritual and intellectual methodology

For citation: Kolesnikov S. A. (2023), “Bridges over thunderstorms... Aspects of spiritual and cultural methodology of S. S. Averintsev”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 21-40, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-2

Тварные существа поставлены
на творческом Слове Божием, как на алмазном мосту,
под бездной Божественной бесконечности,
над бездной собственного своего небытия.

Филарет (Дроздов), митр. Московский

Взоры и мосты

Симфоничное звучание духовно-интеллектуального наследия С.С. Аверинцева в какофонических и диссонансных реалиях современности обретает особую тональность, которая определяема в парадигме ладового мировоззренческого гармонизма, столь редкого в сегодняшних перцептивно-рецентивно-когнитивных стратегиях, практиках и телеологиях. Уникальная способность к воскрешению духовно-интеллектуального мелоса (μελῳδ – с его развернутой стереоскопичностью смерти и воскрешения в образах яблока (μῆλον), голубя и овцы (μᾶλον) (подр. см.: (Уваров, Ясаков, 2001: 106-131)), явленная Аверинцевым и восходящая по античной линии-потоку к Аристиду Квинтилиану (Mathiesen, 1999: 524; Лосев, 1988: 397-404), а по христианскому лучу к актуализации гласа (ἦχος), к тому, «что выдохнуто живым естеством и услышано многими» («Вопросоответник Псевдо-Иоанна Дамаскина о пападическом искусстве» (Лозовая, 2006: 551), – требует формирования особого навыка погружения в пространство его многомирия, навыка построения своеобразного «GPS-трека» по территории, именованной как «архипелаг Аверинцева» (К. Сигов) (Аверинцев, 2006: 860).

Описание контуров мысли Аверинцева, ее, хотя бы схематическое, картографирование должно исходить из методологии самого Аверинцева, которую он применял в разработке собственных тем. С Аверинцевым – для его глубокого понимания – необходимо поступить по-аверинцевски, так, как он сам поступал, например, с Плутархом в своей первой книге 1973 года (Аверинцев, 1973: 17). Интеллектуально-биографический опыт Аверинцева, включающий навык соположения, σύγκρισις, разных миров и формировавшийся еще в детских впечатлениях коммунальной – буквально communitaria – квартиры, выводил к оттачиванию способности к переходу, к превосхождению между мирами.

Мелос Аверинцева, выросший из коммунальной оркестровки «всех кастрюлек сводных» (Е. Евтушенко, «Плач по коммунальной квартире») – но и из «тиши библиотек» (Б. Ахмадулина)! – предстает своеобразной матрицей построения духовно-гносеологической методологии многомирия, системообразующей моделью, выступающей как «организация составляющих данную эпохой систему тонов в их взаимодействии» (Асафьев, 1947: 196). Открытость стереосмысловым тональностям времени формировала диалогичность Аверинцева, то, что он определял как «беспочвенную запредельность», говоря о Вяч. Иванове: «У него остается и сегодня одно преимущество над изобличителями: он диалогичен, они – нет. Его *беспочвенная запредельность* включает способность отрешиться также и от собственной личины, от собственной роли. Мы вправе нелицеприятно взвешивать и отмеривать pro и contra – но не должны при этом избегать его испытующего взгляда, который нет-нет, да и встретится с нашим» (Аверинцев, 2002: 167) (курсив мой. – *А.К.*). Коммунально-коммуникационный диалог, приучивший Аверинцева к пристальному взгляду на собеседника, каким бы он ни был (в виде текста, слова, тона, оттенка…) и какими бы смыслами ни презентовал свое со-беседование, создавал уникальный «синкризис» слова и взгляда, модель неразрывного соположения проговаривания-взирания, зримослышимого слова-образа. «Многомерная, многосущностная категория» (Сукаленко, 1991: 3) диалогичности, которой вдохно-

венно оперировал Аверинцев, давала возможность синхронизировать (точнее: «σύγ-кризисновать», где кризис от κρίνω («определять, выбирать») предстает как поворотный выбор, а приставка σύγ- обозначает ситуацию пост-выбора, пост-решения) взгляд и слово, преодолеть кризисность взаимосоотнесенности взгляда и слова.

Взгляд, причем именно взгляд «за»: за пределы, за эпоху, за кризис… – обретал в системе миропонимания Аверинцева особую значимость; взгляд как диалог (в качестве примера можно привести неоднократно повторяемое высказывание Аверинцева о диалогичности взгляда митрополита Антония Сурожского (Аверинцев, 1996а: 286)) преображал понятие диалогичности: взгляд как знание, как преодоление формально-жанровых маркировок и публично-агонального схематизма диалога, взгляд как духовно-гносеологический поступок, требующий взаимной выдержки и трезвомыслия – все это определяло сущность диалогичности Аверинцева.

Тем самым, мелосно-ладовое многомирие, синкризисная перспектива, преображенная диалогичность взора – взора филологосного, взора пастырского, взора духоносного – предстают «камнями гладкими и ровными» («Пастырь» Ерма), устанавливаемыми в основание построений Аверинцева. В его духовной инженерии исчезают или сводятся к минимуму дефекты бинарного разрыва между смысловыми связями; в духовно-интеллектуальных конструкциях Аверинцева происходит преображение необратимой упругой деформации смыслов в целостность бытия.

Метод сверхбинарной целостности Аверинцева характеризуется способностью реагировать на контрапункты, снимаемые, а затем взаимосоединяемые все через тот же мелосно-синкризисный диалогизм оптики созидания. О.А. Седакова так описывает методику работы Аверинцева с, казалось бы, несопоставимыми бинарностями: «Современное мышление как будто не предполагает другого пути кроме как механический перевод всех смыслов в системы бинарных оппозиций... Качество и основательность этих противопоставлений и ставит под вопрос Аверинцев. Он с особым веселым удовольствием любит спорить с двумя “противоположными” вещами сразу, и в его полемических выпадах – направо и сразу же налево – есть особый кураж: он обычно не опровергает одного мнения с тем, чтобы тут же не воздать должного противоположному» (Седакова, 2007). Поэтически точно выбранное О.А. Седаковой настоящее время описания методики показывает темпоральную гениальность Аверинцева в преодолении механики разрушения целостности смысловых образований: он не разносит бинарности в «до» или «после» возникновения трещины, он работает с противоположностями в настоящем – вглядываясь в них «здесь и сейчас» тем самым диалогичным взором и, значит, понимая, – в самый момент образования импульса энергетики разрушения, принимая эти бинарности, преображая в соположенности их единственности, но в то же время выявляя и предъявляя их взаимосоотносимую ответственность перед созидаемой онтологией.

Духовно-инженерный подход Аверинцева выступает альтернативой диалектическому антитетизму, когда контраварийность материалов, преодоление их износа и ветхости (во всей парадигме преображения «ветхого» в «новое» (Откр. 21:1)) выражается во внимательном вглядывании в противостояние «материалов», что ведет к рождению нового «сопромата», где редукционная несовместимость претворяется в симфонию созидания и целостности. Можно определять такой подход как «холический метод» (Квитков, 2013: 11), а можно рассмотреть и динамику этого холического «материаловедения», выражающегося в «горизонтно-расширяющемся» движении: «При внимательном вглядывании в этот прием построения текста мы обнаруживаем за ним еще один принцип герменевтики Аверинцева, который можно назвать *принципом “расширяющегося горизонта”*» (Балакшина, 2019: 114). В определении

«расширяющегося горизонта» сосредоточен практически весь спектр методологии Аверинцева: динамичность, понимающая визуализация взгляда, изначально принимаемая за-предельность, открытость, «развертываемость» (Николай Кузанский: «В едином Боге свернуто все, поскольку все в Нем; и Он развертывает все, поскольку Он во всем» (Николай Кузанский, 1979: 104)) перспективам и, конечно, звуко-смысловая – те самые «оговорки» – мелодия понимания, преодолевающая бинарную разрываемость.

Однако результативность методики Аверинцева состоит еще в одном важном моменте: в своих построениях он не только способен возлетать к зениту и выходить на максимально возможный астрономический горизонт, преодолевая саму горизонтную ограниченность (ὁρίζων, ограничивающий), но и проявляет необыкновенную сосредоточенность в разглядывании-понимании тех стыков, которые соединяют разворачивающиеся в духовно-интеллектуальном окоеме миры. Аверинцев еще в самом начале своего научного пути подчеркивал важность пристального внимания к местам соединения-слияния миров, которые он определял как контуры: «Читателю предлагается сосредоточиться на самом контуре, на самих границах фигуры – иначе говоря, на том, что отграничивает феномен Плутарха-биографа от всего схожего или соседствующего» (Аверинцев, 1973: 5). Опыт *за*-предельности, столь свойственный Аверинцеву, преображается в насущный интерес к самому пределу, к контурированию и ко всему, что связано с генезисом контура. Контур как циркуляризация бытия (этимологически контур восходит к τόρνος, «циркуль, круглый резец»), как прорисовка выверенной онтологической целостности важен для Аверинцева в качестве инструментария для филигранной диагностировки реальности в ее многомерности и многосущностности. При этом острота используемого «инструмента» постоянно поверяема исследователем, тема кромки, границы, стыка неоднократно появляется в его работах. В одном месте он подчеркивал принципиальную важность стыка: «Ощутить положение греческой классики “на стыке”, “на гребне”, на двускатном хребте времен – значит ощутить ее историчность, хрупкость, неповторимость» (Аверинцев, 2004а: 191). В другом настаивал на глубоком сакральном значении фронтира: «Действительность, которая с точки зрения традиционного православного иконописания легитимно изобразима и притом достойна изображения, локализуется на некоей онтологической границе» (Аверинцев, 2005а). Граница – и даже точка разделяющей линии! – в методике Аверинцева преображается в своеобразный портал, в котором осуществляется наука (παιδεία) преображения, постигается отточенная каллиграфия прорисовки границы, где даже микро-точка разграничивающей линии преображаема в величественную многомерность преодоления невозможного, несопоставимого, несоединимого.

Для Аверинцева, в его возносящемся горизонте, фронтир разворачивающихся миров не менее важен, чем сами миры. Пристальное внимание к границе сопрягаемых миров призвано снять «напряжение границ» (Тойнби, 1991: 552), тем самым преодолевая кажущуюся несовместимость фрагментов бытия. Аверинцев воспринимает соположенность миров не в их разделенности, а скорее, как место слияния, как слои сдвига миров, сливающихся в пограничном стыке. Уникальная способность обнаруживать и фиксировать подобные стыки как раз и определяет метод Аверинцева: там, где обнаруживается точка схождения – времени, культуры, смыслов… – Аверинцев выстраивает мосты, обладающие большим запасом прочности благодаря тому самому целостно-духовному «материаловедению», которое обеспечивает контраварийность «мостостроения» Аверинцева.

Метафора моста, а точнее гносеологический принцип перехода между мирами, была весьма актуальна для Аверинцева.

При этом необходимо четко уловить нюансы предназначения мостов. Согласно Аверинцеву, мост призван не к горизонтальному перемещению, а к вертикальному возлетанию. Если межкультурный мост будет ориентирован только на горизонтальную результативность, то, скорее всего, это приведет, по словам Аверинцева, к исчезновению надобности в самом мосте: «Пока мы ставим мосты над реками невежества, они меняют свое русло, и новое поколение входит в мир вообще без иерархических априорностей» (Владимир Вениаминович Бибихин…, 2014). Если духовно-коммуникационный мост будет выстраиваться по картографии преходящего, изменчивого, следовать исключительно диктату рельефа слепых рек, которые не знают о самих себе и о том, куда их ведет (ибо что есть невежество как не отсутствие самопознающего взора: этимологическая парадигма ведания включает и «ведомость» (Шанский, 1971: 72), и знание (вѣдѣ, «я знаю»), и видение цели (вѣ́жда, «веко»), – то станет возможной ситуация бессмысленности мостов, выстраиваемых над высохшими руслами. «Мостостроение» Аверинцева основано на ином принципе: важна не длина моста, которую время и история обязательно, рано или поздно, нивелируют; ключевым предстает высота моста, который в своем световознесении позволяет превзойти турбулентность изменчиво-лукавых потоков. Высота подмостового габарита, выводящая мост к новым горизонтам, к расширяюще-разворачивающимся горизонтам, и определяет результативность коммуникационных возможностей моста: чем выше – интеллектуально, духовно, метафизически – поднимается мост, тем он более продуктивен в своем межкультурном призвании. «Мостостроение» Аверинцева призвано обрести опыт возлетания, а не только осуществить утилитарно-прагматический перевод с «этого» берега на «другой».

«Мост» Аверинцева призван не столько выполнить информационно-аналитическую функцию, сколько явить иной способ бытия, противопоставленный горизонтальной текучести невежества. При этом необходимо понимать: Аверинцев хорошо осознает силу невежества, те глобальные ресурсы, которые стоят за невежеством, способные в своей соблазняюще-увлекающей мощи обессмыслить самые протяженные и, казалось бы, незыблемые мосты. Невежество способно лишать смысла духовно-интеллектуальный проект через его опустошение, через вымывание из проекта в исторической перспективе «соли» (Мф. 16:18). Невежество, незнание – сила (изначальный смысл афоризма Ф. Бэкона как раз и разворачивается в контексте понимания знания Аверинцевым: “Ipsa scientia potestas est” – «Знание само по себе сила» (“Meditationes Sacrae” (1597)), причем у Бэкона знание предстает как качество Бога в сакральной антитезе лукавому незнанию), при этом человеческое знание не является абсолютной гарантией перед декларируемым отсутствием интереса к знанию. Незнание (надо обратить внимание на тонкую и, тем не менее, принципиальную разницу между незнанием как отсутствием знания и не-знанием как формой особого апофатического знания) – это тоже сила «сама по себе», глобальная, грубая сила, о мощи воздействия которой Аверинцев знал еще со школьных времен, сталкиваясь с реалиями невежества (см.: Бибихин, 2006: 344; Померанц, 2021). Незнание предстает не просто отсутствием знания, но как активное нежелание знать, как анти-мелос, как то самое яблоко псевдознания, незнания веры, надежды, любви, мудрости и истины, как пилатовско-ницшеанское прохождение мимо истины, что и составляет мощь незнания, способного уничтожить мосты коммуникации, не разрушая, а делая их ненужными, невостребованными, пустынными.

Аверинцев предлагает не соревноваться с незнанием в количественно-горизонтальных или цифропозитивистских уровнях-потоках, а превзойти незнание по вертикали, в траектории духовно-интеллек-

туального вознесения. Для него было важным не столько перевод-переход одних фактов культуры к другим, не столько знакомство современности с некими удаленными в исторической ретроспективе идеями, книгами, именами, сколько научение методике возлетания над привычным уровнем информированности, методике восхождения по духовно-интеллектуальной вертикали. Именно критерии панорамности и обширности, основанные на целостном мировоззрении, и определяли значимость духовно-интеллектуальных изысканий, именно «высота», а не протяженность культурологических мостов выступает для Аверинцева основным параметром эффективности знаний об иных культурах.

Для того чтобы понять сущность методики Аверинцева, необходимо выйти на сам «мост» и постараться увидеть, что же открывается с высот выстраиваемых мостов. Конечно, охватить все многообразие предлагаемых видов невозможно в ограниченном объеме текста, но хотя бы некоторые из предлагаемых Аверинцевым «пространств целостности» представляется важным презентовать.

Еще раз подчеркнем: способность Аверинцева к разворачиванию перспективы, тесно связанной с ясностью взгляда (лат. *perspicere*, «ясно видеть, смотреть сквозь»), основана на выверенной целостности, на прочности внимательно рассматриваемых «стыков» бытия, а потому и обнаружение соположенности тех или иных фрагментов мировосприятия, открывающихся с «птичьего полета» аверинцевской мысли, требует именно целостного подхода.

Так, одним из методологических принципов Аверинцева предстает соположенность времени, многомирие времен, обретающее в своей состыкованности онтологическую целостность. В этом можно увидеть созвучность методологии Аверинцева общемировым направлениям в изучении культуры, в частности, позиции родоначальника рецептивной эстетики Р.-Х. Яусса с его концепцией «имплицитного читателя» (подр. см.: (Izer, 1978; Izer, 1979)). По мнению Яусса, «адекватную картину эволюции можно наблюдать лишь в точках пересечения диахронического и синхронического анализа» [Современное зарубежное литературоведение, 1999: 12-13]. Опять те самые «точки пересечения», опять расширенное «поле зрения», те же «пробиваемость» и «прорываемость» сквозь границы – однако у Аверинцева преобладает панорамность, вознесенность, полученная из религиозного мировосприятия, а также более акцентированное внимание на целостности и синтезе рассматриваемых явлений.

Аверинцев способен увидеть с высоты своего целостного межкультурного моста, как соединяются времена, где возникает место, или места, слияния хронологических потоков. Даже терминологию прошлого Аверинцев стремится рассмотреть через призму настоящего, но таким образом, что настоящее преображается в свете привнесенного прошлого. Так, анализируя терминологию античности в «Поэтике ранневизантийской культуры», он выделяет совершенно неожиданно звучащий в контексте современного изучения эстетики (в том числе и контексте рецептивной эстетики Х.Р. Яусса) терминологический генезис (см.: (Аверинцев, 1997: 30)). Вознесенный взгляд «с моста» позволяет увидеть неизбывную онтологичность инаковости (во всей многосложности парадигма инаковости представлена, например, у митрополита Иоанна Зизиуласа (Зизиулас, 2012: 19)) через терминологию, в данном случае через ее апофатическое отсутствие. Отсутствие термина в античности с высоты взгляда Аверинцева не предстает зияющей пустотой, а приобретает качественно иные характеристики, позволяющие современности, в лице Аверинцева, открыть новые, «далеко идущие импликации», сформировать новые «таблицы истинности» культурного явления, на основе обозначенного имплицируемого воспарения.

Аверинцев, вынося – и вознося! – свой метод за пределы современности, предлагает иную позицию исследователя-созерцателя

сопрягаемых времен, где уже не работает «допущение, будто мыслители прошедшего вместо работы над своими проблемами были заняты исключительно подготовкой работы над нашими проблемами, как мы их теперь понимаем» (Аверинцев, 1997: 31). Метод восхождения на мосты между иными культурами прошлого и настоящего позволял понять «изнутри» прошедшие события, раскрыть их именно в качестве со-бытийности в глубинно-онтологическом смысле. Тогда становится возможным проживание и понимание ключевых характеристик эпохи, как, например, роли армии в Византийской империи (см. (Аверинцев, 1997: 21)). Иллюстрации результативности метода Аверинцева можно продолжать, причем данная методика работает не только в исторической ретроспективе, но и на материале, хронологически достаточно близком, явленном, например, в книге известного историка М.Е. Сергиенко: «Книга о людях, увиденная живыми, очень живыми человеческими глазами» (Аверинцев, 1988: 12), – усиленной описанием выступления М.Е. Сергиенко в блокадном Ленинграде о римских виноградниках V века (Аверинцев, 1988: 13). Это и есть ярчайший пример действенности «мостов» между культурами, которую способен явить Аверинцев: в голодающем Ленинграде звучат слова о виноградной лозе, росшей полторы тысячи лет назад, но это те слова, которые несли реальную надежду (в самом главном смысле: «Я есмь лоза, а вы ветви» (Ин. 15:5)) и вселяли реальную стойкость для современности.

Такую методику В.Л. Махлин определял как категорию «перерастания памяти прошлого в нечто большее и творчески возможное – “память будущего”» (Махлин, 2006). Здесь мы прикасаемся, и только прикоснемся, к огромной теме – соотнесенности памяти исторической и памяти религиозной, памяти церковной. М. Хальбвакс в своем исследовании «Социальные рамки памяти» отмечал, что «мистическая мысль является коллективной» (Хальбвакс, 2007: 254), что и определяет специфику религиозной памяти в ее особой исторической коллективности. Сама память Церкви научает Аверинцева видеть в истории культуры «единое тело», и память «органов» этого единого тела друг о друге как осуществление духовно-исторического соединения мостов и есть «память будущего». Сущность религиозной памяти, позволяющая историческим эпохам обретать неразрывную нить в единстве храмового действа, литургическая память живых о мертвых («memoria живых об умерших не исчерпывается каким-либо одним ее видом, а, подобно многообразию самой жизни, являет себя в разных формах» (Арнаутова, 2003: 28)) накладывали свой неизгладимый отпечаток на «мостостроительство» Аверинцева, где разрыв между верой и историческим знанием как раз и снимался опытом сакрально-церковного памятования, что давало возможность Аверинцеву формулировать свое «сыновнее отношение к прошлому» (Аверинцев, 1988: 14).

Ощущение себя сыном разных эпох и в то же время исследователем, стоящим на перекрестье исторических «ветров», помогало Аверинцеву прозревать глубинные причины тех или иных событий прошлого. Это могла быть античность с ее поликомпозиционной генетикой, как в случае турбулентности между профессионалами греческой риторики и философии, где Аверинцеву открывался весь ландшафт перипетий культурных событий. Причем постижение глубинных процессов античности не ограничивалось только теоретическим уровнем, но и выводило к пониманию праксиса сверхзадач тех или иных направлений в античной культуре (например, намерений Плутарха как практического культур-политика: «У Плутарха оставалась надежда, оставалась цель, которая казалась ему реальной жизненной задачей: возрождение эллинства в рамках режима Римской империи» (Аверинцев, 1973: 50)).

Подобный подход мог быть востребован и в аналитике отечественной культуры, где Аверинцеву открывалось понимание

того, что «русская культура реально существует в противоречивом единстве обоих полюсов, обоих противоречий, которые друг друга предполагали, друг друга подталкивали» (Аверинцев, 1988: 21), а сверхзадачи конкретных культур-творческих проектов, в частности, Вячеслава Иванова, раскрывались в свете принципа многомирия как сосредоточение разных фундаментальных направлений (Аверинцев, 1996b: 181). Опыт просвечивания «стыков» оказывался действенным при соединении с панорамно-вознесенным положением исследователя, восходящего в сыновнем почтении к прошлому по вертикали межкультурных мостов.

Но открытость междумирию оказывала влияние не только на восприятие культурно-исторических фактов прошлого и современности, но и на формирование самого научного аппарата Аверинцева. Свой путь исследователя он воспринимал именно как находящийся «между» – между миром узких профессионалов и миром поверхностного любопытства. По собственным словам Аверинцева, это путь *между* миром «профессионализма» (то есть, специализированного знания) – и миром общечеловеческой потребности «профессионально нетренированного мышления» думать на темы истории и культуры. Позиция вознесенного взгляда с «моста» открывала возможности новых типологий научного труда. Многомирие научного миропознания требовало построения своих «мостов», укрепленных на безаварийно-композитных опорах, использующих гармоничное и научно-продуктивное сочетание разных фундаментов и оснований.

Аверинцев, находясь на открытом перекрестке культур, сознательно приоткрывает дверь в свою научную лабораторию, рассказывая о собственных приемах, использующих синтез подходов. Прежде всего это сплетение рационального и внерационального гносеологических ресурсов (см.: (Аверинцев, 1996c: 339)). Ощущение себя своим, «кровно-родственным», разным «институциональным организациям научной жизни» появлялось у Аверинцева именно из опыта многомирия, из опыта перехода по высям культур.

Вместе с тем опыт дыхания горним воздухом научных вершин у Аверинцева не совпадает, в частности, с горне-гордынным утверждением Ф. Ницше: «Тот, *кто умеет дышать воздухом* моих сочинений, знает, что *это* воздух высот» («Ecce homo»). Показательно, что как раз Ницше выступал для Аверинцева примером обманчивого, лукавого использования научного инструментария: «Ницше отработал двойной, двухступенчатый и по сути своей двусмысленный прием, когда “факту”, “критике”, “научности” и прочим “обидным ясностям” на секунду предоставляются безудержные, неслыханные права, чтобы они выполнили черновую работу по сокрушению традиционной ценностной системы, а в следующую секунду у них отбираются не только эти новейшие, но и прежние права, включая право на существование» (Аверинцев, 2004a: 176). Собственно, здесь демаскированы технологии дискредитации реальности, обнаруживаемые именно с высоты междумирия: лукавая подмена ресурсов истинности, присущих факту или научности (показательным здесь является закавыченность слов, которая придает пунктуации – что весьма характерно для метода Аверинцева – особую выразительность и символическую наполненность), ведет к тотальной аннигиляции традиционных ценностей и фундаментальных оснований, заставляет реальность зависнуть над зеркальной бездной без прочных опор смысла. Дышать воздухом Ницше означает разрушение самих «легких» культуры, в то время как Аверинцев стремится к качественному преображению способа научно-культурологического «дыхания», приучающегося дышать воздухом разных времен.

Научиться дышать всей полнотой всечеловеческой культуры и есть, по Аверинцеву, духовно-терапевтическая функция его межкультурных мостов. Если эта задача не будет выполнена или будет искажена, то

«наука понимания» – в известном определении Аверинцева – окажется в ситуации хаоса и аномии. Описание пограничного состояния не только Горация (см.: (Аверинцев, 2011: 261)) предстает своеобразным предупреждением для тех, кто перешел за перила «моста» трезвéнного (1 Петр. 5:8) миропонимания, претендуя на избранничество псевдоясности, на исключительное, «сверхчеловечное» обретение «ясного неба», рефреном проходящее через «Так говорил Заратустра» (точнее «der reine Himmel», чистое небо, очищенно-опустошенное небо). Духовная – воз-духовная – «гипокситерапия» Аверинцева научает подлинной ясности, дающей возможность обнаруживать как абсурдность, казалось бы, обоснованную на цифро-позитивистской доказательности, так и выверенность гуманитарно-воскрешающей значимости веры. Научение дышать воздухом подлинных высот культуры давало возможность ощущать себя трезвомыслящим и в сфере естественных, и в сфере социальных наук, что позволяло Аверинцеву выстраивать мосты между разными парадигмами научного познания.

Стерео-мелос, диалогическая вглядываемость в стыки бытия, сверхбинарная целостность, вознесенность гносеологической перспективы, принятие и понимание соположенности эпох, родственно-кровное отношение ко времени, открытость горизонтов научного аппарата – все это определяло контуры и смысловую картографию «архипелага Аверинцева».

Но полнота его метода миропознания не может быть раскрыта без одного из важнейших параметров – духовного здоровья. В докладе «Христианство в истории европейской культуры», прочитанном в 1990 г. в Московском культурологическом лицее (топос чтения доклада знаков: лицея с таким названием уже нет), Аверинцев на вопрос о соотнесенности/противоречивости науки и веры говорил о своем опыте миропознания: «В моем опыте особенно болезненного противоречия никогда не было. Может, мне так повезло» (Аверинцев, 2005а). «Безболезненность», о которой говорит Аверинцев в своей самохарактеристике, соединяется с везением – как представляется, речь идет не столько об удаче, сколько о прикосновении к чуду – к чуду целостного духовного здоровья, явленного на мостах между мирами.

Мост и его создатель: устремленность к чуду

Глубинный смысл «мостостроения» Аверинцева раскрываем не только в прочности переходов между мирами, но и динамикой вознесенности, доступной духовно здоровому сознанию. Восхождение на мост, соединяющий культуры, становится возможным при обретении дара – именно так понимаемо аверинцевское «повезло» – духовной радости и благодарения, дара ощущения своего, личного, здоровья и родственно-здорового мира. Категория родственности бытия, представленная прежде всего в здоровье, свете, радовании и звучащая у раннехристианского историка Павла Орозия в «Historiae adversus Paganos»: «Повсюду моя родина, повсюду мой закон и моя вера» (Кроче, 1998: 123), определяет чувство вознесенности и прозрачности предстающих горизонтов. Из ощущения здорового бытия, его родственности, его милосердности – его уютности! – рождалась синкризисная интуиция чудесного, о которой столь близкий Аверинцеву по мироощущению Г.К. Честертон говорил: «Нам надо соединить уют и чудо» (Честертон, 1991: 352). Опыт соединения миров приводил Аверинцева к способности соединять уют мира и открытость чудесному. Только духовно здоровое сознание могло принимать чудо как условие-следствие восхождения по мосту междумирия, и только принятие чудесного было способно придать аверинцевскую грандиозность размаху в полете над мирами.

Определение чуда, восходящее к митрополиту Феофану Кронштадтскому (Тулякову): «Христианское чудо есть видимое, поразительное, сверхъестественное явле-

ние в физическом мире, в телесной, в духовной природе человека и в истории народа, производимое личным, живым Богом для достижения человеком религиозно-нравственного совершенствования» (Феофан Кронштадтский, 1915: 96), – вводит в атмосферу преображения вещи (мост – тоже вещь!), в атмосферу соединенности вещественности и метафизичности. Когда Ж.-Л. Нанси, практически ровесник Аверинцева со схожим интересом к пределу-стыку, определял синтетичность техники («“техника” – это со-чело-вечность не-человечества, сообщество операций, а не экзистенций. “Техника” являет собой законченную форму взаимного конституирования» (Нанси, 2007: 118)), а рассматриваемый им М. Хайдеггер в своем понимании «совместного бытия» утверждал присутствие присутствия: «Присутствие как усматривающее озабочение миром только потому может пере-, вы- и “раз-мещать”, что к его бытию-в-мире принадлежит размещение понятое как экзистенциал» (Хайдеггер, 1997: 111), – то объединяющим моментом целостности восприятия бытия выступает вещь; со-человечная, у-человеченная вещь, воплощенная либо техничностью, по Нанси, либо присутствующим τεχνη, по Хайдеггеру. Особенностью понимания вещи по Аверинцеву, принимавшему общую тональность синкризисности вещности, становится именно чудесное, в котором сквозь вещность просматривается (все та же ясность перспективы и расширенность горизонтов) вечность.

В русской религиозной философии традиция рассмотрения в вещественности отблесков чудесного, прозреваемых только с вознесенных духовностью мостов, представлена священником Павлом Флоренским (Флоренский, 1991: 93). Соучастие в активном преображении мира возможно только при духовном здоровье, которым Аверинцев промыслительно обладал во всей полноте. Активность преображения, «опрозрачивания», вещи при внесении чудесного как ресурса изменения мира выводит к проблеме освобожденности, которая выступает одним из признаков подлинной вознесенности по мостам междумирия. Есть рабство вещи и рабство вещественной технологии, но Аверинцев выступает именно за духовно-чудесное освобождение от вещественного рабства.

Само понятие рабства должно быть преображаемо в иррациональной высвеченности, приобрести вне-вещественный характер, и о таком процессе преображения рабства в ценностно-смысловую категорию Аверинцев рассуждал в работе «Образ античности в западноевропейской культуре XX в.» (Аверинцев, 2004a: 175). Преображение вещественности – в ее материальности, в ее склонности к рабству, в ее отягощенности и контрвозлетаемости – начинается с понимания необходимости преображения самой реальности, где проявляет себя вещественность. Да, Аверинцев в силу своей мудрости хорошо понимал все сложность проживания в реальности: «Реальность – это реальность, она несовершенна, мы живем в юдоли плача, в мире, где нам обещано, что мы скорбь будем иметь» (Аверинцев, 1997b), однако в рамках этой же реальности необходимо сохранять трезвомыслие и интуицию сакрально-чудесного – «но это та реальность, какая нам дана Богом, в которую мы помещены, и мы не должны придумывать никакой другой, мы не должны жить в реальности воображаемой» (там же). Преображение мира чудом не может заменить сам мир, как одна культура, переведенная через мост на берег другой культуры, не может заменить принимающую культуру. Мир может быть преображен, но не подменен иным или иными мирами. Чудесное придает этому миру его ясность, о чем говорил П.А. Флоренский в статье «Эмпирея и Эмпирия»: «Эмпирический мир делается прозрачным, и чрез прозрачность этого мира становятся видимыми пламенность и лучезарный блеск других миров» (Флоренский, 1994: 177-178), – и это освобождающая ясность, в которой реализуется не свобода к клонированию воображаемо-фантазийных миров с их искажен-

ным представлением о реальности, а свобода к истине, которая противостоит псевдореальности и выступает гарантией против технологий по клонированию псевдомиров с рабством псевдовещей.

Аверинцев воспринимал реальность в горизонтах чудесного, но при этом помнил тезис своего наставника А.Ф. Лосева, считавшего, что чудо «это – модификация смысла фактов и событий, а не сами факты и события. Это – определенный метод интерпретации исторических событий, а не изыскание каких-то новых событий как таковых» (Лосев, 1990: 556). Чудо – это не «абсолютно» новое, это качественно иное; инаковость, приобретшая онтологический статус.

Принятие чудесного как онтологической категории придавало высказываниям Аверинцева выверенность и прозорливость, его духовно-здоровое понимание и панорамное видение фактов позволяло оценивать фактологию (в том числе и фактологию вещи) в ее открытости гносеологической динамике, но в то же время предупреждая об искушениях такой динамичности (Аверинцев, 2004a: 180). Чудесность мифа пронизывает вещность факта, преображая факт и преображаясь вместе с ним.

Аверинцев убедительно иллюстрировал тезис взаимопролитости чудесного и вещественного, обращаясь и к античности (Аверинцев, 1973: 108), – и даже к реальностям ближайшей современности, открывая в самых прозаических предметах и вещах особый символизм, как это происходило, например, по воспоминаниям П.М. Нерлера: «Проходя мимо, я извиняюсь, как полагается в каждом университете, туалетов, Сергей Сергеевич вдруг произнес целую тираду о символике разных знаков, обозначающих важное заведение. “Петушки”, “нолики” – получился чистый экспромт, его взгляд упал на это – и мысль тут же откликнулась, и с пол-оборота возникла необычайно интересная “лекция”» (Аверинцев, 2011: 231). Умение видеть в приземленном явлении своебытный выход (фр. sortir), портал по ту сторону привычного и обыденного, соединяющий миры утилитарного и возвышенного, – и есть проявление навыка возлетания над мирами, присущего Аверинцеву, который подхватывал и развивал традицию преображения даже отхожих мест (как некогда Иоанн Дамаскин (о котором написал Аверинцев статью в X томе Большой советской энциклопедии (1972)), после уборки отхожих мест получивший новый импульс к прославлению Божьему), – в место, откуда открывались новые миры, в «место христианской надежды» (Рикёр, 2002: 98). Каждое место, каждая вещь способны предстать «как такое место, над которым обитает Бог, откуда Он говорит, как место примирения Иисус определен от вечности по воле Божьей и ныне поставлен в историю во времени, перед людьми» (Барт, 2016: 77), – и это один из важнейших уроков соположенности чудесного и вещественного у Аверинцева.

Характерно, что Аверинцев призывает не удаляться от вещей, а напротив, предпринимать настоятельную «попытку ближе, чем это делалось прежде, держаться вещей, каковы они есть» (Древнерусское искусство, 1975: 372). Это подтверждение потенциала духовного здоровья, способного преодолеть одномерную плоскость вещественности, выйти за пределы герметичной материальности. Чудо таится в каждой вещи, необходимо только умение видеть чудесное, полагаться на своеобразную презумпцию чудесного, и тогда «чем безоговорочнее эта презумпция, тем решительнее облегчает она критической экзегетике задачу функционально-прагматического объяснения причин самого появления темы чудес в Евангелиях» (Аверинцев, 2005b). Для Аверинцева как ученого важно обоснование чуда с использованием научного аппарата, но не столько для того, чтобы реабилитировать (отсюда эта юридически-судебная «презумпция») чудесное, сколько для преображения самого научного аппарата. И тогда, уже с использованием преображенной научной методики, в которую органично включен потенциал чудесности, ста-

новится возможным ви́дение иных смыслов, раскрывающихся в вещах. Так, одежда монахов способна предстать ангельским облачением (Аверинцев, 1997: 120); государственный трон – величественным престолом (Аверинцев, 1997: 123); обычные чернила – кровью Спасителя: «Кровь Христа – это пурпурные чернила (еще одна официальная привилегия византийских государей, не только носивших пурпур, но и писавших пурпуром), а его окровавленное тело, снизу доверху “исписанное” рубцами от бичей и ранами от гвоздей и копья, – папирусная хартия» (Аверинцев, 1997: 126).

Для Аверинцева приближение к вещам парадоксально означает возлетание, с высоты которого раскрывается подлинная сущность вещи. Это не просто метафорическая культурология, хотя метафора становится одним из важнейших элементов его научного инструментария – это пример преображающего синкризиса как научной методики, так и самой метафоры.

Аверинцев совмещает в своем миропознании одновременно и ученого, и художника, для иллюстративного доказательства обращаясь к библейскому персонажу Веселиилу – мастеру и художнику, исполненному Духом Божьим и искусством делать художественную работу (Исх. 35:30-34): «Призванностью Веселиила к освящению вещества – притом вещества особенного, драгоценного, избранного и предписанного свыше, – иначе говоря, как раз теургическим достоинством художника наиболее радикально исключается идея “творчества”» (Аверинцев, 2004b: 410). При этом надо помнить, что Веселиил еще и учитель, обретший от Бога «способность учить других» (Исх. 35:34), и тео-ло́г, обладающий навыком складывать буквы, из которых сотворены земля и небо (Талмуд, Берахот 55а). В связи с этим образ Веселиила весьма многозначен для понимания принципов «мостостроения»: в рамках все той же метафоричности Веселил – своеобразное «альтер эго» Аверинцева, но если Веселиил главным результатом своей деятельности делает реальную вещь, превращая вещество в чудо, то Аверинцев пронизывает чудом буквы, свои тексты, внешне сорганизованные с требованиями научной методологии, но внутренне пропитанные чудесным. Аверинцев делает чудом – текст: в его возлетании, в его освящении, в его открытости многомирию.

Поэт, сотворяющий текст, согласно Аверинцеву, повторяет путь библейского персонажа, но уже в рамках художественного текста, осуществляя чудо многомирия в создании текста и научения этим текстом других. Поэт – это состояние «между», это нахождение на мостах междумирия, а потому поэзия открывает чудесную возможность текста соединять миры. Тогда поэт обретает способность «складывать буквы», складывать образы, соединяющие человеческое и не-человеческое (Аверинцев, 1996b: 327); тогда поэт получает новую брану-размерность, углубляющую смысл его судьбы (Аверинцев, 1996b: 11); тогда название вынашиваемой годами монографии обретает формулировку «путь поэта между мирами», где междумирие выступает ключевым параметром поэтической результативности.

Опыт поэтического многомирия уникален, мост между мирами вспыхивает, словно молния, и готов исчезнуть в неуловимости и неготовности увидеть этот мост. Но тем ценнее опыт обнаружения художественных текстов, способных стать переходом между мирами, тем ценнее опыт Аверинцева, показывающего нам эти мосты над грозами, мосты-молнии. Текст Аверинцева обладает особой художественно-интеллектуальным воздействием, это та самая пайдейя, которую сам Аверинцев неустанно (подробнее см.: (Поцци, 2019: 72, 82)) старался вплести в контекст современной культуры. Его текст становится примером преображенной вещи, примером слова как чуда, способного соединять – и в синкризисном единстве воспитывать! – соединяемые миры.

Аверинцев, производя аналитику текста, обретает филигранную результативность в сопоставлении миров, причем даже

в тех сопоставлениях, которые кажутся невозможно парадоксальными. Он способен соединить жанры – например, эпиграмму и стихиру (Аверинцев, 1996c: 104), не утрачивая четкости фокуса в понимании особенностей каждого жанра. Аверинцев готов выйти даже за рамки жанровых различий, выводя жанровую специфику на метафизический простор, соединяя опять-таки сложносоединимое – метафизику и практичность. Мосты-тексты Аверинцева способны соединить до этого предстающие разрозненной мозаикой тексты самых разных культурно-хронологических пластов, при этом текст предлагает не только погрузиться в разные культурные реалии, но сополагает разные эмоционально-интеллектуально-духовные миры. В своем синкризисном величии текст получает особую педагогическую (восходящую к педагогическому единству Христа: «Будучи Богом, прощает Он грехи; являясь человеком, Он воспитывает его до безгрешности» (Климент Александрийский, 2018: 8) результативность преображения всего человеческого состава, откликающегося на разные акторы сопоставляемых текстов. Разножанровость превращается в симфоническую гармонию, в звучании которой и происходит восшествие читателя на мосты междумирия.

Аверинцев ведет за собой – в духовно-педагогическом текстуальном зове – читающего его сроки к ино-мирию через опыт сополагания миров, причем делает это на предельно – и запредельно! – концентрированном материале. Текст Аверинцева настолько насыщен (и это превращается даже в техническую проблему комментирования его текстов: невозможно дать усеченную цитату, каждая цитата представляет разросшееся древо смыслов), что эпохи, времена, поэты, события органически сживаются, являют единое тело мировой культуры, являют пример того, что Климент Александрийский называл «единым дыханием» (Климент Александрийский, 2003: 214). Такой текст научает особому способу христианского воз-дыхания, внося атмосферу литургии в миропонимание, преодолевая соблазн и искушения современного «мозаичного мышления». Диссонансы «только» мышления преодолеваются текстом Аверинцева в его всесоединяющем дыхании, в научении правильному дыханию как практике «собирания ума» (Св. Григорий Палама), где дыхание начинает превосходить разорванность мышления (см. Никифор Монашествующий: «Собрав ум твой, веди его тем путем, которым воздух идет к сердцу, и понудь его сойти в сердце вместе со вдыхаемым воздухом» (Сборник о молитве Иисусовой)). Именно этот опыт и предлагает Аверинцев своим текстом, обладающим открытостью к чуду и многомирию. В рамках его текста способны соединиться, как в дыхании, самые разные компоненты, которые в иных форматах трудно представить сопоставимыми. Так, Вергилий оказывается в одном воздухе с Джузеппе Унгаретти (1888–1970), поэтом и профессором современной литературы в Римском университете, а все они вместе – с Ш. Пеги, и этими тремя образами, впрессованными в три фразы (см. Аверинцев, 1996b: 26), Аверинцев создает единую атмосферу текста. Три фразы соединяют тысячелетия – и это один из приемов Аверинцева, встречающийся практически в каждой его работе (например, см. соположенность имен Клавдия Элиана (II-III вв.) и Монтеня (Аверинцев, 1996c: 111), Псевдо-Дионисия Ареопагита и Епифания Премудрого (Аверинцев, 2004b: 5), Блаженного Августина и Вяч. Иванова (Аверинцев, 2002: 58) – иллюстрации можно продолжать). Слияние в едином вдохе тысячелетнего опыта человеческой культуры – тот уникальный образ жизни, то самое «дыхание жизни» (Быт. 2:27), благодаря которому человек и обретает себя как человек. И полнота такого самоообретения становится возможной именно на межкультурных мостах, выстраиваемых Аверинцевым.

***

Амплитуда маятника духовно-культурологической методики Аверинцева завершается – вновь запускается! – в единой точке «выдоха» (см. выше Псевдо-Иоанн Дамаскин) и «вдоха» (точнее – Боговдохновения) концентрированного воздуха междумирия. Маятник Аверинцева – метафора маятника оправдана обращением самого Аверинцева к образу «маятника лирического движения», взятого у М.Л. Гаспарова, маятника, соединяющего миры и ломающего барьеры, маятника, который «колеблется между двумя состояниями, а под конец замирает в равноудаленной от них точке» (Аверинцев, 1996b: 211), тем самым достигая столь чаемого Аверинцевым равновесия в восприятии культур и времен, – проходит в своем стадиально-созерцательном движении ряд позиций: 1) мелосновзывающая, гласовая симфоничность, где глас в своей синкризисной перспективе преображается в глаз: глаз диалогического взора, взгляда как знания, как преодоления агонального схематизма, взгляд как духовно-гносеологический поступок; 2) филигранная методика сверхбинарной целостности, взаимосоединяющая контрапункты смыслов; 3) выверенная «теле-» и «фоноскопия» (через звук и голос) стыков, пределов, кромок бытия, обеспечивающая целостное, контраварийное материаловедение; 4) теория «мостостроения» между духовно-культурными мирами, где ключевым становится не длина моста, а его вознесенность, перспективы разворачивающихся горизонтов, преодолевающие лукавство изменчивых потоков невежества; 5) возникающий уникальный опыт соединения времен и культур на основе духовно-религиозной памяти, формирующейся в рамках традиции церковного миропонимания; 6) выход на особый научный инструментарий и научный аппарат, дающий возможность поддерживать «крепость» и духовно-интеллектуальную результативность принципов познания; 7) обретение и явленность духовного здоровья как категории познания, включающую уютность мира и открытость чудесному; 8) преображаемая вещественность и презентация текста как воплощенной чудесности в контекст духовной гносеологии.

Обозначенные позиции, конечно же, не исчерпывают все многообразие, все аспекты духовно-культурологической методики С.С. Аверинцева, скорее это некие ориентиры, позволяющие выстроить хотя бы приблизительные кроки, масштабирующие и картографирующие контуры «архипелага Аверинцева». И кроме того, эти аспекты позволяют сохранить духовно-гносеологическое равновесие на мостах междумирия, возносимых Аверинцевым в эмпиреи познания. Именно в таком ключе необходимо воспринимать завет Аверинцева об «императиве равновесия», когда «слово получает свободу от своего предметного смысла, однако “не забывает” о нем, подобно тому как культура в переходный момент получает свободу от своих прежних оснований, отрешается от них, но еще не теряет верности себе» (Аверинцев, 1996b: 244). Маятник Аверинцева, раскачивающийся над мостами междумирия, сохраняет свое равновесие даже в условиях прессинга массовой культуры и научает трезвению в прохождении по мостам над грозами невежества и бездуховности. С.С. Аверинцев предлагая нам, современникам, особый путь равновесно-выверенного прохождения над грозами искушений и соблазнов невежества, являет пример – не героя, не властителя дум, напротив, ему ближе опыт поражения, восходящий к «поражению Церкви» (А.В. Карташев), опыт христианской униженности: «Взятое на себя унижение – средство спастись от иного, “онтологического” унижения. “Сердце смиренное и сокрушенное Господь не уничижит”» (Аверинцев, 2004a: 86), – пример созидания в условиях, когда о созидании сложно даже вспоминать, а не то, что приступать. И вера в принципиальную возможность духовного созидания и есть фундаментальное основание духовно-культурологической методики С.С. Аверинцева.

Литература

Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы. М.: РГГУ, 2011. 311 с.

Аверинцев, С.С. «По правде говоря…» // Mesembria. В чест на Сергей Аверинцев: Българско-русский сборник. София: Славика, 1999. 482 с.

Аверинцев, С.С. «Скворешниц вольных гражданин...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. 167 с.

Аверинцев, С.С. Богословие в контексте культуры (1997) // Православный портал «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/izbrannye-stati/#0_1 (дата обращения: 25.12.2021). (b)

Аверинцев, С.С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. 366 с. // Православный портал «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/ (дата обращения 30.12.2021). (a)

Аверинцев, С.С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с. (a)

Аверинцев, С.С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973. 280 с.

Аверинцев, С.С. По ту сторону «традиционализма» и «либерализма»: О новых публикациях бесед и проповедей митрополита Антония Блума // Континент. 1996. № 1 (87). С. 286-290. (a)

Аверинцев, С.С. Попытки объясниться: Беседы о культуре. М.: Правда, 1988. 45 с.

Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 476 с. (b)

Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

Аверинцев, С.С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с. (b)

Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с. (c)

Аверинцев, С.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Связь времен: Киев: Дух и літера, 2005. 448 с. // Православный портал «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/svjaz-vremen/ (дата обращения 26.12.2021). (b)

Аверинцев, С.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. София – Логос. Словарь. Киев: Дух і литера, 2006. 912 с.

Аверинцев, С.С. Религия и культура. Нью-Йорк: Эрмитаж, Tenafly, 1981. 144 с.

Арнаутова, Ю.Е. Memoria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени: Сборник. М.: Кругь, 2003. С. 19-37.

Асафьев, Б.В. М.И. Глинка: анализ творчества. М.: Изд-во и типолитография Музгиза, 1947. 308 с.

Балакшина, Ю.В. Герменевтика С.С. Аверинцева: истоки, принципы, своеобразие // Вестник Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2019. Вып. 32. С. 110-127.

Барт, К. Послание к Римлянам. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2016. 520 с.

Бибихин, В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.

Владимир Вениаминович Бибихин – Ольга Александровна Седакова: Переписка 1992–2004 гг. Ч. 3 // Интернет-журнал «Гефтер». 10.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/archive/13476 (дата обращения 29.11.2021).

Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Наука, 1975. 447 с.

Жильсон, Э. Избранное. Т. 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 496 с.

Зизиулас, И. Общение и инаковость: Новые очерки о личности и церкви. М.: Изд-во ББИ, 2012. XII, 407 с.

Квитков, Г.Г. С.С. Аверинцев как историк культуры: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. Томск, 2013. 19 с.

Климент Александрийский. Педагог / пер. с древнегреч., вступит. ст. и коммент. А.Ю. Братухина. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2018. // Интернет-портал «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/books/download/9382-Педагог.pdf (дата обращения 29.11.2021).

Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 1248 с.

Кроче, Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

Лозовая, И.Е. Глас (В византийском и древнерусском пении) // Православная энциклопедия. Т. 11. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2006. С. 551-559 с.

Лосев, А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.

Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Т. VII. М.: Искусство, 1988. 512 с.

Махлин, В.Л. Возраст речи. Подступы к явлению Аверинцева // Вопросы литературы, 2006, № 3. С. 43-86 [Электронный ресурс]. URL: https://voplit.ru/article/vozrast-rechi-podstupy-k-yavleniyu-averintseva/ (дата обращения: 04.09.2021).

Нанси, Ж.-Л. О событии / пер. с франц. В. Фуре // Апокалипсис смысла. Сб. работ западных философов XX-XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 104-121.

Николай Кузанский. Сочинения: В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1979. 488 с.

Померанц, Г.С. След личности [Электронный ресурс]. URL: https://pomeranz-mirkina.com/wp-content/uploads/2021/06/Sled-lichnosti_PDF.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

Поцци, В. Культура как paideia. Сергей Аверинцев и Ольга Седакова: путь к современному христианскому гуманизму // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 32. С. 67-87.

Рикёр, П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.

Сборник о молитве Иисусовой // Электронная библиотека Royallib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royal-lib.com/read/sbornik/o_molitve_iisusovoy.html#47257 (дата обращения: 27.12.2021).

Седакова, О. Апология рационального. Сергей Сергеевич Аверинцев (2007) // Сайт О.А. Седаковой [Электронный ресурс]. URL: https://olgasedakova.com/Moralia/288/search (дата обращения 04.09.2021).

Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энц. справочник. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. 320 с.

Сукаленко, Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Харьков, 1991. 316 с.

Тойнби, А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Уваров, М.С., Ясаков, О.Я. Услышать и понять. Тема смерти в европейской музыке // Метафизические исследования. Вып. 15. Искусство II. СПб.: СПбГУ, 2001. 168 с.

Феофан Кронштадский (Туляков). Чудо, христианская вера в него и ее оправдание: Опыт апологетико-этического исследования. Петроград: Синодальная типография, 1915. 546 с. + 61 с.

Флоренский, П.А. О суеверии // Философские науки. 1991. № 5. С. 87-108.

Флоренский, П.А. Сочинения: В 4 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 797 с.

Хайдеггер, М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Честертон, Г.К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. 542 с.

Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Iser, W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1978. XII, 239 p.

Izer, W. Der implizite Leser: Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett. München: Fink, 1979. 420 s.

Mathiesen, T.J. Apollo's Lyre. Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages. Lincoln (Nebraska); London, 1999. 524 p.

References

Arnautova, Yu. E. (2003), "Memoria: 'total social phenomenon' and the object of research", *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*: *Sbornik* [Images of the Past and collective Identity in Europe before the Beginning of Modern Times: Collection], Krug, Moscow, Russia (in Russ.).

Asafiev, B. V. (1947), *M. I. Glinka: analiz tvorchestva* [M. I. Glinka: analysis of creativity], Publishing house and printing house of Muzgis, Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev i Mandelshtam: Stat'i i materialy (2011) [Averintsev and Mandelstam: Articles and materials], RGGU, Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1973), *Plutarkh i antichnaya biografiya. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and Antique Biography. To the question of the place of the classic of the genre in the history of the genre], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1981), *Religiya i kultura* [Religion and culture], Ermitazh, Tenafly, New York (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1988), *Popytki ob'yasnitsya: Besedy o kulture* [Attempts to explain: Conversations about culture], Pravda, Moscow, USSR (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1996a), "Beyond 'traditionalism' and 'liberalism': On new publications of conversations and sermons of Metropolitan Anthony Bloom", *Kontinent* [Continent], 1 (87), 286-290 (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1996b), *Poety* [Poets], Shkola "Yazyki russkoy kultury", Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1996c). *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy tradicii* [Rhetoric and origins of the European literary tradition], Shkola "Yazyki russkoy kultury", Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1997), *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature], Coda, Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1997b) "Theology in the context of culture", *Pravoslavny portal "Azbuka very"* [The Orthodox portal "Abc of Faith"] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/izbrannye-stati/#0_1 (Accessed 25 December 2022) (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1999), "In truth…", *Mesembria. V chest na Sergej Averincev* [Mesembria. In honor of Sergey Averintsev: Bulgarian-Russian collection], Slavika, Sofiya, Bulgaria (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2002), "*Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...": Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdu mirami* ["Skvoreshnits of the free citizen...": Vyacheslav Ivanov: the poets path between worlds], Aleteya, St. Peterburg, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2004a), *Obraz antichnosti* [The image of antiquity], Azbuka-klassika, Saint Peterburg, Russia (in Russ.).

Averincev, S. S. (2004b), *Poetika rannevizantijskoj literatury* [Poetics of early Byzantine literature], Azbuka-klassika, St. Peterburg, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2005a), "Another Rome: Selected Articles", *Pravoslavny portal "Azbuka very"* [The Orthodox portal "Abc of Faith"] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/ (Accessed 30 December 2021) (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2005b), "Collected works: In 4 vols. Vol. 3. The connection of times", *Pravoslavny portal "Azbuka very"* [The Orthodox portal "Abc of Faith"] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/svjaz-vremen/ (Accessed 26 December 2021) (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2006), *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 4. Sofiya – Logos. Slovar'* [Collected Works: In 4 vol. Vol. 4. Sophia is the Logos. Dictionary], Dukh I litera, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Balakshina, Yu. V. (2019), "Averintsev's Hermeneutics: Origins, Principles, Distinctiveness", *Vestnik Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo institute* [Bulletin of the St. Philaret Orthodox Christian Institute], 32, 110-127 (in Russ.).

Barth, K. (2016), *Poslanie k Rimlyanam* [Epistle to the Romans], Publishing House of the Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, Moscow, Russia (in Russ.).

Bibikhin, V. V. (2006), *Aleksey Fedorovich Losev. Sergej Sergeevich Averintsev* [Alexey Fedorovich Losev. Sergey Sergeyevich Averintsev], Publishing House of the Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, Moscow, Russia (in Russ.).

Chesterton, G. K. (1991), *Vechny chelovek* [The eternal man], Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Clement of Alexandria (2018), *Pedagog*, translated from ancient Greek Bratukhin, A. Yu., Oleg Abyshko Publishing House, Saint Peterburg, Russia, in: Pravoslavny portal "Azbuka very" [The Orthodox portal "Abc of Faith"] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/books/download/9382-Педагог.pdf (Accessed 29 November 2021).

Clement of Alexandria (2003), *Stromaty* [Stromata], Oleg Abyshko Publishing House, Saint Peterburg, Russia (in Russ.).

Croce, B. (1998), *Teoriya i istoriya istoriografii* [Theory and history of historiography]. Shkola "Yazyki russkoy kultury", Moscow, Russia (in Russ.).

Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi (1975) [Old Russian Art. Foreign relations], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Feofan Kronshtadskiy (Tulyakov) (1915), *Chudo, khristianskaya vera v nego i ee opravdanie. Opyt apologetiko-eticheskogo issledovaniya* [Miracle, Christian faith in him and its justification. The

experience of apologetic and ethical research], Synodal Printing House, Petrograd, Russia (in Russ.).

Florenskiy, P. A. (1991), "On superstition", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 5, 87-108 (in Russ.).

Florenskiy, P. A. (1994), *Sochineniya: V 4 t. T. 1* [Works: In 4 vol. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Gilson, E. (1999), *Izbrannoe. T. 1. Tomizm. Vvedenie v filosofiyu sv. Fomy Akvinskogo* [Favorites. Vol. 1. Thomism. An introduction to the philosophy of St. Thomas Aquinas], Universitetskaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.).

Halbwachs, M. (2007), *Sotsialnye ramki pamyati* [Social framework of memory], Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Heidegger, M. (1997), *Bytie i vremya* [Being and Time], Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Iser, W. (1978), *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore; London, UK.

Izer, W. (1979), *Der implizite Leser: Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett*, Fink, München, Germany (in Germ.).

Kvitkov, G. G. (2013), "S. S. Averintsev as a cultural historian", Abstract of Ph.D. dissertation... of historical sciences, Tomsk, Russia (in Russ.).

Losev, A. F. (1988), *Istoriya antichnoy estetiki. Poslednie veka. T. VII* [History of ancient aesthetics. The last centuries. Vol. VII], Iskusstvo, Moscow, USSR (in Russ.).

Losev, A. F. (1990), *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works], Pravda, Moscow, Russia (in Russ.).

Lozovaya, I. E. (2006), "Voice (In Byzantine and Old Russian singing)", *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 11* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 11], Publishing House of the Orthodox Encyclopedia Church Research Center, Moscow, Russia (in Russ.).

Makhlin, V. L. (2006), "Age of speech. Approaches to the Averintsev phenomenon", *Voprosy literatury*, 3, 43-86 [Online], available at: https://voplit.ru/article/vozrast-rechi-podstupy-k-yavleniyu-averintseva/ (Accessed 29 November 2022) (in Russ.).

Mathiesen, T. J. (1999), *Apollo's Lyre. Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages*, Lincoln (Nebraska), London.

Nancy, J.-L. (2007), "About the event", translated from French by Fouret, V., in: *Apokalipsis smysla* [Apocalypse of Sense], Algoritm, Moscow, Russia, 104-121 (in Russ.).

Nicholas of Cusa (1979), *Sochineniya: V 2 t. T 1* [Works: In 2 vol. Vol. 1], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Pozzi, V. (2019), "Culture as paideia. Sergei Averintsev and Olga Sedakova: the path to modern Christian humanism", *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 32, 67-87 (in Russ.).

Pomerants, G. (2021), *Sled lichnosti* [Trace of personality], [Online], available at: https://pomeranz-mirkina.com/wp-content/uploads/2021/06/Sled-lichnosti_PDF.pdf (Accessed 25 November 2022) (in Russ.).

Ricoeur, P. (2002), *Istoriya i istina* [History and Truth], Aleteya, Saint Peterburg, Russia (in Russ.).

Sbornik o molitve Iisusovoy [Collection of the Jesus Prayer], *Royallib.com* [Online], available at: https://royallib.com/read/sbornik/o_molitve_iisusovoy.html#47257 (Accessed 27 December 2021) (in Russ.).

Sedakova, O. (2007), "Apology of the rational", *Website of O.A. Sedakova* [Online], available at: https://olgasedakova.com/Moralia/288/search (Accessed 4 September 2021) (in Russ.).

Shanskiy, N. M. (1971), *Kratkiy etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Brief etymological dictionary of the Russian language], Prosveschenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoy Evropy i SShA): koncepcii, shkoly, terminy. Entsiklopedicheskiy spravochnik (1999) [Contemporary foreign literary criticism (Western Europe and the United States): concepts, schools, terms. Encyclopedic reference], Intrada – INION, Moscow, Russia (in Russ.).

Sukalenko, N. I. (1991), "Figuratively-stereotypic linguistic picture of the world as a reflection of the empirical everyday consciousness", D. Sc. Thesis, Kharkov, Ukraine, (in Russ.).

Toynbee, A. (1991), *Postizhenie istorii* [Comprehension of history], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Uvarov, M. S. and Yasakov, O. Y. (2001), "Hear and understand. The theme of death in European music", *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 15: Iskusstvo II* [Metaphysical research. Iss. 15: Art II], SPbGU, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

"Vladimir Veniaminovich Bibikhin – Olga Aleksandrovna Sedakova. Correspondence 1992–2004" (2014), *Online magazine "Gefter", 10.11.2014* [Online], available at: http://gefter.ru/archive/13476 (Accessed 29 November 2022) (in Russ).

Ziziulas, I. (2012), *Obshchenie i inakovost. Novye ocherki o lichnosti i tserkvi* [Communication and otherness. New essays on personality and church], Publishing House of the Biblical and Theological Institute, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; *skolesnikov2015@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *skolesnikov2015@yandex.ru*

УДК 111.1;124.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-3**

Гусейнов Ф. И.

Присутствие как со-бытийствование в философии Габриэля Марселя

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997, Россия;
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, 2-я Бауманская ул., д. 5, г. Москва, 105005 Россия; *metafizika@mail.ru*;

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории «присутствие» в философии французского мыслителя-экзистенциалиста Г. Марселя (1889–1973). Основными источниками для анализа стали работы Марселя «Метафизический дневник (1938–1943)» и «Присутствие и бессмертие». Показана связь «присутствия» с другими философскими категориями: «интерсубъективность», «бытие», «экзистенция», «энтелехия», «диспонибельность», «благодать», «свобода».

Ключевые слова: Габриэль Марсель; Аристотель; присутствие; бытие; обладание; интерсубъективность; благодать; энтелехия; диспонибельность; идентичность

Для цитирования: Гусейнов Ф.И. Присутствие как со-бытийствование в философии Габриэля Марселя // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 41-49. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-3

F. I. Guseynov

Presence as co-existence in the philosophy of Gabriel Marcel

Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanniy Ln, Moscow, 117997, Russia;
Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Baumanskaya St., Moscow, 105005, Russia;
metafizika@mail.ru

Abstract. The article deals with the category of "presence" in the philosophy of the French existentialist thinker G. Marcel (1889-1973). The main sources for the analysis were the works of Marcel "Metaphysical Diary (1938-1943)" and "Presence and Immortality". The connection of "presence" with other philosophical categories is shown: "intersubjectivity", "being", "entelechy", " disponibility", "grace", "freedom".

Keywords: Gabriel Marcel; Aristotle; presence; being; existence; having; intersubjectivity; grace; entelechy; disponibility; identity

For citation: Guseynov F.I. (2023), “Presence as co-existence in the philosophy of Gabriel Marcel”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 41-49, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-3

Тема любви и смерти – из разряда вечных тем художественных произведений и философских размышлений. Она стала одной из центральных и в философии французского мыслителя-экзистенциалиста Габриэля Марселя (1889–1973), оказавшись связанной с темой идентичности личности. Сердце всякого человека не может смириться со смертностью всего живого несмотря на то, что рассудок призывает к принятию этого как неизбежности. Но Г. Марсель имел и особые личные причины размышлять на эти темы: его мать умерла, когда ребенку не было и четырех лет, но он всегда чувствовал ее присутствие в своей жизни, хотя его детские воспоминания оставались смутными и расплывчатыми. Верный своему методу феноменологического анализа, под которым понималось исследование прежде всего личного опыта автора и вообще человеческого опыта, включая и опыт переживания, тончайших движений души, Марсель делает «присутствие» одной из центральных категорий своей философии.

В «Дневнике» (1938–1943) среди прочих вопросов Марсель размышляет об отцовстве, и эта тема оказывается очередным подступом к вопросу о бессмертии и смысле жизни, о бывании и бытии, сущем и должном. Человек может знать, что этот ребенок – его сын, знать о своем долге, однако дитя может не вызывать у него никакого отклика и оставаться объектом; настоящее же отцовство – это «бытие в присутствии» (Марсель, 2007а: 87). Речь идет о том, чтобы помочь сыну *стать тем, кто он есть*, сознавая собственное несовершенство, хотя и тут возможна ловушка – жажда реванша, отыгрываемая на ребенке. «Присутствие во мне тех, кто участвовал во мне самом, кто сделал меня тем, кем я есмь, и продолжает поддерживать меня в моем бытии, образует онтологический противовес смерти» (Марсель, 2007а: 112). Таким образом, «присутствие» заявлено как онтологическая категория.

Присутствие меня самого во мне, казалось бы, должно быть гораздо более прочной данностью, но это не так: чаще для себя самого, пишет Марсель, я не присутствую, а отчужден от себя, децентрирован. Эта тема, в частности, развивается философом в его публичных лекциях, в которых он отчаянно протестует против сведения человека к набору анкетных характеристик – «я сын такого-то, проживаю там-то и т. д.», - что самым активным образом развивается в бюрократизирующемся мире. Эта, по слову Марселя, «выдуманная идентичность» никак не должна и не может заменить собою идентичность подлинную. Я – не анкета, хотя все данные там могут быть правильными. О каком существовании говорит это несогласие отождествить себя с отметками в документах? Кто я на самом деле? Документ описывает меня как объект, но я для себя объектом не являюсь. Однако есть ли критерий существования, если документ его не удостоверяет? Для мыслителя исходно несомненным является существование «я»: «я существую». Эта экзистенциальная данность должна быть взята как целое. Цитируя свою собственную работу, Марсель указывает: «Говоря “я существую” <…>, я смутно подразумеваю тот факт, что я не есмь только для себя, но что я про-являю себя, и даже лучше было бы сказать - *явлен*: приставка “ex” в экзистенции исключительно важна. Я существую (j'existe), это означает: я располагаю возможностями делать себя узнаваемым, или признаваемым, другими или мною же, коль я сообщаю себе заимствованную инаковость» (Марсель, 2003: 154). Экзистенция в чистом виде, говорит Марсель, – это ребенок, вбегающий в комнату с сияющими глазами, будто восклицая: «Вот я! Какая радость!» (Там же). У взрослых это может выражаться иначе, но приведенный пример хорошо передает то, что хотел сказать философ и что не поддается строгой вербализации: понятие экзистенции неопределимо

по определению[1]. «Я существую» – значит, я являю себя: вот я! Вопрос заключается в том, чтобы стать собой, являя себя, а не свои или чужие личины и кажимости. Размышляя о смысле жизни, Марсель утверждает: надо исходить из экзистенциально несомненного – а оно имеет характер присутствия, «которое может быть прервано (можно говорить также и о свете)» (Марсель, 2007а: 136). Иными словами, пока ты присутствуешь, ты живешь.

В Дневнике философ подчеркивает, что «*присутствие интерсубъективно*, оно не может не истолковываться как выражение воли, стремящейся открыться для меня. Но это откровение предполагает, что я ему не препятствую. Короче говоря, субъект здесь рассматривается не как объект, а как очаг притяжения присутствия. Существо, учитывающее меня, – мыслимое мною как учитывающее меня – вот что составляет самый корень присутствия: однако объект, по определению, не учитывает меня, не принимает во внимание, я для него не существую» (Марсель, 2007а: 140). И в этом смысле присутствие является дарением себя самого. Присутствие – это открытость к другому, к другим, к самому себе. Но человек может закрываться как перед собой, так и в отношении другого. Тут уже намечается мысль о подлинном и неподлинном существовании: когда я являю себя тем, кто я есть, – это существование подлинное, а когда не являю или являю свои маски, себя как объект – неподлинное.

Присутствие – также необходимый статус для ценности, принятой личностью: «присутствие во мне (présence à moi-même) является необходимым условием, при отсутствии которого ценность перестает испытываться и тем самым признаваться» (Марсель, 2007а: 141). Однако бывают такие состояния абсолютной сухости души, при которой она представляет собой сплошную рану и не способна к восприятию ценности как присутствия. Также избыточное сосредоточение на себе самом (как бывает при зубной боли) элиминирует ценность, для которой необходима «объединяющая сопричастность» (Марсель, 2007а: 142). При этом Марсель отмечает, что существует одиночество великих созерцателей, сопричастных всем и всему, и ложное единение при реальном эгоцентризме.

Характерно, что верный своему методу философ постоянно подчеркивает необходимость испытать, что такое присутствие, опытным путем, только тогда это переживание становится внятным и в категориальном описании. Он сравнивает присутствие с причастием: «Для того, кто сам не причащается, причастие совершенно непонятно» (Марсель, 2007а: 194).

Сразу оговариваясь, что «моя смерть» для меня не может быть событием, философ анализирует присутствие в своей жизни умершего любимого существа. Это присутствие, в котором неясны границы внутреннего и внешнего, не имеет объектного характера – объект и вовсе не присутствует, он по определению вне меня, субъекта, и мне противостоит. Это и не призрак. Речь также не идет и об образе; в фокусе вопрошания философа – не образ как вещь (вроде фото как материального предмета), а то, что является «не телом образа, а его душой» (Марсель, 2007а: 77). То есть речь не о физической «пропитке» образа исчезнувшим телом, а о его причастности иному уровню бытия. Неслучайно люди, как правило, испытывают вежливую скуку, когда им показывают семейные альбомы, содержащие фотографии людей, с которыми они не знакомы – однако эти же фотографии исполнены жизни для тех, кто знает или знал изображенных персон. Присутствие – особый тип (или уровень) бытия, со-бытия любимого (или вообще значимого) существа

[1] Марсель утверждает это неоднократно, поэтому странно, что некоторые исследователи упорно стараются дать определение марселевской экзистенции, а также заявляют о том, что вторичная рефлексия является ключом к экзистенции, «выстраивая» ее, меж тем как никакое детское «вот я!» для своей явленности не нуждается ни в какой рефлексии, что следовало бы оговорить отдельно (Точилин, 2009).

со мной. Единственно важной проблемой Марсель считает проблему конфликта любви и смерти. «И если и есть у меня в чем-то нерушимая уверенность, – пишет философ, – так это в том, что мир, лишенный любви, неминуемо поглощается смертью, в то время как там, где любовь побеждает все то, что стремится нанести ей урон, где она выживает, там в конечном счете смерть не может не быть побежденной» (Марсель, 2007b: 207). Если отношение живого к умершему имело характер обладания, он использовался для услуг или наслаждения, то оно может быть охарактеризовано как желание, и утрата будет сходна с утратой вещи. А вот надежда лишена эгоцентричности. «Надежда означает пророческую уверенность, являющуюся ее основой и препятствующую какому-то существу сломаться (se défaire), прежде всего сломаться внутренне, но также и формально-юридически, то есть отречься от своих прав или унизить себя» (Марсель, 2007b: 208).

Гораздо ранее написания текста «Присутствия и бессмертия» Марсель в книге «Быть и иметь» (1935) развел категории бытия и обладания и далее последовательно придерживается этого разграничения. Не дать другому сломаться, поддерживать его бытие путем со-бытийствования с ним – вот достойная человека цель. Однако цель эта – не внешняя: человек обретает собственную самость, поддерживая бытие другого, высшее в нем, его экзистенцию. Всякий человек наделен экзистенцией, однако бытийствует не всякий и не всегда, ибо бытийствование реализуется посредством присутствия и творчества в самом широком смысле слова, опыте надежды и любви. В этом отношении человек может быть назван мерцающим существом: он неизбежно пребывает в мире вещей и обладания, но способен обретать бытие. Эти идеи антипрагматической трактовки человека, протеста против человека-массы, человека-функции сыграют значительную роль в дальнейшем развитии всей европейской философской мысли.

Есть в человеке нечто неизменно онтологическое, то, что один русский знакомый Марселя назвал «дитя вечности»: «это то бытие, то существо (l'être) во мне, которое не может вполне развернуться на земле, но стремится освободиться от категорий, отсылающих к Обладанию-Имению (l'Avoir), то есть от категорий желания, самолюбия и страха» (Марсель, 2007b: 209). Представляется, что Гёте писал о чем-то сходном, когда упоминал об энтелехии как «моменте вечности», наполняющем тело жизнью, – и об энтелехии, Аристотелевой категории, которую в этом контексте вспоминает Марсель, будет еще сказано ниже.

Следует отметить, что такой поворот темы – не уход с поля философии в область религии, нет, это модус традиционной философской проблемы несовпадения должного и сущего, над которой мыслители бьются веками и о которой в Дневнике Марсель сказал: «долженствующему бытию мы противопоставляем бытие как оно есть» (Марсель, 2007a: 200).

Однако все эти категории центрированы телом, а тело – двусмысленный знак обладания: обладаемое – часть меня самого, и это доказывает боль при лишении обладаемого, но в действительности обладаемое – не часть меня самого: я не перестаю быть собой, утратив обладаемое. Так же обстоит дело и с телом: я им обладаю, могу использовать – но и не могу, оно мне диктует ограничения. Поэтому «мое тело не есть то, что я имею, но *я сам есть мое тело*» (Марсель, 2007b: 210). Иными словами, я отношусь к телу и объектно, и субъектно. В каких-то отношениях оно – мой инструмент (тело как работающий механизм – в медицине, спорте, косметологии; тело – это не я), в других и одновременно тело – я сам (тело как воплощение я, как единство духа и материальной субстанции, тело как отражение ментальных и психических процессов уникального свойства, как отпечаток совершенных и несовершенных действий, желаний, страхов, надежд, любви и ненависти; экзистенциализм, телесно-ориентированная терапия).

Итак, чем более объектно отношение к умершему лицу, тем более оно сходно с потерей вещи и тем меньше умерший присутствует в жизни живых. Это может быть пояснено посредством негативного примера, говорит Марсель. Многократно на собственном опыте мы испытывали отчетливое чувство, что человек, находящийся рядом с нами, которого мы слышим, видим и можем коснуться, гораздо дальше от нас, чем любимое существо, находящееся на большом расстоянии или даже вообще ушедшее из этого мира. Наши слова как будто отлетают от такого находящегося рядом человека, как от стены, и возвращаются к нам неопознанными и в то же время уже изменившимися, уже как бы чужими. Тут отсутствует общение, хотя собеседник зряч, отлично слышит и не является душевнобольным, происходит коммуникация без общения, как между двумя механизмами, передающими и принимающими информационный сигнал. Здесь «имеется коммуникация без единения (communion), которая поэтому ирреальна» (Марсель, 2007b: 213). Такой человек в комнате вместе с нами *не присутствует*. Присутствует же значимое существо независимо от его удаленности от нас в пространстве и времени. Таким образом, пространство и время оказываются, по слову автора, «кинематографической иллюзией», а приведенный Марселем пример – образом выхода за пределы пространства и времени, которым посвящены философом многие страницы. Такой выход делает смерть невозможной.

Со ссылкой на другого автора Марсель указывает, что бывает автоцентричная любовь (любовь-владение) и гетероцентричная (жертвенная). Любовь в широком смысле слова вдвойне гетероцентрична, пишет философ: «каждый становится центром для другого» (Марсель, 2007b: 211). В нашей жизни присутствуют (в марселевском смысле слова) именно значимые для нас люди: любимые и значимые по другим основаниям. Бывает и токсичное присутствие, но эту тему Марсель не развивает. Собственно, понятно, что присутствие негативного другого вряд ли способно поддерживать мое бытие и мою самоидентификацию, это лишь отрицательный полюс, который не придает творческих сил, не способствует открытости к другому и без позитивного присутствия играет преимущественно или исключительно деструктивную роль. Аутентичное бытие как процесс раскрывается именно в позитивном присутствии другого. Представляется важным заметить тут прямые аллюзии на драму и вообще театр, столь любимые Марселем, что он считал невозможным рассматривать в отдельности его пьесы и его философские размышления. Мыслитель в своей рефлексии постоянно стремится открыть истинное Я человека за игрой масок, подлинное бытие за неподлинным – а в театре эта двойственность с побеждающей подлинностью очевидна: за видимыми ролями-масками открывается живая и настоящая реальность непосредственного со-присутствия, в чем и состоит магия театра.

Однако реально ли это присутствие ушедшего любимого, не остается ли оно только внутри субъекта – как видимость, как кажимость? В который раз перед Марселем встает вечный философский вопрос: что такое существование? Что такое реальное существование – бытие? Еще в январе 1944 г. в своей лекции о Рильке Марсель замечал, что Хайдеггер и Ясперс «явным или неявным образом отрицают всякую реальность за Jenseits, потусторонностью. Можно возразить, что и рилькеанское провозглашение верности земле, звучащее, например, в Девятой элегии, как бы имеет своей оборотной стороной отрицание потустороннего. Но здесь мы должны остерегаться категорических суждений. <…> Мне кажется само собой разумеющимся, что такая метаморфоза не может быть просто превращением органических элементов нашего существа, как утверждает материалистический пантеизм» (Марсель, 1998: 154).

Тут, говорит философ, необходимо преодолеть бинарную логику объекта и субъекта, а также научное представление

об истине. Объект существует, но никогда не присутствует. Коммуницирующий, но не вступивший в единение со мной человек остается объектом. Он вклинивается между мной и моей реальностью таким образом, что я сам становлюсь себе чужим. И наоборот: «может случиться и так, что другой, присутствие которого я ощущаю, некоторым образом обновляет меня изнутри: тогда подобное присутствие выступает открывающим, то есть оно делает меня более полно самим собой, чем я есть без него» (Марсель, 2007b: 2014). Иными словами, присутствие позитивно значимого лица делает меня больше собой, чем я есть без него. Сходным образом высказывался Марсель в лекции, посвященной Рильке, – о «приращении мира или даже о вынашивании его заново» (Марсель, 1998: 146). Люди, которые познали глубокое, в полном смысле интимное человеческое общение, хорошо понимают, о чем тут идет речь. Эти тонкие вещи известны Марселю по его личному опыту, который может быть назван экзистенциальным, однако философы, сетует он, до сих пор не обращали на него внимания.

Есть основания подчеркнуть, что не вечная природа человека как статичная данность лишь проявляется в присутствии любимого существа – от понятия «природа человека» Марсель и вовсе отказывается, – а напротив, самость по своей природе интерсубъективна, причем это процесс, движение. Вот такая разомкнутость Я, его событийствование – не со-существование! – с другими Я как Ты и есть диспонибельность – то отношение и та базовая категория философии Марселя, которые не имеют краткого перевода на русский язык, поэтому переводятся то как «фундаментальное свойство любого живого духа», то как свобода, ясность, увлеченность жизнью, вовлеченность в нее, подлинность, расцвет творческих потенций, «расположенность к ближнему», «творческий ресурс души как открытость другому», «призыв творческой верностью выбрать себя самого» (Визгин, 2004: 215).

Присутствие заключается не столько в содержании слов другого, сколько в том, что «*он сам их говорит*, поскольку он всем своим бытием поддерживает свои слова» (Марсель, 2007b: 214). Присутствие всегда имеет спонтанный характер, пишет Марсель, – в том смысле, что научить присутствию нельзя. Это «благодать (grâce), то есть <…> нечто такое, что располагается по ту сторону любых *умений*, превосходит любую технику, которой можно научить. И совершенно очевидно, что было бы полной химерой надеяться научить кого-то искусству присутствия для другого…» (Там же).

Но не-объективный характер присутствия не означает, что оно субъективно – тут речь идет об интерсубъективности как открытости. Это, говорит Марсель, следует понимать в духе «философии света», близко к Евангелию от Иоанна. Надо напомнить, что световые метафоры открывают благовествование от Иоанна:

«[1]В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

[2]Оно было в начале у Бога.

[3]Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

[4]В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

[5]И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

[6]Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.

[7]Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

[8]Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

[9]Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

[10]В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (Ин 1:1-10).

Делающие злое ненавидят свет, а творящий истину направляется к свету (Ин. 3:20-21). Иисус называет себя «свет миру», а кто последует за Ним, обретут «свет

жизни» (Ин. 8:12) и станут «сынами света» (Ин. 12:36).

Однако Марсель подчеркивает, что семантика света связана у него и с его собственными коннотациями, так, что он остается «по эту сторону Откровения», не желая вторгаться в область богословия. С полным основанием можно говорить о свете познания, но это еще не значит исследовать его источник. Можно также сказать, что «интерсубъективность – это совместное пребывание в свете» (Марсель, 2007b: 215). Однако если я испытываю в отношении человека перегруженность в его присутствии задними мыслями или он испытывает то же в отношении меня, то мы не находимся в едином поле света, и тогда мы не присутствуем друг для друга.

Оппонент, говорит Марсель, опять скажет: присутствие у вас сводится к чисто субъективному чувству, поскольку сам умерший друг уже не существует. То есть вновь и вновь возникает вопрос: что значит существовать и не существовать? В ответ воображаемому оппоненту философ указывает на метапсихические явления и говорит, что есть типы существования, несводимые к привычному повседневному соположению людей. Бессмысленно спрашивать, откуда берется мелодическая идея, извне или от меня самого, это «иллюзорная топография», пишет Марсель. То же может быть сказано и об отношениях людей. Философ повторяет: Я – не замкнутая территория. Получается, что «происходит как бы слияние между метапсихическим опытом, с одной стороны, и независимой рефлексией – с другой, которое в спекулятивном плане ставит под вопрос посткартезианскую философию, поскольку она сосредотачивается на cogito, взятом в его ограничительной форме, в то время как, напротив, лишь критика “*Я*” (moi, je) единственно в состоянии открыть нам вход в освобождающую метафизику (métaphysique libératrice)» (Марсель, 2007b: 217).

Представляется примечательным, что в этом месте Марсель ссылается на аристотелевскую категорию энтелехии, правда, не разворачивая эту мысль подробно: «Определенный ряд точно установленных фактов трудно объяснить, если отбросить гипотезу энтелехии, переживающей то, что мы зовем смертью» (Марсель, 2007b: 218).

А.Ф. Лосев дает следующее определение: «Энтелехия, от греч. entelecheia, “осуществление”, есть термин философии Аристотеля, обозначающий собою 1) переход от потенции к организованно проявленной энергии, которая сама содержит в себе свою 2) материальную субстанцию, 3) причину самой себя и 4) цель своего движения, или развития» (Лосев, 2000: 122). При этом Стагирит по-разному определяет энтелехию, что требует рассмотрения всех случаев употребления термина для прояснения его полного содержания. Энтелехия является объединением формы и материи в их действительной осуществленности – как душа в отношении к телу. Но энтелехия не есть просто энергия как противоположность потенции, хотя и близка к ней по смыслу. Движение само по себе есть незавершенная энтелехия, ибо имеет своей целью нечто вне себя, а цель энтелехии заключена в ней самой, причем эта цель отождествляется с ее причиной, а то и другое – с эйдосом. Энтелехия есть «*диалектическое единство материальной, формальной, действующей и целевой причины*» (Там же). Мышление, счастье, жизнь также имеют цель в самих себе. Но, по Лосеву легче всего представить себе аналогию энтелехии в художественном произведении, которое воплощено в некотором материале, обладает собственными формой, настроением, являясь примером незаинтересованного созерцания, т.е. имея свою цель в себе. Неологизм Аристотеля означает и то, что переводит потенцию, способность к бытию, в актуальность, в действительное существование, и то, что удерживает в бытии; и процесс перехода к бытию, и состояние реализованности, и реализующее начало. Энтелехийно сущее (реально сущее) предшествует потенциально сущему, являясь его причиной. Только живое тело есть реальное энтелехийное тело,

но одушевлено может быть только органическое тело в его единстве (см.: Бородай, 2008: 808-810).

Нечто, как могучая сила бытия, восстающего из пепла как Феникс, внутренняя форма, обладающая завершенностью и целью в себе, всякий раз способная к конкретному индивидуальному воплощению, но со всей своей уникальностью выявляющаяся только в отношениях Я – Ты – энтелехия – позволяет увидеть такое родство, где в единстве существуют сходство и различие, «жизнь до» и «бытие после», которые непереводимы друг в друга, но, однако, и неразрывны друг с другом – нераздельны и неслиянны.

Присутствие «является сверхгипотетическим, дающим несокрушимую уверенность, исходящую от дарующей любви. Присутствие выражается в таких утверждениях: “Я уверен, что для меня ты остаешься присутствующим, и эта уверенность связана с тем, что ты не прекращаешь оказывать мне свою помощь, что ты мне помогаешь, быть может, даже более непосредственно и прямо, чем ты мог это делать, когда ты был на земле. Мы вместе пребываем в свете, или, точнее, в моменты, когда я освобождаюсь от себя самого, когда я перестаю загораживать себя от света, я открываюсь навстречу ему, являющемуся и твоим светом: этим я не хочу сказать, конечно, что ты есть его, света, источник, но что это тот свет, в котором ты сам расцветаешь, тот свет, который ты отражаешь или излучаешь на меня”» (Марсель, 2007b: 218).

Марсель отмечает двусмысленность человеческого удела. Мы живем в мире вещей и так или иначе втянуты в этот мир, но мы же и превосходим его в трансцендировании. Тут имеет место соединение свободы и благодати.

Мир устроен так, что есть все основания для отчаяния, поскольку, согласно тому, что мы видим, все исчезает, – и одновременно так, что я могу противостоять этим, по слову Марселя, «псевдоочевидностям» и смерти как последней реальности.

Не вторгаясь в область религиозной веры, в метапсихическом опыте и метафизической рефлексии, говорит философ, я имею минимум гарантий – но риск и является условием существования в «его таинственной уникальности» (Там же: 220).

Марсель отмечает, что идея бессмертия превосходит идею загробной жизни – т.е. в конце концов человеку приходится идти в область веры и к Богу как источнику света и к Его любви к твари.

Философ как философ, говорит мыслитель не в первый раз, не может вторгаться в область теологии, но вторичная рефлексия – еще одна важная категория марселевской философии, обозначающая восстановление единства картины мира после расчленяющего анализа, осуществляемого в первичной рефлексии, – ведет в этом направлении: «рефлексия там, где она разворачивается во всех своих измерениях и становится рефлексией восстанавливающей (récupératrice), с неукротимой силой устремляется навстречу утверждению, которое ее превосходит, но в конечном счете и высвечивает в самой ее сути и природе» (Там же).

Присутствие невозможно доказать, как доказывают существование объекта, но о нем свидетельствуют, его признают. Присутствие опознается здесь и сейчас (что отражено в словах, например, французского, немецкого и английского языков, présence, die Präsenz и presence соответственно), и в этом смысле философия Марселя может быть названа «философией здесь и сейчас».

Источники

Марсель, Г. Метафизический дневник (1938-1943) // Марсель Габриэль. Присутствие и бессмертие. Избранные работы. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 40-204. (a)

Марсель, Г. Присутствие и бессмертие // Марсель Габриэль. Присутствие и бессмертие. Избранные работы. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 205-210. (b)

Марсель, Г. Пятая лекция. Рефлексия первой и второй ступени. Экзистенциальный

ориентир // История философии. Вып. 10. 2003. С. 143-163. [Электронный ресурс] URL: http://intelros.ru/readroom/istoriya-filosofii/i10-2003/15533-pyataya-lekciya-refleksiya-pervoy-i-vtoroy-stupeni-ekzistencialnyy-orientir.html (дата обращения: 12.08.2022).

Марсель, Г. Рильке, свидетель духовного. Лекция вторая. Предисл. и публ. Г.М. Тавризян // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 142-159.

Литература

Бородай, Т.Ю. Энтелехия // Античная философия: Энциклопедический словарь / ред. коллегия: П.П. Гайденко (предс.), М.А. Солопова (отв. ред.), С.В. Месяц, А.В. Серегин, А.А. Столяров, Ю.А. Шичалин. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 808-810.

Визгин, В.П. Примечания // Марсель Габриэль. Опыт конкретной философии / пер. с фр. В.П. Большакова, В.П. Визгина; общ. ред., послесл. примеч. В.П. Визгина. М.: Республика, 2004. С. 212-221.

Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Фолио, 2000. 884 с.

Точилин, А.А. Интерсубъективная онтология Габриэля Марселя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филос. наук: 09.00.03 история философии. М, 2009. 27 с.

Sources

Marcel, G. (2007a), “Metaphysical Diary (1938-1943)”, *Prisutstvie i bessmertie* [Presence and immortality. Selected works], Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, Moscow, Russia, 40-204 (in Russ.).

Marcel, G. (2007b), “Presence and immortality”, *Prisutstvie i bessmertie* [Presence and immortality. Selected works], Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, Moscow, Russia, 205-210 (in Russ.).

Marcel, G. (2003), “The fifth lecture. Reflection of the first and second stages. Existential reference point”, *Istoriya filosofii* [History of philosophy], 10, 143-163 [Online] URL: http://intelros.ru/readroom/istoriya-filosofii/i10-2003/15533-pyataya-lekciya-refleksiya-pervoy-i-vtoroy-stupeni-ekzistencialnyy-orientir.html (Accessed 12 August 2022) (in Russ.).

Marcel, G. (1998), “Rilke, witness of the spiritual. Lecture two”, *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1, 142-159 (in Russ.).

References

Boroday, T. Yu. (2008), “Entelechy”, *Antichnaya filosofiya: Entsyklopedicheskiy slovar* [Ancient Philosophy: An Encyclopedic Dictionary], in Gaidenko, P. P. & Solopova, M. A. (ed.), Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, 808-810 (in Russ.).

Vizgin, V. P. (2004), “Notes”, *Marcel Gabriel. Opyt konkretnoy filosofii* [Marcel Gabriel. Experience of a specific philosophy], Translated from French by Bolshakov, V. P., in Vizgin, V. P. (ed.), Respublika, Moscow, Russia, 212-221 (in Russ.).

Losev, A. F. (2000), *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel’ i pozdnyaya klassika.* [The history of ancient aesthetics. Aristotle and the Late Classics.], Folio, Moscow, Russia (in Russ.).

Tochilin, A. A. (2009), “The Intersubjective Ontology of Gabriel Marcel” Abstract of Ph.D. dissertation, history of philosophy, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Гусейнов Фарид Ибрагимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Высшая школа Социально-гуманитарных наук, Российский Экономический Университет им. Г.В. Плеханова, Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997, Россия; доцент кафедры философии, Московский Государственный Технический Университет имени Н.Э. Баумана, 2-я Бауманская ул., д. 5, г. Москва, 105005, Россия; *metafizika@mail.ru*

ORCID:0000-0002-2363-3201

ABOUT THE AUTHOR:

Farid I. Guseynov, Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyannoy Ln., Moscow, 117997, Russia; Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Baumanskaya St., Moscow, 105005, Russia; *metafizika@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-2363-3201

УДК 323.1 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-4**

Винер Б. Е.

Существуют ли нации? Альтернативный взгляд на старую проблему

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия; *wienerras@yandex.ru*

Аннотация. Автор приводит аргументы в пользу критического пересмотра использования понятия «нация» в социально-научном дискурсе, где господствует позиция, привязывающая нации к эпохе капитализма. Вместе с тем, есть и исследователи, которые приводят доказательства в пользу существования этнонаций со времени появления древнейших государств. Однако существование наций как больших социальных групп вовсе не очевидно. В настоящее время понятие нации является бесполезным для объяснения отличий этнических общностей при капитализме от таковых в предшествующие эпохи. Понятие же политической нации представляет собой не более чем синоним для обозначения совокупности граждан конкретного государства. Подход к рассматриваемому понятию с позиций критического реализма демонстрирует предпочтительность рассуждений о группах, рассматриваемых в качестве этнонаций, как об этносах. Данное понятие имеет то преимущество, что его можно операционализировать, а также описать механизм, приводящий к возможности длительного существования подобных групп как важных компонентов социальной структуры общества. Таким механизмом является характерная прежде всего для моноэтнических браков межпоколенная передача этнической идентичности.

Ключевые слова: нация; этнонация; домодерная нация; этнос

Для цитирования: Винер Б.Е. Существуют ли нации? Альтернативный взгляд на старую проблему // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 50-62. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-4

B. E. Wiener

Do Nations Exist? An Alternative Look at an Old Problem

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Affiliate of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 25/14 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia; *wienerras@yandex.ru*

Abstract. Modern social sciences rarely question the appropriateness of using the concept of a nation. However, the existence of nations, especially in the ethnic sphere, is not at all as obvious as it seems to researchers. The purpose of this article is to present arguments in favor of a critical revision of the need to use this concept in socio-scientific discourse. Russian and Western science still binds the nation to the era of capitalism. Unsuccessful attempts to define the concept of the nation have been going on since at least the 1880s. The article shows that at present the concept of a nation is useless for explaining the differences between ethnic communities under capitalism and those in previous eras. In turn, the concept of a political nation is nothing more than a synonym for denoting the

totality of citizens of a particular state. The approach to the concept from the standpoint of critical realism demonstrates the preference for reasoning about groups considered as ethnonations, as about ethnies. This concept has the advantage that it can be operationalized, and also describe the mechanism that leads to the possibility of the long-term existence of ethnies. Such a mechanism is the intergenerational transmission of ethnic identity, the core of which is ethnic self-identification.

Keywords: nation; ethnonation; premodern nation; ethnie

For citation: Wiener B. E. (2023), "Do Nations Exist? An Alternative Look at an Old Problem", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 50-62, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-4

Современные обществоведы по привычке оперируют понятием «нация», не ставя под вопрос уместность его существования. Между тем, существование наций как больших социальных групп вовсе не так очевидно, как представляется даже тем, кто многие годы занимается «нациеведением». Целью данной статьи является приведение аргументов в пользу пересмотра необходимости использования понятия «нация» в научном дискурсе. Я начинаю рассмотрение обозначенной проблемы с хорошо известных примеров отказа науки от устаревших теорий и понятий. Затем, переходя к обсуждению проблемы понятия «нация», показываю, что в современной науке существует тенденция отодвигать его все дальше в прошлое от эпохи капитализма. После этого останавливаюсь на не увенчавшихся успехом попытках предложить определение нации. Наконец, в финальной части статьи пытаюсь наметить контуры объяснения неудачи разработки данного понятия. Я отступаю от традиционного построения статьи, когда теоретическая часть предшествует изложению материалов исследования. Мне представляется, что читатель выиграет, если сначала познакомится с данными, а затем с предлагаемым подходом к их переосмыслению. Пока лишь обозначу, что предлагаю посмотреть на обсуждаемую проблему с позиций критического реализма, который считает социальные структуры онтологически реальным явлением. Нация как большая социальная группа должна была бы входить в состав таких структур. Однако, если у нас возникают сомнения в существовании наций, то хотелось бы понять, почему же так нелегко отказаться от этого понятия.

Избавление науки от устаревшего знания

В науке периодически происходит пересмотр существующих теорий и понятий. Так, в 1440 г. Лоренцо Валла написал трактат о подложности так называемого Константинова дара, якобы передававшего папе Сильвестру власть над Западной Римской империей. Со школы мы знаем об отказе от теории катастроф Кювье[1] и теории флогистона. В 1957 г. физики Янг Чжэньнин и Ли Чжэндао получили Нобелевскую премию за опровержение закона сохранения четности в квантовой механике. В начале 1960-х гг. социологам представлялось, что структурный функционализм на очень долгое время занял господствующие позиции в их дисциплине. Но вскоре эта теоретическая перспектива стала превращаться более в объект исторического интереса. То же происходит со множеством других теорий и понятий.

[1] Теория Кювье на уровне знаний своей эпохи справлялась с объяснением вымирания биологических видов, но не могла справиться с объяснением появления новых видов.

Думаю, что понятие «нация» также нуждается в серьезном пересмотре. Еще в 1957 г. историк-марксист Фань Вэньлань писал, что китайская общность в эпоху Цинь–Хань (221 г. до н. э. – 220 г. н. э.) демонстрировала важнейшие признаки нации, и что это была нация особого типа. Впоследствии между китайскими учеными развернулась дискуссия о терминологии для обозначения этнических общностей и их типологии (Древние китайцы..., 1983: 9-10).

Этнолог Евгения Кочукова изучила вопрос о наименовании типов этнической общности в современном Китае. Она приходит к выводу, что ряд современных китайских ученых вместо терминов *миньцзу* (нация) и *чжунхуа миньцзу* (китайская нация) предпочитают использовать термин *цзуцюнь* (этническая группа) (Кочукова, 2012: 165). То есть даже в официально придерживающейся марксистской ориентации китайской социальной науке многие исследователи полагают, что понятие «нация» недостаточно адекватно описывает интересующие их этнические общности.

Дискуссия о времени появления нации

Предметом непрекращающихся споров является время появления наций. В русскоязычной традиции в этом вопросе долгое время было принято ориентироваться на марксистскую теорию. В 1843 г. Маркс замечал, что «в римском пантеоне можно было найти богов всех наций» (Маркс, 1955: 424). В 1845–1846 гг. появляется высказывание о борьбе «феодально организованных наций между собой» (Маркс, Энгельс, 1955: 164). В 1860-е гг. Маркс приходит к выводу о том, что купеческий капитал может действовать «между нациями, у которых нет капиталистического способа производства» (Маркс, 1971: 26).

Такие представления совпадают с характерным для Западной Европы обыкновением называть крупные европейские государства и их население нациями. Этому следовали и социал-демократы. Карл Реннер к нации в Римской империи относит класс, господствующий над рабами-пленниками (Реннер, 1906: 28). Отто Бауэр различает нации эпохи родового коммунизма, классового общества и социалистического будущего, причем в классовом обществе культурное единство охватывает только господствующие классы нации (Бауэр, 1918: 49). Карл Каутский полагал, что до появления капитализма к нациям можно относить лишь представителей господствующих классов (Каутский, 1903: 31).

Работы австро-марксистов послужили основой для сталинской концепции нации. Обычно исследователи обсуждают в этой концепции определение нации Сталиным, упуская из виду его привязку феномена нации к капиталистической формации. Только в перестроечное время Михаил Крюков счел необходимым отметить: «Первым, кто вполне определенно высказал мысль о появлении наций лишь в эпоху капитализма, был Каутский[2]. Сталин заимствовал у него эту идею, утверждая (без ссылки на первоисточник): “Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма”». При этом Крюков указывает, что Ленин использовал термин «нация» просто как синоним для слова «народ» (Крюков, 1989: 12). Правда, задолго до Крюкова у толкователя сталинских идей для широких масс философа Михаила Каммари находим мысль о том, что в докапиталистический период наций не было, так как «не было национального рынка, экономических и культурных центров, объединяющих нацию» (Каммари, 1949: 66-67)[3].

[2] Как видно из предыдущего абзаца, с капитализмом Каутский связывал не все нации, а только современные. Отсюда следует, что он вполне допускал существование «досовременных наций» в докапиталистические эпохи.

[3] Российские авторы, писавшие о нации после Крюкова, не добавили к пониманию термина какие-либо существенные новые идеи.

Я предполагаю, что эта идея Сталина в значительной степени повлияла на взгляды западных модернистов[4]. В англоязычной науке анализ представлений о связи становления наций с капитализмом провел социолог Энтони Смит, заключивший: «К 1960-м годам модернистская парадигма и ее модель строительства нации получили всеобщее признание». При этом модернистские теории имеют изъян, поскольку «не в состоянии объяснить историческую глубину и пространственную протяженность уз, скрепляющих современные нации, потому что у них нет теории этничности и ее связи с современным национализмом» (Смит, 2004: 59, 96).

Модернистская концепция нации сегодня господствует в науке. Более того, модернистам в значительной степени удалось маргинализировать теории этничности, сводя ее понимание к этническим меньшинствам и зачастую выводя современные этнические общности в бывших колониях из административного творчества колонизаторов. Однако параллельно с укреплением этого подхода в англоязычной науке вырастало и другое понимание соотношения нации с этничностью. Видимо, правильным было бы полагать, что у его истоков находился политолог Джон Армстронг (Armstrong, 1982: 4-5). Смит из прочтения его книги делает вывод: «По Армстронгу, такая групповая идентичность как “нация”, – это всего лишь современный эквивалент досовременной этнической идентичности, существовавшей на всем протяжении писаной истории» (Смит, 2004: 306).

Согласно Смиту, вопреки представлениям модернистов современные нации могут иметь долгую предысторию в виде этнических сообществ, или ethnies. Некоторые из них могли появиться много столетий назад. Как и модернисты, Смит связывает существование наций с Новым временем, промышленным капитализмом, бюрократическим государством, массовым светским образованием (Smith, 1986).

Уже после обнародования концепции Смита появилась книга историка Адриана Хейстингса, которая подрывает модернистскую модель, поскольку относит появление общеанглийской идентичности, по крайней мере, к VIII в. В дополнение к тем переменным, которые модернисты считали важнейшими для формирования наций, как то: общий литературный язык, политическая деятельность и др., Хейстингс вводит в рассмотрение религию и приходит к выводу, что развитие национализма у христианских наций следует по ветхозаветной модели, в которой «истинной протонацией» выступал древнееврейский народ. Однако, поскольку после изгнания евреи жили в рассеянии, возникновение наций и национализма целесообразно возводить к английскому примеру, которому следовали другие нации (Hastings, 1997: 4, 186-187).

Политолог Азар Гат в плане удревнения наций пошел намного дальше. Первым национальным государством он считает древний Египет, появлению которого способствовало существование единого этноса[5], что вытекает из отсутствия сообщений древнеегипетских источников о диалектах и культурных различиях в этой стране. Другие древние нации, по мнению ученого, соотносятся с такими государственными образованиями, как Израиль, Аммон, Моав, Эдом, Элам, Мидия/Персия, возможно, Урарту и Лидия. Наличием домодерных наций, хотя и менее древних, отличаются Корея и Япония. В домодерных империях существовали нации, совпадающие с этническим ядром этих империй, из которого выходило большинство правителей и элит империи, как это было в Ассирии и Древнем Риме. Поэтому многие массовые народные восстания на самом деле были

[4] Проверка данного предположения нуждается в проведении самостоятельного исследования, не связанного прямо с темой настоящей статьи.

[5] Гат использует термин “ethnos” (во мн. ч. “ethne”), в отличие от Смита, оперирующего термином “ethnie”.

национальными войнами за независимость (Gat, 2013: 89-172).

Согласно Гату, модернисты часто считают французскую модель формирования нации типичной, а не исключением из правил. Они игнорируют работы историков, приводящих свидетельства, противоречащие модернистской концепции. В частности, модернисты объясняют ослабленное чувство единства у населения Испании, Франции, Германии, Италии в Новое время диалектной пестротой этих стран. При этом забывается, что на другой стороне континуума находятся поляки, русские, чехи, венгры, которые независимо от места жительства неплохо понимали представителей своего народа, даже несмотря на диалектные различия (Gat, 2013: 237-238). В Англии также не было слишком больших препятствий для языкового взаимопонимания жителей. Социальные различия не особенно препятствовали языковой коммуникации внутри народов, населявших страну (Gat, 2013: 238-240)[6].

Представленный в данном параграфе материал позволяет говорить о том, что, даже если признавать существование наций в качестве особой формы больших социальных групп, отнесение модернистами нижнего порога их появления к началу Нового времени не обосновано.

Попытки дать научное определение нации

Об истории употребления термина «нация» до последней трети XIX в. пишет, например, историк Алексей Миллер (Миллер, 2016: 18-39). Полагаю, что собственно научный подход к феномену нации следует начинать с доклада Эрнеста Ренана 1882 года[7]. Однако в этой работе, по-моему, есть только одна стоящая внимания представителей социальных наук мысль: члены нации представляют собой совокупность людей, которым свойственно чувство солидарности (Ренан, 1902)[8]. Впоследствии стало появляться множество определений нации или попыток назвать ее признаки.

Основоположники марксизма мало занимались исследованием национального вопроса, предпочитая сосредоточиться на социально-классовых сторонах жизни общества. Причиной такой фокусировки послужила реальная ситуация в Европе 1840–1890-х гг., когда сколько-нибудь заметное национально-освободительное движение, если не считать объединительных процессов в Германии и Италии, во многом определявшихся политикой правящих династий Пруссии и Сардинского королевства, можно было обнаружить лишь у поляков, ирландцев и венгров. Такой вывод в основном совпадает с оценкой работ Маркса и Энгельса по национальному вопросу политологом Уолкером Коннором. Он считает, что основоположники марксизма не смогли выработать последовательную концепцию наций и национального самоопределения (Connor, 1984: 19-20).

К началу XX в. стало понятно, что Австро-Венгрия нуждается в реформах, поскольку концепция двуединой монархии уже не позволяла управлять множеством

[6] По книге Гата в 2015 г. прошла дискуссия в ведущем журнале по обсуждаемой проблематике “Nations and Nationalism” (Debate..., 2015). С тех пор до настоящего времени в журнале не публиковались материалы, добавляющие что-либо по теме настоящей статьи.

[7] По крайней мере, в большинстве русскоязычных работ авторы начинают рассмотрение собственно научных концепций нации именно со статьи Ренана.

[8] Высказывание Ренана в этой же статье о том, что существование наций – это повседневный плебисцит, – не более, чем хлесткая фраза. Необходимо помнить, что статья была написана им в 1882 г., когда Франция остро переживала поражение во франко-прусской войне и разгром Парижской коммуны. Если в этом контексте коснуться политической составляющей нации, то идея плебисцита посредством расстрела коммунаров выглядит весьма своеобразно. Что касается этнической составляющей в нациях, о которой любят высказываться многие нациеведы, то применительно к ней идея повседневного плебисцита выглядит вообще бессмысленно, поскольку процесс смены этнической группой своей идентичности длится как минимум несколько поколений, а чаще несколько веков.

населявших ее народов. Философ Юрий Семенов отмечает, что Ленин различал историко-экономическую теорию нации Каутского и психологическую теорию Бауэра[9] (Семенов, 1966: 108). Сталин на основе их работ предложил собственное определение: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин, 1954: 296). С тех пор, по моему мнению, попытки дать определение нации не привели к достаточно убедительным результатам.

Рассматривая предложения конкретных исследователей, следует принимать во внимание их позицию по поводу отнесения нации к разряду политических или этнических общностей. Здесь я ограничусь лишь несколькими примерами настоящего состояния дел в этом вопросе. Гат склоняется к концепции этнической нации: «Нация означает *политическое/государственное сообщество общей симпатии, идентичности и солидарности, ассоциацию народа, обычно характеризующегося определенной культурой и родственными чувствами, с определенным государством*» (Gat, 2013: 26) (курсив мой – *В. Б.*). Политолог Эмиль Паин является сторонником Смита в том, что каждая нация содержит в себе элементы «как гражданско-территориальной, так и этнической (культурной) общности» (Паин, 2003, 128).

Социолог Крэйг Калхун, скорее, разделяет идею гражданской нации. Он предлагает обращать внимание на риторику нации, то есть на набор утверждений, используемых при описании нации, но добавляет, что полного перечня характеристик нации не существует, и признает, что «нет никакого объективного критерия для определения того, что же такое нация» (Калхун, 2006: 30-31, 198).

Остается лишь вспомнить известное изречение Вебера: «“Нация” – это понятие, которое если вообще можно определить однозначно, то, во всяком случае, не путем указания общих эмпирических качеств тех, кто к ней причисляется» (Вебер, 2017: 292). Ту же мысль обнаруживаем у британских историков Хью Сетон-Уотсона (Seton-Watson, 1977: 5; цит. по: Андерсон, 2001: 28) и Эрика Хобсбаума (Хобсбаум, 1998: 11). Наконец, Миллер пытается убедить читателей в том, что «всякий, кто пытается дать такое определение, вынужден занять политическую, то есть партийную, частную позицию. Можно сказать иначе: *это понятие потому и может играть столь значимую роль, что не поддается четкому определению, являясь “живым” и находящимся в постоянной динамике*» (Миллер, 2016: 12) (курсив мой. – *В. Б.*).

Если мы обратимся к пониманию нации у пионеров конструктивизма в нациеведении Бенедикта Андерсона, Эрика Хобсбаума и Эрнеста Геллнера, то у них нет определений в строгом смысле этого термина. У Андерсона находим: «Я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Андерсон, 2001: 30). Но под такое определение попадают и социальные классы, и общественные движения, и приверженцы каких-то модных веяний, сцепленных с политическими ориентациями, и др. Хобсбаум дает более узкое определение: «Наша первоначальная рабочая гипотеза такова: всякое достаточно крупное человеческое сообщество, члены которого воспринимают себя как “нацию”, будет рас-

[9] У Бауэра находим: «Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы», хотя следует иметь в виду, что он более нюансированно определяет особенности наций в разные исторические эпохи (Бауэр, 1918: 49, 53). Каутский в качестве основных признаков современной нации называет общность языка и наличие «капиталистического производства товаров и торговли» (Каутский, 1903: 30-31).

сматриваться в этом качестве и нами» (Хобсбаум, 1998: 17). Ну, это уже почти Ренан 1882 года!

Если исходить из того, что нация – это коллектив, определяющий себя в качестве таковой, то в один клубок оказываются сплетенными и этнонации, и нации-государства, и сообщества единоверцев, провозглашенные нациями религиозными националистами. Сюда же попадут «метанации» (арабская нация, латиноамериканская нация, европейская нация), но также и этнические меньшинства, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств провозглашены нациями (титульные народы автономных республик в Российской Федерации, отдельные индейские народы в США и др.). В этом случае само использование термина «нация» становится бессмысленным.

Позиция Геллнера имеет один нюанс, отличающий ее от определений Андерсона и Хобсбаума: «Именно национализм порождает нации, а не наоборот» (Геллнер, 1991: 126-127). Мой вывод от чтения Геллнера может показаться несколько парадоксальным: главным признаком нации является наличие собственного национализма[10].

Однако попытка выявления нации посредством изучения националистической идеологии и дискурса вряд ли будет успешной: у проживающего на одной территории населения с общими этнокультурными характеристиками могут присутствовать разные национализмы. Например, в Киеве накануне и во время революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны можем найти черносотенцев, придерживающихся общерусской и при этом имперско-монархической ориентации, украинских социал-демократов и эсеров, считавших украинцев отдельным народом и до января 1918 г. выступавших за украинскую территориальную автономию в составе демократической России, а также самостийников, изначально выступавших за независимое украинское государство.

В современном арабском мире найдем как поборников идеи большой арабской нации, включающей всех арабов Северной Африки и Передней Азии, так и сторонников концепций египетской, сирийской, марокканской и др. арабских наций в рамках соответствующих государств, а также адептов мусульманской религиозной нации. В Великобритании часть англичан, валлийцев и шотландцев относят себя соответственно к английской, валлийской и шотландской нациям, часть представителей этих же этносов идентифицируются только с британской нацией, а еще некоторые определяют себя и как британцев, и как членов соответствующих региональных общностей (Kenny, 2014: 83, Table 3.2, 90, Table 3.9). Можно подобрать еще множество примеров, которые в совокупности продемонстрируют, что идея выделять нации на основе существующих национализмов неплодотворна[11].

[10] Здесь уместно привести суждение антрополога Андреаса Виммера: «По своей сути все формы национализма разделяют одни и те же два принципа: во-первых, члены нации, понимаемые как группа равных граждан с общей историей и будущей политической судьбой, должны управлять государством, и, во-вторых, они должны делать так в интересах нации» (Wimmer, 2019).

[11] Здесь уместно вспомнить о концепции американского социолога Лии Гринфельд, которая, опираясь на веберианскую методологию, показывает, что появление национализма предшествует распространению национальной идентичности из центра общества на его периферию (Гринфельд, 2008: 22, 27). Если воспользоваться ее подходом, то можно даже допустить конструирование каких-то форм национализма, которые не будут корреспондировать ни с одной из существующих или формирующихся крупных общностей. В середине 1990-х, во время моей учебы в Университете Техаса в Остине, в штате было много шума по поводу сепаратистских групп Republic of Texas, ставивших своей целью выход Техаса из состава США. Хотя у этих групп были тысячи сторонников, они оставались маргинальным движением, не коррелирующим с этническими, религиозными или территориальными группами населения Техаса. К сожалению, мне не удалось обнаружить серьезных исследований о Republic of Texas,

То есть мы имеем дело с как будто научным понятием, которое его разработчики и пользователи не в состоянии подвергнуть операционализации уже более двухсот лет, считая от Великой французской революции, и 140 лет, если вести отсчет от доклада Ренана.

Заключение

Из предыдущего изложения следуют два вывода: 1) с древности до современности не существует принципиальных отличий в этнической самоидентификации и возможностях языкового взаимопонимания внутри этнических большинств многих достаточно крупных государств; 2) в ходе длительного использования концепции нации в науке так и не удалось операционализировать это понятие, то есть показать принципиальные отличия нации как от этнической общности, а точнее этноса/ethnie, так и от совокупности граждан государства, если предпочтение отдается неэтническому пониманию нации[12].

Попробую коротко объяснить, почему операционализация в нашем случае необходима. В методологическом плане я ориентируюсь на критический реализм, опирающийся на философию Роя Бхаскара и выступающий в качестве альтернативы (нео)позитивизму и конвенционализму/конструктивизму. Основные принципы этой теоретической перспективы изложены, например, в работах шведских авторов. Критический реализм исходит из того, что социальный мир онтологически так же реален, как мир природы, и можно познать его структуры и порождающие их механизмы с точки зрения теорий, более или менее соответствующих действительности. При выявлении социальной структуры исследуемого объекта «ключевым может быть вопрос “*что нельзя удалить, не заставив объект перестать существовать в его нынешней форме?*”» (Explaining..., 2001: 10, 25, 33, 47) (курсив мой. – *В. Б.*). Структуры обусловливают действия людей, а центральными механизмами социальных изменений являются мотивы и намерения людей (Ekström, 1992: 116).

Психологи, разрабатывающие социально-идентичностную теорию, перечисляя эмпирические признаки группы, особенно подчеркивают роль самоидентификации с ней ее членов (Turner, 1984: 518-519, 530). Такие идентификации и связанные с ними самоописания входят в социальную идентичность, понимаемую как «разделяемое/коллективное представление о том, кем является человек и как ему следует себя вести». В качестве примеров самоидентификаций приводятся «англичанин», «учитель», «христианин», «негр». К самоидентификации «англичанин» относятся описания «тепловатое пиво, пабы, неэмоциональность, дом-крепость, собаки, королевская семья» (Hogg, Abrams, 1988: 24-25). То есть в идентичностях самоидентификации являются наименее аморфными компонентами, которые в случае этнической идентичности выявить проще, чем иные ее составляющие.

Можно ожидать, что самоидентификация членов политической наций должна иметь существенные отличия от самоидентификации других граждан государства, не относящих себя к данной группе, но имеющих ту же религиозную и этническую самоидентификацию, что и первая категория граждан. Такие случаи попадают, скорее, в сферу интересов политологии и политической социологии, специалистом в которых я не являюсь. Что касается этнонации, то самоидентификция членов такого образования должна была бы иметь принципиальные отличия от членов этнических групп

но в интернете присутствует много упоминаний об этих группах.

[12] При этническом понимании нации из нее исключаются жители государства или территории, имеющие иную этническую идентичность, чем у представителей большинства населения, при религиозном понимании – иноверцы. Не совсем понятно, кто должен исключаться из числа членов политической нации – противники власти? душевнобольные? Если же все граждане являются членами одной нации, то гражданство и принадлежность к нации – просто синонимы.

другого типа (ethnic groups, народностей и т. д.). Но в чем заключается принципиальное отличие этнонациональной самоидентификации «словак» от самоидентификаций «бацбиец» или «айн» у народов, которые, кажется, еще никто не называл нациями? Отсюда можно сделать вывод, что изучение идентичностей и входящих в них самоидентификаций различных этнических общностей не позволят сделать вывод о статусе этих общностей как наций или ненаций[13].

Читатель может адресовать мне сходную критику: если невозможна операционализация наций, каковы основания для утверждения, что существуют этнические общности (в форме этносов, либо ethnies)? Отличить такие общности от групп других типов помогает то, что такая этническая самоидентификация, как правило, передается из поколения в поколение, даже в случаях тех моноэтнических семей, когда люди изменяют свои занятия, вероисповедание, сословную принадлежность, образ жизни, гражданство, страну проживания и т. д. Смена этнической идентичности в основном происходит благодаря смешанным бракам, потомки от которых принимают решение о том, с какой группой себя идентифицировать[14].

Таким образом, с позиции критического реализма главным в механизме воспроизводства этнических структур являются представления членов этнических сообществ о том, что этническая принадлежность связана с этническим происхождением людей и передается по наследству от родителей к детям[15]. А поскольку мы в состоянии выявить и операциональные признаки этносов/ethnies, и механизм, объясняющий их существование, то можем утверждать, что они являются онтологической реальностью. Изъятие из рассуждений этнической самоидентификации разрушает всю конструкцию этноса.

Что касается понятия «нация», то вышеизложенные рассуждения позволяют определить его как активно используемую в политике дискурсивную конструкцию, имеющую целью приведение (а часто и принуждение) включаемых в нацию людей к лояльности политическим лидерам или бюрократическому аппарату. Ярлык нации может прикрепляться к этническим, религиозным, территориальным и другим общностям, иногда подразумевая полное совпадение нации с этими общностями, иногда исключая из нации группы или индивидов, которые могут быть потенциально опасными для идеологии, использующей конструкцию нации в конкретных целях.

После всего сказанного остаются вопросы: почему «нациеведы» так упорно держатся за понятие «нация»? Почему не поддающееся ни четкому определению, ни какой бы то ни было операционализации понятие остается в научном обиходе? Я полагаю, что в конце XIX – начале XX в. было допущено то, что Бхаскар называет эпистемической ошибкой: «утверждения о бытии *всегда* могут быть представлены в виде утверждений о нашем знании бытия» (Bhaskar, 2008: 5) (курсив мой. – *В. Б.*). Такое знание, в свою очередь, основывается на атомистических событиях и их отношениях. Философы и обществоведы после Ренана в случае с нациями занимались не поиском механизмов объяснения их бытия или небытия, а подгонкой известных им

[13] Не случайно философ Юрий Гранин критически отзывается о социально-конструктивистском подходе к нации (в нем одной из ключевых фигур является Роджерс Брубейкер), переносящем акцент с рассмотрения социальных групп, таких как классы, нации, этносы, на процедуры категоризации человеческих коллективов, с одновременным отходом от учета независимого от субъекта объективного содержания научного и вненаучного знания (Гранин, 2015: 14-15).

[14] Этнологам известны и варианты смены этнической идентичности не через брак, например, при растянувшейся на века ассимиляции группы или отделении новой группы от прежнего этнического массива. Но детали смены самоидентификации на индивидуальном уровне в таких случаях пока мало изучены.

[15] Подкрепить этот тезис можно полевым материалом, собранным антропологом Франсиско Хиль-Уайтом в Монголии (см.: Gil-White, 2002).

фактов о народах под идею Ренана о солидарности членов нации. Впоследствии такие стереотипные представления о нации прочно вошли в научный дискурс[16]. К чему это привело, показано в статье.

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 287 с.

Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия. Петроград: Книга, 1918. 154 с.

Вебер, М. Нация // Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. Т. II. Общности / пер. с нем. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. С. 292-296.

Винер, Б.Е. Противоречия советской теория этноса: история концепции и ее перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 37-51: DOI: 10.26516/2227-2380.2022.40.37

Геллнер, Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Гранин, Ю.Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 5-16.

Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕРСЭ, 2008. 528 с.

Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. М.: Наука, 1983. 415 с.

Калхун, К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.

Каммари, М. Создание и развитие И.В. Сталиным марксистской теории нации // Вопросы истории. 1949. № 12. С. 65-88.

Каутский, К. Национальность нашего времени. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1903. 47 с.

Кочукова, Е.А. Переосмысление и изменение терминов в понятийном аппарате современной китайской этнологии // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 162-171.

Крюков, М.В. Читая Ленина // Советская этнография. 1989. № 4. С. 5-19.

Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. С. 414-429.

Маркс, К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 47. 2-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1971. С. 3-612.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. С. 7-544.

Миллер, А. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 280 с.

Паин, Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 164 с.

Ренан, Э. Что такое нация? // Э. Ренан. Собр. соч.: В 12-ти томах. Т. 6. Киев: Б.К. Фукс, 1902. С. 87-101 // Хронос. Всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 2.09.2021).

Реннер, К. Государство и нация: Исследование с государственно- правовой точки зрения возможных принципов разрешения национального вопроса: (К национальному вопросу в Австрии) / Синоптикус [псевд.]. Санкт-Петербург: Искра, 1906. 62 с.

Семенов, Ю. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 106-129.

Смит, Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004. 459 с.

[16] Еще одной из причин, способствовавших сохранению понятия «нация» в науке, является то, что в западноевропейском научном дискурсе отсутствует синоним русского слова «этнос». Встречающееся в литературе на английском и французском языках понятие “ethnie” обычно обозначает этнические общности, находящиеся на докапиталистической стадии развития. Поэтому западным авторам зачастую приходится называть модерные этнические общности нациями, что сказывается и на российских читателях западной научной литературы. С историей формирования советской теории этноса и перспективах концепции этноса можно познакомиться в моей недавней статье (см.: Винер, 2022).

Сталин, И. Марксизм и национальный вопрос // И. Сталин. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. С. 290-367.

Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.

Armstrong, J.A. Nations Before Nationalism. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1982. xxxvi, 411 p.

Bhaskar, R. A Realist Theory of Science. New York: Routledge, 2008. xxxii, 277 p.

Connor, W. The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. xvii, 614 p.

Ekström, M. Causal explanation of social action: the contribution of Max Weber and of critical realism to a generative view of causal explanation in social science // Acta Sociologica. 1992. Vol. 35. No 2. Pp. 107-122.

Explaining Society: Critical Realism in the Social Sciences / B. Danermark, M. Ekström, L. Jakobsen, J.C. Karlsson. London; New York: Routledge, 2001. x, 221 p.

Debate on Azar Gat's Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism / J. Hutchinson, C. Wickham, B. Stråth, A. Gat // Nations and Nationalism. 2015. Vol. 21. No. 3. Pp. 383-402.

Gat, A., Yakobson, A. Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013. vii, 441 p.

Gil-White, F.J. The cognition of ethnicity: native category systems under the field experimental microscope // Field Methods. 2002. Vol. 14. No. 2. Pp. 161-189.

Hastings, A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. xii, 235 p.

Hogg, M.A., Abrams, D. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London; New York: Routledge, 1988. xv, 268 p.

Kenny, M. The Politics of English Nationhood. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. xi, 293 p.

Seton-Watson, H. Nations and States. An Inquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, CO: Westview Press, 1977. xv, 563 p.

Smith, A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1986. xviii, 312 p.

Turner, J.C. Social identification and psychological group formation / H. Tajfel (ed.) // The Social Dimension: European Developments in Social Psychology. Vol. 2. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984. Pp. 518-538.

Wimmer, A. Why Nationalism Works: And Why It Isn't Going Away // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98, No. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.viet-studies.net/kinhte/WhyNationalismWorks_FA.pdf (дата обращения: 8.08.2022).

References

Anderson, B. (2001), *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Translated by Nikolaev, V. G., Kanon-Press-Ts, Moscow, Russia (in Russ.).

Armstrong, J. A. (1982), *Nations Before Nationalism*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill, NC, US.

Bauer, O. (1918), *Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya* [Social Democracy and the Nationalities Question], Translated by Semkovskiy, S., Kniga, Petrograd, RSFSR (in Russ.).

Bhaskar, R. (2008), *A Realist Theory of Science*, Routledge, New York, US.

Calhoun, K. (2006), *Natsionalizm* [Nationalism], Translated by Smirnov, A., Territoriya budushchego, Moscow, Russia (in Russ.).

Connor, W. (1984), *The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US.

Danermark, B., Ekström, M., Jakobsen, L. and Karlsson, J. C. (2001), *Explaining Society: Critical Realism in the Social Sciences*. London; New York: Routledge.

Ekström, M. (1992), "Causal explanation of social action: the contribution of Max Weber and of critical realism to a generative view of causal explanation in social science", *Acta Sociologica*, 35 (2), 107-122.

Gat, A. with Yakobson, A. (2013), *Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Gellner, E. (1991), *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Translated by Berdikova, T. V. and Tyun'kina, M. K., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Gil-White, F. J. (2002), "The cognition of ehtnicity: native category systems under the field

experimental microscope", *Field Methods*, 14 (2), 161-189.

Granin, Yu. D. (2015). "'Nation' and 'ethnos': evolution of approaches and interpretations in philosophy and science in 19–20 centuries", *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy], 7, 5-16 (in Russ.).

Greenfeld, L. (2008), *Natsionalism. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism: Five Roads to Modernity], Translated by Gringolts, T. I. and Virozub, M. P., PERSE, Moscow, Russia (in Russ.).

Hastings, A. (1997), *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Hobsbawm E. (1998), *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780], Translated by Vasilev, A. A., Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Hogg, M. A. and Abrams, D. (1988), *Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes*, Routledge, London and New York.

Hutchinson, J., Wickham, C., Stråth, B. and Gat, A. (2015), "Debate on Azar Gat's Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism", *Nations and Nationalism*, 2015, 21 (3), 383-402.

Kammari, M. (1949), "Creation and development of the Marxist theory of the nation by I. V. Stalin", *Voprosy istorii*, 12, 65-88 (in Russ.).

Kautskiy, K. (1903), *Natsionalnost nashego vremeni* [Nationality of Our Time], Translated by Lvovich, G. F, Printing House of Isidore Goldberg, St. Petersburg, The Russian Empire (in Russ.).

Kenny, M. (2014), *The Politics of English Nationhood*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Kochukova, E. A. (2012), "Rethinking and changing terms in the conceptual apparatus of modern Chinese ethnology", *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2, 162-171 (in Russ.).

Kryukov, M. V. (1989), "Reading Lenin", *Sovetskaya etnografiia* [Soviet ethnography], 4, 5-19 (in Russ.).

Kryukov, M. V., Perelomov, L. S., Sofronov, M. V. and Cheboksarov, N. N. (1983), *Drevnie kitaytsy v epokhu tsentralizovannykh imperiy* [Ancient Chinese in the Era of Centralized Empires], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Marx, K. (1955), "To the criticism of the Hegelian philosophy of law. Introduction", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya. T. 1* [Marx, K. and Engels, F. Collection of Writings. Vol. 1], Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, USSR, 414-429 (in Russ.).

Marx, K. (1971), "Economic manuscript 1861–1863", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya. T. 47* [Collection of Writings. Vol. 47], Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, USSR, 3-612 (in Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1955), "German ideology", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya. T. 3* [Collection of Writings. Vol. 3], Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 7-544 (in Russ.).

Miller, A. (2016), *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the Power of Myth], Publishing House of the European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Pain, E. A. (2003), *Mezhdu imperiey i natsiey. Modernistskiy proekt i ego traditsionalistskaya alternativa v natsionalnoy politike Rossii* [Between empire and nation. Modernist project and its traditionalist alternative in the national policy of Russia], Fond "Liberalnaya missiya", Moscow, Russia (in Russ.).

Renan, E. (1902), "What is a nation?", Sobranie sochineniy: V 12 tomakh. T. 6 [Collected Works: In 12 Volumes. Vol. 6], Ed. of transl. Mikhailov, V. N., Fuks, B. K. Kyiv, Ukraine, 87-101 [Online], available at: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (Accessed 2 September 2021) (in Russ.).

Renner, K. (1906), *Gosudarstvo i natsiya: Issledovanie s gosudarstvenno- pravovoy tochki zreniya vozmozhnykh printsipov razresheniya natsionalnogo voprosa: (K natsionalnomu voprosu v Avstrii)* [State and Nation: A Study from the State-legal Point of View of Possible Principles for Resolving the National Question: (On the National Question in Austria)], Translated by Mikhailovskiy, G. S., Iskra, St. Petersburg, The Russian Empire (in Russ.).

Semenov, Yu. (1966), "From the history of the theoretical development of the national question by V. I. Lenin", *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], 4, 106-129 (in Russ.).

Seton-Watson, H. (1977), *Nations and States. An Inquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, CO: Westview Press.

Smith, A. D. (1986), *The Ethnic Origins of Nations*. Blackwell, Oxford, UK.

Smith, A. (2004), *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism], Translayed by Smirnov, A. V., Praksis, Moscow, Russia (in Russ.).

Stalin, I. (1954), "Marxism and the national question", *Sochineniya* [Collection of Writings], Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, USSR, 290-367 (in Russ.).

Turner, J. C. (1984), "Social identification and psychological group formation", in Tajfel, H. (ed.), *The Social Dimension: European Developments in Social Psychology*. *Vol. 2*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 518-538.

Weber, M. (2017), "Nation", *Hozyaistvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchei sotsiologii. T. 2* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie. Bd. 2], Translated by Tsygankov, D. B., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia, 292-296 (in Russ.).

Wiener, B. E. (2022), "Contradictions of the Soviet Theory of Ethnos: The History of the Concept and its Prospects", *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, Vol. 40, 37-51, https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.37 (in Russ.)

Wimmer, A. (2019), "Why Nationalism Works: And Why It Isn't Going Away", *Foreign Affairs*, 98 (2) [Online], available at: https://www.viet-studies.net/kinhte/WhyNationalismWorks_FA.pdf (Accessed 8 August 2022).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Винер Борис Ефимович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия; *wienerras@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Boris E. Wiener, Candidate of Sciences in Sociology, Senior Researcher, Department for the History of Russian Sociology, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Affiliate of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 25/14 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia; *wienerras@yandex.ru*

УДК 1(091) **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-5**

Аров Я. И.

В.В. Розанов: язычество и миф в контексте национальной и религиозной идентичности

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, г. Москва, 121069, Россия;
Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; *Vsedurd@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема национально-религиозной идентичности, поднятая в философии В.В. Розанова. Розанов деконструирует уваровскую формулу «православие, самодержавие, народность», подвергая критическому анализу первый ееэлемент. Догматизация православия не учитывает социально-исторический контекст, тем самым целые группы людей остаются вне церковного учения. Для идентичности необходимо найти точки соприкосновения для всех заинтересованных групп. Такими точками являются, во-первых, общественные отношения, совпадающие с культурными формами бытия индивидов (межполовыми, брачными, ритуальными), а во-вторых, особое «языческое» отношение к истории, как к родовой преемственности, и к «миру», как диалектической системе идеально-материального единства. Православие в этой связи должно вобрать в себя языческие элементы (мысль конгениальная эпохе), перейти от фигуры Христа, распятого на кресте, к фигуре младенца-Христа, то есть, в терминологии Розанова, от «людей лунного света» к «людям солнечного». Только при «серьезном» отношении к «миру» и протекающей в нем истории возможно единение какой-либо нации. Поэтому «обмирщение» церкви есть необходимый исторический процесс, а апология язычества является не возвратом к прошлому и политеизму, но базисом модернизации и ремифологизации церковного учения. Именно посредством мифа языческое выполняет свою интегративную функцию, и с этой точки зрения тезис Розанова «отдайте храм миру» рассматривается в исследовании в контексте современного поиска общенациональной идеи, которая, будучи оторвана от непосредственной религиозности, тем не менее способна сохранять ее основные «социальные» паттерны. В конце статьи автор приходит к выводу, что учение Розанова об идентичности в контексте языческо-мифического «подхода» к действительности актуально и в настоящее время, а в качестве бартовских «идеологизмов» ресурс языческого представляется потенциально неисчерпаемым.

Ключевые слова: Розанов; идентичность; нация; религия; язычество; миф

Для цитирования: Аров Я.И. В.В. Розанов: язычество и миф в контексте национальной и религиозной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 63-72. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-5

Ya. I. Arov

V.V. Rozanov: Paganism and myth in the context of national and religious identity

Gorky Institute of World Literature, 25A/1 Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation; Moscow State Pedagogical University, 1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; *Vsedurd@gmail.com*

Abstract. The article deals with the topical problem of national-religious identity raised in the philosophy of V.V. Rozanov. Rozanov deconstructs the Uvarov's formula "Orthodoxy, autocracy, nationality", subjecting its first element to critical analysis. The dogmatization of Orthodoxy does not take into account the socio-historical context, thereby entire groups of people remain outside the church teaching. For identity, it is necessary to find common ground for all interested groups. Such points are, firstly, social relations that coincide with the cultural forms of individuals' being (gender-based, marital, ritual), and, secondly, a special "pagan" attitude to history as a generic succession, and the "world" as a dialectical system of ideal-material unity. In this regard, Orthodoxy should absorb pagan elements (a thought congenial to the epoch), to move from the figure of Christ crucified on the cross to the figure of the infant Christ, that is, in Rozanov's terminology, from "people of moonlight" to "people of the sun." Only with a "serious" attitude to the "world" and the history flowing in it, the unity of any nation is possible. Therefore, the "secularization" of the church is a necessary historical process, and the apology of paganism is not a return to the past and polytheism, but the basis for the modernization and remythologization of church teaching. It is through myth that the pagan fulfills its integrative function, and from this point of view Rozanov's thesis "give the temple to the world" is considered by the researcher in the context of the modern search for a nationwide idea, which, being divorced from direct religiosity, is nevertheless able to preserve its basic "social" patterns. At the end of the article, the author comes to the conclusion that Rozanov's teaching about identity in the context of the pagan-mythical "approach" to reality is relevant at the present time and as Bart's "ideologisms", the pagan resource seems to be potentially inexhaustible.

Keywords: Rozanov; identity; nation; religion; paganism; mythology

For citation: Arov Ya. I. (2023), "V.V. Rozanov: Paganism and myth in the context of national and religious identity", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 63-72, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-5

В настоящее время в российском обществе активно обсуждаются вопросы, связанные с темой национальной идентичности (Напсо, 2021; Рыжова, 2022; Умнова-Конюхова, Алешкова, 2021). Проблемы, возникающие в этой связи, производны от той социокультурной ситуации, которая сложилась, в первую очередь, как результат исторических изменений и кризисов. Немаловажным поэтому видится учет ошибок прошлого с целью недопущения их повторения в настоящем. Идеологический дискурс современной России, формирующий социальное единство, граничит с исторической ретроспективой, проявляющейся как в материальной, научно-технической сфере, так и в области гуманитарно-философской мысли. Обращение к последней позволяет высветить и попытаться решить ряд противоречий, возникающих в ходе прений

между представителями различных имущественных классов, конфессий, этносов, поколений. «Возврат» к прошлому является репрезентативным при условии, что он понимается как «пропедевтика настоящего», необходимый для интеграции социокультурный базис. Всякая идентичность с этой позиции есть продукт «общих корней», то есть, в глобальном смысле, феномен исторической преемственности, определившей культурное своеобразие той или иной группы людей. Соответственно национальная идентичность в данной системе может трактоваться как идея или комплекс идей, свойственных как части (отдельному субъекту), так и целому (обществу).

В этой связи я хотел бы обратить внимание на фигуру Василия Васильевича Розанова, чей несомненный интерес к проблемам идентичности проявлялся и в контексте общефилософских вопросов (онтологии, эпистемологии, этики, эстетики), и в вопросах социального единства российской нации. К началу XX века уваровская формула «православие, самодержавие, народность» уже не могла подпитывать общественное единение, как минимум потому, что она совершенно не учитывала возросшую роль светской культуры. По мысли Розанова, возникшее противоречие между официальной идеологией и классом исключенных из нее интеллигентов (то есть носителей светской культуры) породило резонанс, весьма опасный для стабильного функционирования общества. По этой причине необходимо было деконструировать один из элементов уваровского триединства. В силу интенции розановской мысли в сферу нуминозного именно «православие» стало предметом его философской рефлексии. Впрочем, все это происходило в контексте общереформистских движений, как внутри церкви, так и за ее пределами.

Касаясь вопроса идентичности, Розанов констатирует глубокий разлом между интеллигенцией и ортодоксальным христианством: «не у нас только, но и на Западе, до известной степени в целой нашей цивилизации, глубокая, органическая трещина разделила культурное общество и Церковь» (Записки…, 2005: 39). Само разделение происходит в силу принципиального церковного догматизма (Сахарова, 2019: 238), который Розанов считает проступком против Святого духа (Записки…, 2005: 386). Взамен догматизации вероучения Розанов предлагает церкви «выйти в мир», впитать в себя языческие и иудейские элементы, сформировать «пятую новозаветную книгу» (Записки…, 2005: 312). Подобный подход позволяет учесть и понять «народную» точку зрения, которая во многом зиждется на языческом отношении к миру как «святому месту», где происходит постоянная эпифания, явленная в самых обыкновенных феноменах жизни – рождении, животном тепле, красоте природы, половых отношениях (Розанов, 1999а: 235). Кроме того, таким образом перемещается вектор от будущего, эсхатологии, самой важной части церковного учения, к настоящему, происходящему здесь и сейчас, от интернационального к национальному и его историческим корням.

С подобных позиций Розанов осуждает не только церковь как институт общества, но и саму онтологическую фигуру Христа, ведь в ней уже максимально концентрированно выражен интернационализм и отрицание «настоящего» мира в пользу мира грядущего (Розанов, 1995: 474). Это «отрицание» чревато и характерным отношением к человеческой культуре вообще, как к временному, к «мирской суете»: «День церкви – прошел: это Христос, это – святые; окрест себя и особенно впереди себя она видит только Ночь, которой не умеет сочувствовать, с которою не может не бороться. Отсюда разум она называет “лжеименным” (излюбленное слово), искусство – развращающим; прогресс – “бесовским”, языческим явлением. Церковь есть поклонение гробам» (Розанов, 1995: 474).

Главный тезис Розанова «отдайте храм миру» (Записки…, 2005: 41) имеет таким образом минимум два прикладных зна-

чения – реформационный, связанный с пересмотром статуса православных догматов, и общественно-политический, в котором обновленная церковь реализует свою программу посредством «перековки» отдельных правовых установлений, отказываясь от политики культурной изоляции. Идентичность в этой системе является результатом компромиссов, которые должны произойти, во-первых, между язычеством и христианством, во-вторых, между клиром, интеллигенцией и народом. Попытка последнего в начале XX в. оформилась в учреждения религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. (далее РФС), в которых Розанов принимал деятельное участие, являясь одним из соучредителей данной организации (Фатеев, 1991: 77). Ряд исследователей отмечают социально-политический характер прений на РФС (Щипков, 2019; Сахарова, 2019), партийность противостоящих друг другу группировок (Щипков, 2019: 153). Розанов обозначил противоречия позиций на РФС с помощью обращения к наиболее болезненным темам российского общества – свободы вероисповедания, догматизма церковных установлений по части брака и в целом отношений между полами.

Суть розановской мысли можно свести к нескольким опорным пунктам:

1) свобода вероисповедования, монументальная для язычества, является естественной основой, необходимой для динамики человеческого развития, для «действительной» религиозности;

2) поэтому церковь, находясь в вечной статике собственных догматов, отрицая изменчивость мысли и изменчивость предметов мысли, а также динамику языка, который связывает саму мысль с ее предметом, то есть процесс референции, тем самым отрицает «языческое», «внешнее» понятие свободы;

3) это приводит церковь к неприятию Просвещения и вообще «нового» – достижений науки, искусства, светской морали;

4) поскольку установления православной церкви носят обязательный, ригидный характер, то есть не предусматривают отмены или пересмотра, то соответственно они не учитывают социокультурную специфику определенной эпохи;

5) по этой причине догматы церкви, касающиеся, например, половых отношений, не поспевают за ходом истории;

6) тем самым строгие ограничения брака, препятствия на пути к разводу, а также отношение церковной юрисдикции к внебрачным детям – все эти элементы нуждаются в реформировании;

7) для этого церкви необходимо «выйти в мир», стать его «собеседником», а не «диктатором», то есть пересмотреть собственные базисные понятия, в частности понятие догмата;

8) в таком случае реформированное православие вернет утраченные позиции, выполнив свою интегративную функцию.

Общая схема, конечно, не отражает всей концептуальной сложности, но позволяет наметить необходимые предпосылки дальнейшей эволюции мысли философа. Нужно отметить, что, конечно, эта схема, по крайней мере, в ранних работах Розанова, приложима скорее к православию, а не к христианству вообще (хотя определенные точки пересечения здесь также намечены, о чем было упомянуто выше). Характерен момент, связанный с языковой «огранкой» слова, с общим стилем изложения, «обмирщением» религиозной терминологии. Так со стороны Розанова намечается пересмотр ключевых понятий, что в целом совпадает с общей позицией интеллигенции тех лет, предполагающей, что о нуминозном можно говорить не только словами церковного богослужения, но и лично, с помощью творческого самовыражения (Щипков, 2019: 162). Поэтому показателен спор о «браке», возникший между Розановым и священником И.И. Филевским на тринадцатом заседании РФС. С точки зрения Филевского, Розанов допускает ошибку, не различая брак, который в христианстве вполне совместим с идеалом девства, и супружество, являющееся «плотским сочетанием», исходящим из язычества и антропоморфизма (Записки…, 2005: 290).

Но Розанов не различает эти понятия именно в силу их принципиального синтеза внутри метафизики пола. То есть изначально его понимание предполагает такое неразличение естественным, поскольку пол человека – это «что-то духовное и одновременно физическое» (Розанов, 1999b:214), он относится к сфере «святой плоти», выражаясь терминами Мережковского (Мережковский, 2000: 90).

Различие в дискурсе обнаруживает себя и посредством других примеров. Так, выступая на прениях РФС по поводу доклада В.А. Тернавцева «О догмате и откровении», Мережковский отмечает: «Когда говорили Розанов и Тернавцев, я чувствовал, что их голоса звучат так, что можно присоединить свой голос и начать молиться. Не знаю, присоединились ли бы к Розанову, но к Тернавцеву все бы радостно присоединились – это чувствовалось. Он почти молился. Но голоса духовенства как будто чужды нам, они словно не религиозны, в них нет того, что зажигает сердце» (Записки…, 2005: 417). Общая молитва становится невозможной по причине различия в языковых средствах выражения, в семантической монополии церкви на нуминозные понятия.

Концептуальный выход из приведенных противоречий, намеченный Розановым, заключался в переработке христианских и языческих терминов, в диалектическом взаимодополнении мира и церкви. Это особенно заметно в позднейшей литературе философа, в которой язычество является ипостасью мира, выраженной в феноменах пола, радости, светлого отношения к жизни (Розанов, 2010: 388). Уже на РФС звучали призывы обратиться к дохристианской древности, и не только от лица Розанова. Тернавцев, например, говорил о языко-христианстве (Записки…, 2005: 413), Мережковский рассматривал фигуру Льва Толстого в качестве языческого проповедника, чье мировоззрение является «преображенным язычеством», «неизбежно ведущим к христианству» (Записки…, 2005: 55). Сама реформационная деятельность, поиски «Третьего Завета», введение дополнительных ипостасей в христианское учение (Вечной женственности, божественной Софии) – все это элементы уже строго синтетического характера.

Розанов шел еще дальше, подобно Руссо находя естественное, «языческое» состояние изначальным благом: «душа человеческая есть по природе язычница» (Розанов, 1994: 112), «Древность, язычество – это и есть Humanität, чистая и исключительная человечность» (Розанов, 1994: 112). Миф о золотом веке он перенес в Древний Египет, в котором все животные и люди максимально приближены к своим природным функциям (Розанов, 2008: 506). Сами эти функции именовались соответственно религиозно-философскому дискурсу. Однако лексический анализ текстов Розанова показывает, как часто пересекались, например, термин «идеальная женщина» или даже «вечная женственность» и ее биологический эквивалент – понятие «самка» (Розанов, 1990: 31-33). То же самое происходило с идеальным мужчиной, «Вечным отчеством», соположенным с понятием «самец» (Розанов, 1990: 31-33). Эти термины обозначали по сути одно и то же, только выраженное в разных сферах – в сфере сакрального и в сфере профанного. Языческие ритуалы были призваны объединить данные области, «спасти физиологическую суть народу» (Розанов, 1994: 116), тем самым интегрируя его, отдельных индивидов и конкретное племя с собственным прошлым (родоначальниками, духами предков). К. Хюбнер, М. Элиаде и другие сторонники нуминозной трактовки мифа объясняют подобный синкретизм принципиальным неразличением в древних обществах материального и идеального (Хюбнер, 1996: 98), (Элиаде, 2010: 233). Розанов во многом предшествует «нуминозной» трактовке, хотя и не артикулирует ее так явно.

С точки зрения Розанова, «обмирщение» церкви не может сопровождаться исключительно ее выходом «в мир», это также и обратный процесс – разрушение

догматизма, «вбирание» в церковь «мира», что по сути противоречит самому явлению ортодоксии, и конечно, клирики в большинстве своем отвергли данные начинания. Однако были у Розанова и сторонники в среде духовенства, понимающие необходимость учета исторической перспективы, такие, например, как священник И.Ф. Альбов, близкий знакомый философа. Сформированный к XX веку новый класс интеллигенции необходимо было, с точки зрения Альбова и ряда других клириков, интегрировать в православное сообщество. Мировоззренческая непримиримость очевидно разобщала различные национальные силы, но разобщала именно по той причине, что отдельные ее элементы сами по себе были непримиримы. Частично процесс секуляризации был запущен, во всяком случае, благодаря инициативе В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, В.А. Тернавцева, Н.А. Макшеевой и других, были смягчены законы, касающиеся бракоразводного процесса, а также процесса признания внебрачных детей (Кушеев, 2012). Важной вехой дедогматизации стал манифест Николая II от 26 февраля 1903 г., утвердивший свободу вероисповедания (Сахарова, 2019: 237). Однако действительного синтеза церкви и «мира» не произошло. Языческое тяготение к земле, к половым отношениям, противоречило православному учению на фундаментальном уровне, поскольку христианская вера, по выражению о. Павла Флоренского, поднимается «над семенем» (Розанов, 2010: 17), то есть над полом, который для Розанова был «священен» сам по себе, поскольку именно через него, через «семянность» происходила реализация «потенции духа» (Болдырев, 2001: 146).

Кроме того, ортодоксальная трактовка христианства уже в своей онтологии исключает всякое отличное толкование религиозного. Фактически и дискурсивное, и онтологическое определение «мира» церковью предполагает его преодоление, ведь этот мир только тень иного, лучшего мира. Только в ином мире возможно личное спасение. Язычество, напротив, концентрировалось на родовом, а не личном бессмертии, которое и возможно только в миру как череда поколений, каждое из которых помнит свое прошлое и чтит своих родоначальников. В общих чертах это противоречие фигурировало еще у Платона в диалоге «Пир»: «Те мужчины, которые бременеют телесно, предпочтительно обращаются к женщинам, и их стремление к любви принимает именно такое направление, так как они рассчитывают путем деторождения приобрести себе на все последующее время бессмертие, память и счастье. Напротив, бременеющие духовно – есть и такие, которые бременеют духовно еще в большей степени, чем телесно – бременеют тем, чем подлежит бременеть душе» (Платон, 1922: 57).

Розанов здесь со своей «языческой» интенцией «индивид не задумывался» по сути принимает позицию Эрота из речи платоновской Диотимы. Эта радикальная ремарка вполне показывает, что искомая церковью «соборность» трудно достижима при условии превалирования интересов личности над интересами социума. «Государство, общество – все это явления языческого порядка» (Розанов, 1994: 111), именно по той причине, что язычник сам по себе весь кончается миром, в то время как христианин имеет скрытый, надмировой и внемировой статус, он есть «флюксия» (Розанов, 1994: 100). Необходимый баланс возможен только с точки зрения диалектики, где противоположные понятия синтезируются, отражают часть в целом и целое в части. И с этой точки зрения, личность становится важной в профанном мире, не исключая, однако, нации как общего термина, трактуемого с точки зрения исторической преемственности. Объединенные фактором общей истории, жизненных ценностей, общественных целей индивиды тем самым формируют свою идентичность.

Опыт Розанова, определившего синкретизм языко-христианства с позиции родового бессмертия, весьма полезен для по-

нимания современной социальной обстановки, поскольку те проблемы, что были затронуты выше, присутствуют и в настоящем. Применение подобной «методологии идентичности» может показаться не релевантным в силу того, что сами понятия «язычество» и «нация» исходят будто бы из разных культурно-исторических оснований. Однако если трактовать язычество не как этап исторического развития, а как вечно возрождающуюся систему политеистических мифов (как это делает Розанов, например, в «Возрождающемся Египте» (Розанов, 2002)), то такая трактовка становится вполне обоснованной. Она также встраивается в ряд современных исследований, доказывающих мифологический фундамент политики, культуры, искусства, жизни общества в целом.

Необходимость «языческого» путем его актуализации в мифе рассматривается, например, у Хюбнера в монографии «Истина мифа», в которой исследователь отмечает: «Тот, кто теперь взглянет на исторические события высшего национального значения <…> тот в той или иной мере бессознательно уподобит их мифическим архе: именно тому вещественно присутствующему, сверхвременному нуминозному началу, которое тождественным образом возобновляется и в обличии многообразных вариантов становится новой исторической действительностью, продолжая жить в ней. Итак, нация, понимаемая сквозь призму мифа, определяется через архетипически понимаемую историю» (Хюбнер 1996: 327).

В своих выводах Хюбнер ориентируется на таких представителей нуминозной трактовки мифа, как М. Элиаде и К. Керени, которые также помещают мифическое в современность, подчеркивая создание новых государственных мифов, формирующих национальную идентичность (в их терминологии «псевдомифов») (Хюбнер, 1996: 333). Во многом, хотя и с позиции критики, с ними солидарен Р. Барт. Его пример выстраивания мифа идентичности французской нации в статье «Миф сегодня» базируется на оправдании колониализма как феномена, объединяющего различные этносы в единую структуру. Несмотря на то, что данное единение трактуется Бартом как явление сугубо отрицательное (как и сам миф), а за этим отрицанием стоит голая неприкрытая «реальность» разобщения, тем не менее, действенность мифа на идентичность не оспаривается автором (Барт, 2008: 323).

Таким образом языческое, проявленное через миф (мифы о плодородии, земле, материально-идеальном единстве), вполне может функционировать как элемент идентичности, конечно, при условии, что мы говорим не о конкретных политеистических верованиях, а скорее о самом «отношении» язычества к миру. И с этой точки зрения «обмирщение церкви» есть результат приобщения ее именно к этому отношению. Оно уже заложено в самих евангелиях, как отмечает Розанов, а именно в образе младенца-Христа (Розанов, 2003: 278). Также это отношение есть характерное понимание исторической преемственности как приобщения к роду, национальным корням. В силу современной специфики, онтологические основания данного отношения уже не могут быть сугубо религиозными, или даже религиозно-философскими, но через создание нового (псевдо)мифа или, вернее, реформацию старого, возможна их адаптация к настоящему. Язычество и миф в этой связи могут выступать как своеобразные «идеологизмы» (Барт 2008: 322), чей кумулятивный ресурс, как я постарался показать на примере философии Розанова, потенциально неисчерпаем.

Литература

Барт, Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.

Болдырев, Н. Семя Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. Челябинск: «Урал Л.Т.Д.», 2001. 478 с.

Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / общ. ред., послесл. и крат. сведения об участниках дискуссий С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005. 543 с.

Кущеев, С.Ю. «Амнистия» незаконнорожденности в Российской империи (к вопросу о роли закона от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей») // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 216-219.

Мережковский, Д.С. Не мир, но меч. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 720 с.

Напсо, М.Б. Национальная идентичность в современных условиях: к вопросу о перспективах правового признания ценностей национальной идентичности // Современное право. 2021. № 4. С. 34-39. DOI: 10.25799/NI.2021.13.71.005

Платон. Пир // Платон. Полн. собр. соч. в XV томах. Т. V: Пир. Федр. Петербург: Academia, 1922. С. 1-84.

Розанов, В.В. В «религиозно-философских собраниях» в С.-Петербурге 1902-1903 гг. // Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 5. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 470-504.

Розанов, В.В. В темных религиозных лучах // Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 3. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 95-435.

Розанов, В.В. В чем разница древнего и нового миров // Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 10. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999. С. 231-236. (a)

Розанов, В.В. Возрождающийся Египет // Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 14. Возрождающийся Египет. М.: Республика; СПб.: Росток, 2002. С. 7-440.

Розанов, В.В. Люди лунного света // Розанов В.В. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 2. Уединенное. М.: Правда, 1990. С. 7-194.

Розанов, В.В. Переписка В.В. Розанова и П.А. Флоренского // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 29. Литературные изгнанники. Книга вторая / сост. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 9-412.

Розанов, В.В. Пол и душа // Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 10. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999. С. 213-221. (b)

Розанов, В.В. Содержание и пространство заповеди «Не прелюбодействуй» (по поводу замечаний П.В. Тихомирова) // Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 25. Природа и история (Статьи и очерки 1904-1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 499-513.

Розанов, В.В. Спаситель – в мире // Розанов В.В. Собрание сочинений/ под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 16. Около народной души: Статьи 1906–1908 гг. М.: Республика, 2003. С. 278-284.

Рыжова, С.В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 21-32.

Сахарова, А.Е. Религиозно-философские собрания 1901-1903 гг.: состоялся ли диалог между церковью и обществом? // Сретенские чтения: Мат-лы XXV науч.-богословской конф. студентов, аспирантов и мол. спец-тов, Москва, 23 февраля 2019 г. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2019. С. 234-242.

Умнова-Конюхова, И.А., Алешкова, И.А. Принцип национальной идентичности российского государства и общества: содержание и особенности реализации // Культура: управление, экономика, право. 2021. № 1. С. 9-15.

Фатеев, В.А. В. В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л.: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1991. 368 с.

Хюбнер К. Истина мифа: Пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.

Щипков, В.А. Система взглядов на Православную Церковь участников Религиозно-философских собраний (1901-1903) // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 146-164.

Элиаде, М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.

References

Bart, R. (2008), *Mifologii* [Mythology], Transl. by Zenkin, S., Akademicheskiy Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Boldyrev, N. (2001), *Semya Ozirisa, ili Vasili Rozanov kak posledniy vetkhozavetny Prorok* [The Seed of Osiris, or Vasily Rozanov as the last Old Testament prophet]. Ural L.T.D., Chelyabinsk, Russia (in Russ.).

Eliade, M. (2010), *Aspekty mifa* [Aspects of the myth], Transl. by Bolshakov, V., Akademicheskiy Proekt, Moscow, Russia. (in Russ.).

Fateev, V. A. (1991), *V. V. Rozanov. Zhizn'. Tvorchestvo. Lichnost'*. [Rozanov. Life. Creation. Personality.], Khudozhestvennaya literatura: Leningradskoye otdeleniye, Leningrad, USSR (in Russ.).

Huebner, K. (1996), *Istina mifa* [The truth of the myth], Transl. by Kasavin, I., Respublika, Moscow, Russia. (in Russ.).

Kushcheev, S. Yu. (2012), "'Amnesty' of the illegitimacy in the Russian Empire (revisiting the role of the law dated June 3, 1942 'Concerning adoptions of regulations aimed to improve status of the illegitimate children')", *Theory and Practice of Social Development*, 11, 216-219 (in Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (2000) *Ne mir, no mech* [Not peace, but a sword], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Napso, M. B. (2021), "National identity in modern conditions: on the prospects of legal recognition of the values of national identity", *Sovremennoe pravo*, 4, 34-39 (in Russ.).

Platon (1922), "Symposium", Transl. by Zhebelev, S. A., *Platon. Polnoe sobranie sochinenij v XV tomah. T. V: Pir. Fedr* [Plato. The complete works in 15 volumes. Vol. 5: Symposium. Fedr], Academia, Peterburg, Russia, 1-84. (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2010), "Correspondence between V.V. Rozanov and P.A. Florensky", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V.V. Sobranie sochineniy. T. 29. Literaturnye izgnanniki. Kniga vtoraya* [Collected works. Vol. 29. Literary exiles. Book Two], Respublika, Moscow, Russia, 9-412 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1995), "In 'Religious and philosophical meetings' in St. Petersburg 1902-1903", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov V.V. Sobranie sochinenij. T. 5. Okolo tserkovnykh sten* [Rozanov, V. V. Collected works. Vol. 5. Near the church walls], Respublika, Moscow, Russia, 470-504 (in Russ.).

Rozanov, V.V. (1994), "In the dark religious rays", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V. V. Sobranie sochineniy. Vol. 3. V temnykh religioznykh luchakh* [Rozanov, V. V. Collected works. Vol. 3. In the dark religious rays], Respublika, Moscow, Russia, 95-435 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1990), "Moonlight People", in Barabanova, E. V. (ed.), *Rozanov, V. V. Sobranie sochineniy v 2-h tomakh. Vol. 2. Uedinennoe* [Rozanov, V. V. Collected works in 2 volumes. Vol. 2. Solitary], Pravda, Moscow, USSR, 7-194 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2002), "Resurgent Egypt", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V. V. Sobranie sochineniy. Vol. 14. Vozrozhdayushchiysya Egipet* [Rozanov, V. V. Collected works. Vol. 14. Reviving Egypt], Respublika, Moscow, Russia, 7-440 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1999b), "Sex and soul", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V. V. Sobranie sochineniy. Vol. 10. Vo dvore yazychnikov* [Rozanov V.V. Collected works. Vol. 10. In the yard of the pagans], Respublika, Moscow, Russia, 213-221 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2008), "The content and space of the commandment 'Thou shalt not commit adultery' (regarding the remarks of P. V. Tikhomirov)", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V.V. Sobranie sochineniy. T. 25. Priroda i istoriya (Stat'i i ocherki 1904-1905 gg.)* [Rozanov, V.V. Collected works. Vol. 25. Nature and History (Articles and essays 1904-1905)], Respublika, Moscow, Russia, 499-513 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2003), "The Savior is in the world", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V. V. Sobranie sochineniy. Vol. 16. Okolo narodnoy dushi: Stat'i 1906–1908* gg. [Rozanov, V. V. Collected works. Vol. 16. About the people's soul: Articles 1906-1908], Respublika, Moscow, Russia, 278-284 (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1999a), "What is the difference between the ancient and the new worlds", in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Rozanov, V. V. Sobranie sochineniy. T. 10. Vo dvore jazychnikov* [Rozanov, V. V. Collected works. Vol. 10. In the yard of the pagans], Respublika, Moscow, Russia, 231-236 (in Russ.).

Ryzhova, S. V. (2022), "The emotional component of Russian identity: positive and negative contexts", *Sociological Studies*, 4, 21-32 (in Russ.).

Saharova, A. E. (2019), "Religious and Philosophical meetings of 1901-1903: has there been a dialogue between the Church and society?", *Sretenskie chtenija* [Candlemas readings], Svjato-Filaretovskiy pravoslavno-khristianskiy institut, Moscow, Russia, 234-242 (in Russ.).

Shchipkov, V. A. (2019), "The system of views on the Orthodox Church of the participants of the Religious-Philosophical Meetings (1901-1903)", *Tetradi po konservatizmu*, 4, 146-164 (in Russ.).

Umnova-Konyukhova, I. A., Aleshkova, I. A. (2021), "The principle of national identity of the Russian state and society: content and implementation peculiarities", *Kultura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 1, 9-15 (in Russ.).

Zapiski peterburgskih Religiozno-filosofskih sobranij (1901–1903 gg.) (2005) [Notes of the

St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings (1901–1903)], in Polovinkin, S. M. (ed.), Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Аров Ярослав Игоревич, младший научный сотрудник отдела русской литературы рубежа XIX-XX вв. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, г. Москва, 121069, РФ; специалист по учебно-методической работе кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, РФ; *Vsedurd@gmail.com*

ABOUT THE AUTHOR:

Yaroslav I. Arov, Junior Researcher, Department of Russian Literature at the Turn of the 19th-20th Centuries, Gorky Institute of World Literature, 25A/1 Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation; Specialist in Educational and Methodological Work, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; *Vsedurd@gmail.com*

УДК 8.80 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-6**

Хорольский В. В.

Коммуникология в кругу общественных наук: радиус влияния и конкуренция

Воронежский государственный университет, Университетская пл., д. 1, г. Воронеж, 394006, Российская Федерация; *khorolbox@mail.ru*

Аннотация. Проблематика статьи обусловлена необходимостью уточнить наши представления о месте коммуникологии в содружестве гуманитарных наук, что актуально в ситуации дигитальной революции и медийной глобализации. Метод исследования – интегративный, информационно-культурологический, основанный на идеях компаративистики и лингвокультурологии, намеченных в трудах Ж. Бодрийара, Л. Земляновой, М. Бахтина, Н. Хомского. Коммуникология (англ. Communicology, близкие понятия: Communication science, Media Studies, нем. - Medienwissenschaft), становится магистральным направлением науки о коммуницировании, предполагающей укрупнение и углубление общей картины гуманитарных знаний, обогащающей теорию журналистики и коммуникативистики новыми подходами к изучению медиа. Анализ поведения людей в области медийных взаимодействий определен во многом структурой и функционированием медийных дискурсов. Ключевой идей и показателем актуальности статьи служит лексема «незаменимость», несводимость данной науки к методам смежных наук и особенно к парадигмам политэкономии, социологии и психологии. В результате анализа проблемы сотворчества и конкуренции наук сделаны выводы о месте коммуникологии в социуме, показаны противоречия взаимодействия гуманитарных наук в сфере анализа политической жизни. Коммуникология, выступая в качестве вектора и показателя степени медиатизации всей социальной жизни, помогает всем общественным наукам выявить общеэстетические параметры социокультурных процессов, влияет на понимание роли СМИ в повседневной жизни, фиксирует рост цифровой активности.

Ключевые слова: коммуникология; теория журналистики; медийный текст; медийный дискурс; границы наук; конфликт интересов

Для цитирования: Хорольский В. В. Коммуникология в кругу общественных наук: радиус влияния и конкуренция // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 73-83. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-6

V. V. Khorolsky

Communicology among the social sciences: radius of influence and competition

Voronezh State University, 1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russian Federation; *khorolbox@mail.ru*

Abstract. The problematic nature of the article stems from the need to clarify our ideas about the place of communicology in the commonwealth of the humanities, which is

relevant in the situation of the digital revolution and media globalization. The research method is informational and culturological scrutiny, based on the ideas of comparative studies and linguoculturology outlined in the works of J. Baudrillard, L. Zemlyanova, M. Bakhtin, N. Chomsky. Communicology (related concepts: Communication science, Media Studies, Medienwissenschaft), becomes the main direction of the scientific matrix, involving the consolidation and deepening of the overall landscape in humanitarian knowledge, enriching the theory of journalism and communication studies with new approaches to the study of media. The analysis of people's behavior in the field of media interactions is largely determined by the structure and functioning of media discourses. The key idea and indicator of the relevance of the article is the lexeme "irreplaceability", the irreducibility of this science to the methods of related sciences and especially to the paradigms of political economy, sociology and psychology. As a result of the analysis of co-creation and competition of sciences, conclusions were drawn about the place of communication in society, about the contradictions in interaction in the field of political life. Communicology, acting as a vector and indicator of mediatization in all social, helps social sciences to identify the general aesthetic parameters of socio-cultural processes, it influences the role of the media in everyday life, records the growth of digital activity.

Key words: communicology; journalism theory; media text; media discourse; boundary between sciences; conflict of interests

For citation: Khorolsky V. V. (2023), “Communicology among the social sciences: radius of influence and competition”, *Research Result. Social Studies and Humanities,* 9 (1), 73-83, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-6

Введение

Медийное атрибутирование, установление источников и авторства идей, как и конституирование реальности в науках о коммуникации (и о коммуникациях), особенно актуально в связи с появлением лавины схожих трендов и интерпретаций, школ и авторитетов, зачастую имеющих оттенок (характер, привкус) околонаучного администрирования. Привычным признаком современных научных поисков стала гибридизация и слияние разных отраслей знания, решение проблем «на стыке», что сделало феномен интердисциплинарности одним из двигателей научного прогресса. Наблюдается актуализация проблемы границ смежных наук. В гуманитарной сфере процесс слияния и «взаимоопыления» разных наук, синтезирующих в ходе «взаимосодействия» новые идеи, сопровождается интенсивным «отпочкованием» и разветвлением дополнительных теорий, появлением новых «цехов» и научно-педагогических дисциплин. Коммуникология, будучи наукой о самых общих закономерностях человеческого общения, в первую очередь наукой о массовых коммуникационных и коммуникативных процессах в медиа, расширяет радиус своего воздействия на «соседей» и радиус влияния на сознание интернет-пользователей. Она изучается представителями разных ветвей гуманитаристики, причем объект (предмет) науки и методика ее академического изучения, как правило, выступают маркерами делинеации (разграничения) разнородных явлений. Сотрудничество наук породило немало продуктивных зон пересечения, но конкуренция в вопросах тактики исследования общения остается заметной.

Цель данной статьи состоит в выявлении и/или уточнении зыбких границ между родственными областями знания, связанными с передачей сообщений и (или) обменом социально значимой информацией в

рамках технологически обусловленных форм массовой коммуникации. *Задачи статьи* – а) уточнить источники теоретических противоречий между коммуникологией и другими отраслями не новой, но стремительно меняющейся и заново формирующейся науки о человеческом общении; б) уточнить границы коммуникологии и коммуникативистики в условиях цифровой (дигитальной) революции, изменившей инструментарий и, нередко, когнитивные стратегии ученых-гуманитариев, изучающих медийные тексты (МТ) и медийные дискурсы (МД); в) определить основные факторы, влияющие на развитие коммуникологии в ситуации всеобщей интернетизации бытия современного человека.

Коммуникология нередко сливается с коммуникативистикой, для многих авторов это синонимичные термины (Землянова, 2004: 68-69), в то же время она приобретает значение более статусной и более «обобщающей» (генерализирующей) общенаучной гуманитарной дисциплины, забирающей под свой «зонтик» как коммуникативистику, так и целый ряд смежных отраслей знания, выходя на передний край общественных наук с лозунгом тотальной медиатизации социума, о чем уже писали Бернард Берельсон, Рой Берко, а также Ричард Лэниган, Фрэнк Уэбстер, Исаак Кэт и др. (Berelson,1960; Berko, Wolvin, 2016; Lanigan, 2013; Catt, 2010). В России значительный вклад в решение проблем коммуникологии и коммуникативистики, проблем опосредованного (медийного) общения, которое часто выводит нас в пространство чистой политологии или лингвистики, внесли М.А. Василик, А.Г. Пастухов, Ф.И. Шарков, А.П. Чудинов, Т.Г. Добросклонская, А.П. Короченский, Е.А. Кожемякин, А.В. Полонский и др. (Кожемякин, 2018; Пастухов, 2012; Полонский, 2014; Чудинов, 2006). Широко известны в России труды таких авторов, имеющих прямое или опосредованное отношение к теме данного исследования, как Л.М. Землянова, Н. Хомский, Н. Фэарклоу, Б.Ф. Скиннер (Землянова, 2004; Хомский, 2016; Скиннер, 2015; Fairclough, 1997), поясняющих особенности языка СМИ, реакций аудитории на поток МД, а также уточняющих сами законы медиатизации (иногда встречается термин «медиализация» (Пастухов, 2012; Uncapher, 2018), но он сливается с понятием медиатизации при анализе ускорения – в геометрической прогрессии – объемов МД и темпов информатизации-интернетизации (Зотов, 2018)). Изучение более общих перспектив и генерализаций, расширение дефиниционного «прокрустова ложа» с выходом на общенаучные универсалии представляется актуальной задачей многих направлений в гуманитаристике.

Наиболее общими закономерностями исследования подобных проблем выступают принципы контекстуальности и интертекстуальности любого МТ и МД, тотальная визуализация при создании МТ, вытесняющая вербальный слой коммуникации, всеобщий закон корпускулярно-волнового распространения информации в мире, законы диалогического общения (М. Бахтин), самореферентный (аутопойетический) характер бытования любой медиасистемы, правило «консенсуального взаимодействия самоорганизующихся систем» (Умберто Матурана), а также целый ряд герменевтических установок и практических процедур, обусловливающих медиаэффекты и реакции потребителей. Важна, например, идея конструирования реальности в СМИ, помогающая разграничить реальные события и их медийные образы (Бергер, Лукман, 1995). Это не прямая экстраполяция идей соседней науки, но присутствие социологических идей в науках о массмедиа усиливается, что и размывает границы, к обоюдной выгоде.

Гуманитарное знание базируется на принципе историзма, означающем, что процессы коммуникации следует рассматривать в зависимости от исторического контекста, конкретных исторически обусловленных обстоятельств. МД зависят от условий взаимодействия коммуникатора и ре-

ципиента, находящихся как в едином временно́м и пространственном, в том числе национально-языковом, контексте, так и в условиях «трансгредиентности» (М. Бахтин). В то же время никто не редуцирует историю журналистики к национальной или мировой истории.

Медиадискурсы, которые, естественно, не ограничиваются журналистскими, рекламными или PR-текстами (ЖТ, РТ, PR-текст), порой не поддаются полной расшифровке с помощью филологических или же культурологических методов, и в таких ситуациях содружество наук неизбежно, причем новые веяния обычно проходят долгосрочную проверку в практике научного сообщества. Сегодня возникает множество новых подходов к анализу медийных сообщений, сливающихся с пропагандистскими текстами. Анализ политических материалов в СМИ последнего времени также способствует пониманию особенностей коммуникативных актов, ставших частью объекта общенаучной метатеории о массовых коммуникациях. Интерпретация (и нередко поиск) смысла в безграничном, малоуправляемом (эмерджентном, или эмергентном, как транскрибируют это слово переводчики трудов Н. Хомского (Хомский, 2016: 597)), синергетическом по своей природе, потоке ЖТ, например, текстов о политических событиях 2021–2023 годов, заставляет резче ставить вопрос о конкуренции наук в ходе анализа текущей информации о мире, о положении дел в мире, о плюрализме в политике и СМИ.

Основная часть

Коммуникологию, основную науку о глобальных законах общения, опосредованного технологическими приспособлениями, не могут не затрагивать специальные приемы привлечения внимания аудитории и законы воздействия медийной информации на группы людей и на отдельного человека. Социальная психология, лингвокультурология и социолингвистика – это фундамент всех наук о коммуникативных актах, однако и здесь возникают вопросы о степени воздействия этих наук на коммуникологию и коммуникативистику, сюжеты и мотивы которых более корреспондируют не с анализом психотипов, а с реакцией массового человека на сообщения СМИ, с воспитательным потенциалом МТ. Процесс формирования стереотипов восприятия в массмедиа изучается в теории журналистики и в родственных эпистемологических областях не так, как в более строгих науках, вектор коммуникологии отличается от вектора познания в других смежных науках, в частности от методов и миссии теории журналистики. Во-первых, журналист, будучи омбудсменом в сфере обыденной жизни, стимулирует теоретиков в данном направлении мысли, подталкивая их к регулярному анализу категории «повседневность». Репортеры изначально стремились к идеалу оперативности и заставляли медиакритиков идти в гущу событий и типологизировать горячие темы МТ, что не характерно для коммуникологов.

Во-вторых, в МТ значителен эстетический потенциал; МТ приближаются к универсалиям художественного текста, как к линии горизонта, что заставляет аналитиков в сфере «журналистиковедения» более тщательно разбираться в приемах экспрессивности и метафоризации высказывания. В-третьих, личностные аспекты журналистской нарратологии, идиолекты, языковая игра и т. п. волнуют исследователей МТ и МД гораздо больше, чем психологов, экономистов, политологов и даже культурологов. Политология не интересуется второстепенными деталями повседневности, именами конкретных журналистов, оперируя скорее законами поведения масс и вождей. И это заметная демаркационная линия, зона диалога-согласия и в то же время пограничного диалога-спора. Пример из области медиапотребления. Идеи радикального бихевиоризма могут помочь коммуникативистам при анализе поведения массового потребителя в зонах повышенного пропагандистского давления, но судить о любителях художественных сторон МТ все

же помогает прежде всего филология. И конкуренция тут налицо: многие коммуникологи, идя навстречу принципу точности, законам информатизации и требованиям Больших Данных, увлеклись в эпоху дигитализации математическими расчетами и схематизацией суггестивных образов, что не дает большого результата, а времени отнимает много. Много шуму почти из ничего… Пример из цеха иркутских коллег: нередко выводы в неглупых статьях известного иркутского журнала «Вопросы теории и практики журналистики» достаточно банальны, хотя аргументация внешне очень солидная, визуализация потрясает оригинальностью, но доказывать с помощью мощного аппарата то, что понятно и так, контрпродуктивно. Аналогичные мысли возникают и при чтении важного официального журнала «Коммуникология» (редактор Ф.И. Шарков). Но это тема отдельного разговора.

Изучение медиаэффектов, манипуляций, рекламных дискурсов и т. п. заставляет говорить о конкуренции и борьбе качественной журналистики за свою аудиторию, которая растет очень медленно. Ответ на вопрос о разграничении характерных зон (эпицентров) коммуникологии и других социальных наук зависит от ответов на предварительное вопрошание о законах функционирования СМИ и управления развитием социальной коммуникации в постиндустриальном обществе, об общих закономерностях эволюции рассматриваемых наук (Полонский, 2014; Кожемякин, 2007; Соколов, 2014; Хорольский, 2016а; Berko, 2016). Самым очевидным методологическим схождением любых наук, как и трактовок любых текстов, можно считать принцип взаимосвязи внутрисистемных элементов и элементов разных объектов (систем), при этом соединение системности и целостности объекта исследования может быть различным по степени проявления этих базовых признаков объекта. Интенсивность функционирования одних и тех же элементов системы и динамизм интеракций внутри данной системы также служит сущностной линией, маркером делинеации. Авторы-психологи, изучая выбор медиапотребителей, центральными элементами своей измерительной системы считают факторы воздействия, связанные с эволюцией общественного бытия и сознания, а для коммуникологии центром когниции при обсуждении выбора потребителей считается специфика создания и распространения МТ и МД, контент МД, мода и т. п.

Целостность высказывания в журналистике может и не зависеть от композиционной гармоничности или когезивности МТ. Это неочевидный маркер «границы» между общественными науками, тяготеющими к логике и стройности высказывания, и коммуникологией, допускающей больший авторский «произвол», фрагментарность, эссеизм и большую и более интенсивную метафоричность изложения идей, что достаточно характерно для «нестрогой» гуманитаристики, требующей «вчувствования», а не только знания фактов, достоверности нарративов и логики научной аргументации. Если принцип системности в науке предполагает «центрированность» и иерархичность критических высказываний, что диктует наличие субординационных ценностных установок авторов и, в частности, определяет структурную иерархичность МТ, при которой в аналитических построениях есть элементы доминирующие и подчиненные, то для принципа целостности важнее идея «овеянности», проникнутости каждого элемента МТ духом целого, наличие фрактального принципа в построении МТ и понимание неразложимости идеи (контента) и формы (стиля). Принципиальным можно считать и фактор понимания единства смысла и домысла, порожденного духом «музыки», то есть творческой органичности и свободы. Системность более присуща общественным наукам политико-экономического ареала, а целостность чаще встречается у исследователей человеческого общения и художественной речи.

Иногда универсальный (общенаучный) принцип системности дополняется

понятием «дискурсности», конструирующей реальность в лоне массмедиа. Социолог П. Бергер писал об этом так: «По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями знаний, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии» (Бергер, Лукман,1995: 47). Е. Кожемякин справедливо пишет, что «конструирование» нельзя воспринимать как зеркальное отражение, тем более материальное воссоздание реальности, хотя в его фразе «масс-медиа не отражают реальность, а конструируют ее» (Кожемякин, 2018: 160), на наш взгляд, не хватает слова «не только». Массмедиа не только отражают, но и трансформируют картину мира с позиций трансгредиентности, ведь журналисты в идеале оценивают события и факты текущей «незастывшей современности» (М. Бахтин) и исторического прошлого, опираясь как на научные данные, так и на личный здравый смысл, на трезво-рациональное личностное мирочувствование (Я-субъектность, проявляемая, например, в отборе фактов для новостей). В этом отношении наука о массмедиа более личностно-эмоциональна, чем, скажем, социология, а художественная креативность авторов МТ обусловливает, говоря словами Берреса Скиннера, «оперантно обусловленные реакции» (Скиннер, 2015: 24) масс. Пример из сферы медиапотребления в странах догоняющего развития: в республике Мали все жители хорошо знают, что радио более популярно, чем газеты, так как покупают газеты далеко не все граждане (по экономическим и образовательным причинам). Медиакритикам не надо искать конкретные цифры, тем более что робастная статистика в стране, охваченной гражданскими столкновениями, часто отсутствует. Однако если в этой стране будут проводить свои исследования социологи и демографы, они проведут замеры, опросы, дадут более строгие данные о ситуации в Мали и о специфике медиапотребления. И будут настаивать на более точном дискурсе своей науки. Это и есть граница между науками, говорящая о разных предметах или разных стратегиях изучения объекта.

Культурология сливается с коммуникологией в сфере философии языка там, где речь идет о глобальных закономерностях знаковых систем и о воздействии языка на когнитивные структуры реципиента. Но различие наук очевидно: культурология рассматривает медийную культуру как часть своего «хозяйства», но не претендует формулировать законы этой науки. Территория соприкосновения слишком мала, чтобы говорить о слиянии, хотя лингвокультурологические проблемы близки медиалингвистике, изучаемой на факультетах журналистики. Медиалингвистика отчасти опирается на законы «генеративной (трансформационной) грамматики», как их толковали Н. Хомский, Й. Петефи, Г. Ризер, В. Маунткасл и др., что упрощенно можно пояснить тезисом о порождении разумных суждений с помощью интуитивного малоконтролируемого слияния образно-метафорических и рационально обусловленных усилий авторов МТ. Английский лингвист Н. Фэаклоу (Фэарклаф) справедливо полагает, что язык СМИ отражает и конструирует социальную и культурную динамику в обществе (Fairclough, Wodak, 1997: 128), СМИ чутко реагируют на любые социокультурные изменения в обществе, а продуцируемые ими тексты служат уникальным источником информации об общественной морали и психологии. Политологи все чаще обращаются к проблематике коммуникологии, в частности, говоря об этнических конфликтах и информационных войнах (ИВ), но при всей близости терминологии, которая в последние десятилетия переживает небывалый расцвет, не свидетельствующий, впрочем, о расцвете наук, коммуникологи говорят о политике как о важной, но не центральной проблеме своего исследо-

вания. Количественное преобладание политологических штудий о конфронтации России и Украины и вспыхнувшей ИВ – наглядный тому пример.

Комммуникология и медиалингвистика формировались в эпоху Постмодерна. Игра с читателем, прецедентность в МТ, эстетизация информационного сообщения – вот показатели динамичной эволюции современного МТ и, соответственно, знания о языке СМИ. Особенно это проявляется в заголовках. Релятивизация ценностей и самоцельная ирония (игра в игру) становится правилом. Лингвокультурологические знания помогают глубже проникнуть в психологию творцов МТ, о чем говорят материалы журналов “The Western Journal of Communication”, “Westminster Papers in Communication and Culture” (WPCC), “Global Media and Communication” и др.

«Новые медиа» в значительной мере поменяли исследовательский инструментарий и методы познания, поэтому приобрел новую актуальность и новизну старый спор о значении общенаучной методологии и логике генерализаций при изучении массмедиа, произошли события, которые поменяли отношение к СМИ, что обусловливает значимость разговора о границах и конфронтациях в сфере гуманитарных наук. Что это за события? Во-первых, НТР, которая привела к резкому увеличению количества и объемов МД и скорости их движения в социуме. Естественно, успехи НТР породили издержки, которые можно было предугадать: преобладание некачественной информации превратило развлекательные медиа в угрозу для массового сознания. Медиаобразование осталось «пунктирной» стратегией для большинства стран. Пропаганда и официальная цензура оттеснили объективные и достоверные нарративы на периферию МД. Во-вторых, массово-среднестатистическое восприятие МТ и МД стало более критическим по отношению к работе журналистов, а данные социологов о росте недоверия к СМИ не оставляют сомнения в глобальном кризисе медиапотребления, видимым признаком которого можно считать растущую популярность как развлекательных СМИ, особенно ТВ, так и экзотических МТ (Костина, 2005: 43). Перцептивный кризис и дефицит качественной медийной информации усугубили проблему доверия к СМИ. В-третьих, политизация медиа в течение последних десятилетий возвращает нас в эпоху холодной войны, поставившей мир на грань всемирной катастрофы. Движение за мир стало первоочередной задачей человечества, что не может не влиять и на теоретиков науки о массмедиа.

В отличие от объекта каждой гуманитарной науки, тесно связанного с эмпирическим материалом, с артефактами истории, предмет рассматриваемых наук зависит больше от методологического направления, школы, от предпочтений отдельного автора. МТ и МД характеризуются синергетическим эффектом, наличием усилий коллективного разума (Соколов, 2014; Шарков, Юдина, 2013: 36-43; Хорольский, 2016b; Baudrillard, 1972). МТ не всегда являются типизацией реальных событий, деформация картины мира – универсалия в сфере массмедиа и наук, изучающих медиа. Нет авторитетной схемы разграничения основных и второстепенных медийных событий. Актуализация *виртуальной событийности*, создаваемой в Сети, а это отдельный вид событий, создаваемых нередко самими потребителями инфопродукции, не может не влиять на эволюцию трансграничного знания о СМИ. Сетевая коммуникация может быть частью МТ, базой онлайн-журналистики. Новостной дискурс СМИ обладает признаками, которые позволяют охарактеризовать его как своего рода новейший фольклор. Массовое сознание структурируется в значительной степени принципом селекции новостных сюжетов. Эта особенность фольклорно-мифологической функции СМИ сочетается с *умолчанием* как манипулятивной технологией. В связи с этими специфичными чертами современных СМИ

становятся очевидными роль и цели специалистов, создающих новости на основе селекции информации. Английский лингвист Н. Фэаклоу показал, что «суконный язык политического дискурса отражает извечную борьбу за власть» (Fairclough,1997: 204). Поэтому цензура считается неизбежной, но теоретики не должны убеждать свою аудиторию в желательности такого положения дел. В РФ ситуация в этом отношении крайне тревожная.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты «пограничных конфликтов» в гуманитарных науках, можно сделать несколько выводов, переходящих в предварительные рекомендации.

1. Коммуникология в медиатизированном постиндустриальном обществе изучает самые общие вопросы общения посредством (через) медиа, затрагивая, конечно, и частные проблемы, например, проблемы создания медиаэффектов, уточнения специфики волнообразного «излучения»-влияния массовых коммуникаций на социум. Мы убеждены, что коммуникология, коммуникативистика, медиалингвистика и теория журналистики обладают общей предметной областью, которую составляют медийные феномены в области человеческой коммуникации. Эти феномены обозначаются такими концептами, как «коммуникация», «информация», «медийность», «журнализм», «публицистика», «текст», «дискурс», «сообщение», «рецепция», «манипулирование» и другие. Будучи эмерджентными и неравновесными системами, которые конструируются и видоизменяются в массмедиа, зачастую спонтанно и непредсказуемо, МТ и МД воплощают по своей природе когнитивную идеологию незаменимости СМИ в социальной жизни, идеологию глобальной медиатизации, исследование которой (идеологии) дает конкретную иллюстрацию революционных преобразований.

2. Неоднозначность объекта, предмета и методов коммуникологии в значительной степени обусловлена множественными и гетерогенными связями этой научной области со смежными науками. Диалог народов и культур, сопровождающийся конфликтами и информационными войнами, стал ферментом пограничных конфликтов в гуманитаристике, обострив споры о назначении и сути каждой из родственных ветвей знания. Коммуникативистика, как одна из составляющих частей, ипостасей (несущих конструкций) коммуникологии, конкретизирует теоретическую значимость рассматриваемой проблематики, превращая науку о медиа в удел не только кабинетных разговоров о специфике общения наций и этносов, но и в сугубо практическую отрасль дипломатических переговоров, в практические рекомендации для журналистов, освещающих сегодняшние ИВ, холодные и особенно горячие войны. Журналистика превращается в пропаганду, в «пиарналистику», в рекламный симулякр. Кризис налицо, наступит ли «смерть Автора» – пока сказать невозможно.

3. Непроходимых границ в науке нет и не будет, однако проблемы пограничных зон актуальны и с точки зрения авторства идей, и с точки зрения творческой конкуренции научных школ, и с точки зрения разграничения объектов смежных наук. Зонтичная терминология коммуникологии оказалась востребованной в эпоху терминологического бума в гуманитаристике, и особенно в филологии, что не стирает границ между родственными и смежными отраслями знания. Разграничение наук по признакам объекта, методов познания и стиля изложения помогает сделать кооперацию специалистов более плодотворной. Несомненна перспективность диалога схожих, но неслиянных дисциплин в рамках изучения глобальной проблемы «постправды» в массмедиа.

Литература

Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.

Землянова, Л.М. Коммуникативистика и средства информации. Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 416 с.

Зотов, В.В., Васильева, И.Н., Кривоухов, А.А. Социально-сетевое взаимодействие в сети Интернет: к определению феномена медиа // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 4. С. 13-22. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-4-13-22.

Кожемякин, Е.А. Дискурсная матрица институциональной культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 2. С. 58-63.

Кожемякин, Е.А. Медиадискурс в фокусе социального конструирования: эмпирические практики в медиасообществах // Медийный текст: социальные практики, технологии, теории. Монография / А.В. Белоедова, М.Ю. Казак и др. Белгород: НИУ «БелГУ», 2018. С. 158-200.

Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Моск. гуманит.-социал. акад., 2005. 404 с.

Пастухов, А.Г. Модель научной гуманитарной культуры: язык – тематизация – медиализация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ООО «Горизонт», 2012. С. 36-53.

Полонский, А.В. Массмедийность как категория дискурса и текста // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: I междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 1-4 апр. 2014 г.: сб. науч. работ / под ред.: Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. С. 110-122.

Скиннер, Б.Ф. По ту сторону свободы и достоинства / пер. с англ. А.А. Федорова. Можайск: Оперант, 2015. 189 с.

Соколов, А.В. Социальные коммуникации. СПб.: Профессия, 2014. 288 с.

Хомский, Н. Избранное / под ред. Э. Арноува; пер. с англ.: С. Александровский, В. Глушаков. М.: Энциклопедия-ру, 2016 (2015). 717 с.

Хорольский, В. «Красота» и «польза» в медийном тексте: к вопросу о путях развития теории массмедиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 3. С. 72-90. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2018.7290

Хорольский, В.В. Коммуникативистика и теория журналистики: сиамские близнецы или дальние родственники? // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 2. С. 8-16. https://doi.org/10.12737/18961 (a)

Хорольский, В.В. Медийность текстов в средствах массовой информации: (исторические и теоретические проблемы): монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 150 с. (b)

Чудинов, А.П. Политическая лингвистика. М: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

Шарков, Ф.И., Юдина, Е.Н. Регулирование отношений в современном медиапространстве // Коммуникология. 2013. Т. 1. № 1. С. 36-43.

Baudrillard, J. Requiem pour les Medias // Baudrillard J. Pour une Critique de L'economie Politique du Signe. Paris: Editions Gallimard, 1972. Pp. 200-228.

Berelson, B. Communications and Public Opinion // Mass Communications / Ed. by W. Schramm. Urbana: University of Illinois Press, 1960. Pp. 527-543.

Berko, R.M., Wolvin, A.D., Wolvin, D.R., Aitken, J.E. Communicating. A Social, Career, and Cultural Focus. New York: Routledge. 12th edition. 2016. 478 p. https://doi.org/10.4324/9781315506937

Catt, I.E., Eicher-Catt, D. (eds). Communicology: The New Science of Embodied Discourse. Fairleigh Dickinson University Press, 2010. 242 p.

Fairclough, N., Wodak. R. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / T. van Dijk (ed.). Vol. 2. London: Sage, 1997. Pp. 258-284.

Uncapher, M.R., Wagner, A.D. Minds and brains of media multitaskers: Current findings and future directions // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. No. 40. Pp. 9889-9896; DOI: 10.1073/pnas.1611612115.

References

Baudrillard, J. (1972), "Requiem pour les Medias" [Requiem for the Media], *Pour une Critique de L'economie Politique du Signe* [For a Critique of the Political Economy of the Sign], Editions Gallimard, Paris, France, 200-228 (in Fr.).

Berelson, V. (1960), "Communications and Public Opinion", *Mass Communications*, in Schramm, W. (ed.), University of Illinois Press, Urbana, USA, 527-543.

Berger, P. and Lukman, T. (1995), *Sotsial'noe konstruirovanie realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Translated by E. Rutkevich, Medium, Moscow, Russia (in Russ.).

Berko, R. M., Wolvin, A. D., Wolvin, D. R. and Aitken, J. E. (2016), *Communicating. A Social, Career, and Cultural Focus*, 12th edition, Routledge, New York, US, https://doi.org/10.4324/9781315506937.

Catt, I. E. and Eicher-Catt, D. (ed.) (2010), *Communicology: The New Science of Embodied Discourse*, Fairleigh Dickinson University Press, New Jersey, US.

Chudinov, A. P. (2006), *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], Flinta: Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Diyakova, E. G. and Trakhtenberg, A. D. (1999), *Massovaya kommunikatsiya i problema konstruirovaniya realnosti: analiz osnovnykh teoreticheskikh podлhodov* [Mass communication and the problem of constructing of reality: analysis of the main theoretical approaches], UrO RAN, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Fairclough, N., & Wodak, R. (1997). "Critical Discourse Analysis", In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, vol. 2, Sage, London, UK, 258-284.

Homsky, N. (2016), *Izbrannoe* [Selections], in E. Arnouv (ed.), Transl, by S. Aleksandrovskiy and V. Glushakov, Entsiklopediya-ru, Moscow, Russia (in Russ.).

Khorolsky, V. V. (2018), "'Beauty' and 'Usefulness' in a Media Text: Towards the Development Paths of Mass Media Theory", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 3, 72-90, DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2018.7290 (in Russ.).

Khorolsky, V. V. (2016a), "Communication science and theory of journalism: Siamese twins or distant relatives", *Scientific research and development. Modern communication studies*, 5 (2), 8-16, https://doi.org/10.12737/18961 (in Russ.).

Khorolsky, V. V. (2016b), *Mediynost tekstov v sredstvakh massovoy informatsii: (istoricheskiye i teoreticheskiye problemy)* [Media texts in the media: (historical and theoretical problems)], VSU Publishing House, Voronezh, Russia (in Russ.).

Kostina, A. V. (2005), *Massovaya kultura kak fenomen postindustrialnogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society], Moscow humanitarian and social Academy, Moscow, Russia (in Russ.).

Kozhemyakin, E. A. (2018), "Media Discourse in the focus of social construction: Empirical practices in media communities", *Mediynyi tekst: sotsialnye praktiki, tekhnologii, teorii* [Media text: social practices, technologies, theories], Publishing House of Belgorod State University, Belgorod, Russia, 158-200 (in Russ.).

Kozhemyakin, E. A. (2007), "The discourse matrix of institutional culture", *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 5 (2), 58-63 (in Russ.).

Pastukhov, A. G. (2012), "The model of scientific humanitarian culture: language, thematization-medialization", *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in scientific and media discourse, inter-university collection of scientific works], iss. 10, in Pastukhov, A.G. (ed.), Gorizont, Orel, Russia, 36-54 (in Russ.).

Polonsky, A. V. (2014), "Mass media as a category of discourse and text", *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, socialnoy praktiki i obrazovaniya* [The discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education], in Kozhemyakin, E.A. and Polonskiy, A.V. (ed.), CONSTANTA, Belgorod, 110-122 (in Russ.).

Sharkov, F. I. and Yudina, E. N. (2013), "Regulation of relations in the modern media space", *Communicology*, 1 (1), 36-43 (in Russ.).

Skinner, B. F. (2015), *Po tu storonu svobody i dostoinstva* [Beyond Freedom and Dignity], Translated by A. A. Fedorov, Operant, Mozhaysk, Russia (in Russ.).

Sokolov, A. V. (2014), *Sotsialnye kommunikatsii* [Social Communications], Professiya, St. Peterburg, Russia (in Russ.).

Uncapher, M. R. and Wagner, A. D. (2018), "Minds and brains of media multitaskers: Current findings and future directions", *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115 (40), 9889-9896, DOI: 10.1073/pnas.1611612115.

Zemlyanova, L. M. (2004), *Kommunikativistika i sredstva informatsii. Anglo-russkiy tolkovyy slovar' kontseptsiy i terminov* [Communication and

Media. An English-Russian Explanatory Dictionary of Concepts and Terms], Publishing House of Moscow University, Moscow, Russia, (in Russ.).

Zotov, V. V., Vasilyeva, I. N. and Krivoukhov, A. A. (2022), "Social and network interaction on the Internet: to the definition of the media phenomenon", *Communicology*, 10 (4), 13-22, https:/doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-4-13-22 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики, Воронежский государственный университет, Университетская пл., д. 1, г. Воронеж, 394006, Российская Федерация; *khorolbox@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Viktor V. Khorolsky, Doctor of Philology, Professor, Department of History of Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Voronezh State University, 1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russian Federation; *khorolbox@mail.ru*

УДК 070 (81'42) **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-7**

Загидуллина М. В.

Современное состояние мультимодального анализа: к вопросу о перспективах метода

Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, д. 129, г. Челябинск, 454001, Россия; *mvzagidullina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния метода мультимодального анализа в российском исследовательском пространстве. Автор пользуется методом системного обзора научной литературы (systematic literature review), порядок применения которого предполагает точную постановку вопросов, на которые должен дать ответ такой обзор, и соблюдение процедуры выборки, делающей полученные в ходе анализа результаты достоверными. Соответственно, в работе поставлено четыре исследовательских вопроса, ответы на которые организуют полное представление о состоянии метода: 1) определение мультимодального анализа; 2) сфера применения метода; 3) алгоритмы анализа; 4) значение метода в философии коммуникации. Для получения ответов на эти вопросы автором проведен поиск в eLIBRARY.RU за период с 2018 по 2022 год и составлена база в 16 статей, которые и стали основой обобщенных ответов на поставленные вопросы. Результат исследования: 1) авторы избегают давать четкое определение метода; 2) метод применяется к неограниченно широкому кругу медиафеноменов и фактов коммуникации; 3) четкий протокол применения метода отсутствует либо применяется фрагментарно; 4) основное значение метода видится в инструментализации анализа медиафеноменов как целостных и неделимых явлений. Автор приходит к выводу о необходимости ревизии процедур мультимодального анализа с целью повышения эффективности его применения и преодоления интерпретационной субъективности.

Ключевые слова: философия коммуникации; мультимодальность; системный обзор научной литературы; мультимодальный анализ

Для цитирования: Загидуллина М.В. Современное состояние мультимодального анализа: к вопросу о перспективах метода // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 84-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-7

M. V. Zagidullina

The current state of multimodal analysis: on the question of the prospects of the method

Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russia; *mvzagidullina@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the current state of the multimodal analysis method in the Russian research field. The author refers to the systematic lit-

erature review method (SLR), the procedure for which involves the precise formulation of the questions that such a review should answer, and the explanation of the sampling procedure, which makes the results reliable. Accordingly, the paper posed four research questions, the answers to which organize a complete SLR method: 1) the definition of multimodal analysis; 2) objects of the analysis; 3) analysis algorithms; 4) the meaning of the method in the philosophy of communication. To get answers to these questions, the author conducted a search in elibrary.ru for the period 2018-2022 and compiled a database of 16 articles, which became the basis for generalized answers to the questions. The result of the study: 1) the researchers avoid giving a clear definition of the method; 2) the method is applied to an unlimitedly wide range of media phenomena and facts of communication; 3) there is no clear protocol for applying the method or it is applied fragmentarily; 4) the main significance of the method is considered as the instrumentalization of the analysis of indivisible media phenomena. The author concludes that it is necessary to revise the procedures of multimodal analysis to increase the efficiency of its application and overcome interpretative subjectivity.

Keywords: philosophy of communication; multimodality; systematic literature review; SLR; multimodal analysis

For citation: Zagidullina M. V. (2023), “The current state of multimodal analysis: on the question of the prospects of the method”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 84-99, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-7

Введение

Вопросы мультимодального анализа (и его разновидностей, например, мультимодального дискурс-анализа, критического мультимодального дискурс-анализа) относятся к актуальной ветви современных Media Studies, а также представляют интерес в области философии коммуникации в целом. Это обусловлено как постоянно увеличивающейся «медиапресыщенностью» современного информационно-коммуникационного пространства и в целом мира повседневности (см. недавний обзор теории медиапресыщенности: (Kopecka-Piech, 2019)), так и возникновением новых и техническим совершенствованием прежних форм коммуникационного обмена, основанных на гибридизации семиотических ресурсов и поставке информации, «упакованной» в самые различные форматы. Исторически мультимодальный анализ формировался в русле «визуального поворота» в основном как ответ на фасилитацию обмена изображениями в различных каналах интернет-коммуникации (и, следовательно, фактически полностью формировался как ответвление исследований сетевых форм взаимодействия пользователей). Зачастую «мультимодальность» понималась и толковалась как «текст + изображение», реже как совокупности других модусов или визуально-изобразительные аспекты самого текста (шрифт, организация текстовой информации и т. д.). Однако мультимодальный анализ также распространился и на межличностную коммуникацию во всем многообразии семиотических ресурсов, ее организующих: например, жестов, мимики, взглядов, действий, интонации и т. п. Как видим, эти два основных направления мультимодального анализа разнятся и по методам, и по эмпирическому материалу, и по целям. Однако для настоящего исследования было важно увидеть разные варианты применения самого понятия «мультимодальный анализ» в российских исследованиях. Целью статьи является анализ современного состояния мультимодального анализа в философской перспективе, то есть предполагается ответить на следующие исследовательские вопросы (ИВ1–4):

ИВ1. Какие определения мультимодальному анализу дают современные исследователи?

ИВ2. Каков репертуар применения мультимодального анализа?

ИВ3. Какие процедуры/алгоритмы предлагаются авторами работ?

ИВ4. Каковы интерпретационные границы полученных в ходе мультимодального анализа сведений с точки зрения философского подхода к коммуникации, направленного на выяснение ее онтологического и социетального статуса?

Первые три вопроса предполагают формализованные ответы (перечни конкретных фрагментов статей или описаний их содержания); четвертый исследовательский вопрос содержит формализованную и интерпретационную составляющие: с одной стороны, планируется обнаружить все варианты обобщений и извлечения смыслов из процедур мультимодального анализа, а с другой, дать качественную интерпретацию этих данных с целью установления дальнейших перспектив мультимодального анализа как инструмента постижения глубинных смыслов современной коммуникации – зеркала состояния и развития всего общества. При этом автор считает особенно значимым обнаружить перспективы развития метода, направленные на преодоление интерпретационной субъективности исследователя.

Теоретические и методологические основания исследования

В центре внимания в настоящей статье – современное состояние исследовательского поля в той его части, что связана с мультимодальным анализом. Таким образом, теоретическим и методологическим основанием исследования является SLR (systematic literature review <algorithm>), в свою очередь, тесно связанный с теориями многоступенчатости информационных потоков и общего уплотнения информационного пространства (см., например: (Щепилова, 2013)). Применительно к материалу настоящей статьи (научные публикации, посвященные мультимодальному анализу), исследование относится к типу так называемой «вторичной библиографии», то есть обзору и концептуализации различных научных подходов к мультимодальному анализу, обнаруженных в современном исследовательском научном пространстве.

Сам способ SLR как процедура получения объективированных данных из больших объемов информации хорошо известен в науке с момента ее превращения в социальный институт и складывания стандартов академического письма, одним из которых являлось требование знакомства с трудами предшественников и подробное объяснение своего понимания этих источников. Этот элемент сохраняется и в требованиях к сегодняшним научным работам («степень разработанности научной темы», «состояние научных исследований данной тематики» и т. п. разделы квалификационных работ, включая кандидатские и докторские диссертации). Однако многоступенчатость и нарастающая плотность информационных потоков создают условия невыполнимости задач исчерпывающего знакомства с исследованиями по какой-либо теме (даже довольно узкой) в силу как увеличения общего числа публикаций, так и открытости исследователю публикаций ученых других стран (такая открытость сохраняется благодаря онлайн-инструментам и в настоящее санкционное время). В силу этих факторов исследователь оказывается перед необходимостью использования определенных инструментов сбора информации и ее концептуализации. Именно эти обстоятельства и привели к разработке различных «гайдов» по SLR в западной науке и педагогике высшей школы. Обобщение таких инструментов применительно к началу массового использования интернет-коммуникаций выполнено в работе Барбары Китченхэм (Kitchenham, 2004); далее SLR исследовался множеством авторов с целью внесения уточнений при переходе к большим данным (когда материал анализа включал тысячи статей, а концептуализация прово-

дилась на основе методов цифровой гуманитаристики, включая автоматический и полуавтоматический анализ текстового массива (см., например: (Snyder, 2019)). В то же время сутью SLR все равно оставалась «ручная» работа с выбранными статьями, требующая упорядоченного чтения статей с целью найти ответ на поставленные исследовательские вопросы (см., например, в одной из наиболее быстро уплотняющихся областей исследования – маркетинге – статьи по теоретическим и практическим аспектам SLR: (Palmatier, Houston and Hulland, 2018; Paul and Criado, 2020; Williams, Clark, Clark and Raffo, 2021) и другие примеры современной процедуры SLR).

В результате был осуществлен следующий алгоритм работы, отвечающий требованиям SLR.

Проведен полуавтоматический поиск электронной базы российской научной литературы в соответствии с целями исследования; окончательная выборка составлена на основе ручной работы с подборкой.

Отобранные статьи изучены с целью поиска ответа на вопросы 1–3 и формализованную часть вопроса 4.

Проведено обобщение полученных результатов с целью исчерпывающего ответа на вопрос 4.

Результаты исследования

В данном разделе результаты представлены в соответствии с выработанным алгоритмом.

1. Создание выборки статей для дальнейшего изучения. Выборка в рамках исследования, описанного в данной статье, проводилась по электронной библиотеке eLIBRARY.RU (без обращения к англоязычному исследовательскому полю). Решение сохранить разделение на «отечественный» и «зарубежный» исследовательский подход связано с различиями научных систем и наличием национальной специфики в российских гуманитарных исследованиях в целом. Выбор именно этой базы данных обусловлен, во-первых, ее масштабностью (eLIBRARY.RU – крупнейшая институционализированная электронная библиотека российского исследовательского поля). Библиотека обладает удобными инструментами поиска и систематизации найденной информации. Имеются многоступенчатые фильтры: по годам, тематике, аффилиациям, авторам и другие; встроены системы автоматического анализа создаваемых подборок.

Для исследования были выбраны пять лет, предшествующих моменту исследования: 2018–2022 гг. Ограниченность пятью последними годами вызвана интенсификацией научных исследований, что, с одной стороны, ведет к быстрому устареванию информации (вытесняемой более новыми исследованиями), а с другой – отличается закрепленной включенностью ставших известными в научном сегменте исследований и мнений в научный оборот. Таким образом, статьи 2018–2022 гг. с высокой степенью вероятности опираются на круг известных источников ученых-предшественников и включают в себя более ранние наработки по данной тематике. Выборка проводилась через расширенный поиск по ключевым словам «мультимодальный анализ». При этом первоначально была выбрана опция поиска этого словосочетания в заглавии, ключевых словах и/или аннотации, с указанием места поиска «статьи в журналах», «книги» и «диссертации». В результате была получена выборка в 681 статью. Выборочная ручная проверка полученных данных показала, что в большей части статей мультимодальный анализ не поставлен в центр внимания, упоминается лишь вскользь. Поэтому поиск был сокращен до статей, где выражение «мультимодальный анализ» встречается в заглавии. Таким образом была получена выборка, включающая 26 результатов, из числа которых были исключены все англоязычные статьи, а также статьи с «омонимичным» использованием ключевого выражения (прежде всего, это области медицины и логистики, где имеется выражение «мультимодальный

анализ», не имеющее отношения к дискурсу; одна статья из тематического поля программирования). Окончательный состав выборки включал 16 русскоязычных статей, опубликованных с 2018 по 2022 год.

2. Данные вносились в таблицу в виде краткого пересказа и цитирования фрагментов статей в ячейки таблицы, соответствующие исследовательским вопросам (табл. 1).

Таблица 1
Сводный анализ выборки
Table 1
Summary of the data

No	Источник/ Sorce	ИВ 1. Определение мультимодального анализа (МА) / Question 1. Definition of multimodal analysis	ИВ 2. Репертуар / Quest. 2. Repertoire	ИВ 3. Алгоритм / Question 3. Algorithm	ИВ 4. Философский уровень обобщения / Question 4. Philosophical level of generalization
1.	Коротков, 2022	выявление функций и роли различных элементов и их влияния на интерпретацию <видеоигры>	видеоигры	1) разбивка событий видеоигры на кадры; 2) помещение кадра в таблицу и аннотирование (текст, визуальное, аудиальное и кинетическое). Количество кадров – на усмотрение исследователя (зависит от плотности событийного ряда)	мультимодальный дискурс-анализ позволяет рассмотреть все смысловые элементы текста отдельно и при этом оценить вклад каждого из них в общее значение
2.	Ильина, 2022	нет (косвенно: общая отсылка к трудам А.А. Кибрика)	жесты переводчиков	программа ELAN: разметка видеоролика, аннотирование микрокомпозиции мультимодального контекста, которое позволяет наглядно продемонстрировать явление синхронии и выделить факторы, влияющие на успешность коммуникации	нет
3.	Трушина, 2022	нет (косвенно: важно не только вербальный компонент анализировать)	перевод эвфемизмов	без протокола; учитывать социокультурный контекст	нет
4.	Дубровская, 2022	нет (косвенно: специфика мультимодальности по Е.А. Кожемякину: семиотическая гетерогенность, симультативная многоканальность трансляции сообщения, коммуникативная комбинаторность)	анализ цветных туристических буклетов	выбор базовой единицы (элемента) анализа; свободная интерпретация элемента (в данной статье – цвет, фото, карта)	неязыковые элементы могут выполнять базовые коммуникативные функции, например, быть диктумом жанра
5.	Цзян, 2022	нет (косвенно: специфика мультимодальности по А.А. Кибрику: понятие	рукопожатие политиков	слои в программе ELAN: автоматическое	нет

No	Источ-ник/ Sorce	ИВ 1. Определение мультимодального анализа (МА) / Question 1. Definition of multimodal analysis	ИВ 2. Репертуар / Quest. 2. Repertoire	ИВ 3. Алгоритм / Question 3. Algorithm	ИВ 4. Философский уровень обобщения / Question 4. Philosophical level of generalization
		«(мульти)модальность» в узком смысле слова относится к различию между человеческими органами чувств, в первую очередь, различию между зрительными и слуховыми каналами. Однако в рамках каждого из этих каналов есть дальнейшие, более дробные различия, которые также охватываются понятием мультимодальности)		аннотирование жестов, действий, мимики	
6.	Чэнь, 2022	нет (косвенно: специфика мультимодальности по Г. Крессу, «модальность» как уровень)	общение педагога с учениками	без протокола; видеоролики со сценами общения с анализом (аннотацией) невербальной части; свободная интерпретация	нет
7.	Го, Ван, 2021	мультимодальный дискурс-анализ, по Г. Крессу, есть анализ модальностей, к которым, по Гу Юэго, относится звук, изображение, цвет, действие и проч., среди которых язык является только одной из форм. Системный анализ дискурса, в котором комплексно используются эти символические ресурсы, становится мультимодальным анализом дискурса	пропагандистский мультфильм	без протокола; выбрано три аспекта: аудиальный, визуальный, текстовый – и последовательно дана их свободная интерпретация	воздействие на аудиторию усиливается при учете модальностей
8	Позднякова, 2021	нет (косвенно: отсылка к двум источникам: (Артемова, 2002; Эбзеева и др., 2018)).	политическая карикатура	1) идентификация информационного повода, изображенных персоналий; 2) анализ иконического компонента (цвет, шрифт, графика, размещение надписей на плоскости и др.); 3) анализ вербального компонента;	нет

No	Источник/ Sorce	ИВ 1. Определение мультимодального анализа (МА) / Question 1. Definition of multimodal analysis	ИВ 2. Репертуар / Quest. 2. Repertoire	ИВ 3. Алгоритм / Question 3. Algorithm	ИВ 4. Философский уровень обобщения / Question 4. Philosophical level of generalization
				4) сопоставление иконического и вербального компонентов; 5) анализ «скрытых ресурсов политической карикатуры» (интертекстуальность, прецедентность)	
9.	Сушкова, 2021	нет (косвенно: с отсылкой к Г. Крессу – порядок описания контекста коммуникативной ситуации (каковы отношения между рассматриваемым и рассматривающим? как изображено рассматриваемое?); сосредоточенность на анализе комплекса имплицитного и эксплицитного)	трейлеры	выяснение ситуации (по Крессу) – ее описание – интерпретация	важны связи между модусами
10.	Савельева, 2020	нет (косвенно: текст, по Г. Крессу, рассматривается как материальное воплощение, характеризующееся целостностью, однако состоящее из разнородного знакового комплекса: жесты, речь, изображение (статичное или подвижное), письмо, музыка (на веб-сайте или в фильме))	уроки иностранного языка	видеозапись урока – ее аннотирование (жесты и поведение педагога – реакции обучающихся) – анализ вместе с педагогами причин коммуникационных провалов и успехов	в мультимодальном анализе все модальности соединены как единое поле, единая сфера. В таком единстве их возможно изучать в качестве источника (вос)производства (репрезентации) смыслов членами сообщества/культуры в конкретный момент времени
11.	Кислицына, 2020	существует два основных направления мультимодального дискурс-анализа. Первое направление представлено исследованиями, выполняемыми в рамках социальной семиотики (Кресс, ван Лиувен); второе направление – непосредственно	англоязычные блоги психологической направленности	автоматические и ручные способы разметки корпуса с назначением каждому изображению системы тегов	текст важен, изображение – только его подпорка

No	Источник/ Sorce	ИВ 1. Определение мультимодального анализа (МА) / Question 1. Definition of multimodal analysis	ИВ 2. Репертуар / Quest. 2. Repertoire	ИВ 3. Алгоритм / Question 3. Algorithm	ИВ 4. Философский уровень обобщения / Question 4. Philosophical level of generalization
		мультимодальный дискурс-анализ (Ventola, 2004).			
12.	Детинко, 2020	нет (косвенно: есть три вида МА, из которых автор выбирает социально-семиотический, по Крессу и Лиувену)	новости с изображением	без протокола; свободная интерпретация с учетом социальной дистанции/взаимодействия, без протокола	важно единство всех модусов
13.	Кононова, 2020	нет (есть определение «мультимодального документа»: любой текстовый документ, объединяющий в себе две или более семиотических систем для создания смысла)	научные статьи поля «информатизация науки»	без протокола; указан перечень возможных элементов	нет
14.	Плешакова (Вильсон), 2019	нет (косвенно – определение мультимодальности: визуальный ряд и звуковой ряд для нас одинаково важны)	создание мультимодальных корпусов	программное обеспечение ELAN (разметка-аннотирование видеоряда)	нет
15.	Красикова, Кожемякин, 2018	выявление и интерпретация смыслообразующего действия различных (не только вербальных) элементов текстов и их социального эффекта	телевидение	без протокола; предлагается детальное описание ТВ-дискурса; в мультимодальном анализе сосредоточенность на плане, ракурсе, кадре (затем кадр меняется на взгляд), проводится параллель этих категорий с социальной дистанцией, отношением и взаимодействием	методология дискурс-анализа нацелена на обнаружение не только лексических и формальных составляющих конструирования медиареальности, но и социокультурных, интенциональных и идеологических аспектов этого процесса
16.	Пильгун, 2018	нет (косвенно – через определение мультимодальности: это социальный семиотический подход к современной коммуникации, поскольку в медиапространстве преобладают смешанные и ремиксные изображения, вербальные, невербальные формы взаимодействуют с 3D-объек-	протестные посты ВК	без протокола; выделено три модуса – лингвистический, визуальный и сетевой (действия в сети). По каждому из них заявлены большие данные (есть их визуализация). Протокола анализа нет, предлагается свободная интерпретация с приведением отдель-	нет

No	Источник/ Sorce	ИВ 1. Определение мультимодального анализа (МА) / Question 1. Definition of multimodal analysis	ИВ 2. Репертуар / Quest. 2. Repertoire	ИВ 3. Алгоритм / Question 3. Algorithm	ИВ 4. Философский уровень обобщения / Question 4. Philosophical level of generalization
		тами и др. Мультимодальность позволяет выйти за пределы анализа языковых структур и рассмотреть новые разнообразные способы коммуникации и создания смыслов, по Г. Крессу).		ных примеров, без статистики и объяснений, как получены результаты (например, три типа акторов, типы поведения и т. п.). Отсутствует пояснение значимости анализа визуальной составляющей или сведения воедино полученных данных по трем модусам	

3. Обобщение полученных данных и свободная часть ответа на исследовательский вопрос 4 представлены в следующем разделе статьи.

Дискуссия

В этой части статьи предлагается интерпретация полученных результатов в соответствии с вопросами, поставленными в начале исследования.

ИВ 1. Какие определения мультимодальному анализу дают современные исследователи?

Для удобства указания на разных авторов будут даны в виде номеров соответствующих строк в таблице. Как показывает таблица (табл. 1), только в четырех статьях выборки встретилось определение мультимодального анализа; в остальных случаях авторы ссылаются на авторитетные источники. В большинстве случаев косвенные определения (ссылки, прежде всего, на Гюнтера Кресса (6, 7, 9–12, 16), А.А. Кибрика (2, 5), других авторов (4, 7, 8, 11)) и включенные в текст статьи пояснения сути мультимодального анализа сводятся к констатации ряда элементов, составляющих феномены коммуникационного обмена и требующих равного внимания исследователя. Под множеством элементов понимаются, в первую очередь, комбинации вербального и невербального, а последнее понимается при этом преимущественно как визуальное (изображение). Иногда определение метода заменяется определением самого феномена мультимодальности (например, с отсылкой к Е.А. Кожемякину: семиотическая гетерогенность, симультативная многоканальность трансляции сообщения, коммуникативная комбинаторность: 4; см. другие варианты: 16). В двух случаях встретилось определение мультимодального дискурс-анализа как способа установления социальной дистанции/отношения/взаимодействия (9, 15).

В целом можно заключить, что определение мультимодального анализа в современной российской гуманитаристике сведено к представлению о необходимости учитывать в анализе коммуникационных феноменов разные каналы, модусы, элементы и способы подачи (упаковки) информации, не полагаясь исключительно на текстовую/вербальную информацию (это касается анализа как сетевой, так и межперсональной коммуникации). В отдельных случаях делается попытка в определении установить цель мультимодального анализа: что именно необходимо раскрыть/установить при обращении к этим разным элементам, одновременного воздействующим на реципиента.

ИВ 2. Каков репертуар применения мультимодального анализа?

По полученным данным (табл. 1), круг объектов исследования не ограничен; в выборке почти нет повторяющихся элементов. Их можно подразделить на две основные группы: (1) анализ межперсональной коммуникации (по А.А. Кибрику – с особым вниманием к жестам, мимике, интонации и т. п.): жесты переводчиков, рукопожатие политиков, общение педагога с учениками, уроки иностранного языка и (2) анализ медиафеноменов: телевидения, видеоигр, переводов эвфемизмов, цветных туристических буклетов, пропагандистского мультфильма, политической карикатуры, трейлеров, англоязычных блогов психологической направленности, новостей с изображением, научных статей поля «информатизация науки», протестных постов ВК, создания мультимодальных корпусов.

Можно заключить, что мультимодальный анализ захватывает все новые исследовательские сферы (например, педагогику), одновременно два его основные «крыла» все более автономизируются (анализ экстралингвистических факторов межперсонального общения строится иначе, чем анализ медиафеноменов).

ИВ 3. Какие процедуры/алгоритмы предлагаются авторами работ?

Так как в настоящей статье исследуется метод, то особый интерес представляет протокол проведения исследований – то есть следование определенным алгоритмам, использование исследовательских техник, которые могут быть применены в иных ситуациях другими исследователями. Вопрос о методе в гуманитарных науках до сих пор остается достаточно проблемным: отечественное понятие «методологии» мало соотносится с западной традицией указывать «теорию», в рамках которой ведется исследование, а сами методы до сих пор даже в работах высокой квалификации (например, кандидатских диссертациях) описываются исследователями формально, без каких-либо «обязательств» при проведении исследований. Такой подход неизбежно ослабляет работы, а также снижает конкурентоспособность российских исследований по сравнению с западной традицией, основанной на строгой процедурности и определенности методов. В российской научной практике методами называются обычно общие подходы (аспекты) проблем (например: «историко-социологический», «лингвокультурный» и т. п.). Но когда мы говорим о мультимодальном анализе, то он рассматривается прежде всего именно как алгоритм действий, определенная процедура, позволяющая извлекать смыслы из анализируемого материала в соответствии с исследовательскими вопросами. Важнейшая задача любого метода – обеспечить исследованию достоверность, которая основывается в первую очередь на преодолении исследовательской субъективности, случайности заключений и выводов. Именно поэтому ИВ 3 особенно важен в нашем исследовании.

Полученные результаты отражены в таблице (табл. 1). В некоторых статьях предложены образцы мультимодального анализа, следующего определенному протоколу. Так, в исследованиях межперсональной коммуникации трижды упомянуты распознавание/разметка изображений с помощью программного обеспечения ELAN (2, 5, 14). Также авторы предлагают свои интерпретационные алгоритмы (1, 4, 8, 9). В некоторых случаях алгоритмы обосновываются и соотносятся с теоретическими подходами (8). В других случаях при анализе данных была сделана попытка извлечь возможные алгоритмы из приведенных примеров анализа. В результате выяснилось, что сами авторы, предлагая алгоритмы, придерживаются их лишь в общих чертах: либо анализ сводится к последовательному аннотированию выбранных элементов (их описанию – см. 4, 6, 7), либо авторы сосредоточены на каком-то отдельном элементе и предлагают его интерпретацию (например, 16). Ни в одной из статей не был представлен полноценный мультимодаль-

ный анализ, следующий какому-либо протоколу (поскольку авторы и не ставили такие цели); тем более показательно, что, возможно, такие статьи и не готовятся из-за трудоемкости и необходимости включения в публикацию обширных аннотаций и разметок.

Полученные данные позволяют обнаружить основные вызовы мультимодального подхода: программное обеспечение (российские авторы работают с программой ELAN, есть упоминания Sketch Engine) дает информацию, которая не может быть охвачена и обобщена в силу ее переизбыточности, отсутствия возможности учесть и охватить в анализе все представленные такими инструментами элементы, а главное – определенной «ненужности» этих данных для получения необходимых выводов. Именно поэтому большинство исследователей «оставляют» мультимодальному анализу только сам подход: внимание к элементам, которые обычно ускользали от интерпретации, а далее обнаруживают эти элементы и интерпретируют их, не придерживаясь никаких алгоритмов или порядка процедуры. В таблице такие способы применения мультимодального анализа обозначены выражением «свободная интерпретация»: исследователь характеризует выбранный элемент интуитивно, опираясь на метод свободных ассоциаций или культурный фон (см. например, 4). Встречаются и случаи внутреннего конфликта заявленного метода и его реализации. Так, в статье 16 обнаруживаем включение данных программной обработки больших массивов информации, но далее автор опирается на традиционный способ приведения отдельных примеров сетевой коммуникации в подтверждение своих выводов, оставив большие данные в стороне.

Обобщая полученные данные в части использования схем и алгоритмов анализа, можно отметить общую логику протокола мультимодального анализа, сложившегося в российских исследованиях:

1) выделение элементов (базовых единиц, аспектов и т. п.);

2) фиксирование элементов и их аннотирование;

3) извлечение смыслов.

При реализации этой общей схемы обнаружены следующие отступления от планируемого протокола действий:

1) отказ от учета всех элементов в силу неизбежной перегруженности, а главное, трудоемкости исследования; замена полного рассмотрения феномена во всех его аспектах отдельными наблюдениями над элементами, наиболее интересными исследователю (см. 4, 15);

2) отказ от протокола интерпретации – исследователь свободно рассуждает об изучаемом объекте, не связывая свою интерпретацию какими-либо ограничениями;

3) нередко: отказ от обобщающих выводов, «увязание» в интерпретациях отдельных элементов, отсутствие синтетической части исследования.

С этими наблюдениями перекликается и анализ данных, полученных в ответ на ИВ 4.

ИВ 4. Каковы интерпретационные границы полученных в ходе мультимодального анализа сведений с точки зрения философского подхода к коммуникации, направленного на выяснение ее онтологического и социетального статуса?

В этой части в таблице (табл. 1) собраны общие выводы, к которым авторы приходят на основе проведения мультимодального анализа (либо рассуждений о нем). Нас интересовал общефилософский аспект мультимодального анализа, поскольку изначально он был введен в научный оборот Гюнтером Крессом и Тео ван Лиувеном именно как инструмент философской деконструкции привычных дискурсов с целью обнаружения глубинных структур социальной системы, препятствующих ее развитию, гармонизации, усилению позиций демократии и т. п. (Kress and van Leeuwen, 1996).

Частотным становится вывод авторов, что отдельные модусы (коды, элементы)

обретают силу своего значения исключительно как часть общего ансамбля, представленного феноменом (1, 7, 10, 12). Также отмечены разные аспекты медиареальности, которые с помощью мультимодального анализа поддаются дешифровке и «расколдовыванию» (см., например, 15). Авторы исследования 11 указывают, что текстовая информация все равно доминирует в мультимодальных феноменах, а изображение лишь дополняет его. В работе 4 подчеркнуто, что мы можем рассматривать мультимодальные (неязыковые) элементы как жанрообразующие признаки/факторы. В работе 9 отмечено, что итогом мультимодального анализа должна быть не интерпретация самих элементов, но обнаружение связей между ними как смысловых констант целого. В половине работ не предлагается обобщений, проясняющих философский функционал мультимодального анализа.

Таким образом, проблема формулирования значения метода мультимодального анализа как инструмента постижения медиареальности еще ждет своего решения. Нельзя не согласиться с мнением авторов статьи 15: «В то же время главной задачей сегодня является разработка такой методологической базы дискурс-аналитического исследования, которая позволила бы интерпретировать связь между ключевыми элементами дискурсивной практики телевидения (слово, звук и изображение) и социокультурными категориями, такими как социальная дистанция, властные отношения, социальное включение и исключение, социальная идентичность и т. д.» (Красикова, Кожемякин, 2018).

Эту идею можно распространить и на другие типы медиафеноменов, обобщив ее как основную задачу метода, его целеполагание: мультимодальный анализ имеет смысл в том случае, когда с помощью его процедур исследователь выходит на уровень социокультурных значений, включая убедительную интерпретацию основных особенностей современной медиареальности.

Заключение

Проведенный анализ направлен на выяснение состояния мультимодального анализа в современном исследовательском поле с целью установления его значимости как способа получения философских обобщений о медиареальности и коммуникации. Как следует из материалов статьи, мультимодальный анализ в большей мере декларируется, то есть освоен, скорее, теоретически, нежели практически. В практическом применении метода возникают различные препятствия, связанные с трудоемкостью метода, неизменным отказом от полноценного анализа, обращением исследователей к отдельным аспектам этого инструментария для решения своих задач. В тех случаях, когда исследователи акцентируют такую задачу метода, как анализ социальных отношений-взаимодействий-дистанций, они неизбежно оказываются в методологическом пространстве символического интеракционизма, а собственно мультимодальный анализ тяготеет к обнаружению социально-семиотической нагрузки отдельных элементов изучаемого объекта. Однако стоит заметить, что именно такие примеры разборов приводили и Гюнтер Кресс, и Тео ван Лиувен (Kress and van Leeuwen, 1996).

По всей видимости, назревает необходимость не столько в новых программных продуктах и создании мультимодальных корпусов (хотя это тоже важно), сколько в «перезагрузке» самого метода. Важна мысль о том, что мультимодальный анализ не должен быть тотальным исследованием абсолютно всех модусов, собранных в медиафеномене. Так же, как отсеивание маргинального и сосредоточенность на важном обнаруживаются при айтрекинг-анализе, мультимодальный анализ, возможно, должен включать процедуру вычленения коммуникационного центра, работающего на производство смыслов активнее, чем периферия. Основная задача исследователей, заинтересованных в совершенствовании метода мультимодального анализа, во многом сводится к упрощению и значимостной пе-

реоценке протокола этого метода. Определенную перспективу такой «перезагрузки» открывает медиаэстетический подход, поскольку суть эстетического суждения (по И. Канту) – его дорациональность, мгновенность (с последующей когнитивной коррекцией). Очевидна сложность включения в процедуру метода элементов, не обладающих строгим рациональным содержанием, но, скорее всего, задача решается именно с помощью четкого протокола (как, например, сделано в ассоциативных экспериментах). Думается, что предложенная 25 лет назад схема медиаэстетического анализа Герберта Зеттла (Zettl, 1998) вполне согласуется с основным призывом Гюнтера Кресса помнить о единстве медиафеномена и симультанности его мультимодального воздействия на реципиента, но при этом обеспечивает четкий протокол исследования и способы преодоления исследовательской субъективности.

Также отметим ряд ограничений примененного в статье метода SLR: во-первых, мультимодальный анализ может проводиться авторами, не включающими его обозначение в заглавие (или даже в аннотацию и ключевые слова); во-вторых, отдельное рассмотрение именно российского исследовательского поля в отрыве от международной науки также может дать несколько предвзятую картину (из выборки были исключены англоязычные статьи российских авторов); в-третьих, объем выборки, возможно, требует расширения (например, охват более ранних периодов) и обнаружения определенной эволюции понимания и использования метода мультимодального анализа для получения более значимых выводов и обнаружения перспектив развития метода.

Литература

Го, Л., Ван, Ц. Анимационный фильм как средство политической коммуникации: мультимодальный анализ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 176-185. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10420.

Детинко, Ю.И. Мультимодальный текст как предмет анализа // Казанская наука. 2020. № 10. С. 113-116.

Дубровская, Т.В. Мультимодальный анализ в жанроведении: семиотика туристического буклета // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 4 (36). С. 250-261. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261.

Ильина, Е.В. Синхрония в устном последовательном переводе: опыт мультимодального анализа невербальной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (219). С. 123-131.

Кислицына, Н.Н., Чернявская, О.Г. Мультимодальный анализ дискурса в англоязычных блогах психологической тематики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 64-76. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-64-76.

Кононова, О.В., Прокудин Д.Е. Применение технологий извлечения, экспликации и анализа мультимодального контекстного знания при исследовании терминологической базы междисциплинарного направления «Информатизация научной деятельности» // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 12. С. 133-145.

Коротков, Е.А. Применение мультимодального дискурс-анализа при исследовании локализации видеоигр // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: Сб. науч. статей. Вып. 7 / под ред. Г.Р. Власян, М.А. Самковой. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. С. 74-78.

Красикова, Т.Р., Кожемякин, Е.А. Телевидение как объект мультимодального дискурс-анализа // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 4. С. 894-907.

Пильгун, М.А. Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте: протестные коммуникации & большие данные // Вопросы психолингвистики. 2018. № 36. С. 99-117. DOI: 10.30982/2077-5911-36-2-99-117.

Плешакова (Вильсон), А. Мультимодальный анализ международных новостей: о Красной курочке // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 4. С. 9-13.

Позднякова, Е.М., Блинова, О.А. Пандемия Covid-19 в политических карикатурах американской прессы: опыт мультимодального анализа // Научный диалог. 2021. № 1. С. 48-62. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-48-62.

Савельева, И.В. Глава 2. Исследование педагогической интеракции в вузе методом мультимодального анализа // Модели педагогической интеракции в процессе обучения иностранному языку в полиэтнической среде вуза: Колл. моногр. / науч. ред. И.В. Савельева. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. С. 32-63.

Сушкова, В.И. Особенности мультимодального подхода к анализу поликодовых текстов // Современный дискурс-анализ. 2021. № 2 (28). С. 72-76.

Трушина, М.К. Мультимодальный дискурс-анализ как актуальный метод сопоставительных дискурсивных исследований // Глобальный научный потенциал. 2022. № 10 (139). С. 293-295.

Цзян, Ш., Чулкина, Н.Л. Мультимодальный анализ этикета рукопожатия при приветственной церемонии государственного визита на основе программы ELAN // Litera. 2022. № 11. С. 95-104. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.11.39252.

Чэнь, С. Мультимодальный анализ педагогического дискурса в Китае: новый подход для профессиональной подготовки педагога // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 12. С. 141-144.

Щепилова, Г.Г. Теория многоступенчатого потока информации: новое прочтение // МедиаАльманах. 2013. № 5. С. 8-13.

Kitchenham, B. Procedures for performing systematic reviews. Keele, UK: Keele University, 2004. 26 p.

Kopecka-Piech, K. Mediatization of Physical Activity: Media Saturation and Technologies. New York, London: Rowman & Littlefield, 2019. 226 p.

Kress, G., van Leeuwen, T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 1996. 312 p.

Palmatier, R.W., Houston, M.B., Hulland, J. Review articles: Purpose, process, and structure // Journal of the Academy of Marketing of Science. 2018. No. 46. Pp. 1-5. DOI: https://doi.org/10.1007/s11747-017-0563-4.

Paul, J., Criado, A. R. The art of writing literature review: What do we know and what do we need to know? // International Business Review. 2020. Vol. 29. P. 101717.

Snyder, H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // Journal of Business Research. 2019. No. 104. Pp. 333-339.

Williams, R.I., Clark, L.A., Clark, W.R., Raffo, D.M. Re-examining systematic literature review in management research: Additional benefits and execution protocols // European Management Journal. 2021. No. 39 (4). Pp. 521-533.

Zettl, H. Contextual Media Aesthetics as the Basis for Media Literacy // Journal of Communication. 1998. Vol. 48. Iss. 1. Pp. 81-95.

References

Chen, X. (2022), “Multimodal Analysis of Pedagogical Discourse in China: A New Approach for Teacher Training”, *Pedagogical Education*, 3 (12), 141-144 (in Russ.).

Detinko, Yu. I. (2020), “Multimodal text as a subject of analysis”, *Kazan Science*, 10, 113-116 (in Russ.).

Dubrovskaya, T. V. (2022), “Multimodal analysis in genre studies: semiotics of the tourist booklet”, *Speech Genres*, 17 (4), 250-261, DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261 (in Russ.).

Guo, L. and Wang, C. (2021), “Animated film as a means of political communication: multimodal analysis”, *Znak: problemnoye pole mediaobrazovanija*, 4, 176-185, DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10420 (in Russ.).

Ilina, E. V. (2022), “Synchrony in consecutive interpretation: practice in multimodal analysis of non-verbal communication”, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Humanities (Philology)*, 1, 123-131 (in Russ.).

Jiang, Sh. and Chulkina, N. L. (2022), "Multimodal analysis of handshake etiquette during a state visit welcome ceremony based on the ELAN program", *Litera*, 11, 95-104, DOI: 10.25136/2409-8698.2022.11.39252 (in Russ.).

Kislitsyna, N. N. and Chernyavskaya, O. G. (2020), "Multimodal analysis of discourse in English-language blogs of psychological topics", *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 64-76, DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-64-76 (in Russ.).

Kitchenham, B. (2004), *Procedures for performing systematic reviews*, Keele University, Keele, UK.

Kononova, O. V. and Prokudin, D. Ye. (2020), "Application of technologies for extraction, explication and analysis of multimodal contextual knowledge in the study of the terminology base of the interdisciplinary direction 'Informatization of scientific activity'", *International Journal of Open Information Technologies*, 8 (12), 133-145 (in Russ.).

Kopecka-Piech, K. (2019), *Mediatization of Physical Activity: Media Saturation and Technologies*, Rowman & Littlefield, New York, USA; London, UK.

Korotkov, Ye. A. (2022), "The use of multimodal discourse analysis in the study of video game localization", *Aktual'nyye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley: Sbornik nauchnykh statey. Vyp. 7* [Actual problems of linguistics: the view of young researchers: A collection of scientific articles. Iss. 7], in Vlasyan, G. R., Samkova, M. A. (eds.), Biblioteka A. Millera, Chelyabinsk, Russia, 74-78 (in Russ.).

Krasikova, T. R. and Kozhemyakin, Ye. A. (2018), "Television as an object of multimodal discourse analysis", *Uchenyye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnyye Nauki*, 160 (4), 894-907 (in Russ.).

Kress, G. and van Leeuwen, T. (1996), *Reading Images: The Grammar of Visual Design*, Routledge, London.

Palmatier, R. W., Houston, M. B. and Hulland, J. (2018), "Review articles: Purpose, process, and structure", *Journal of the Academy of Marketing of Science*, 46, 1-5.

Paul, J. and Criado, A. R. (2020), "The art of writing literature review: What do we know and what do we need to know?", *International Business Review*, 29, 101717.

Pilgun, M. A. (2018), "Psycholinguistic analysis of media content in the multimodal aspect: protest communications & big data", *Journal of Psycholinguistics*, 36, 99-117, DOI: 10.30982/2077-5911-36-2-99-117 (in Russ.).

Pleshakova (Wilson), A. (2019), "Multimodal analysis of international news: about the Red Hen", *International Relations and Society*, 1 (4), 9-13 (in Russ.).

Pozdnyakova, E. M. and Blinova, O. A. (2021), "The Covid-19 pandemic in the political cartoons of the American press: the experience of multimodal analysis", *Nauchnyi dialog*, 1, 48-62, DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-48-62 (in Russ.).

Savelyeva, I. V. (2020), "Chapter 2. The study of pedagogical interaction at the university by the method of multimodal analysis", *Modeli pedagogicheskoy interaktsii v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v polietnicheskoy srede vuza* [Models of pedagogical interaction in the process of teaching a foreign language in a multiethnic environment of a university], in Savelyeva, I. V. (ed.), Publishing House of Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, 32-63 (in Russ.).

Schepilova, G. G. (2013), "The theory of multi-stage information flow: a new approach", *MediaAlmanah* [Media Almanac], 5, 8-13 (in Russ.).

Snyder, H. (2019), "Literature review as a research methodology: An overview and guidelines", *Journal of Business Research*, 104, 333-339.

Sushkova, V. I. (2021), "Peculiarities of the multimodal approach to the analysis of polycode text", *Sovremenny diskurs-analiz* [Modern discourse analysis], 2 (28), 72-76 (in Russ.).

Trushina, M. K. (2022), "Multimodal discourse analysis as an actual method of comparative discursive research", *Global Scientific Potential*, 10, 293-295 (in Russ.).

Williams, R. I., Clark, L. A., Clark, W. R. and Raffo, D. M. (2021), "Re-examining systematic literature review in management research: Additional benefits and execution protocols", *European Management Journal*, 39 (4), 521-533.

Zettl, H. (1998), "Contextual Media Aesthetics as the Basis for Media Literacy", *Journal of Communication*, 48 (1), 81-95.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Загидуллина Марина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории медиа факультета журналистики, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, д. 129, г. Челябинск, 454001, Россия; *mvzagidullina@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Marina V. Zagidullina, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Media, Faculty of Journalism, Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russia; *mvzagidullina@yandex.ru*

УДК 81-13 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-8**

Якоба И. А.

Метод интерпретации в аспекте инференции на примере медийного дискурса о вакцинации

Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, д. 83, г. Иркутск, 664074, Российская Федерация;
Иркутский государственный университет, ул. Улан-Баторская, д. 6, г. Иркутск, 664082, Российская Федерация; *irina_yakoba@mail.ru*

Аннотация. Метод интерпретации в аспекте инференции рассматривается как способ логического обоснования эмпирических данных медийного дискурса о вакцинации. Целью исследования является показать обоснованность и валидность данных методов для лингвистических исследований, продемонстрировать их применение с позиции социологии, лингвистики и аксиологии на медийных примерах. Синергия данных направлений способствует расширению прикладных возможностей методов инференции и интерпретации. Потенциал методов усиливается при мультиполярном подходе к анализу, учитывающем противоположные ценностные позиции адресата и адресанта, рассматриваемые на материале слоганов и объявлений о вакцинировании от коронавируса. В ходе данного исследования выявлены лингвокогнитивные механизмы фреймирования, фокусирования, вовлечения, имажинеринга, диалогизации, метафоризации, персонализации. Отмечается, что на активацию данных механизмов оказала воздействие аттрактивность эпидемиологической ситуации, которая более трех лет оставалась в рейтинге наиболее острых проблем современного человечества. В результате исследования создана когнитивная модель рассматриваемых дискурсивных поликодовых примеров, направленных на воздействие на адресата. Модель демонстрирует лингвокогнитивные механизмы, активирующиеся при восприятии, оценивании и интерпретации топика вакцинации в поликодовом представлении. Для понимания основы выбора, стоящего перед каждым членом общества, предложена авторская методика синергийного подхода к дискурс-анализу.

Ключевые слова: интерпретация; инференция; медийный дискурс; ценности; механизмы; стратегии; вакцинация

Для цитирования: Якоба И.А. Метод интерпретации в аспекте инференции на примере медийного дискурса о вакцинации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 100-113. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-8

I. A. Iakoba

Method of interpretation in the aspect of inference on the example of media discourse on vaccination

Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia;
Irkutsk State University, 6 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, Russia; *irina_yakoba@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to prove the validity of the methods of interpretation and inference for a comprehensive interdisciplinary analysis of media creolized advertising texts. The method of interpretation in the aspect of inference allows us to consider the situation both from the position of the addresser and from the position of the addressee, which leads to a wider coverage of opinions, positions, points of view for a deeper understanding of the problem. The method of cognitive modeling contributes to a visual representation of cognitive processes that arise when faced with a problem, challenge, situation of cognitive uncertainty. The synergy of these directions contributes to the expansion of the applied possibilities of the methods of inference and interpretation. The potential of the methods is enhanced with a multipolar approach to analysis, taking into account the polar value positions of the addresser and addressee, considered on the material of slogans and announcements about vaccination against coronavirus. Among the identified linguocognitive mechanisms in given examples, we note framing, focusing, involvement, imagining, dialogization, metaphorization, personalization. As a result of the study, a cognitive model of the mechanisms of the coronavirus vaccination situation examples is presented. The model demonstrates a wide coverage of linguocognitive mechanisms that are activated when perceiving, evaluating, analyzing and interpreting the attractive vaccination process that every person faces. To understand the basis of the choice facing each law-abiding member of society, the author's method of a synergistic approach to analysis is proposed.

Keywords: interpretation; inference; media discourse; values; mechanisms; vaccination

For citation: Iakoba I. A. (2023), “Method of interpretation in the aspect of inference on the example of media discourse on vaccination”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 100-113, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-8

Введение

Динамичность, изменяемость и конструируемость современной социальной реальности, в том числе социального медийного дискурса, требуют от лингвиста регулярного пересмотра и обновления методов исследования.

Рефлексия методологической базы для лингвосоциоаксиологических исследований направлена на повышение валидности качественных методов, которые используются для исследования идей, мыслей или опыта людей посредством интервью, работы с фокус-группами, тематических исследований, дискурс-анализа, обзора литературы и т. п. В качественных исследованиях анализ основан на наблюдениях и интерпретации изображений, письменного и устного языка. Специфические методы включают в себя разные виды анализа, такие как: контент-анализ (анализ содержания), который основан на выявлении и категоризации значений предложений, слов и фраз; тематический анализ, основанный на классификации и детальном изучении данных для определения тем и моделей; дискурс-анализ, включающий анализ смыслов и мотивов социального действия, изучение социального контекста коммуникации.

Исследование актуально выявлением лингвокогнитивных механизмов, активирующихся при столкновении с необходимостью принимать специальные меры защиты во время эпидемии, значимостью материала исследования, а именно медиатизации и аксиологизации темы вакцинации от коронавируса. Новизна заключается в обосновании совместного использования методов интерпретации и инференции в лингвистическом исследовании, их взаимном влиянии на когнитивные процессы восприятия, понимания, осознания, анализа рассматриваемой ситуации медийного дискурса. Впервые анализу и выявлению лингвокогнитивных механизмов подвергаются поликодовые объявления, призывающие вакцинироваться от коронавируса, найденные в медийном дискурсе. Цель статьи обосновать валидность использования метода интерпретации в аспекте инференции в медийном дискурсе для выявления и анализа когнитивных инструментов, задействованных адресантом при конструировании «правильных» реакций на заданные дискурсивные интенции.

Методология

Методология анализа основана на теории интерпретации (Демьянков, 1989; Валуйская, 2012), теории оценки (Арутюнова, 1999), на концепциях инференции (Суворова, 2016, 2018; Краткий словарь…, 1996; Rickheit, 1985), на концепции стратегичности понимания текста, на положениях динамического подхода к анализу дискурса (Динамика и статика…, 2021; Мышкина, 1991), на теории аксиологической лингвистики, положениях лингвоаксиологического анализа дискурса (Серебренникова, 2011, 2015, 2021), включающего методы интерпретационного анализа, инферирования к ценностному измерению языка, когнитивного моделирования. Совмещение нескольких методов приводит к их синергии и открывает новые грани лингвосоциоаксиологических исследований. Метод интерпретации в аспекте инференции позволяет рассмотреть ситуацию как с позиции адресанта, так и с позиции адресата, что приводит к более широкому охвату мнений, позиций, точек зрения для более глубокого понимания проблемы. Метод когнитивного моделирования способствует наглядному представлению когнитивных процессов, возникающих при столкновении с проблемой, вызовом, ситуацией когнитивной неопределенности, их систематизации.

Для проведения лингвистического анализа на материале современного медийного дискурса был выбран качественный метод отбора материала, обычно используемый для социологических исследований, что позволило сократить количество примеров, при этом уделить больше внимания каждому случаю, привлечь к анализу экстралингвистические факторы и гибко управлять ходом исследования. Качественная методология направлена на познание объекта естественным способом, использует «неструктурированные методы сбора данных и анализ ситуации или процесса во всем жизненном многообразии составляющих элементов» (цит. по (Измайлова, 2011: 140) из (Семенова, 1998)). Качественное исследование отличается особой, постоянно достраивающейся траекторией проведения и итерационным характером: анализ происходит одновременно со сбором информации, достраивание и перестраивание теоретических обобщений происходит во время работы с полевым материалом, что позволяет гибко управлять исследовательским процессом и своевременно перенаправлять его при необходимости или появлении новых эмпирических данных.

Таким образом, теория «формируется в ходе исследовательского поиска, следуя логике и нюансам поля» (Абельс, 1998). В связи с тем, что выводы, полученные в качественном исследовании, имеют относительный характер и могут быть отвергнуты последующими исследованиями на других объектах, были привлечены логические методы инференции. Утверждается, что в качественном исследовании «допускается переформулирование используемых понятий, отказ от некоторых из них, введение новых понятий» (Измайлова, 2011: 142). Выборка

в качественной методологии является целевой и целеориентированной. В связи с положением, что особенностью целевой выборки является «отбор информационно богатых случаев для глубинного изучения» (Качественные методы, 2009), в ходе данного качественного исследования были отобраны такие случаи, на основании которых можно сделать обобщающие выводы, имеющие значение для рассматриваемой медийной ситуации в целом.

Теоретические обоснования

Полагаем вслед за такими учеными, как Д.С. Лихачев, М.М. Бахтин, В.Г. Кузнецов, что рассматривать «произведение дóлжно в рамках исторической ситуации, т. е. необходима историческая интерпретация, которая предполагает мысленное перенесение истолкователя в эпоху автора и его отождествление с личностью автора. Историческая интерпретация объясняет осознанные и бессознательные моменты, повлиявшие на авторский творческий процесс» (Рубцова, 2016: 58). При этом задача интерпретатора – правильно оценить время, ситуацию, культуру и обстоятельства создания текста, учитывать смысл, вложенный автором, свой культурный опыт, что приводит к возможности появления множественности интерпретации. Самое главное, однако, осознавать логические рамки разумного, избегая субъективной оценки. «Именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» (Рикёр, 2008: 19). Интерпретация по словам Х.-Г. Гадамера, является «с одной стороны, аналитическим и обобщающим знанием, дающим понятие о произведении, а с другой стороны, художественным восприятием и переживанием всех деталей» (Гадамер, 1988: 99). Таким образом, важно выделить как рационально-логический, так и эмоционально-выразительный аспекты понятия интерпретации.

В концепции В.З. Демьянкова выделяются опорные пункты (слова, конструкции, мысли, на которые опираются при интерпретации) и «инструменты» интерпретации как «свойства конкретной речи (предложений или текста в их составных частях и отношениях); знания (локальные: контекст и ситуация, импликация в тексте; глобальные: конвенции и правила); стратегии, которые организуют ход интерпретирования и соединяют цель и средства» (цит. по (Валуйская, 2012: 211) из (Демьянков, 1989: 84)).

Необходимо отметить, что интерпретатор может рассматриваться как эмпатик и как критик: «Эмпатик пытается понять текст как нечто свое, соединившись с внутренним миром автора, сохраняя эмоциональные и смысловые оттенки. Критик ставит перед собой цель оценить (оценка может быть многомерной, не только положительной или отрицательной), что способствует отстранению интерпретатора от автора» (цит. по (Валуйская, 2012: 211) из (Мышкина, 1991: 120)). При таком понимании интерпретатора и процесса интерпретации «критерии оценки прочтений» зависят от «теории идеологий» (Растье, 2001: 283).

Полагаем, что интерпретация осуществляет знаковое преобразование знания внешнего в знание внутреннее, его переработку и последующую вербализацию, что указывает на успешность процесса понимания. Как глубокий уровень когниции, интерпретация осуществляется с помощью понимания. Однако при этом, по сравнению с инференцией, интерпретация располагается на более внешнем, поверхностном когнитивном уровне, так как инференция представляет собой более глубинный внутренний когнитивный механизм, требующий бóльших знаний, в том числе фоновых, и критических навыков анализа.

Ниже приведены разные аспекты определения сути инференции, выявленные известными учеными, способствующие дальнейшему осмыслению понятия. Инференция представляется как «когнитивная операция человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек *выходит за пределы данного и получает новую информацию*» (Краткий словарь, 1996:

33). Инференция рассматривается как «форма мыслительной деятельности» (Суворова, 2018: 179), основу которой составляет «концептуальная интеграция» (Turner, Fauconnier, 2016), «фоновые, в том числе, общие для говорящих знания» (Brown, Yule, 1983).

Выдвигается конструктивистская теория инференции А. Граессера, М. Зингера, У. Трабассо, которая основана на структурах знаний для создания референтной ситуативной модели нарративного текста. Данная теория включает «поиск после смыслового восприятия», подразумевающего, что читатель конструирует смысловую репрезентацию в соответствии со своими читательскими целями и согласует ее на глобальном и локальном уровнях, объясняя действия и события в тексте. Таким образом, ситуационная модель, по мнению А. Граессера, М. Зингера, У. Трабассо, представляет собой «ментальную репрезентацию героев, событий, действий, окружающей обстановки и т. п., которые упоминаются в тексте эксплицитно или *заполняются инференционно за счет активации структур фоновых знаний*. Фоновые знания активируются через узнавание паттернов, эксплицитное содержание слов и их комбинаций, интерпретацию текста. Если структура фоновых знаний знакома, большая ее часть активируется в рабочей памяти автоматически» (Graesser, Singer, Trabasso, 1994: 371-395).

В своих исследованиях А.Дж. Санфорд и С.С. Герод выделяют инференцию: 1) «автоматическую», бессознательную и 2) контролируемую, осознанную (Sanford, Garrod, 1981: 104). Е.В. Суворова предлагает классификацию видов инференции на основе общих критериев речевого мышления, не связанных с каким-либо конкретным продуктом речевой деятельности. В качестве основы выделения видов инференции предлагаются такие *мыслительные операции (механизмы), как сравнение, достраивание (фрейминг), интеграция, элиминация, дедукция и индукция* (Суворова, 2018: 176). Следовательно, инференция используется в нашем исследовании как глубинный когнитивный механизм, направленный на разноуровневую обработку информации как рациональными, так и эмоциональными способами для получения выводного знания.

Ход и результаты исследования

В ряду важнейших и самых распространенных лингвокогнитивных механизмов, активируемых для управления осмыслением адресатом ситуаций медийного дискурса, ранее были выявлены: *вовлеченность, дефокусирование, диалогизация, имажинеринг, инспирация, метафоризация, персонализация, позиционирование, рефреймирование, спин-докторинг, фокусирование, фреймирование* (Якоба, 2017: 108). В данном исследовании выделены и описаны лингвокогнитивные механизмы, активирующиеся во процессе интерпретации в аспекте инференции, на материале креолизованных слоганов и объявлений о вакцинировании от коронавируса.

Представим пример, демонстрирующий действие механизмов *диалогизации, фреймирования и фокусирования, стратегии аксиологического сдвига* (рис. 1). Отметим, что понятие фрейма введено в научный оборот И. Гоффманом. В социологии социальных движений концепции фрейминга восходят к работе Д. Сноу и Р. Бенфорда, согласно которой «фреймы суть интерпретативные схемы, которые упрощают (конденсируют) этот “внешний” образ мира посредством избирательной акцентировки и кодирования объектов, опыта, и последовательности действий в среде их прошлого и настоящего обитания» (Snow and Benford, 1995: 137). Фрейминг (фреймирование) представляется У. Гамсоном как концепция, связывающая познание и культуру. Культура «говорит» нам, что наш политический мир уже «фреймирован», что события, о которых нам сообщают медиа, уже препарированы и упакованы, то есть мы не можем получать их в «сыром виде». «Однако мы все же активные “процессоры” и, хотя воспринимаемая нами реальность уже

закодирована, зашифрована, мы способны декодировать ее самым разным образом» (Gamson, 1992: 375). В литературе по социальным движениям различаются четыре типа манипуляций с фреймами: объединение (сходных фреймов), их трансформация, усиление и расширение (поля действия) некоторого фрейма (Tarrow, 1992: 188). Также фреймирование представляется как процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий/ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях/ситуациях сообразно присвоенным им значениям (Яноу, Хульст 2011: 93). В данной статье *фреймирование* предлагается рассматривать как механизм конструирования оценки и мнения о какой-либо ситуации, событии, ограниченный аксиологическими рамками.

Фокусирование предлагается рассматривать как механизм, направленный на акцентуацию объекта с заданного ракурса рассмотрения события или факта. Адресант направляет внимание адресата, смещая смысл сообщения, изменяя модальность, навязывая свою оценку без представления других позиций. Таким образом, фокусирование представляет собой механизм распределения внимания (Толдова, 1994).

Для конструирования видимости общения внедряется механизм *диалогизации*. Диалогизация – это процесс конструирования диалога, для чего используются риторические вопросы и готовые ответы, что создает эффект общения адресанта и адресата, заботы об улучшении социального положения последнего.

Плакаты, подобные приведенному (рис. 1), появились в 2021 году одновременно в разных регионах России (URL: https://zen.yandex.ru/media/ok113/vakcinirui-sia-ili-umri-60dc6780828fb32711908d1c). Стандартно, на белом или черном фоне крупным шрифтом красного цвета представлен один вопрос: *Сколько должно умереть, чтобы ты привился?* Далее следует восклицание-призыв: *Вакцинируйтесь!*

Рис. 1. Сколько должно умереть, чтобы ты привился? Вакцинируйтесь!
Fig. 1. How many have to die for you to graft? Get vaccinated!

Текст данного объявления вызывает очень много вопросов и эмоций. Рассматриваемый плакат расположен вдоль дороги. На нем на белом фоне заглавными буквами по центру представлено два предложения. Первое предложение выражено вопросом, первая часть которого выделена красным шрифтом. Данный вопрос является обращением ко второму лицу в единственном числе (ты). Второе предложение состоит из одного глагола, выражено призывом к действию ко второму лицу во множественном лице (вы). Оно изображено белыми буквами на красном фоне. Отметим, что это смысловое несоответствие первой и второй

строк вопроса сразу бросается в глаза: непонятно, к кому происходит обращение – к одному человеку или группе. Не указывается заказчик данного плаката, хотя обычно, если плакат относится к социальной или коммерческой рекламе, внизу присутствует надпись, позволяющая понять, кто заказал данное объявление.

Инференция данного плаката приводит к выводу, что адресат считается виноватым в том, что он не привит. Суггестивное обвинение в смертях умерших людей является явным преувеличением. Обнаруживается действие механизмов фреймирования и фокусирования, которые сужают фокус внимания адресата, акцентируя внимание на причине смерти. Но, во-первых, неизвестно, является ли адресат вакцинированным или нет; во-вторых, не указывается болезнь, от которой надо вакцинироваться; в-третьих, не все люди, заболевшие коронавирусом, умирают от этого. Дополнительное давление на адресата создается с помощью модального глагола *должно*, что усиливает степень обоснованности вопроса.

Интенция данного плаката заключается в том, чтобы адресат интерпретировал вопрос как упрек. Имплицитно этот вопрос заставляет адресата почувствовать вину, так как не вакцинированный адресат как бы является причиной смерти людей, которые якобы могли заразиться от других невакцинированных людей, одним из которых мог быть адресат. Данная интерпретация основывается на выдвижении ценностей жизни и здоровья на первый план. Импликация воздействия на моральный долг подразумевает бóльшую значимость общества по сравнению с жизнью и желаниями одного человека. Воздействие оказывается и на формирование желаемой траектории дальнейших действий адресата, а именно путем использования призыва к необходимому действию. Такая стратегия аксиологического сдвига, установление иного отношения к проблеме и предложение выхода из создавшейся ситуации, обнаруживает действие *умной силы* дискурса.

Умная сила используется для управления траекторией дискурса, чтобы регулировать дискурсивно-коммуникативный процесс. Под действием *умной силы* адресату кажется, что он сам выделяет и оценивает проблему, принимает решение, когда на самом деле адресант умно управляет адресатом, предлагая готовые варианты решения проблемы, поворачивает его внимание в нужном направлении, действуя суггестивно, что интерпретируется как сильное желание адресанта убедить адресата в срочной необходимости поставить прививку. Под действием таких когнитивных инструментов адресат начинает оценивать вакцинацию более положительно, более охотно идет прививаться.

Представим второй креолизованный пример, демонстрирующий действие механизмов *вовлечения и фокусирования* (рис. 2), который был выявлен в новостном дискурсе г. Алматы (URL: https://almaty.tv/news/vaktsinatsiya/1737-vaktsiniruysya-i-vyigray-iphone-12-aktsiyu-zapustil-esche-odin-trts-v-almaty).

В общем смысле вовлечение в дискурсе коммерческой рекламы является инструментом мягкой силы, реализуется посредством инструмента «soft sell» как ненавязчивого пропагандирования, тонкого рекламирования, популяризации товара путем бесед в разнообразных СМИ, в Интернете, по радио и на телевизионных ток-шоу, внедрения скрытой рекламы в фильмах. Отметим, что инструмент «soft sell» рассматривается в бинарной оппозиции с инструментом «hard sell», понимаемым как навязчивая реклама, отличающаяся настойчивостью, усиленным рекламированием продуктов, используя агрессивные жесткие методы продажи, основанные на жесткой силе. Понятия *вовлечение* и *вовлеченность* уточняются по отношению к сторонам коммуникации − адресанту-вовлекателю и адресату-вовлекаемому с точки зрения способности и готовности вступать в управляемое взаимодействие в коммуникации. Вовлечение рассматривается как коммуникативная стратегия, нацеленная на включение

адресата во взаимодействие с брендом: как единовременное, так и отложенное, направленное на перспективу (Ухова, Жукова, 2019: 80). *Вовлечение* здесь понимается как механизм, который позволяет вовлечь адресата в социально-значимую деятельность.

Рис. 2. Пройди вакцинацию от COVID-19 бесплатно и стань участником розыгрыша
Fig. 2. Get vaccinated against COVID-19 for free and become a participant in the draw

Объявление (рис. 2) поликодово представляет несколько смыслов. В верхнем левом углу расположено название заведения, в котором проводится рекламируемая акция, что является скрытой рекламой. В верхнем правом углу находятся сроки акции. В центральной части слева представлено предложение-призыв *Пройди вакцинацию от COVID-19 бесплатно в торговом доме «ЦУМ» и стань участником розыгрыша IPhone 12,* справа картинки телефона и красивой упаковки с красным бантом. Выбранные контрастные яркие цвета для графических элементов – белый, черный и бордовый – призваны расставить смысловые акценты. Призыв призван вовлечь адресата в игру (розыгрыш телефона), тем самым как бы «подсластить пилюлю», предлагая заменить негативное, неприятное действие на ожидание чуда. Внизу указан адрес заведения белыми буквами на бордовом фоне, что, как и название, призвано привлечь внимание. Отметим, что для аттрактивизации сообщения некоторые слова написаны заглавными буквами на английском языке. Отметим, что когнитивный процесс аттракции способствует привлечению внимания к теме сообщения, являясь центром притяжения для избавления от когнитивного диссонанса при столкновении конфликтующих ценностей.

Инференция данного сообщения заключается в смещении оценивания процесса вакцинации от сложного и пугающего медицинского процесса до очень простого и обыденного действия, которое к тому же может привести к получению дорогого подарка в виде телефона. Смещение смысла происходит путем вовлечения адресата в игровой процесс. Суггестивное воздействие также основано на склонности к жадности и «халяве», подогревается интересом к риску и надеждой на получение подарка, посредством стратегии моделирования будущего.

Интенция данного объявления направляет адресата интерпретировать сообщение как сделку, выгодную адресату.

Транслируемые ценности основаны на реализации материальной потребности в статусных вещах, которые человек среднего или низкого достатка сам себе купить позволить не может.

В этом примере наблюдается действие умной силы, которая смещает ценностные ориентиры адресата, воздействуя на эмоциональное мышление и удовлетворение потребностей, направляя адресата по заданной траектории – поставить прививку и получить приз, если повезет. Такое моделирование позитивного будущего выявляет соответствующую стратегию и способствует управлению коммуникацией.

Третий пример демонстрирует действие механизмов *имажинеринга, метафоризации, персонализации,* стратегии устрашения, тактики магнификации угрозы (рис. 3).

Рис. 3. От прививки отбивался и без легких он остался
Fig. 3. He fought back from vaccination and was left without lungs

Механизм *имажинеринга* (лат. imago – изображение, образ; в переносном значении – возникающий в сознании образ) используется для визуализации идей при помощи яркого запоминающегося описания образов объекта, событий будущего, настоящего или прошлого, которые способны вызвать сильные эмоции: страх, гнев, отвращение, радость, сочувствие, желание и т. д.

Механизм *метафоризации* используется для осмысления концептов с опорой на другие, служащие эталоном, создавая ассоциативные ряды. Аналогии, основанные на когнитивной метафоре, «дают возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенный в одной области, для решения проблемы в другой области» (Минский, 1979). Метафора конструируется адресантом «путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта» (Арутюнова, 1999: 357), активируя образное мышление. Отметим, что метафора «не дает конечного аксиоматичного знания, она дает основание для бесконечных интерпретаций метафорического кода в аспекте динамического развития мышления» (Хахалова, 2013: 91).

Механизм *персонализации* используется для иллюзии установления близких отношений адресанта с адресатом посредством перехода от официального общения к дружескому, когда коммуниканты переходят на «ты», адресант доверительно делится личными впечатлениями, событиями, новостями, как будто адресат является его давним другом.

Третий пример представляет один из агитационных плакатов в советском стиле, призывающих сделать прививку от Covid-

19, опубликованных Правительством Оренбургской области. «Если бы коронавирус пришел к нам в советское время, думаем, плакаты, призывающие на прививки, выглядели бы так», – написано в социальных сетях правительства Оренбургской области (Колпакова, https://www.ural56.ru/news/660009/).

Данный плакат имплицитно отсылает к стихотворениям В.В. Маяковского, которые «бьют наотмашь», образно, лаконично, кратко, в рифмованной форме предлагают задуматься о заданной теме, призывают к действию. Такое сообщение легко запомнить, оно создает очень яркий устрашающий образ: *От прививки отбивался и без легких он остался.* Визуализация трагедии как борьбы и проигрыша основана на механизме имажинеринга в подвиде драматизации, который активирует воображение и рисует драматические картины, в которых прививка олицетворяется и пытается спасти от смерти адресата. Интерпретацию в данном русле подтверждает визуальный ряд плаката, на котором изображена строгая женщина в красной косынке, указывающая пальцем на лежащего внизу человека. Справа вверху расположен еще один маленький рисунок, как бы продолжающий хронологический ряд и представляющий последствия происшествия. Таким образом, снова дополнительно активируется стратегия моделирования будущего, в данном случае негативного сценария развития событий в случае отказа от вакцинации.

Инференция данного примера заключается в развитии идеи важной роли вакцинации, отказ от которой может привести к смертельному исходу. Транслируется бинарная оппозиция ценностей «здоровье» или «смерть». Метафоричность сообщения заключается в невозможности жить без легких, что влечет летальный исход. Создание визуального ряда ситуаций от третьего лица единственного числа (отбивался, остался) подразумевает наличие персонажа мужского рода, что позволяет дистанцировать ситуацию от адресанта и адресата и дать пример, которому нельзя подражать. Цель сообщения состоит в подведении адресата к мысли о необходимости вакцинации, чтобы не оказаться в подобной ситуации на грани смерти. Стратегия устрашения активируется с помощью указания на последствия, которые могут возникнуть в случае отказа от заданного действия. Посредством тактики магнификации угрозы визуализируются данные последствия, а именно возможность «остаться без легких», что инферирует к смерти, так как без легких продолжение жизни невозможно.

Подводя итог, продемонстрируем когнитивную модель механизмов интерпретации в данных примерах ситуации вакцинирования от коронавируса (рис. 4). Данная модель показывает активацию семи лингвокогнитивных механизмов из двенадцати представленных в начале статьи, при этом механизмы вовлечения и фокусирования активируются дважды. В первом примере происходит активация когнитивных механизмов фреймирования, фокусирования и диалогизации. Во втором примере активировались механизмы вовлечения и фокусирования. Третий пример показывает действие механизмов имажинеринга, метафоризации и персонализации. Следовательно, заказчики или создатели данных объявлений на тему вакцинации намеревались воздействовать на адресата разнообразными способами, чтобы достичь перлокутивного эффекта и убедить адресата в необходимости вакцинироваться. Отметим, что другие примеры могут содержать иные смыслы и активировать иные механизмы когнитивной деятельности.

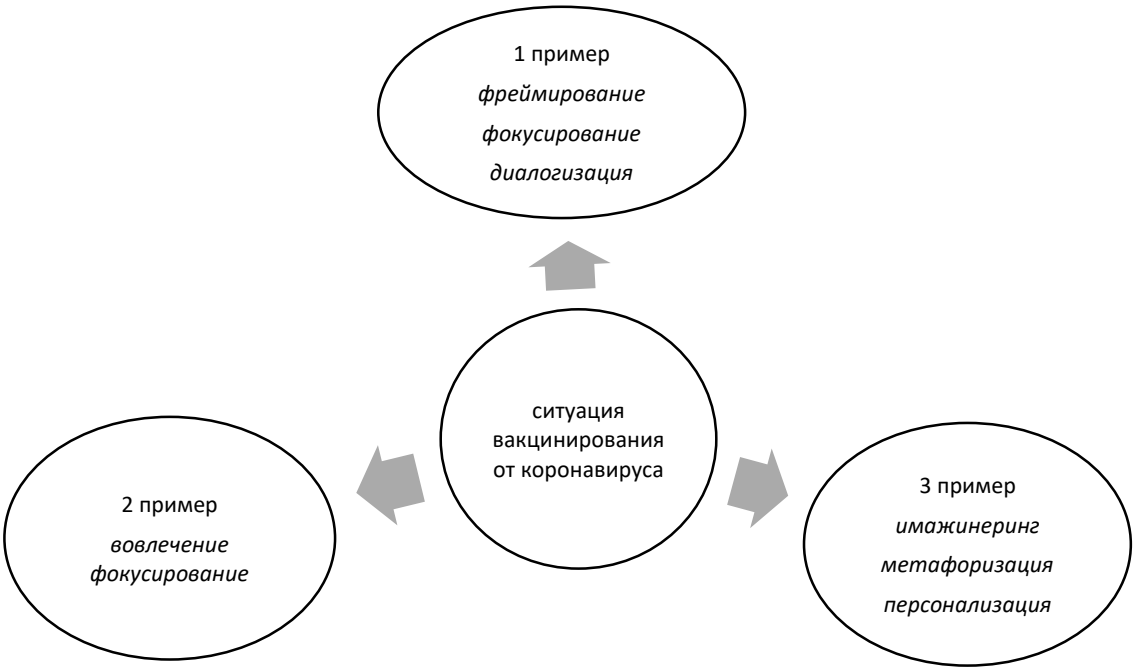


Рис. 4. Когнитивная модель механизмов креолизованных примеров ситуации вакцинирования от коронавируса
Fig. 4. Cognitive Model of the Mechanisms of Creolized Examples of the Coronavirus Vaccination Situation

Заключение

Проведенный лингвосоциоаксиологический анализ раскрывает новые возможности использования методов интерпретации и инференции при комплексном исследовании социального медийного дискурса. Метод интерпретации в аспекте инференции позволяет взглянуть на ситуацию с нескольких ракурсов одновременно: с позиции социолога, лингвиста и философа-аксиолога. Раскрываемые смыслы демонстрируют многообразие ценностей, многовариантность точек зрения в современном глобальном социуме, где стираются границы между правдой и ложью, добром и злом, свободой и обязанностями, страхом и ответственностью. Выявленные лингвокогнитивные механизмы используются для эффективной коммуникации, создаются адресантом для воздействия на адресата не всегда осознанно и целенаправленно, но позволяют добиться более точного и глубокого эффекта достижения целей. При этом автор не претендует на истинность высказываемых позиций по отношению к рассмотренным примерам, а лишь расширяет горизонты многообразия когнитивных инструментов человеческой психики. Представлена авторская методика синергийного подхода к анализу аттрактивных ситуаций, важных для каждого члена общества, объясняющая скрытые мотивы интенций адресанта и суггестивные когнитивные операции, подталкивающие адресата к принятию решения.

Литература

Абельс, Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 114-138.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Валуйская, О.Р. Интерпретативность как потенциальное свойство текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 210-215.

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. под

общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во МГУ, 1989. 171 с.

Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е.Ф. Серебренниковой. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. 285 с.

Измайлова, Т.В. Выборка в качественном социологическом исследовании как теоретико-методологическая проблема // Качественные методы. Социологические методы в современной исследовательской практике: Сб. ст., посвящ. памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / под ред. О.А. Оберемко. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 140-143.

Качественные методы. Полевые социологические исследования / Штейнберг, И. и др.: Конвенция независимых социологических центров, Центр независимых социологических исследований. СПб: Алетейя, 2009. 345 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г.; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Минский, М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. Гринбаума, О.Н.; под ред. Кулакова, Ф.М. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Мышкина, Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 212 с.

Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / пер. с фр., примеч., предм.-имен. указ. Бочкарева, А.Е. Н. Новгород: Деком, 2001. 367 с.

Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Вдовиной, И.С. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

Рубцова, С.П. Интерпретация и объяснение: два подхода к пониманию текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2016. № 2. С. 57-66.

Семенова, В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 289 с.

Серебренникова, Е.Ф. Аксиологическое измерение дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 21 (732). С. 128-137.

Серебренникова, Е.Ф. Ключевые понятия лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов / отв. ред. Викулова, Л.Г. М.: Тезурус, 2011. С. 7-27.

Серебренникова, Е.Ф., Садовникова, О.Н. Стратегичность валоризирующего дискурса в предметной сфере инноваций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 158–167.

Суворова, Е.В. Виды инференций в дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 176-181. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.41

Суворова, Е.В. Процессы инференции в номинации фразеологизмов // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 74 междунар. науч.-техн. конф. / под ред. В.М. Колокольцева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. 2016. Т. 2. С. 272-275.

Толдова, С.Ю. Структура дискурса и механизм фокусирования как важные факторы выбора номинации объекта в тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1994. 22 с.

Ухова, Л.В., Жукова. А.Г. Вовлечение как доминирующая коммуникативная стратегия клиентоориентированного маркетинга // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 72-80.

Хахалова, С.А. Метафора: динамика эмоционального и рационального, бессознательного и сознательного // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 90-95.

Якоба, И.А. Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка». Монография. Изд-во ИРНИТУ, 2017. 189 с.

Яноу, Д., Хульст, М. ван. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / пер. с англ. К. Ткачевой под ред. В. Вахштайна // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2. С. 87-110.

Brown, G., Yule, G. Discourse Analysis. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1983. 283 p.

Gamson, W. A. Croteau, D., Hoynes, W., Sasson, T. Media Images and the Social Construction of Reality // Annual Review of Sociology.

1992. Vol. 18. No. 1. Pp. 373-393. DOI: 10.1146/annurev.so.18.080192.002105

Graesser, A. C., Singer, M., Trabasso, T. Constructing Inferences During Narrative Text Comprehension // Psychological Review. 1994. Vol. 101. No. 3. P. 371-395.

Rickheit, G., Strohner, H. Inferences in text processing. Amsterdam, New York: North Holland, 1985. 338 p.

Sanford, A. J., Garrod, S. C. Understanding written language: Explorations of comprehension beyond the sentence. N. Y.: Chichester. Toronto: John Wiley & Sons, 1981. 224 p.

Snow, D., Benford, R. D. Master Frames and Cycles of Protest // Frontiers in Social Movement Theory / Morris, A., Mueller, C. (eds). New Haven and London: Yale University Press, 1992. Pp. 133-153.

Tarrow, S. G. Power in movement: social movements and contentious politics. Cambridge studies in comparative politics. 3rd ed. p. cm. 1992. 188 p.

Turner, M., Fauconnier, G. Conceptual integration and formal expression // Metaphor and symbolic activity. 1995. Vol. 10. No. 3. Pp. 183-204. DOI: 10.1207/s15327868ms1003_3

References

Abels, H. (1998), “Romantics, Phenomenological Sociology and Qualitative Social Research” *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1(1), 114-138 (in Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Brown, G. and Yule, G. (1983), *Discourse Analysis*, Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., US.

Demjankov, V. Z. (1989), *Interpretatsiya, ponimaniye i lingvisticheskiye aspekty ikh modelirovaniya na EVM* [Interpretation, understanding and linguistic aspects of their computer modeling], Publishing House of Moscow State University, Moscow, Russia (in Russ.).

Gadamer, H.-G. (1988), *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenevtiki*. [Truth and Method: Principles of Philosophical Hermeneutics], Translated from German edited by Bessonov, B. N., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Gamson, W. A., Croteau, D., Hoynes, W. and Sasson, T. (1992), “Media Images and the Social Construction of Reality” *Annual Review of Sociology*, 18(1), 373-393, DOI: 10.1146/annurev.so.18.080192.002105

Graesser, A. C., Singer, M. and Trabasso, T. (1994), “Constructing Inferences During Narrative Text Comprehension”, *Psychological Review*, 101(3), 371-395.

Iakoba, I. A. (2017), *Lingvokognitivnye parametry diskursa v tehnologii ‘Umnaja nastrojka’* [Linguo-cognitive parameters of discourse in the “Smart setting” technology], Publishing house of IRNITU, Irkutsk, Russia (in Russ.).

Izmajlova, T. V. (2011), “Sampling in qualitative sociological research as a theoretical and methodological problem”, *Kachestvennye metody. Sociologicheskie metody v sovremennoj issledovatel'skoj praktike* [Qualitative methods. Sociological methods in modern research practice], in Oberemko, O. A. (ed.), HSE Publishing House, Moscow, Russia, 140-143 (in Russ.).

Khakhalova, S. A. (2013), The Essence of Metaphor Revisited: On A Dynamic of Rational vs. Emotional, *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 4, 90-95 (in Russ.).

Kubrjakova, E. S. (ed.) (1997), *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms], Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (in Russ.).

Minsky, M. (1979), *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge], Energiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Myshkina, N. L. (1991), *Dinamiko-sistemnoe issledovanie smysla teksta* [Dynamic-system study of the meaning of the text], Publishing House of Krasnoyarsk University, Krasnoyarsk, Russia (in Russ.).

Rickheit, G. and Strohner, H. (1985), *Inferences in text processing*, North Holland, Amsterdam, New York.

Ricoeur, P. (1996), *Konflikt interpretatsiy: ocherki o germenevtike* [Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics], Translated from French by Vdovina, I. S., Akademicheskiy proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Rubtsova, S. P. (2016), “Interpretation and explanation: two approaches to understanding the text”, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, 2, 56-66 (in Russ.).

Rustier, F. (2001), *Interpretiruyushchaya semantika* [Interpretive semantics], Dekom, Nizhny Novgorod, Russia (in Russ.).

Sanford, A. J. and Garrod, S. C. (1981), *Understanding written language: Explorations of comprehension beyond the sentence*, Chichester, N. Y., John Wiley & Sons, Toronto.

Semenova, V. V. (1998), *Kachestvennyye metody: vvedeniye v gumanisticheskuyu*

sotsiologiyu [Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology], Dobrosvet, Moscow, Russia (in Russ.).

Serebrennikova, E. F. (2011), "Key concepts of linguistic axiological analysis", *Lingvistika i aksiologiya. Etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology. Ethnosemiometry of valuable meanings] in Vikulova, L. G. (ed.), Tezaurus, Moscow, Russia, 7-27 (in Russ.).

Serebrennikova, E. F. (2015), "Axiological dimension of discourse", *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 21, 128-137 (in Russ.).

Serebrennikova, E. F. and Sadovnikova, O. N. (2021), Strategic valorizing discourse in the subject sphere of innovation, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 20 (1), 158–167 (in Russ.).

Serebrennikova, E. F. (ed.) (2021) *Dinamika i statika v poznanii real'nosti jazyka: podhody, fenomeny, sposoby reprezentacii*: [Dynamics and statics in the cognition of the reality of language: approaches, phenomena, methods of representation], Irkutsk State University Publishing House, Irkutsk, Russia (in Russ.).

Shteynberg, I., Shanin, T., Kovalev, E. & Levinson, A. (2009), *Kachestvennyye metody. Polevyye sotsiologicheskiye issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research], Aletheia, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Snow, D. and Benford, R. D. (1992), "Master Frames and Cycles of Protest", *Frontiers in Social Movement Theory*, in Morris, A. and Mueller, C. (eds.), Yale University Press, New Haven and London, 133-153.

Suvorova, E. V. (2016), "Processes of inference in the nomination of phraseological units", *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Current problems of modern science, technology and education], vol. 2, Publishing House of Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, 272-275 (in Russ.).

Suvorova, E. V. (2018), Vidy inferentsij v diskurse. [Types of inferences in discourse], *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 4-1, 176-181, https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.41 (in Russ.).

Tarrow, S. G. (1992), *Power in movement: social movements and contentious politics*, Cambridge Studies in Comparative Politics, 3rd ed., US

Toldova, S. Yu. (1994), "The structure of discourse and the mechanism of focusing as important factors in choosing the nomination of an object in the text", Abstract of Ph.d. dissertation in Philology, Moscow, Russia (in Russ.).

Turner, M., Fauconnier, G. (1995), "Conceptual integration and formal expression", *Metaphor and symbolic activity*, 10 (3), 183-204, DOI: 10.1207/s15327868ms1003_3

Ukhova, L. V. and Zhukova, A. G. (2019), Involvement as a dominant communicative strategy of the client-oriented market, *Verkhnevolzhski philological bulletin*, 4, 72-80 (in Russ.).

Valuyskaya, O. R. (2012), "Text interpretative as a potential feature", *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2, 210-215 (in Russ.).

Yanow, D. and Van Hulst, M. (2011), "Frames of the political: from frame analysis to framing analysis", Translated from English by Tkacheva, K. in Vakhstein, V. (ed.), *Sociological Review*, 10 (1-2), 87-110 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Якоба Ирина Александровна, доктор филологических наук, кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка, профессор кафедры иностранных языков 1 Института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета, ул. Лермонтова, д. 83, г. Иркутск, 664074, РФ; профессор кафедры лингвистики и лингводидактики Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета, ул. Улан-Баторская, д. 6, г. Иркутск, 664082, Российская Федерация; *irina_yakoba@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Irina A. Iakoba, Doctor of Philology, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the English Department, Professor of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia; Professor of the Linguistics and Linguodidactics Department, Irkutsk State University, 6 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, Russia; *irina_yakoba@mail.ru*

УДК 291.4+291.5 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-9**

Шарабарина Е. А.

Любовь как этико-аксиологическая доминанта православного подвижничества (на примере русского юродства)

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, б-р Победы, 5а, Орел, 302028, Российская Федерация; *eva.sharabarina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается этико-аксиологическая составляющая феномена русского юродства в аспекте важнейшей христианской этической ценности – любви. Теоретико-методологической основой работы выступила концепция Ж. Ваарденбурга, согласно которой религия представляет собой систему ориентирования и требует фактичного систематического и контекстного рассмотрения. Опираясь на этот подход, поведение юродивых рассматривается с позиции герменевтики религиозного факта. В качестве контекста выступает историко-культурное пространство подвига русских юродивых и православная теология. Исследование опирается на такие источники, как православная житийная литература и тексты Священного Писания. В статье раскрывается специфика православного понимания концепта «любовь», который является этической доминантой в жизни христианских подвижников. В статье показано, насколько данный концепт был реализован в жизни русских юродивых, чье поведение воспринималось современниками как провокационное, лишенное высокого смысла. Основным выводом данной работы становится утверждение, согласно которому любовь, в качестве высшей ценности православного христианства, доминирует в подвижническом служении юродивых (личном и социальном) и является его основным смыслом.

Ключевые слова: русское православие; святость; юродство; любовь; религиозная этика; религиозная аксиология; религиозная антропология

Для цитирования: Шарабарина Е. А. Любовь как этико-аксиологическая доминанта православного подвижничества (на примере русского юродства) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 114-125. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-9

E. A. Sharabarina

Love as an Ethical and Axiological dominant of Orthodox Asceticism (on the example of Russian Foolishness)

Mid-Russian Institute of Management – Affiliate of the Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation, 5a Pobedy Blvd., Orel, 302028, Russian Federation; *eva.sharabarina@mail.ru*

Abstract. The article examines the ethical and axiological component of the phenomenon of Russian foolishness on the example of the most important Christian ethical value, namely, love. The theoretical basis was the concept of J. Waardenburg, according to which religion is a system of orientation. The methodological basis of the research was the directions of the systematic approach formulated by the Dutch thinker: the behavior of the fools is considered from the standpoint of the hermeneutics of religious fact; the contextual method was also applied. The historical and cultural space of the feat of the Russian fools and Orthodox theology served as a context. The research was based on such sources as Orthodox hagiographic literature, texts of the Holy Scripture. The article reveals the specifics of the Orthodox understanding of the concept of «love», which is the ethical dominant in the life of Christian ascetics. The article shows how this concept was implemented in the life of Russian fools, whose behavior was perceived by contemporaries as provocative, devoid of any high meaning. The main conclusion of this work is the statement according to which love, as the highest value of Orthodox Christianity, dominates the ascetic service of the fools (personal and social) and is its main goal.

Keywords: Russian Orthodoxy; holiness; foolishness; love; religious ethics; religious axiology; religious anthropology

For citation: Sharabarina E. A. (2023), “Love as an Ethical and Axiological dominant of Orthodox Asceticism (on the example of Russian Foolishness)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 114-125, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-9

Введение

Современное религиоведение представляет собой комплекс дисциплин, каждая из которых при изучении религии и ее феноменов использует конкретные методологические подходы. Единой теории религии, которая бы объединяла их все, долгое время не существовало. Не так давно на русский язык были переведены труды голландского исследователя Ж. Ваарденбурга, чья теория, на наш взгляд, способна ликвидировать данный пробел. Благодаря новой концептуализации религии как системы ориентирования становится возможным систематическое исследование религии и изучение религиозных фактов (Ваарденбург, 2016: 41). Эмпирически измеримый объект исследования обозначается в концепции Ж. Ваарденбурга термином «объективный религиозный факт», он интересен для религиоведа лишь в той мере, в какой способен иметь определенное религиозное значение для человека, например, менять систему его ценностных доминант, интенциональную направленность, что в итоге влияет на поведение и образ жизни человека. То есть один и тот же религиозный факт, некая единица, ставшая объектом изучения религиоведа, является одновременно и объективным (эмпирическое измерение объекта, его исто-

рико-культурная составляющая), и субъективным (уровень значений и смыслов) фактом.

В русле данной теории Ж. Ваарденбург представляет метод систематического исследования религиозных фактов, который включает в себя четыре равнозначных, последовательно применяемых подхода: исторический, сравнительный, контекстуальный и герменевтический. В современном религиоведении данный метод, как и вся теория Ж. Ваарденбурга, рассматриваются в качестве объекта самостоятельного изучения (Кольцов, 2013; Аринин, 2015; Самарина, 2019; Красников, 2022), при этом отмечается необходимость уточнения некоторых теоретических аспектов представленной им концепции (Кольцов, 2013: 99), а также необходимость реального применения представленной методологии в рамках конкретного религиоведческого исследования (Красников, 2022: 134).

На настоящий момент в отечественном религиоведении феномен юродства в качестве объекта диссертационного исследования был изучен лишь Е.А. Воронковой (Воронкова, 2011). В качестве ведущего метода автор использовала сравнительный метод в рамках феноменологического подхода. При этом контекстуальный анализ, на наш взгляд, был недооценен. Систематическая методология Ж. Ваарденбурга применительно к исследованию феномена юродства эти подходы рассматривает как равноправные, результаты которых дополняют друг друга, что способствует более глубокому и детальному изучению данного предметного поля. На последних этапах исследования феномен русского юродства рассматривается в контексте православной традиции, применяется герменевтический подход. Это делается с целью выяснения субъективных религиозных значений данного феномена для самих юродивых, их современников и потомков.

Высший смысл, который православный подвижник может реализовать в своей жизни и передать ближнему, – это любовь. Являясь важнейшей христианской этической ценностью, она – альфа и омега в системе ориентирования каждого приверженца православной веры. Феномен русского юродства часто представляется как парадоксальная или же уникальная в нравственном плане, по словам Ю.В. Кокаревой, форма подвижничества (Кокарева, 2010: 84). Действительно, согласно Священному Писанию, не следует вводить ближних в раздражение, гнев, осуждение: «Сказал также Иисус ученикам: невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих» (Лк.17:1-2). Между тем зачастую видимая сторона юродства для стороннего наблюдателя предстает именно такой. В статье поставлена цель показать смыслополагающее значение любви для раскрытия этико-аксиологической составляющей феномена русского юродства. В целом, проблема соотношения границ этичности, самого факта возможного существования этих границ в поведении юродивых, любви как высшей ценности православия остается в научно-исследовательской литературе не раскрытой и представляет особую актуальность для религиоведческой науки.

Основная часть

Для начала рассмотрим место и значение такой этико-аксиологической константы как «любовь» в контексте православной теологии. Ее доминантность не вызывает сомнения: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин.4:16). Бог, в согласии с православной трактовкой, не имеет любовь, но Сам ею является. Излучающий любовь излучает высшую Истину. Данное положение является исходным для всей христианской веры. Обожение, считающееся целью православного верующего человека, невозможно без любви. Известно, что в пространстве древнегреческого языка существует несколько слов, обозначающих «любовь». Каждое из них обладает особым

смыслом: ἔρως – вожделение, φιλία – дружба, στοργή – привязанность. Христианское понимание любви отражается в греческом слове αγάπη – милосердие, самоотречение, любовь к ближнему. Смысл любви при этом раскрывается в совершенно новом свете. Прп. Иоанн Лествичник писал о любви как о качестве, благодаря которому человек уподобляется Богу (Иоанн (Лествичник), 2013: 417). Любовь в православной традиции – это само переживание счастья от причастности к божественному, «источник веры, бездна долготерпения, море смирения» (Иоанн (Лествичник), 2013: 417). В древнегреческих текстах αγάπη встречается крайне редко. Широкое употребление αγάπη находит именно при переводе Священного Писания: в Ветхом Завете (Иерем.2:2; 2Цар. 13:15; Еккл.9:6; Песн.2:4,5,7), в Евангелиях и апостольских посланиях (Мф.22:37-39; Рим.5:7; Рим.13:10; 2Ин.4:7: Галат.2:20 и др.). А.П. Лопухин отмечал, что те же качества, которые присущи любви к Богу, – чистота, свобода, отсутствие личной выгоды, корысти, – присущи любви к ближнему (Толковая Библия…, 2009б: 714). Автор также напоминает о людях, уверовавших во Христа, несущих слово Божие, однако на деле остающихся равнодушными к страданиям других. Без деятельной любви к Богу и к ближнему все высокие слова обесцениваются: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» (1Кор. 13:1).

Когда мы говорим о святых подвижниках, чье благочестие не вызывает сомнения, то и сама любовь, явленная через них Богом миру, не вызывает сомнения. Речь может идти о множественных проявлениях сострадания, милосердия, материальной помощи нуждающимся, различных видах духовного вразумления. Если же на горизонте возникает образ юродивого, то, как правило, даже верующие люди по первому чувству склонны сомневаться в их действенной помощи окружающим. В лучшем случае юродивый останется блаженной фигурой, которую предпочтительнее на всякий случай обойти стороной и оставить на Божье попечение, а в худшем он станет предметом злословия и поношения. Духовная высота данного подвига скрыта от внешнего взора и является предметом особого рассмотрения. С точки зрения православной теологии, юродство является православным духовным подвигом, и в основе этого подвига, как и любой другой формы православного подвижничества, лежит любовь.

Святые подвижники православной традиции, явившие собой пример любви и этической выси, православную этику осуществляли в мирских реалиях в формах, понятных каждому верующему человеку. Юродивые же делали тоже самое, но шли «от противного». Не случайно в пространстве древнерусской словесности одним из слов, предвосхитивших общеупотребительное «оуродъ», было слово «похаб». По происхождению оно производно от глагола «хабить», то есть портить (Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/50051/хабить). Известно, что когда человек сталкивается с различными бедами, то православный христианин должен задаться вопросом: для чего? Юродивого можно назвать культурным, социальным бедствием своего времени и тех жизненных реалий, в которых он совершает свой высокий подвиг. К нему также применим вопрос, для чего он дан именно этой эпохе? Почему именно эти люди его окружают? Ведь Бог, согласно православной традиции понимания жизни, далеко не каждого делает живым свидетелем истинного подвижничества. Проблему непотребного поведения и широкого почитания юродивых в русской культуре поднимали многие исследователи. Так, Л.В. Янгулова пишет о том, что непонятное окружающим поведение юродивых представляет собой действительное исполнение Божиих Заповедей. То есть

юродивые проповедуют не словами, а поступками, в которых следует искать особый смысл (Янгулова, 2001: 205).

Описание внешне неприглядного поведения часто встречается на страницах житийной литературы о юродивых. Так, в житии блж. Василия Великого Московского, Христа ради юродивого описан эпизод, когда святой прогоняет беса, принявшего облик нищего. Другими поступками он тоже не вызывал доброго расположения у современников: святой мог опрокинуть лоток с калачами, пролить кувшин с квасом. За это блаженный Василий Великий подвергался побоям со стороны торговцев. Впоследствии, как сообщает житие, выяснялось, что квас оказался непригодным к употреблению, а калач плохо испеченным (Полное житие блаженного Василия, Московского чудотворца).

Другой пример – из жития блж. Иоанна Московского, Христа ради юродивого по прозвищу Большой колпак. Часто блаженного можно было видеть стоящим посреди улицы со снятым с головы колпаком, смотрящим на солнце и подолгу молящимся. За молитвенное делание посреди белого дня он подвергался насмешкам и оскорблениям, перенося их с кротостью (Полное житие блаженного Иоанна Московского). Здесь мы видим, что истовая молитва Богу, не скрываемая от людей в келье или ином другом уединенном месте, является предметом общественного поношения и своего рода провокацией.

Подвиг юродства в контексте православной традиции выглядит следующим образом. Ставшие на путь юродства отказывались от полутонов в духовной брани. Они шли за Богом до конца, ежедневно и ежечасно следуя указаниям Христа пребывать в Нем, исполнять Его волю. Такой путь требует известного отречения от мира, обрекает на непонимание окружающих, делает юродивого странным для общества, но действительно угодным Богу. Иеромонах Алексий Кузнецов отмечает, что юродивые не бежали из мира, но отрешились от того мирского, что противоположно духу Христову (Алексий (Кузнецов), иером). Особенно актуальной для подвига юродивых становится девятая Заповедь Блаженства: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (Мф.5:11)». А.П. Лопухин в толковании на пятую главу Евангелия от Матфея отмечает, что в греческом языке есть четыре слова, переводимые на русский язык как «счастье» или «блаженство». В Нагорной проповеди использовалось слово μακάριος, означающее «духовное счастье». При переводе еврейского термина הישועה – «спасение» греческое μακάριος выступило его аналогом. Анализируя значения еврейского и греческого слов, А.П. Лопухин дает наиболее полное толкование «блаженных» людей. Таковыми автор называет нравственно высоких, обладающих «внутренним миром и счастьем и здесь на земле» (Толковая Библия…, 2009а: 100). Не зря юродивых также называют блаженными, то есть спасенными, духовно счастливыми.

При специальном рассмотрении юродства как особого типа христианского подвижничества акцент следует сделать не на творящемся безумии – внешней стороне, а на его внутренней интенциональной составляющей. Т.А. Недоспарова выделяет три типа юродства: юродство самих юродивых Христа ради, юродство подвижников (эпизодическое) и юродство всех христиан (Недоспарова, 1997: 5-7). Мысль о том, что юродство – это путь всех верующих православных христиан, разделяет О.Н. Кузнецова (Кузнецова, 2019: 37). Итак, сущность всех трех указанных выше видов юродства православная теология раскрывает следующим тезисом: безумием для мира является исполнение заповедей Христа. Различие верующих людей в этом смысле будет состоять лишь в самой степени «безумства», которую каждый определяет для себя. Юродство – это крайняя степень уничижения, полный разрыв с миром в сердце своем, на которую способны немногие. Последнее подтверждается многочисленными упоми-

наниями об особых знамениях или/и о благословении духовника на такой подвиг. Безумствование юродивых не призывает людей отрекаться от разума как той силы, которой Бог наделил человека. Разум как дар Божий нужно употребить для познания пути ко спасению.

Этические нормы строятся на стремлении не нарушить удобство другого, не вызвать у ближнего раздражение. В их основе лежит забота о другом, любовь к другому. Однако в контексте православной традиции речь идет о заботе высшего порядка. В данном случае понятие «любовь» в этическом аспекте представляет собой такое попечение о ближнем, которое ведет его ко спасению. Примером такого попечения в социальном служении юродивых, вызывающих зачастую негативную реакцию у людей, является обличение (выявление истинного облика). На страницах Священного Писания содержится указание на приемлемость обличения ближних: «обличай их строго, дабы они были здравы в вере» (Тит.1:13), «и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте» (Еф.5:11), «Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним. Посему увещевайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете» (1Фес.5:9-11). Первым обличителем был Сам Господь наш Иисус Христос, призывавший фарисеев и иных к покаянию: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф.23:13).

Весьма важно замечание делает Н.З. Гаевская: прежде чем начать обличать других, сначала был обличен сам юродивый (Гаевская, 2013: 199). Вначале Бог раскрывает человеку все его несовершенство, озаряет Духом Святым и призывает на особый подвиг. Деятельное исполнение Божественных Заповедей, подверженное поношениям и гонениям, уличает и наставляет профанный мир (Петрунин, Шарабарина, 2020: 52). Именно в этом, согласно А.М. Панченко, заключается активная сторона юродства (Панченко, 1999: 398). В целом, социальное служение юродства можно отразить в следующем тезисе: «личное духовное преображение влечет за собой и преображение находящихся рядом людей путем обличения их личных грехов» (Петрунин, Шарабарина, 2020: 52). Б.А. Успенский называет поведение юродивых дидактическим анти-поведением. Отрицание грешного мира порождает обратное поведение; обличение неправды этого мира одновременно приобщает его к миру потустороннему. Нереальным и показным становится характер этого мира, сам же юродивый ведет себя нормально в контексте существующего вокруг него сакрального микропространства (Успенский, 1996: 469-470). Иеромонах Иоанн Кологривов, рассуждая о русских святых в целом, приходит к выводу об их социальной активности. Даже истовые мистики не могли судорожно сосредотачиваться всецело лишь на своем спасении. Многие из них были прекрасными организаторами, борцами с язычниками, с разными проявлениями неправды в мире (Иоанн (Кологривов), иером., 1991: 13).

Жан-Клод Ларше, анализируя восприятие безумства христианством, раскрывает важную часть христианской антропологии: осуждающий человек, человек, которому Бог дал возможность в земных реалиях столкнуться со святым, но он оказался не способным понять его и принять, «сохраняет в себе неизгладимый и непреложный образ Божий, который составляет его истинное существо, глубинную природу…» (Ларше). Именно к Образу Божию в человеке и обращается юродивый в своем социальном служении. Именно к нему обращена любовь юродивого, и именно этот Образ в человеке, являющийся, в согласии с православной трактовкой, его подлинной сущностью, юродивый пытается очистить.

Рассматривая религиозное значение феномена русского юродства для его современников, мы видим следующее: многие

люди – современники юродивых, столкнувшиеся с неординарными подвижниками, не понимали и не принимали праведников, подвергали их гонениям. «Рассуждая о нравственном достоинстве того или иного поступка, – пишет И.В. Рынковой, – оценить его надлежащим образом можно лишь тогда, когда известна его цель» (Рынковой, 2009: 289). Любовь как неотъемлемая этико-аксиологическая доминанта блаженного в самом общем виде проявляется в следующем: из любви к Богу и к Образу Божию в людях юродивый уходит от мира и становится иноком в своем сердце. Принимая особый подвиг, он создает ситуации обличения, в которых его ближние проявляют свой истинный облик: они могут проявить любовь к ближнему или отвернуться от нуждающегося. Увидев самих себя, часть из них приходят к покаянию, что и является целью социального подвижничества юродивых. По словам еп. Александра (Милеанта), юродивые в основном подвизались в кругу наиболее порочных людей для того, чтобы их исправить и помочь обрести спасение. При этом многие внимали святым подвижникам и обращались к Богу (Александр (Милеант), еп.). Однако были и те, кого поведение святых вводило в приступы малодушия, заставляло поступать не лучшим образом. Н.Л. Чулкина и Д.Б.В. Гомес перечисляют причины, по которым часть людей не принимали юродивых, а также отмечают тот факт, что в основном юродивых принимали люди, хорошо знакомые с учением Христа (Чулкина, Гомес, 2016: 293). Ранее мы приводили цитату из Священного Писания о соблазнении ближних своих (Лк.17:1-2). Василий Великий писал, что под соблазном именуется преступление закона, заповедей Божиих или же введение других людей в беззаконие (Василий Великий, свт.). Юродивые не преступают заповеди Божии, а исполняют их. Другое дело, что само исполнение не понимается их современниками. Святитель Филарет предостерегает презирать любого человека: «самое бытие человека служит признаком, что Бог не презирает его. Кто же дерзнет презирать то, чего не презирает Бог?» (Филарет (Дроздов), свт.).

Т.Ю. Тарновский отмечает, что в системе нравственных ценностей любовь выступает в качестве «механизма», посредством которого «высшие нравственные идеалы и ценности (долг, добро, красота, истина), проявляются в добродетелях» (Тарновский, 2011: 7). При этом, по мысли автора, формируются особые ценностно-мотивационная и эмоционально-психологическая установки. Посредством волевых актов высшие ценностные идеалы выражаются в конкретной деятельности человека. Примером реализации ценностных идеалов православия является молитва за ближнего. Юродивые не становятся исключением, что отмечает А.Н. Ильин (Ильин, 2015: 10). Подобно тому, как Иисус о распинателях говорил «…Отче! прости им, ибо не знают, что делают…» (Лк.23:34), юродивые молятся за души тех, кто их не понял и не принял, за всех, с кем в земной жизни свел их Господь.

Любовь юродивых к ближним, помимо молитв, проявлялась также в действительной зримой помощи. В житии блаженного Иоанна Московского, Христа ради юродивого приводится случай, когда святой по пути из храма словно случайно наступил на больную ногу человека, который вследствие этого получил исцеление (Полное житие блаженного Иоанна Московского). Юродивые могли совершенно молча, невербально предупреждать окружающих об их будущей участи. В некоторых случаях они прямо помогали людям избежать несправедливых гонений, предстоящих несчастий, спасая как отдельных людей, так и целые семьи. Юродивые только иносказательно указывали на предстоящие мучения или представляли их наглядным образом. Так, в начале XX в. мученик Алексий Волошин пришел к своей сестре и стал молча собирать ее вещи. После, ничего не объясняя, ушел. Сестра стала хранить эти вещи отдельно. Через некоторое время комиссия изъяла у нее имущество, при этом спрятанные вещи остались при ней (Дамас-

кин (Орловский), игум., 2001: 337). Юродивые указывали не только на будущие бедствия, но и приотворяли завесу светлых, радостных событий. Так, блж. Прокопий Вятский приносил хлеб и воду попавшему в опалу московскому боярину М. Татищеву, который пребывал под арестом в вятской темнице. Юродивый также стучал по ее двери и замку, словно предрекая скорый выход боярина. Действительно, не прошло много времени, как опальный боярин был освобожден (Полное житие блаженного Прокопия Вятского).

Другим зримым примером реализации любви в поведении юродивых являются их милосердные поступки, что также отмечено О.А. Туминской (Туминская, 2017: 45). Блж. Алексий Ворошин ходил в кафтане до колен, а всю подаренную одежду отдавал нуждающимся (Житие мученика Алексия Ворошина, Елнатского, Христа ради юродивого). Блж. Андрей Тотемский имел только самое необходимое, что было нужно для пропитания. Почти все полученное от людей он делил с бедняками (Полное житие блаженного Андрея Тотемского, Христа ради юродивого). Интересен эпизод из жития блж. Василия Московского чудотворца, когда тот отдал царские дары иностранному купцу, оставшемуся безо всего. Обедневший купец не мог просить помощи у людей, так как носил богатую одежду, но при этом три дня ничего не ел. Тем самым блж. Василий Московский оказывал помощь тем, кто стыдился ее просить (Полное житие блаженного Василия, Московского чудотворца). Таким образом, мы видим, что милосердие как деятельная любовь к ближнему является неотъемлемой чертой социального служения русских юродивых.

Заключение

Согласно методологии Ж. Ваарденбурга, поведение юродивых нужно анализировать как конкретный религиозный факт. Герменевтическое исследование данного факта имеет особую важность, поскольку его истолкование людьми и обществом становится для них особым ценностным ориентиром, а его осмысление проливает свет на православную религию как таковую. Провокационное поведение юродивых труднодоступно для понимания со стороны наблюдателя. Однако оно представляет собой внешнее отражение настоящего духовного подвига, имеющее глубокие основания в текстах Священного Писания и не вступающее с ними в противоречие. Юродивые создают такую ситуацию, в которой окружающие люди могут проявить любовь к ближнему, встать на одну ступень ближе к Богу. Вопрос о том, насколько внутренний мотив и видимая неприглядная сторона юродства согласуются между собой, разрешается в факте признания Русской Православной Церковью юродства Христа ради как особой формы христианского подвига. В агиографической литературе помимо экстраординарного поведения нередко описываются эпизоды прозорливости русских юродивых, их молитвенного делания.

Таким образом, религиозный смысл поведения юродивых в контексте православной традиции можно свести к следующим двум положениям. Во-первых, их поведение является действительным исполнением заповедей Христа, во-вторых, юродивые целенаправленно создают пограничную ситуацию, в которой воспринимающий сторонний наблюдатель проявляет свою сущность. Реакция на юродивого будет зависеть от того, какое субъективное религиозное значение открылось в нем для человека.

Кроме того, любовь как этико-аксиологическая доминанта православного подвижничества представляет собой его неотъемлемый элемент и, можно сказать, стержень. Она являет себя в обличении ближних (стремлении сместить интенциональную направленность ближнего в направлении Бога), молитвенном делании и милосердных делах. Согласно православной традиции, путь Христа и идущих за Ним людей – это путь Любви. Ее проявле-

ние раскрывается не только в сотериологической перспективе индивидуального спасения, но и является целью социального служения любого типа православного подвижничества, и юродство здесь не исключение.

Источники

Василий Великий, свт. Толкование Священного Писания. URL: https://bible.optina.ru/new:mf:18:06 (дата обращения: 08.05.2021).

Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 2001. С. 329-340

Житие мученика Алексия Ворошина, Елнатского, Христа ради юродивого // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/days/sv-aleksij-voroshin-elnatskij (дата доступа: 11.05.2021).

Иоанн (Лествичник), прп. Лествица, возводящая в небо. 8-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.

Полное житие блаженного Андрея Тотемского, Христа ради юродивого // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/days/sv-andrej-totemskij (дата обращения: 12.05.2021).

Полное житие блаженного Василия, Московского чудотворца // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/days/sv-vasilij-moskovskij (дата обращения: 12.05.2021).

Полное житие блаженного Иоанна Московского // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/days/sv-ioann-moskovskij (дата обращения: 12.05.2021).

Полное житие блаженного Прокопия Вятского // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/days/sv-prokopij-vjatskij (дата доступа: 12.05.2021).

Филарет (Дроздов), свт. Слова и речи // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/slova-i-rechi/201 (дата доступа: 11.05.2021).

Литература

Александр (Милеант), еп. Юродивые Христа ради // Избранные Жития святых // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/izbrannye-zhitija-svjatyh/1_1 (дата обращения: 15.11.2020).

Алексий (Кузнецов), иером. Юродство и столпничество // Избранные жития святых // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-i-stolpnichestvo/ (дата обращения: 15.11.2020).

Аринин, Е.И. Феноменология религии. В 2 ч. Ч. 1. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. 168 с.

Ваарденбург, Ж. Религия и религии, систематическое введение в религиоведение. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 216 с.

Воронкова, Е.А. Юродство как транскультурный религиозный феномен: Дис. … канд. филос. наук. Благовещенск, 2011. 216 с.

Гаевская, Н.З. Культурная функция юродства // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 198-205.

Ильин, А.Н. Онтология женского юродства // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 10. С. 9-13.

Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Siracusa: Istina, 1991. 415 с.

Кокарева, Ю.В. Нравоучения Древней Руси как форма выражения нравственного идеала // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2010. № 4 (33). С. 80-86.

Кольцов, А.В. Феноменология религии «нового стиля» Ж. Ваарденбурга в контексте голландской традиции феноменологии религии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. 2013. Вып. 3 (47). С. 87-100.

Красников, А.Н. Методологические проблемы религиоведения. М: Юрайт, 2022. 180 с.

Кузнецова, О.Н. Мировоззренческие основы феномена юродства Христа ради в русской православной традиции // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 35-40.

Ларше, Ж.-К. Исцеление психических болезней. Опыт христианского Востока первых веков // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/zdorovie/isceleniepsixicheskix-boleznej-opyt-xristianskogo-vostoka-pervyx-vekov (дата обращения: 16.01.2022).

Недоспарова, Т.А. Русское юродство XI-XVI вв. ЛитРес: Самиздат, 1997. 84 с.

Панченко, А.М. Юродивые на Руси // Панченко А.М. Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 392-407.

Петрунин, В.В., Шарабарина, Е.А. Социально-политические аспекты русского юродства в эпоху правления Ивана IV Грозного // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 6А. С. 50-56.

Рынковой, И.В. Этический аспект мистико-аскетической практики // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 4. С. 285-297.

Самарина, Т.С. Религиоведческое наследие Жака Ваарденбурга: критический анализ // Религиоведение. Амурский государственный университет. 2019. № 3. С. 117-126.

Тарновский, К.Ю. Любовь как этическая ценность: этико-философский анализ: Автореф. дис. … канд. филос. наук. Тула, 2011. 21 с.

Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. В 7-ми т. 4-е изд. М.: ДАРЪ, 2009а. Т. VI: Четвероевангелие. 1232 с.

Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. В 7-ми т. 4-е изд. М.: ДАРЪ, 2009б. Т. VII: Деяния; Соборные послания; Откровения Иоанна Богослова. 1296 с.

Туминская, О.А. Русское юродство в свете монашеского служения // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 3. С. 44-56.

Успенский, Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.

Чулкина, Н.Л., Гомес, Д. Б. В. Амбивалентность концепта юродство/юродивый в русской языковой картине мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 28. С. 291-301.

Янгулова, Л. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России // Мишель Фуко и Россия. Сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.; М. Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001 С. 192-212.

Sources

Basil the Great, *Tolkovanie Svyashchennogo Pisaniya* [Interpretation of the Holy Scriptures] [Online], available at: https://bible.optina.ru/new:mf:18:06 (Accessed 08 May 2021) (in Russ.).

Damaskin (Orlovsky), (2001), *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XX stoletiya. Zhizneopisaniya i materialy k nim. Kn. 2* [Martyrs, confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church in the 20th century. Biographies and materials for them, Book 2], Tver, Russia, 329-340 (in Russ.).

Filaret (Drozdov), *Slova i rechi* [Words and speeches] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/slova-i-rechi/201 (Accessed 11 May 2021) (in Russ.).

Ioann (Lestvichnik), (2013), *Lestvitsa, vozvodyashchaya v nebo* [The ladder that leads to the sky], 8th ed., Publishing House of the Sretensky Monastery, Moscow, Russia (in Russ.).

The complete life of Blessed Andrew of Totem, for Christ's sake, the fool [Online], available at: https://azbyka.ru/days/sv-andrej-totemskij (Accessed 12 May 2021) (in Russ.).

The Complete Life of Blessed Basil, the Moscow Wonderworker [Online], available at: https://azbyka.ru/days/sv-vasilij-moskovskij (Accessed 12 May 2021) (in Russ.).

The Complete Life of Blessed John of Moscow [Online], available at: https://azbyka.ru/days/sv-ioann-moskovskij (Accessed 12 May 2021) (in Russ.).

The Complete Life of Blessed Prokopiy Vyatsky [Online], available at: https://azbyka.ru/days/sv-prokopij-vjatskij (Accessed 12 May 2021) (in Russ.).

The Life of the Martyr Alexy Voroshin, Elnatsky, Christ for the Fool [Online], available at: https://azbyka.ru/days/sv-aleksij-voroshin-elnatskij (Accessed Accessed 11 May 2021) (in Russ.).

References

Alexander (Mileant), “Holy fools for Christ's sake”, *Izbrannye Zhitiya svyatykh* [Selected Lives of Saints] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/izbrannye-zhitija-svjatyh/1_1 (Accessed 15 November 2020) (in Russ.).

Alexy (Kuznetsov), *Yurodstvo i stolpnichestvo* [Foolishness and stylitism], [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-i-stolpnichestvo/ (Accessed 15 November 2020) (in Russ.).

Arinin, E. I. (2015), *Fenomenologiya religii: In 2 parts. Part 1.* [The Phenomenology of religion: studies. stipend. In 2 parts. Part 1], Publishing House of Vladimir state university, Vladimir, Russia (in Russ.).

Chulkina, N. L. and Gomez, D. B. V. (2016), "Ambivalence of the concept of 'foolishness'/'holy fool' in the Russian language picture of the world", *Journal of Psycholinguistics*, 28, 291-301 (in Russ.).

Gayevskaya, N. Z. (2013), "The cultural function of foolishness", *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 14 (1), 198-205 (in Russ.).

Ilyin, A. N. (2015), "Ontology of female foolishness", *Herald of Vyatka State University*, 10, 9-13 (in Russ.).

Ioann (Kologrivov), (1991), *Ocherki po istorii russkoj svjatosti* [Essays on the history of Russian Holiness] Istina, Siracusa, Italia (in Russ.).

Kokareva, Yu. V. (2010), "Moralizing of Ancient Russia as a form of expression of the moral ideal", *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, 4, 80-86 (in Russ.).

Koltsov, A. V. (2013), "The phenomenology of religion of the new type of Jacques Waardenburgh in the framework of the Dutch tradition of the phenomenology of religion", *St. Tikhon's University Review. Series I. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 3, 87-100 (in Russ.).

Krasnikov, A. N. (2022), *Metodologicheskie problemy religiovedeniya* [Methodological problems of religious studies], Yurayt, Moscow, Russia (in Russ.).

Kuznetsova, O. N. (2019), "Worldview fundamental principles of foolishness for Christ in Russian Orthodox tradition" // *Culture in the Eurasian space: traditions and innovations*, 1, 35-40 (in Russ.).

Larchet, J.-C. *Istselenie psikhicheskih boleznej. Opyt khristianskogo Vostoka pervyh vekov* [Therapy for mental illnesses. The experience of the Christian East in the first centuries (Thérapeutique des maladies mentales. L'expérience de l'Orient chrétien des premiers siècles)] [Online], available at: (Accessed 16 January 2022) (in Russ.).

Nedosparova, T. A. (1997), *Russkoe yurodstvo XI-XVI vv.* [Russian foolishness in the 11-16th centuries], LitErs: Samizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Panchenko, A. M. (1999), *Russkaya istoriya i kultura: raboty raznykh let* [Russian history and culture: Works of different years], Una, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Petrunin, V. V. and Sharabarina, E. A. (2020), "Socio-political aspects of Russian holy fool phenomenon during the reign of Ivan IV the Terrible", *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 9 (6A), 50-56 (in Russ.).

Rynkovoy, I. V. (2009), "Ethical aspect of mystical and ascetic practice", *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 4, 285-297 (in Russ.).

Samarina, T. S. (2019), "The Religious heritage of Jacques Waardenburg: a critical analysis", *Religious Studies. Amur State University*, 3, 117-126 (in Russ.).

Tarnovsky, K. Y. (2011), "Love as an ethical value: ethical and philosophical analysis", Abstract of Ph.D. dissertation, Ethics, Tula, Russia (in Russ.).

The Explanatory Bible, or Commentaries on all the books of The Holy Writings of the Old and New Testaments (2009a), in Lopukhin, A. P. (ed.), in 7 vols, 4th ed., vol. IV: *Apostille*. Dar, Moscow, Russia (in Russ.).

The Explanatory Bible, or Commentaries on all the books of The Holy Writings of the Old and New Testaments (2009b), in Lopukhin, A. P. (ed.), in 7 vols, 4th ed., vol. VII: *Acts; Conciliar Epistles; Revelations of John the Theologian*. Dar, Moscow, Russia (in Russ.).

Tuminskaya, O. A. (2017), 'Russian foolishness in the light of monastic life" *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 18 (3), 44-56 (in Russ.).

Uspensky, B. A. (1996), *Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kultury* [Selected works. Vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of culture], Shkola "Yazyki russkoy kultury", Moscow, Russia (in Russ.).

Voronkova, E. A. (2011), "Foolishness as a transcultural religious phenomenon", Ph.D. Thesis, Philosophy of Religion and Religious Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia (in Russ.).

Waardenburg, J. D. J. (2016), *Religiya i religii, sistematicheskoe vvedenie v religiovedenie* [Religion and religions, a systematic introduction to religious studies], RHGA Publishing House, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Yangulova, L. V. (2001), "Holy fools and insane: the genealogy of incarceration in Russia", *Mishel' Fuko i Rossiya* [Michel Foucault and Russia], in Kharkhordin, O. (ed.), European University at St. Petersburg, Letniy sad, Saint Petersburg, Moscow, Russia, 192-212 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шарабарина Евгения Александровна, преподаватель предметно-цикловой комиссии общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических и дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, б-р Победы, д. 5а, г. Орел, 302028, Российская Федерация; *eva.sharabarina@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Evgeniya A. Sharabarina, Lecturer of the Subject-Cycle Commission of General Education, Humanitarian, and Socio-Economic Disciplines, Mid-Russian Institute of Management – Affiliate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 5a Pobedy Blvd., Orel, 302028, Russian Federation; *eva.sharabarina@mail.ru*

УДК 316.728 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-10**

Шульгина Е. Ю.

Массовая жилая застройка как решение проблемы расселения рабочего класса и малоимущих слоев населения в первой половине XX века

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, ул. Татищева, д. 20а, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация; *es5g12@mail.ru*

Аннотация. В настоящем исследовании генезис массового жилья показывается как перспективное решение проблемы расселения рабочего класса и малоимущих слоев населения в первой половине XX в. Научная новизна статьи заключается в детальном рассмотрении архитектурно-градостроительной полемики начала XX в. по вопросу разработки концепций рабочего жилища. Методология исследования основана на аналитическом междисциплинарном анализе развития градостроительной мысли и правового регулирования проблемы жилищной обеспеченности в рассматриваемый период. В результате проведенной работы был сделан вывод о том, что Афинская хартия стала теоретическим обобщением мирового градостроительного опыта, пропагандирующим идею массовой застройки, основанной на рациональных принципах. Стандартизация планировочных решений жилья для рабочего класса определялась исходя из научно-обоснованного функционального зонирования, учитывающего особенности быта большинства семей. В каждой стране создание стандартизированных моделей домов шло одновременно с развитием единых строительных норм.

Ключевые слова: массовая жилая застройка; стандартизация; типизация; IFHTP; CIAM; Афинская хартия

Для цитирования: Шульгина Е.Ю. Массовая жилая застройка как решение проблемы расселения рабочего класса и малоимущих слоев населения в первой половине XX века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 126-139. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-10

E. Yu. Shulgina

Mass housing as a solution to the resettlement problem of a working class and disadvantaged segments of a population in the first half of the 20th century

Tatishchev Astrakhan State University, 20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation; *es5g12@mail.ru*

Abstract. The purpose of this study is to determine the genesis of mass housing as a promising solution of the resettlement of a working class and disadvantaged segments of a population in the first half of the 20th century. The scientific novelty of the article lies in a detailed consideration of the architectural and urban debate of the early 20th century on the development of working housing concepts. The methodology of the study is based on an analytical interdisciplinary analysis of the development of urban

planning thought and legal regulation of the problem of housing in the period under review. As a result of the conducted study, it was concluded that the Athens Charter has become a theoretical synthesis of the world urban planning experience, promoting the idea of a mass residential development based on rational principles. The standardization of planning solutions for working-class housing was determined on the basis of scientifically based functional zoning that takes into account the peculiarities of everyday life of most families. In each country, the creation of standartized models of houses went on simultaneously with the development of uniform building codes.

Keywords: mass residential development; standartization; typification; IFHTP; CIAM; Athens Charter

For citation: Shulgina E. Yu. (2023), “Mass housing as a solution to the resettlement problem of a working class and disadvantaged segments of a population in the first half of the 20th century”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 126-139, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-10

Введение

Во все времена решение жилищного вопроса было одной из наиболее сложных социально значимых задач государственного управления, что объясняет неугасающий интерес к этой проблеме со стороны исследователей в области социологии, экономики, философии, архитектуры, правоведения и других областей научного знания. Изучение архитектурных экспериментов в сфере жилищного строительства первой половины XX в. представляет особую ценность с культурологической точки зрения, а вопросы формирования и развития архитектуры массового жилища несомненно являются актуальными ввиду отсутствия комплексного анализа эволюции типологии городского жилья в рассматриваемый период. Цель настоящего исследования заключается в определении генезиса массового жилья как перспективного решения проблемы расселения рабочего класса и малоимущих слоев населения в первой половине XX в. Для этого решается ряд задач:

- проследить историю развития архитектурно-градостроительной полемики по решению жилищного вопроса в начале XX в.;

- рассмотреть процесс формирования архитектуры массового жилища в контексте решения социальных проблем;

- проанализировать специфику методов формообразования, планировки и конструкций первых проектов типового жилья.

Основная часть

Процесс индустриализации и связанные с ней модернизационные процессы, затронувшие экономическую, политическую, социальную, культурную сферы жизни европейского общества спровоцировали жилищный кризис на рубеже XIX–XX вв. Разрушенные в ходе Первой мировой войны города стали еще одним фактором дефицита жилья, в связи с чем разработка жилищных программ требовала мероприятий по восстановлению жилого фонда, его увеличению, а также санации районов спонтанной застройки.

В условиях ликвидации послевоенных разрушений градостроительное планирование и проектирование жилой среды стали осмысливаться как неотъемлемые составляющие работы административно-управленческой и финансовой системы государства. Важнейшую роль в организации процесса всестороннего планирования жилых единиц сыграло развитие градостроительного законодательства, способствующего появлению градостроительных научно-исследовательских центров. В Германии градостроительная ассоциация Bund Deutscher Architekten (BDA) была создана в

1903 г., Французское общество градостроителей Société française des Urbanistes возникло в 1911 г., Британский институт городского планирования British Town Planning Institute был основан в 1914 г., Американский институт планировщиков American Planning Association (APA) – в 1917 г., в РСФСР был учрежден Государственный институт проектирования городов (ГИПРОГОР) в 1929 г.

Градостроительство и архитектура рассматривались как ведущие инструменты урегулирования социальных проблем. Социальное реформирование в области строительства касалось не только возведения доступного жилья, но и сопутствующей инфраструктуры (образовательных учреждений, торговых павильонов, почтовых отделений и т. д.). Обсуждение проблемы обеспечения нуждающихся жильем среди европейских, американских и советских специалистов сопровождалось появлением различных градостроительных концепций. Так, французский архитектор Тони Гарнье предложил проект индустриального города, в котором «члены социалистического общества должны обитать в модульных бетонных домах» (Урбан, 2019: 21). В своем проекте градостроитель затронул такие важные социальные аспекты урбанистики, как «минимальное жилище», «функциональное зонирование», «рациональная система застройки». В дальнейшем эти вопросы активно обсуждались международным архитектурным сообществом. Т. Гарнье предвосхитил появление типового жилья, впоследствии возведенного во многих странах.

Архитектурно-градостроительные дискуссии 1920–1930-х гг. носили не только профессиональный характер, но имели и общественно-политическую важность. Зачастую они проходили в формате международных конгрессов, конференций, выставок, основными из которых были конгрессы «Международной федерации жилья и планирования городов» (IFHTP) и «Международные конгрессы современной архитектуры» (CIAM). IFHTP была учреждена Британской ассоциацией городов-садов (Garden City Association) в 1913 г. Ее первый съезд состоялся в Париже в 1914 г., после чего конгресс стал проводиться ежегодно. Темы, обсуждаемые на собраниях IFHTP, послужили впоследствии повесткой дня для CIAM (Somer, 2007).

Одним из важнейших съездов Международной федерации жилья и планирования городов был конгресс в 1928 г., посвященный проблеме жилья для беднейших слоев населения («Housing of the very poor»). Собрание началось с определения термина «the very poor» («малоимущие»). Под ним было принято понимать группу малообеспеченного рабочего класса, который не в состоянии платить за удовлетворительное жилище. Затем участниками конгресса обсуждалась необходимость вовлеченности властей в решение жилищного вопроса, причем, по мнению спикеров, и центральный аппарат, и местное руководство должны оказывать прямую помощь в обеспечении жильем нуждающихся. Помимо этого поднималась проблема о целесообразности сегрегации бедных. По мнению делегата из Манчестера, Олдермена Митчелла (Alderman Mitchell), многоквартирные дома, построенные на благотворительные средства, не решили поставленной задачи, и в целях снижения преступности жильцы с низким доходом должны проживать с остальным населением в коттеджах[1]. Представитель Швейцарии, Э. Клоти (E. Kloti), также выступил против принудительного разделения социальных групп. Дж. Горла (G. Gorla) и А. Кепплер (A. Keppler) настаивали на обратном, ссы-

[1] International Housing and Town Planning Congress. Part II: Programme and General Reports. URL: https://www.huduser.gov/portal/sites/default/files/pdf/International-Housing-and-Town-Planning-Congress-Papers-Paris-1928-Part-2.pdf (дата обращения: 27 января 2022)

лаясь на опыт ряда итальянских и голландских городов[2]. Предметом обсуждения также стала проблема соответствия жилища стандартам качества и комфорта, было принято решение об установлении определенного минимума санитарно-технического и гигиенического обеспечения жилья. Кроме того, участниками конгресса рассматривалась идея проведения воспитательной работы с социально неадаптированными группами лиц с целью формирования у них чувства гордости и ответственности за свой дом[3].

Спикерами в рамках собраний IFHTP неоднократно поднимался вопрос о том, где должен жить малообеспеченный класс – в многоквартирных домах или коттеджах. Впервые эту тему затронули на Венском конгрессе 1926 г., в результате чего разгорелась жесточайшая полемика. Расселение беднейших слоев в индивидуальные дома на тот момент признавали более приемлемым вариантом с точки зрения программы «город-сад». Через два года на Парижском конгрессе международное сообщество вновь вернулось к этому вопросу. Согласно статистике, в Англии и Бельгии в большей степени предпочитались коттеджи, в Италии и Испании преимущественно склонялись к строительству многоквартирных домов, во Франции и Швейцарии поддерживали возведение домов обоих типов. Несмотря на то, что индивидуальное жилье по-прежнему считалось наиболее подходящей формой расселения как с экономической, так и с социальной точки зрения, членам IFHTP пришлось признать неизбежность организации строительства многоквартирных домов. Опыт и знания, полученные в ходе заседаний IFHTP, представляли собой альтернативную концепцию современного жилья и планировки. В начале 20-х гг. XX в. IFHTP стала одной из крупнейших транснациональных исследовательских платформ городского жилищного строительства.

На международной арене IFHTP конкурировала с другими ассоциациями, наиболее радикальной из которых был CIAM (Congrès International d'Architecture Moderne) – Международный конгресс современной архитектуры, основанный архитектором Ле Корбюзье (Le Corbusier) в 1928 г. Это организация позиционировала себя как авангардистское объединение, решающее конкретные социальные проблемы. CIAM ориентировался на архитекторов как на «людей действия», несущих ответственность за принятие универсальных решений (Kohlrausch, 2019: 108). Первое заседание CIAM состоялось в Ла Сарраз в 1928 г., на нем была принята резолюция, провозглашающая принципы градостроительной деятельности, основанные на приоритете качественной организации жизненных процессов граждан над эстетическими устремлениями архитекторов. Второй конгресс CIAM проходил в 1929 г. во Франкфурте-на-Майне, где была представлена немецкая концепция минимального жилища «Existenzminimum» для реализации ее в рамках строительства государственного социального жилья. Проекты были основаны на определении пространственных критериев минимального стандарта качества жилых единиц с целью создания достойных условий жизни малообеспеченного населения по доступным ценам. По окончании конгресса участники сошлись во мнении, что установление параметров минимального жилища является закономерным решением жилищных проблем промышленно развитых стран (Mumford, 2002: 31). Такое решение было продиктовано многочисленными исследованиями, проводимыми А. Кляйном (A. Klein), Э. Мэйем (E. May), Ле Корбюзье (Le Corbusier),

[2] International Housing and Town Planning Congress. Part III: Report. URL: https://www.huduser.gov/portal/sites/default/files/pdf/International-Housing-and-Town-Planning-Congress-Papers-Paris-1928-Part-3.pdf (дата обращения: 27 января 2022)

[3] International Housing and Town Planning Congress. Part II: Programme and General Reports. URL: https://www.huduser.gov/portal/sites/default/files/pdf/International-Housing-and-Town-Planning-Congress-Papers-Paris-1928-Part-2.pdf (дата обращения: 27 января 2022)

В. Гропиусом (W. Gropius), М. Шютте-Лихоцки (M. Schütte-Lihotzky).

На основании анализа разработок архитекторов-модернистов можно выделить следующие принципы проектирования минимального жилища:

- использование инноваций при экономичном подходе к строительству за счет рационализации производства конструктивных элементов (Corbusier, 1929);
- определение минимальных стандартов качества жилых единиц;
- обеспечение возможности адаптации внутренней планировки жилья под меняющиеся с течением времени потребности семьи (Gropius, 1929);
- установка связи между проектированием жилой среды и городским планированием.

Таким образом, на CIAM II архитекторами была сформирована программа планировочных и гигиенических требований к жилищу.

На следующем заседании в Брюсселе (1930 г.) обсуждались рациональные методы организации жилой застройки, направленные на эффективное использование городской территории с учетом нормативов по созданию комфортных и здоровых условий жизни в домах. Экспертами критиковалась европейская модель организации городских кварталов по периметру, поскольку данная планировка не обеспечивала возможность вентиляции и инсоляции всех квартир в равной степени. Помимо этого, был затронут вопрос о пригодности высотных зданий для жилья рабочих. По мнению В. Гропиуса и Ле Корбюзье, многоэтажные дома с лифтами были лучшей формой жилья в районах с высокой стоимостью земли. Экспертами были проанализированы различные варианты использования высокой, средней и низкой застройки, однако спор о выборе целесообразности того или иного типа так и не был разрешен.

В 1933 г. в рамках четвертого конгресса CIAM, который проходил на борту корабля «SS Patris II», следовавшего из Марселя в Афины, была принята «Афинская хартия»[4] – градостроительный манифест, составленный Ле Корбюзье. Документ был посвящен основным градостроительным проблемам XX в. и способам их решения. В резолюции были обозначены требования к организации градостроительного регулирования с точки зрения создания наилучших условий для жизни, труда и отдыха населения. Проблема жилищного строительства определялась манифестом как первостепенная. Хартией были выдвинуты требования к размещению жилых кварталов, учитывающих особенности рельефа местности, климата, условий инсоляции и степени озеленения территории. В документе было зафиксировано понятие *плотности застройки* как ведущего принципа формирования городских территорий. Впоследствии эта категория стала нормативной и была закреплена градостроительными актами ряда стран. Также декларировался запрет на размещение жилья вдоль транспортных магистралей, акцентировалась необходимость учета расстояния от места жительства до места приложения труда. Помимо соблюдения гигиенических условий проектирования жилой среды, был сделан акцент на необходимости развития придомовой территории как важного фактора физического и духовного развития человека. Афинская хартия стала теоретическим обобщением мирового градостроительного опыта первой половины XX в, пропагандирующего идею массовой застройки, основанной на рациональных принципах.

Таким образом, программа международных конгрессов современной архитектуры закрепила в общемировой градостроительной практике понимание жилища как

4 https://corbusier.totalarch.com/charte?ysclid=lfpro9awbi304855599

ведущего элемента городской среды, отражающего структуру общественного устройства и культуру. Разработка проектов массовой жилой застройки, предлагающих решение санитарно-гигиенических проблем городов, стала ведущим направлением архитектурной деятельности. Поиск вариантов пространственной организации жилой застройки строился с учетом факторов комфортности жилых единиц, создания условий озеленения и обустроенности придомовых территорий, экономико-технологической эффективности строительства. Широкое распространение получили экономичные, быстровозводимые жилые дома. В свою очередь, развитие индустриального строительства послужило основой для технической реализации массовой жилищной застройки, определив ее стилистику и эстетику.

Промышленный способ возведения жилья подразумевал рационализацию производства, высокая стоимость разработки методики которой требовала компенсации за счет значительных объемов строительства, в результате чего процесс становился рентабельным (Halász, 1966: 2). Помимо этого, необходимо отметить, что качественные изменения в области строительных технологий были связаны с применением новых материалов – чугуна, стали, железобетона, стекла, использование которых расширяло спектр возможностей архитектурного формообразования. Особую важность в развитии жилищной застройки приобрел железобетон. Его востребованность была обусловлена низкой стоимостью, огнестойкостью, устойчивостью к коррозии, долговечностью, что в совокупности компенсировало его «недостатки в виде огромного веса и сложности при транспортировке» (Урбан, 2019: 25). Применение железобетонных конструкций стимулировало процесс становления архитектуры многоэтажных зданий.

Архитекторы-модернисты В. Гропиус, Л. Мис ван дер Роэ (L. Mies van der Rohe), Ле Корбюзье, критиковавшие традиционные строительные методы, рассматривали индустриализацию как необходимое требование современной жизни, а стандартизация ими трактовалась как неотъемлемая составляющая эффективной работы производства. В это время широкое распространение получает разработка теории технической эстетики. Возникшая в Германии школа Баухаус (Bauhaus) стала идейным центром и творческой лабораторией, основанной на концепции синтеза искусства, архитектуры, науки и машинного производства. Ее преподаватели разработали собственный архитектурный язык, выражающийся в геометричности очертаний зданий, отсутствии орнаментальной обработки поверхностей, брутализме построек.

Один из основателей и директор Баухауса, В. Гропиус пропагандировал идею гибкого, рентабельного строительства посредством сборных элементов. Он предложил ряд систем готовых строительных конструкций. Преемник В. Гропиуса, Х. Мейер (H. Meyer) считал переход на стандартизацию и типизацию логичным решением в рамках социалистической архитектуры. По его мнению, задача архитектора состоит в разработке проектов унифицированного жилья, соответствующего реализации потребностей его жильцов. Другие представители Баухауса также поддерживали идею модульного жилья и выступали за продвижение многоэтажного строительства (Л. Мис ван дер Роэ, Л. К. Хильберзаймер (L. K. Hilberseimer), М. Л. Брёйер (M. L. Breuer)).

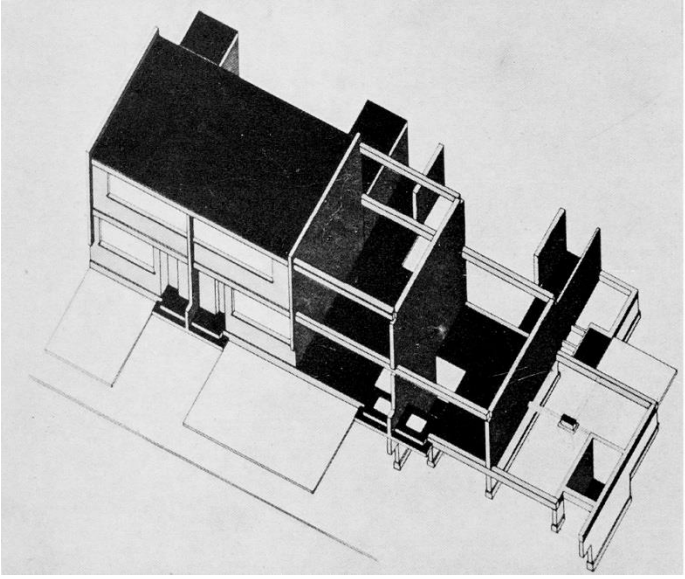
Строительство сборных типовых зданий стало активно развиваться в 20-е гг. XX в. Первые дома с использованием модульных конструкций были возведены в рамках первого этапа экспериментального проекта американского архитектора Г. Аттербери (G. Atterbury) в Форест-Хилс Гарденс (Forest Hills Gardens) в 1912 г. Каждый таунхаус сооружался подобно конструктору и состоял из 170 деталей. Однако проект имел существенный недостаток: покупка такого дома была не по средствам рабочему классу (Jara, 1996).

В европейском градостроительстве использование сборных элементов началось с проведения конкурса на разработку

доступного жилья в пригороде Амстердама, в Ватерграафсмеере (Watergraafsmeer). Конкурсантами были представлены различные конструктивные схемы зданий с применением бетона. Особого внимания заслуживает проект жилых домов Й. Б. ван Логхема (J. B. van Loghem). Архитектор сделал упор на выявлении функциональной основы жилых блоков. Строгая форма и плоские крыши составляли основу архитектурного образа жилища. В качестве основного строительного материала был использован пемзобетон, отличающийся легкостью и хорошими изоляционными свойствами. Практика массовой застройки жилых районов в так называемой «бетонной деревне» («Betondorp») в Амстердаме послужила основой для дальнейшего развития жилищной индустрии в европейских странах.

Одним из первых проектов социального жилья в Германии стал поселок Хуфайзен (Hufeisensiedlung) (1925–1931 гг.), концепция которого была разработана Б. Таутом (B. Taut) и М. Вагнером (M. Wagner). Он состоял из семи кварталов, застроенных типовыми домами на 1072 квартиры, шестьсот из которых было включено в структуру многоквартирных корпусов, а оставшиеся представляли собой односемейные дома. Проектировщики разработали четыре варианта планировки жилых единиц. Здания были выполнены из блоков серийного производства. Предложенное Б. Таутом и М. Вагнером объемно-пространственное решение объекта было ориентированно на создание благоустроенного быта в недорогом жилье, в связи с чем комплекс был признан образцом гуманизированных застроек высокой плотности (Mallgrave, 2021).

Кроме того, необходимо отметить проект поселка Дессау-Тёртен (Dessau-Törten) В. Гропиуса, задуманный как экономичное решение массового жилья. Поселение было построено в 1926-1928 гг. Ведущим принципом реализации жилого комплекса стала концепция рационализации строительного процесса с целью снижения затрат и сокращения сроков работ. Стройплощадка представляла собой промышленную производственную линию с изготовлением на месте типовых конструктивных элементов (рис. 1).



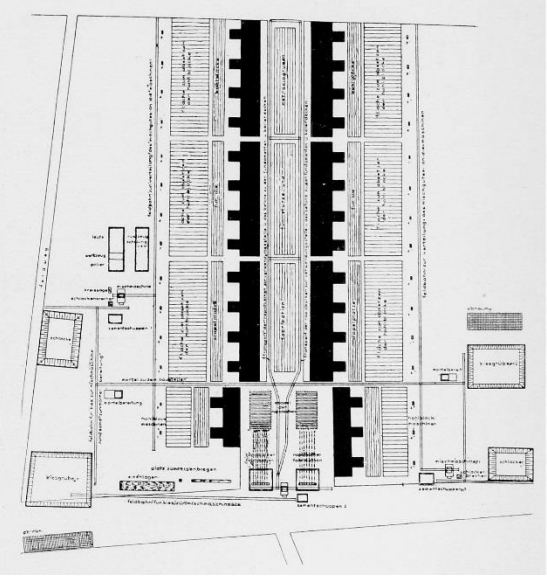


Рис. 1. Жилой комплекс «Дессау-Тёртен»:
структурная схема и схема строительной площадки[1]
Fig. 1. The housing complex «Dessau-Törten»: structural diagram and construction site diagram

[1] Фото везде, где не оговорено иное, взяты из открытых источников Internet.

Жилой массив был образован 314-рядными домами площадью 57 м^2, 70 м^2, 74 м^2, при каждом из которых имелся садовый участок. Архитектор спроектировал поселок с учетом потребностей местных жителей и роста численности населения. Помимо этого, В. Гропиус разработал метод строчной застройки жилых кварталов, использованный им в проекте поселка Даммершток (Dammerstock) (1928-1929 гг.), в котором дома были расположены рядами и одинаково ориентированы в отношении сторон света, что исключало разницу в их стоимости. Правильные геометричные формы фасадов, планировка из типовых сборных бетонных конструкций служили основой объемно-пространственного решения стандартизированных жилых зданий. Такой подход положил начало массовому строительству социального жилья в Германии.

Проекты рабочих поселков в Берлине, Дессау, Франкфурте-на-Майне послужили образцом для развития жилищной практики в Советском Союзе. Немецкий опыт использования стандартизированных и типизированных планировочных и конструктивных решений, способа монтажа, технологической организации строительного процесса, его финансового обеспечения стал предметом особого внимания советских архитекторов. В конце 20-х гг. группой архитекторов-конструктивистов (М. Барщ, А. Пастернак, В. Владимиров, Г. Сум-Шик) под руководством М. Гинзбурга были разработаны различные типы жилья эконом-класса, наиболее удачным вариантом из которых была ячейка типа F, основанная на идее важности как площади, так и кубатуры жилого пространства. Экспериментальные разработки М. Гинзбурга получили воплощение в жилых домах Наркомфина (1928-1930 гг.) и на Гоголевском бульваре (1929-1930 гг.). Архитекторы А. Буров и Б. Блохин занимались совершенствованием технологии строительства из готовых блоков. По их проекту первые полносборные крупноблочные дома были построены на улицах Велозаводской, Большой Полянке, Валовой, Бережковской набережной в Москве в 1939 г. Использование офактуренных на заводе железобетонных блоков с последующей сборкой на строительной площадке значительно ускоряло строительство. Интересная экспериментальная работа была проведена Н. Ладовским, предлагавшим использование цельных жилых ячеек, произведенных на заводе. Творческий поиск решений нового типа жилища в СССР был основан на социальной программе, связанной с перестройкой быта, а также сопровождался разработками в области функциональной организации жилья, его конструктивной и художественной реализации. Советская практика жилищного проектирования уже в период своего становления «активно влияла на разработку современного жилища в других странах» (Былинкин и др., 1985: 97).

Во Франции разработкой типологии модульных домов для реализации в системе серийного производства активно занимался Ле Корбюзье. Ему принадлежит концепция «Дом-Ино» (Maison «Dom-Ino») (1914 г.) – проект стандартизированного двухэтажного дома свободной планировки, состоящего из бетонных плит, поддерживаемых колоннами и лестницей. В постройке не было ни стен, ни комнат, а только голый каркас. Лишенный архитектуры «Дом-Ино» служил универсальной платформой для создания множества планировочных комбинаций. По задумке Ле Корбюзье, разработанная им жилая единица должна производиться серийно с последующей компоновкой модульных ячеек по типу домино. Кроме того, он предполагал, что один подрядчик будет отвечать за производство каркасных блоков на строительной площадке, а другой – за возведение наружных стен и внутренних перегородок, отделку, установку дверных и оконных блоков (Boesiger, 1999: 24). Однако французское законодательство исключало возможность использования метода строительства, предложенного Ле Корбюзье в проекте «Дом-Ино», связанного с производством на месте и сопровождаемого значительным ручным тру-

дом. В дальнейшем на основе этой каркасной системы был разработан ряд архитектурных решений, таких как «Дом Ситроен» (Maison Citrohan) (1925 г.), жилье в поселке Фрюже (Quartiers Modernes Frugès) (1924-1926 гг.), марсельская жилая единица (L`Unité d'Habitation de Marseille) (1952 г.). Разработанные Ле Корбюзье проекты в области жилой архитектуры объединены идеей понимания дома как «машины для жилья», то есть продукта, создаваемого конвейерным способом.

Одним из первых проектов жилищного строительства во Франции с применением передовых строительных методов и конструкций был поселок «Ла Мюэт» (La cité de la Muette) в Дранси (Drancy) (1931-1934 гг.), предложенный архитекторами Э. Бодуэном (E. Beaudouin) и М. Лодсом (M. Lods). Инженер Э. Мопен (E. Mopin) разработал строительную систему комплекса, основанную на «легком стальном каркасе, заполненном вибрированным бетоном» (Powers, 2007: 43), а Ж. Пруве (J. Prouvé) – систему металлических форм, используемых при отливке бетонных элементов (рис. 2). При возведении поселка была использована поточная организация работ. Жилой массив был образован трех-, четырехэтажными многоквартирными домами и пятнадцатиэтажными жилыми башнями, соединенными на уровне первого этажа сквозными галереями. Комплекс включал в себя также общественный центр. В композиции поселка, выстроенной по принципу сетки, где свободные территории между домами были озеленены, нашли отражение идеи Ле Корбюзье (рис. 3). Архитекторы при разработке планировочного решения квартир отказались от специализации комнат, придав им одинаковые размеры в соответствии с конструктивным шагом, а также использовали в проекте стандартные двери, окна, оборудование и части перекрытий (рис. 4). Применение современных конструкций и строительных методов определило эстетику жилого комплекса «Ла Мюэт». Его дизайн послужил основой модернистских разработок других европейских архитекторов.

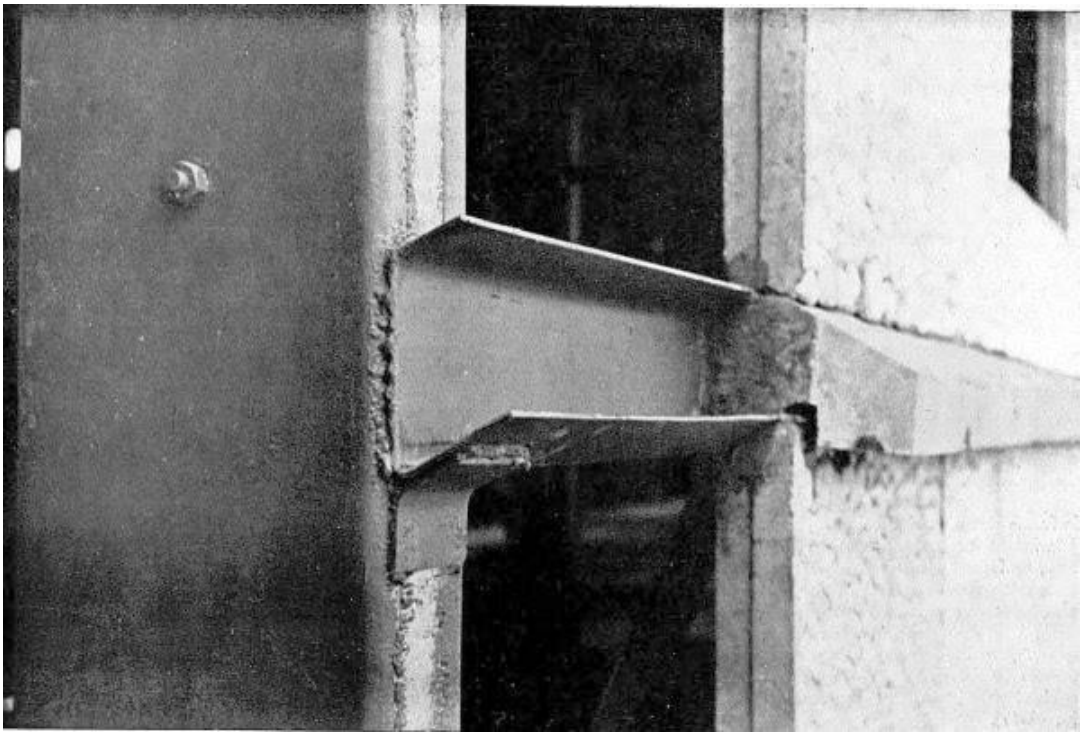


Рис. 2. Деталь крепления сборных панелей в жилом комплексе «Ла Мюэт» в Дранси
Fig. 2. A detail of the fixing of prefabricated panels in the housing complex «La Muette» in Drancy

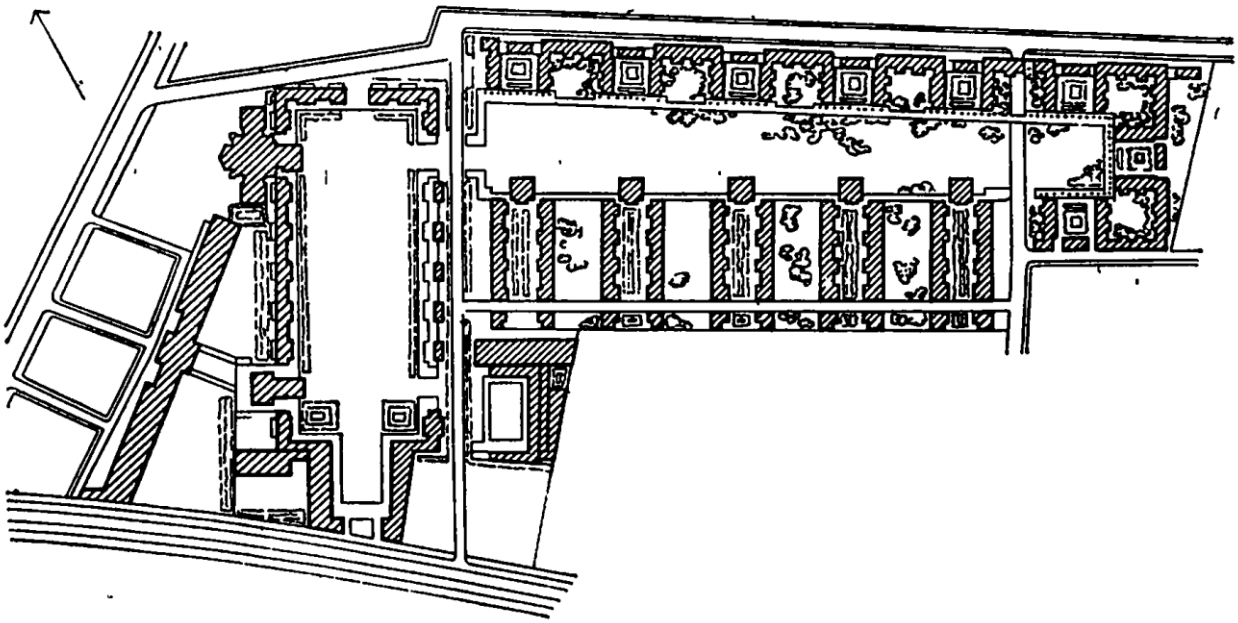


Рис. 3. Генеральный план жилого комплекса «Ла Мюэт» в Дранси
Fig. 3. Site-plan of the housing complex «La Muette» in Drancy

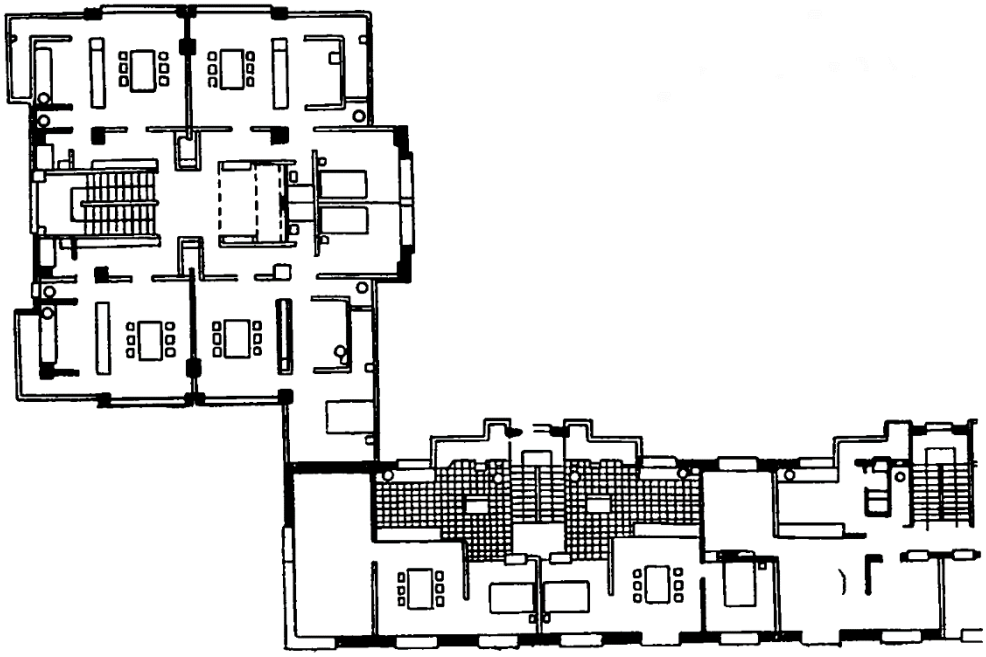


Рис. 4. План секции жилого комплекса «Ла Мюэт» в Дранси
Fig. 4. Plan of the section of the housing complex «La Muette» in Drancy

В Великобритании развитие массовой жилой застройки начинается в 1930-х гг. Первым крупнейшим комплексом социального жилья был «Куорри Хилл» (Quarry Hill Flats) в Лидсе (Leeds), спроектированный архитектором Р. Ливеттом (R. Livett) и открытый в 1938 г. (рис. 5, рис. 6). Конструктивное решение объекта было построено на революционных строительных методах,

предложенных Э. Мопеном: стальной каркас зданий собирался без использования кранов, на него крепились сборные бетонные панели, изготовленные на месте (рис. 7). Основой архитектурной части проекта послужил дизайн жилых домов «Карл Маркс Хоф» в Вене. Среди других сооружений этого периода, построенных с применением новых технологий, необходимо отметить возведенные под руководством Ланселота Ки (Lancelot Keay) «Джерард Гарденс» (Gerard Gardens) (1935-1939 гг.) и «Миртл Гарденс» (Myrtle Gardens) (1936-1937) в Ливерпуле. Развитие модернистского направления в организации жилищного строительства в Британии в течение 30-х гг. XX в. было основано на разработанных другими европейскими государствами моделях.

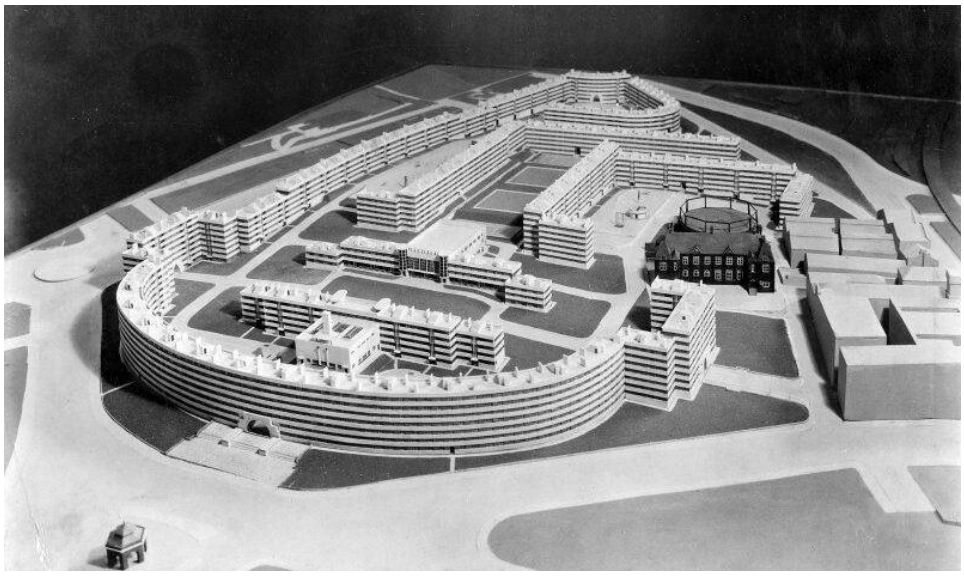


Рис. 5. Макет жилого комплекса «Куорри Хилл» в Лидсе
Fig. 5. Model of the housing complex «Quarry Hill Flats» in Leeds

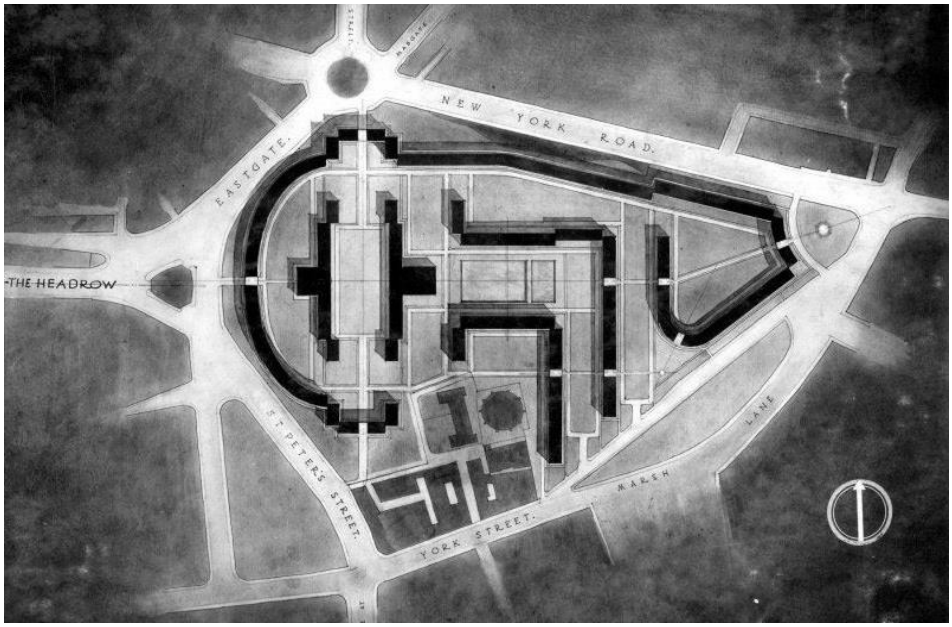


Рис. 6. Генеральный план жилого комплекса «Куорри Хилл» в Лидсе
Fig. 6. Site-plan of the housing complex «Quarry Hill Flats» in Leeds

Рис. 7. Фрагмент каркаса жилого комплекса «Куорри Хилл» в Лидсе
Fig. 7. Fragment of the frame of the housing complex «Quarry Hill Flats» in Leeds

Для американского жилищного строительства этого периода характерна планировочная типизация и стандартизация отдельных узлов. С целью эффективного использования земельных участков квартальная застройка производилась с максимальной плотностью, что, в свою очередь, определило планировочные решения жилых зданий. Широкое распространение получил прием организации жилой секции, где лестничная клетка обслуживает большое количество квартир. Первыми объектами американского государственного жилья для рабочего класса были внешне похожие на казармы жилые комплексы «Фёрст Хаузис» (First Houses) (1934 г.) и «Харлем Ривер Хаузис» (Harlem River Houses) (1936 г.), расположенные в районе Манхеттена, а также «Уильямсбург Хаузис» (Williamsburg Houses) (1938 г.) – в Бруклине, отличающийся абстрактной геометрической массивностью и индустриальным стилем, характерным для европейских жилищных проектов.

Заключение

Стандартизированные жилые комплексы в Германии, экспериментальные проекты рабочего жилища советских архитекторов, первые объекты многоквартирного типового жилья во Франции, Англии, США стали начальным этапом разрешения жилищного кризиса, ознаменовав собой изменение отношения общества к данной проблеме. Строительство массового жилья для рабочего населения с применением индустриальных методов рассматривалось как перспективная практика, обеспечивающая снижение трудозатрат и материалоемкости, ускорение темпов возведения зданий, повышение рентабельности и, в конечном счете, значительный рост эффективности строительного производства. Таким образом сложилась новая форма жилья – массовое типовое домостроение, характеризующееся рядом специфических особенностей. Стандартизация планировочных решений данной категории жилых единиц определялась исходя из научно-обоснованной функциональной организации жилья, учитывающей типичные формы бытовой жизнедеятельности большинства семей. Типизация архитектурного решения также предполагала использование определенных типов конструкций, методов и способов их

монтажа, тиражирование элементов благоустройства, использование определенного сортамента внутреннего оборудования. Создание моделей стандартного дома в каждой из стран было тесно связано с развитием единых строительных проектных норм.

Литература

Былинкин, Н.П., Калмыкова, В.Н., Рябушин, А.В., Сергеева, Г.В. История советской архитектуры (1917-1954). М.: Стройиздат, 1985. 256 с.

Урбан, Ф. Башня и коробка: Краткая история массового жилья / пер. с англ. П. Фаворова. М.: Strelka Press, 2019. 296 с.

Boesiger, W., Girsberger, H. Le Corbusier 1910–65. Basel: Birkhäuser, 1999. 351 p.

Corbusier, L., Jeanneret, P. Analysis of the Fundamental Elements of the Problem of «The Minimum House» // Modernist Architecture. A Database of Modernist Architectural Theory: website. URL: https://modernistarchitecture.wordpress.com/2011/09/14/le-corbusier's-"ciam-2-1929"-1929/ (accessed: 9 February 2022)

Gropius, W. Sociological Premises for the Minimum Dwelling of Urban Industrial Populations. URL: https://modernistarchitecture.wordpress.com/2010/10/28/walter-gropius'-"sociological-premises-for-the-minimum-dwelling-of-urban-industrial-populations"-1929/ (дата обращения: 9 февраля 2022)

Halász, R. Industrialisierung der Bautechnik. Bauen und Bauten mit Stahlbetonfertigteilen. Düsseldorf: Werner, 1966. 432 S.

Jara, C. Prefabrication in the Design of Housing at Forest Hills Gardens in New York, 1909-19. URL: https://www.acsa-arch.org/proceedings/International Proceedings/ACSA.Intl.1996/ACSA.Intl.1996.54.pdf (accessed: 18 February 2022)

Kohlrausch, M. Brokers of Modernity: East Central Europe and the Rise of Modernist Architects, 1910-1950. Leuven: Leuven University Press, 2019. 383 p.

Mallgrave, H. F. Building Paradise: Episodes in Paradisiacal Thinking. New York: Routledge, 2021. 306 p.

Mumford, E. The CIAM Discourse on Urbanism, 1928-1960. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. 396 p.

Powers, A. Britain. Modern Architecture in History. London: Reaktion Books, 2007. 304 p.

Somer, C. The Functional City: CIAM and the Legacy of Van Eesteren, 1928-1960. Rotterdam, The Netherlands: NAi Publishers, 2007. 304 p.

References

Boesiger, W. and Girsberger, H. (1999), *Le Corbusier 1910–65* [Le Corbusier 1910–65], Birkhäuser, Basel, Switzerland (in German)

Bylinkin, N. P., Kalmykova, V. N., Ryabushin, A. V. and Sergeeva, G. V. (1985), *Istoriya sovetskoy arkhitektury (1917-1954)* [History of Soviet Architecture (1917-1954)], Stroyizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Corbusier, L. and Jeanneret, P. (1929), *Analysis of the Fundamental Elements of the Problem of «The Minimum House»*, [Online] available at: https://modernistarchitecture.wordpress.com/2011/09/14/le-corbusier's-"ciam-2-1929"-1929/ (Accessed 9 February 2022).

Gropius, W. (1929), *Sociological Premises for the Minimum Dwelling of Urban Industrial Populations*, [Online] available at: https://modernistarchitecture.wordpress.com/2010/10/28/walter-gropius'-"sociological-premises-for-the-minimum-dwelling-of-urban-industrial-populations"-1929/ (Accessed 9 February 2022).

Halász, R. (1966), *Industrialisierung der Bautechnik. Bauen und Bauten mit Stahlbetonfertigteilen* [Industrialization of Building Technology Construction and Buildings with Prefabricated Reinforced Concrete Parts], Werner, Düsseldorf, Germany (in German).

Jara, C. (1996), *Prefabrication in the Design of Housing at Forest Hills Gardens in New York, 1909-19*, [Online] available at: https://www.acsa-arch.org/proceedings/International Proceedings/ACSA.Intl.1996/ACSA.Intl.1996.54.pdf (Accessed 18 February 2022).

Kohlrausch, M. (2019), *Brokers of Modernity: East Central Europe and the Rise of Modernist Architects, 1910-1950*, Leuven University Press, Leuven, Belgium

Mallgrave, H. F. (2021), *Building Paradise: Episodes in Paradisiacal Thinking*, Routledge, New York, USA.

Mumford, E. (2002), *The CIAM Discourse on Urbanism, 1928-1960*, The MIT Press, Cambridge, UK.

Powers, A. (2007), *Britain. Modern Architecture in History*, Reaktion Books, London, UK.

Somer, C. (2007), *The Functional City: CIAM and the Legacy of Van Eesteren, 1928-1960*, NAi Publishers, Rotterdam, The Netherlands.

Urban, F. (2019), *Bashnya i korobka: Kratkaya istoriya massovogo zhilishcha* [Tower and Slab: Histories of Global Mass Housing], Translated by Favorov, P., Strelka Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шульгина Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры архитектуры, Факультет архитектуры и дизайна, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, ул. Татищева, д. 20а, г Астрахань, 414056, Российская Федерация; *es5g12@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina Yu. Shulgina, Senior Lecturer, Department of Architecture, Faculty of Architecture & Design, Tatishchev Astrakhan State University, 20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation; *es5g12@mail.ru*

УДК 111.85 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-11**

Кожаева И. В.[1], Чжоу Цзе[2]

Театрализованное представление и поиск его аутентичности

[1] Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308000, Россия; *ikorrotaeva@bk.ru*
[2] Хулунбуирский институт, ул. Сюэфу, д. 83, г. Хулун-Буир, 021008, Хайлар, Внутренняя Монголия, КНР; *joanna.jie.zhou@qq.com*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена фундаментальным характером проблем, комплексно связанных с феноменом театрализованного представления. Последнее является разновидностью праздника – одного из основополагающих культурных явлений, сопровождающих человека на всех этапах его культурного развития. В основе представления лежит перформативность, возводимая Й. Хейзингой в ранг человекосозидающих категорий. Также важнейшее значение для представления имеет такое базовое для человека и культуры явление, как игра. С сожалением стоит отметить, что, несмотря на важность театрализованного представления для понимания современной культуры, изучение этого феномена оказывается на периферии исследовательского интереса. Методологическую основу исследования составили работы А. Бадью, в особенности его понимание концепта события-истины. Концепция инэстетики А. Бадью дает нам основание говорить о наличии связи между истиной и театрализованным представлением. Проблема представления переформулируется в категориях события, истины и субъекта истины. Рассмотрение представления как события-истины позволило определить театрализованное представление как самостоятельный феномен городской культуры, имеющий свою специфику, проявляющуюся в особом хронотопе, связи с сакральным, а также с событием-истиной.

Ключевые слова: представление; театрализованное представление; игра; зрелище; событие; истина; субъект; Ален Бадью

Для цитирования: Кожаева И.В., Чжоу Цзе. Театрализованное представление и поиск его аутентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 140-149. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-11

I. V. Kozhaeva[1], Zhou Jie[2]

Theatrical performance and the search for its authenticity

[1] Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308000, Russia; *ikorrotaeva@bk.ru*
[2] Hulunbuir Institute, 83 Xuefu Road, Hulunbuir City, 021008, Hailaer, Inner Mongolia, China; *joanna.jie.zhou@qq.com*

Abstract. The relevance of the study is due to the fundamental nature of the problems that intersect in the phenomenon of theatrical performance. Among them, the holiday

itself, which is one of the fundamental cultural phenomena that accompanies a person at all stages of his/her cultural development, from inception to the present. At the heart of the representation is performativity, which J. Heisinga elevates to the rank of human-creating categories. Also crucial to representation is such a basic human and cultural phenomenon as play. It is regrettable to note that despite the importance of theatrical performance for understanding contemporary culture, the study of this phenomenon finds itself on the periphery of research interest. The methodological basis of the study was the work of A. Badiou and his concept of the event-truth. A. Badiou's concept of inaesthetics gives us grounds for the existence of a connection between truth and theatrical performance. The problem of representation is reformulated in the categories of event, truth and subject of truth. Consideration of the performance as an event-truth allowed us to define the theatrical performance as an independent phenomenon of urban culture, which has its own specificity, manifested in a special chronotope, connection with the sacred, as well as with the event-truth.

Key words: representation; theatrical performance; the game; spectacle; event; true; subject; Alain Badiou

For citation: Kozhaeva I. V., Zhou Jie (2023), “Theatrical performance and the search for its authenticity”, *Research Result. Social Studies and Humanities,* 9 (1), 140-149, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-11

Дискурс о представлении: между педагогикой и историей

Для современного человека театрализованное представление является достаточно сложным феноменом, несмотря на всю его привычность. Прежде всего мы имеем в виду его отличие от родственных ему театральной постановки, ярмарочного представления, игры. Все эти формы зрелищности серьезно заслоняют театрализованное представление, затрудняют поиск его аутентичности. Разворачивающееся на площадях, во время городских празднеств представление привлекает внимание публики и нередко вовлекает в действо, однако до сих пор не находит должного внимания на страницах исследований, которые могли бы ответить на вопрос о специфике театрализованного представления.

Прежде всего отметим, что массив публикаций, в которых театрализованное представление является объектом изучения, значительно уступает публикациям об известных режиссерах или театре. Большая часть таких работ может быть отнесена к педагогическому дискурсу, в рамках которого рассматриваются различные аспекты подготовки студентов по направлению подготовки 071400 «Режиссура театрализованных представлений и праздников». Среди них публикации, сосредоточенные на изучении сформированности различных компетенций (Жукова, 2012), выявлении жанровой специфики представления (Исаков, Гавдис, 2022), формировании качеств будущего режиссера (Товпанец, 2021). Отметим, что само театрализованное представление в данных публикациях рассматривается как некая данность/устоявшаяся структура, поэтому задачу авторы исследований видят в том, чтобы научить его создавать. Другие публикации, в которых театрализованное представление рассматривается не как данность, составляют исторические исследования, посвященные театрализованным представлениям у различных этносов и народов в различные эпохи (Утегалиева, 2021); основу таких исследований составляет обращение к истории возникновения представления, подчас совершенно конкретного, но снова без поиска его специфики.

Генеалогия театрализованного представления

Оставляя в стороне все исследования родственных представлению явлений и других форм зрелищности, предположим, что неоднозначность восприятия театрализованного представления кроется в культурно-исторической специфике представления как феномена европейской культуры, и, для того чтобы выявить все аспекты затруднений в понимании театрализованного представления, нужно обратиться к генезису этого самостоятельного культурного феномена, отличного от театра и театральной постановки. Т.Г. Аниконова пишет, что театрализованное представление «есть конкретно-историческая форма городской праздничной культуры: это и составная часть церемониальной программы в праздничном городе, и самостоятельное социально-художественное явление, имеющее свои законы и правила, свои приемы и средства воздействия» (Аниконова, 2017: 17). То есть мы можем зафиксировать, что театрализованное представление является самостоятельным культурным феноменом, который возникает в европейской городской культуре и является производным от феномена праздника, явления более обширного.

В словаре В.И. Даля праздник определяется как «день, посвященный отдыху, не деловой, не работный, противоположный – будень; день, празднуемый, по уставу церкви, или же по случаю и в память события гражданского, государственного, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица» (Даль, 1882: 393). Праздник в этом определении обозначает специфическое время, характеризующееся отдыхом, ничегонеделанием или приостановкой работы. И далее введение этого специфического времени – «день, празднуемый, по уставу церкви, или же по случаю и в память [чего-либо]» (там же) – осуществляется на основании религиозном или светском. Праздник здесь не является отдыхом, который физиологически необходим человеку для восстановления сил от повседневного труда. Праздник является прерыванием некоторого «обычного» времени, времени труда, прежде всего по религиозным причинам.

Сразу отметим, что подобная трактовка праздника отсылает нас к мифологическому подходу, или мифологическому направлению в понимании В.Я. Проппа (Пропп, 1995: 17). С той поправкой, что, по нашему мнению, мифологическая трактовка праздника основана не столько на укорененности праздников как таковых в мифологии, их происхождении «из мифов», что прочитывается у большинства фольклористов, сколько на атрибуте праздника как специфического времени, отличного от времени «обычного». В основе такой позиции лежит фундаментальное представление традиционного мышления о времени и пространстве как не однородных и континуальных, а как раз весьма различных по своим качествам и не сопоставимых по ценности. Категории «профанного» – обычного и «сакрального» – необычного отражают это деление на незначимое пространство-время и значимое. Мирча Элиаде связывает праздник с проблемой темпоральности. Он пишет о празднике: «Время начала реальности, т. е. Время первого появления, имеет значимость и функцию примера, поэтому человек стремится периодически восстановить его в настоящем с помощью соответствующих обрядов. Но “первое проявление” некой реальности равнозначно ее сотворению Божествами или Полубогами. Вновь приобрести Время начала предполагает, следовательно, ритуально повторить созидательные действия богов. Периодическое воспроизведение в настоящем созидательных действий, совершенных Божествами in illo tempore, и составляет священный календарь – свод праздников» (Элиаде, 1994: 57). По Элиаде, праздник есть некое первовремя, начальное время, священное время, которое ритуальным путем циклично воспроизводит исходную и уже утраченную реальность, прерывая профанное течение времени.

Специфичность праздничного, а значит и сакрального, заключается также в нарушении обычного положения дел, нарушении порядка. Роже Кайуа отмечает эту трансгрессивную сторону праздника: «Праздник длится несколько недель, несколько месяцев с четырех- пятидневными передышками. Порой несколько лет уходит на то, чтобы собрать нужное количество припасов и богатств, которые будут не только потребляться и тратиться напоказ, но и просто-напросто уничтожаться и растранжириваться, ибо транжирство и уничтожение – формы эксцесса – по праву принадлежат самой сути праздника» (Кайуа, 2003: 217). Привычное течение жизни, связанное с трудом, накоплением и сбережением, прерывается праздником, во время которого разрешено многое из того, что запрещено в обычное время. Здесь и неограниченный прием пищи, напитков, танцы или карнавалы, драки и многое другое, что можно обозначить как нарушение нормы.

Ж. Батай также видит в феномене праздника трансгрессивную природу: «Религиозные действия – жертвоприношения, праздники, роскошные строения – поглощают избыточную энергию общества, но обычно тому, чьим первичным смыслом был разрыв цепочки эффективных действий, приписывают и вторичную эффективность. Отсюда происходит сильное чувство неловкости, ошибки и обмана, которым полна вся религиозная сфера» (Батай, 2006: 183). Праздник не только расходует накопленные запасы продуктов, дает выход энергии людей через снятие запретов, но также избавляет общество от накопленного избытка энергии, который чреват конфликтами. В празднике они сублимируются в игровой форме, и общество тем самым сохраняет себя.

Схожие смыслы в понимании праздника мы находим у Э. Дюркгейма, для которого праздник является способом сплочения общества. Он пишет: «Культ – это не просто некие ритуальные предосторожности, которые человек обязан соблюдать в определенных обстоятельствах; это система обрядов, праздников и различных церемоний, имеющих то общее свойство, что все они проводятся с определенной периодичностью. Они отвечают потребности, которую испытывает верующий, время от времени укреплять, упрочивать связь, существующую между ним и сакральными существами, от которых он зависит» (Дюркгейм, 2018: 144). Праздник здесь рассматривается как часть более обширного понятия культа, а его повторяемость во времени и связь с сакральным позволяют Дюркгейму сделать вывод о консолидирующей роли праздника для общества. Амитай Этциони расширяет тезисы Дюркгейма о праздниках, выделяя следующие моменты его теории праздников:

1) профанная жизнь и повседневные практики ведут к росту индивидуализма людей, который преодолевается в ритуальных действиях и праздниках в том числе;

2) совместная деятельность людей в ритуале возрождает единство общества;

3) само содержание ритуала не имеет значения и может наполняться любым смыслом, поскольку главное, что ритуал объединяет людей (Этциони, 2015: 30).

Тем самым, как и сам ритуал, праздник может быть лишен своего религиозного содержания или значения, при этом сохраняя свое «подлинное» значение – консолидацию общества и преодоление частного индивидуализма. И снова у Э. Дюркгейма мы находим подтверждение этому в его словах о праздниках периода Великой французской революции: «Эта способность общества выступать в качестве бога или создавать богов никогда не проявлялась с такой очевидностью, как в первые годы Французской революции. В это время под влиянием всеобщего воодушевления вещи, абсолютно светские по своей природе, были превращены общественным мнением в сакральные: Отечество, Свобода, Разум. Пыталась упрочиться целая религия со своими догматами, символами, алтарями и праздниками» (Дюркгейм, 2018: 382). Мы можем отметить связь между сакральным и

праздником, которая прослеживается в отношении темпоральности, ритуала, а также консолидации и трансгрессивности или высвобождении энергии, что позволяет провести параллель с катарсисом. Пример Э. Дюркгейма удачен также в том смысле, что праздник времен Французской революции не только иллюстрирует светские или секулярные праздники, но также дает пример небожественной сакральности праздника. При этом сакральное может быть не привязано к идее некоего божества или Бога как такового, а восприниматься как некая сила, находящаяся вне возможности рационального осмысления, сложно поддающаяся рефлексии, но при этом действенная.

Помимо этого, праздники Французской революции можно считать одним из первых примеров именно театрализованных представлений. Поскольку театральное действо выносится из стен театров на улицы, что полностью соответствует определению театрализованного представления: «Зрелище, в котором участвуют большие массы людей. Оно проводится под открытым небом на площадях, стадионах, парках и обычно приурочено к знаменательным датам» (Режиссура массового театрализованного действа, 1999: 113). Явно присутствующие в этом «выходе» на улицы театральное, карнавальное и праздничное сакральное начала сочетаются с массовостью. Эпоха «восстания масс» Ортегой-и-Гассетом описывается через образ театра и его заполненного зала, в котором все хотят сидеть в первом ряду (Ортега-и-Гассет, 2002). Можно отметить, что если театр не позволяет этого, то представление на площади или улице дает такую возможность.

В приведенном определении театрализованного представления центральной является категория зрелища, под которым понимается то, что непосредственно открывается глазу, а также представление, нечто специально организованное для показа зрителю. Причем зрелище так же, как и праздник, имеет определенные формы, обусловленные культурно-исторически. Н.А. Хренов связывает зрелище с коммуникацией. Собственно, зрелище как таковое и есть коммуникация, трансляция культуры от человека к человеку посредством слова и образа. При этом отличие традиционных зрелищных форм от современных форм с использованием технических средств заключается в их ограниченности пространством и временем, необходимостью непосредственного контакта передающего и воспринимающего, актера и зрителя. Отсюда также локализация зрелищ по географическому признаку, например, в традиционной культуре праздники часто носят местный характер. Также в них нет разделения на актеров и зрителей, поскольку в них участвуют сами жители конкретной местности, транслируя знание от поколения к поколению; фигуры режиссера также нет, что для нас важно.

Н.А. Хренов выделяет еще одну особенность традиционных зрелищ: «Традиционным зрелищам присуще одно из основополагающих свойств зрелищности. Они воспроизводят необычное, неожиданное, редко встречающееся исключительное или даже чудесное. Это свойство подчеркивает контрастирующую с буднями особую атмосферу зрелищного общения» (Хренов, 2006: 9). И дело здесь не только в специфике фольклорных форм культуры. Связь праздника и сакрального, зрелища и сакрального, отмеченная ранее, объясняет присутствие «чудесного» и нечувствительность к изменениям. Традиционные зрелища не только цикличны по своей сути: все время возвращая сообщество к первовремени, к сакральному мифическому хронотопу, они противоположны истории как таковой, времени как линии.

Соотнесение театрализованного представления с категориями сакрального и профанного может затенять ранее сделанный вывод о принадлежности предмета нашего исследования к городской культуре. Ведь указанные категории более применимы к культуре традиционной. Не про-

тивополагаются ли здесь город и село, театрализованное представление и традиционные формы празднества и зрелищности? Нам представляется, что театрализованное представление как порождение городской культуры несет в себе и черты праздника вообще, и также те, что восходят к сакральным. Оно вполне органично вмещает в себя как традиционные, так и нетрадиционные формы зрелищности, как, например, кинематограф; в том числе совмещая сакральное и технически новое.

Характеризуя технически воспроизводимые формы зрелищности, нельзя обойти вниманием замечание Вальтера Беньямина о воспроизводимости произведений искусства: «Даже в самой совершенной репродукции отсутствует один момент: здесь и сейчас произведения искусства – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится. На этой уникальности и ни на чем ином держалась история, в которую произведение было вовлечено в своем бытовании…» (Беньямин, 1996: 19). Беньямин пишет о физическом состоянии объектов искусства, патине на картинах, следах времени, создающих уникальность. Но и в отношении зрелища работает это замечание, поскольку уникальность произведения, показываемого на сцене, подчинена принципу «здесь и сейчас». Возможно, даже в большей мере в силу своей временности. Постановка театра разная при каждом повторении. И далее В. Беньямин вводит концепт ауры, чтобы отразить подлинность произведения: «То, что при этом исчезает, может быть суммировано с помощью понятия ауры: в эпоху технической воспроизводимости произведение искусства лишается своей ауры. Этот процесс симптоматичен, его значение выходит за пределы области искусства. Репродукционная техника, так можно было бы выразить это в общем виде, выводит репродуцируемый предмет из сферы традиции. Тиражируя репродукцию, она заменяет его уникальное проявление массовым. А позволяя репродукции приближаться к воспринимающему ее человеку, где бы он ни находился, она актуализирует репродуцируемый предмет» (Беньямин, 1996: 22). В этом отношении, в соотнесении с технической стороной, театрализованное представление, как нам представляется, находится между традиционными формами зрелищности и технически воспроизводимыми. Являясь синтетической формой, способной вмещать как достаточно традиционные элементы зрелищности, так и технически современные, театрализованное представление в полной мере наследует то, что Беньямин называет аурой произведения.

Указанное положение относится и к восприятию театрализованного представления, часто разворачивающегося в повседневности, «обычном» городском пространстве и «обычном» времени. Само техническое начало как феномен, как мы выяснили, тесно связанный с представлением сегодня, также раскрывает сложные отношения представления с сакральным. Можно предположить, что театрализованное представление и его «аура» становятся предметом потребления и теряют статус сакрального, а вместе с ним переживания интенсивности и подлинности (Кибалко, Борисов, 2019). С. Зенкин отмечает, что Дж. Агамбен описывает ситуацию утраты в категориях сакрального и профанного, но переворачивая стороны оппозиции. Не сакральное истончается и исчезает, а профанное не может существовать в некотором «чистом» виде: «“Непрофанируемость” возникает, по Агамбену, не в результате того, что одно из двух вечно противоположных начал – сакральное или профанное – захватывает все пространство социальной жизни, а потому, что исчезает структурированность этого пространства. В сердце каждого объекта проходит своя, неустранимая граница между “использованием” и “потреблением”/“зрелищем”, так что разность потенциалов между самими объектами исчезает. В такой ситуации люди нашего времени должны заново искать какие-то специальные средства, чтобы

восстановить в себе навык профанации. Таким навыком может быть, например, игра – в традиционных обществах она позволяла разыгрывать “понарошку” священные ритуалы, сводя их к условным бытовым действам (Агамбен, по-видимому, учитывает теорию десакрализующих игр у Роже Кайуа), а в современных телевизионных шоу она, наоборот, норовит подменить собой моменты воодушевления, вызываемые сакральными праздниками» (Зенкин, 2012: 22). То есть театрализованное представление в ситуации отсутствия четкого деления на сакральное и профанное, их смешения, путаницы между праздничным и обыденным, нуждается в демаркации границ.

Поскольку наши размышления о сакральности традиционных форм зрелищности предполагают, что представление, или разыгрывание, дает доступ к истоку бытия, стоит рассмотреть вопрос об отношении театрализованного представления и истины. У В. Беньямина это обозначено через использование слова «подлинный». Подлинность произведения искусства самоочевидна и раскрывается в его уникальности. Имеет ли театрализованное представление отношение к этому ряду категорий? Этот вопрос раскрывает А. Бадью в работе «Малое руководство по инэстетике», расширяя его до всего понятия искусства. Причем сама постановка такого вопроса восходит к проблеме, поставленной еще в античной философии. Бадью выделяет три парадигмы в решении проблемы соотношения искусства и истины: дидактическую, романтическую и классическую, соотносимые с марксизмом, психоанализом и немецкой герменевтикой соответственно (Бадью, 2014: 13). Все три по-разному выстраивают отношения между искусством и истиной, признавая за последней возможность познания или отказывая в этом.

Дидактический подход, по мысли Бадью, берет начало в философии Платона, отражающей тезис о том, что искусство не способно «пробиться» к истине. Оно ограничено сферой видимости и подобия. В противоположность этому романтическая парадигма утверждает истинность искусства: «Ее основной тезис заключается в том, что одно лишь искусство способно свидетельствовать об истине. И в этом смысле оно воплощает то, на что философия лишь косвенно указывает. В романтической схеме искусство предстает в виде реального воплощения истины…» (Бадью, 2014: 11). И между двумя обозначенными крайностями признания истины и его отсутствия находится классическая парадигма, или, по Бадью, схема, названная им классической. В ней искусство не претендует на истинность, поскольку его главная цель – эмоциональное очищение человека, катарсис. Искусство обращается к эмоциональной стороне человека, тогда как истина не входит в нее.

Для нас выяснение вопроса об отношении истины и искусства является важным, поскольку может дать ответ на вопрос о сути или цели театрализованного представления как частного проявления искусства: несет ли оно истину в своих лучших проявлениях или призвано только развлекать, дарить радость и отдых от рутинного труда? Для Бадью ответ звучит однозначно: искусство неразрывно связано с истиной, что раскрывается в нескольких положениях. Прежде всего, Бадью утверждает: «Искусство – это мысль, продуктом которой является реальность (а не эффект реальности). И эта мысль, а также мысли или истины, которые она активирует, несводимы к другим истинам – научным, политическим или истинам любви» (Бадью, 2014: 17). И такое утверждение не только фиксирует истинность искусства, имманентную возможность искусства «активировать» истину, но также отражает то, как это происходит. В случае с искусством – и в этом его отличие от науки, политики и прочих практик постижения истины – искусство раскрывает истину или показывает ее, творя реальность.

Проблема с таким определением искусства состоит в том, что конечность искусства противоречит бесконечности истины. Бадью отмечает, что конечность

искусства заключается в трех аспектах. Прежде всего, искусство существует как произведения искусства. Последние, в свою очередь, ограничены во времени и пространстве, то есть конечны. Как мы уже отмечали, даже в случае театральной постановки, фильма, являясь повторяющимися, они ограниченны. Произведение искусства также со времен античности характеризуется завершенностью. Оно ограниченно исходя из своей собственной логики – нужды завершенности. И третье состоит в «озабоченности» произведения своей конечностью, что созвучно размышлениям Беньямина об ауре произведения. Произведение искусства обречено на конечность или смерть как раз по причине своей уникальности, невозможности изменения и обновления, что, собственно, и будет означать его смерть. Отсюда сложность в соотнесении отдельного произведения искусства и истины, которая, как можно предположить, должна с ним соотноситься или в нем воплощаться. Бадью отмечает: «Произведение также не есть истина. Истина – это художественная процедура, инициированная событием. Эта процедура состоит из произведений. Ни в одном из них она не являет себя как бесконечность, поэтому произведение есть локальная инстанция, дифференциальная точка истины» (Бадью, 2014: 20). И распределение истины, ее рассредоточенность между произведениями нуждается в сборке. За локальностью произведений искусства находится событие, которое, если образно выражаться, выхватывает из бесконечности истины фрагмент, соединяет ее с конечным произведением.

Бадью не останавливается на роли конкретного человека, автора произведения или зрителя. Для него истина очерчивается понятием конфигурации: «В результате за единицу, соответствующую осмыслению искусства как имманентной и сингулярной истины, мы примем не произведение, не автора, а художественную конфигурацию, инициированную событийным разрывом, в силу которого все предыдущие конфигурации становятся устаревшими» (Бадью, 2014: 21). Но отметим, что за границами анализа А. Бадью остается пусть и не автор произведения, но субъект истины. Что важно, этот субъект не является рефлексирующим субъектом, способным выявить последовательность событий, осмыслить событие как таковое. Субъект истины появляется в событии, которое возникает в сложном континууме зрителя, актеров и режиссера, а также смысла, транслируемого содержания самого представления. Мы можем предположить, что это соотнесение театрализованного представления с событием-истиной открывает еще одну возможность для обоснования аутентичности и самостоятельности театрализованного представления.

Заключение

Позиция Бадью в отношении искусства и истины дает нам основание полагать актуальной связь события, истины и театрализованного представления. Также отметим, что такой ракурс рассмотрения театрализованного представления позволяет преодолеть тезис об утрате праздником подлинности или действенности вместе с утратой своей сакральности. Проблема переформулируется в категориях события, истины и субъекта истины и фокусируется на вовлеченности коллективного субъекта, объемлющего режиссера, актеров и зрителей в производство представления.

Возможно, что в современной ситуации, когда нет четкого разделения сакрального и профанного, праздника и обыденности, а театрализованное представление разыгрывается на улицах города, вовлекая случайно проходящих мимо горожан, именно совместное действие, зрелище, восприятие и «заражение» событием позволяет не только обосновать его важность, но действительно наполнить смыслом, интенсивностью переживаний и солидарностью.

Литература

Аниконова, Т.Г. Театрализованное представление в контексте культуры // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 2 (14). С. 17-23.

Бадью, А. Малое руководство по инэстетике / пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2014. 156 с.

Батай, Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / пер. Зенкин С.Н., Соловьев А.В., Иткин И.Б. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под. ред. Ю. А. Здорового. М.: Медиум, 1996. 240 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 3. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. 584 с.

Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. А. Аполлонова и Т. Котельниковой. М.: Дело, 2018. 736 с.

Жукова, А.М. Диагностика уровней сформированности музыкально-постановочных компетенций у будущих режиссеров театрализованных представлений и праздников // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 117-120.

Зенкин, С.Н. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 537 с.

Исаков, А.А., Гавдис, С.И. Основы драматургии театрализованных представлений // Интернаука. 2022. Вып. 34-1 (257). С. 5-7.

Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. Зенкин С.Н. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

Кибалко, В.В., Борисов, С.Н. Праздник и сакральное: ретроспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 35-41.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. М.: Изд-во АСТ, 2002. 509 с.

Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра, 1995. 176 с.

Режиссура массового театрализованного действа: Словарь / Перм. гос. ин-т искусств и культуры. Пермь: УПЦ «ДИККС», 1999. 113 с.

Товпанец, А.Е. Формирование лидерских качеств режиссера театрализованных представлений и праздников // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 2 (47). С. 120-126.

Утегалиева, С.И. Музыкально-театрализованное представление ортеке у тюркских народов Евразии // Русский фольклор: материалы и исследования. 2021. № 38. С. 316-329.

Хренов, Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М.: Наука, 2006. 646 с.

Элиаде, М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Этциони, А. Праздники: забытая колыбель добродетели / сокращ. пер. А. Лазарева // Неприкосновенный запас. 2015. № 2 (100). С. 15-30.

References

Anikonova, T. G. (2017), “Theatrical performance in the context of culture”, *Science. Art. Culture*, 2, 17-23 (in Russ.).

Badiou, A. (2014), *Maloe rukovodstvo po inestetike* [A small guide to inaesthetics], Transl. from French by Ardamatskaya, D., Magun, A., European University Publishing House, Saint Peterburg, Russia (in Russ.).

Bataille, G. (2006), “*Prokljataja chast'”: Sakral'naja sotsiologiya* [“The Cursed Part”: Sacred Sociology], Transl. by Zenkin, S. N., Soloviev, A. V., Itkin, I. B. Ladomir, Moscow, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (1996), *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The work of art in the era of its technical reproducibility], in Zdorovyy, Yu. A. (ed.), Medium, Moscow, Russia (in Russ.).

Caillois, R. (2003), *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the sacred], Transl. by Zenkin, S. N., OGI, Moscow, Russia (in Russ.).

Dal, V. (1882), *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. Vol. 3* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vol. Vol. 3], Printing house of M. O. Wolf, Moscow, Saint Peterburg, Russia (in Russ.).

Durkheim, E. (2018), *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: Totemic System in Australia], Transl. from French by Apollonov, A. and Kotelnikova, T., Delo, Moscow, Russia (in Russ.).

Eliade, M. (1994), *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Worldly], Transl. from French by Garbovsky, N. A., MSU Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Etzioni, A. (2015), *Prazdniki: zabytaya kolybel' dobrodeteli* [Holidays: the forgotten cradle of virtue], Transl. by Lazarev, A., *Neprikosnovenny zapas* [An inviolable reserve], 2, 15-30 (in Russ.).

Isakov, A. A. and Gavdis, S. I. (2022), "Fundamentals of dramaturgy of theatrical performances", *Internauka*, 34-1, 5-7 (in Russ.).

Khrenov, N. A. (2006), *Zrelischa v epokhu vosstaniya mass* [Spectacles in the era of the uprising of the masses], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kibalko, V. V. and Borisov, S. N. (2019), "Holiday and the sacred: a retrospective", *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 5, 35-41 (in Russ.).

Ortega y Gasset, J. (2002), *Vosstanie mass* [The revolt of the masses], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Propp, V. Ya. (1995), *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian agricultural holidays], Terra, Saint Peterburg, Russia (in Russ.).

Rezhissura massovogo teatralizovannogo deystva: Slovar' (1999) [Directing a mass theatrical performance: Dictionary], UPC "DIKKS", Perm', Russia (in Russ.).

Tovpanets, A. E. (2021), "Formation of leadership qualities of the director of theatrical performances and holidays", *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2, 120-126 (in Russ.).

Utegalieva, S. I. (2021), "Musical and theatrical performance of the orteke among the Turkic peoples of Eurasia", *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research], 38, 316-329 (in Russ.).

Zenkin, S. N. (2012), *Nebozhestvennoe sakral'noe. Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [Undivine sacred. Theory and artistic practice], Publishing House of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhukova, A. M. (2012), "Diagnosis of levels of formation of musical performance competencies in future directors of theatrical performances and holidays", *Pedagogical Education in Russia*, 2, 117-120 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Кожаева Ирина Владимировна, декан факультета режиссуры, актерского искусства и хореографии, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7, г. Белгород, 308033, Россия; *ikorrotaeva@bk.ru*

Чжоу Цзе, преподаватель, Хулунбуирский институт, ул. Сюэфу, д. 83, г. Хулун-Буир, 021008, Хайлар, Внутренняя Монголия, КНР; *joanna.jie.zhou@qq.com*

ABOUT THE AUTHORS:

Irina V. Kozhaeva, Dean of the Faculty of Directing, Acting and Choreography, Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia; *ikorrotaeva@bk.ru*

Zhou Jie, Teacher, Hulunbuir Institute, 83 Xuefu Road, Hulunbuir City, 021008, Hailaer, Inner Mongolia, China; *joanna.jie.zhou@qq.com*

УДК 78.03 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-12**

Полосаев Н. А.

Концерт для балалайки начала XXI века. Основные принципы развития жанра, композиционные и идейно-драматургические особенности на примере концертов А. Марчаковского, Е. Подгайца, В. Беляева

Губкинский филиал Белгородского государственного института искусств и культуры, ул. Победы, д. 4, г. Губкин, Белгородская обл., 309186, Россия; *polosaev@yandex.ru*

Аннотация. Объектом исследования данной статьи является концерт для балалайки, созданный в начале XXI века. В современном культурно-образовательном контексте актуальным становится глубокое изучение востребованных произведений современных авторов для профессиональных и начинающих исполнителей на балалайке, что способствует повышению уровня интеллектуальной и исполнительской культуры музыкантов, продвижению исполнительства на русском народном инструменте, популяризации достойных образцов музыкального искусства. Целью работы является выявление основополагающих черт идейно-драматургического развития, композиционного решения и стилевого воплощения не исследованных ранее инструментальных концертов для балалайки. В статье дается краткий анализ достижений концертного жанра предыдущего столетия, обозначаются ведущие композиторы рубежа XX-XXI веков, солисты-балалаечники, сыгравшие важную роль в становлении концерта, авторы современных научно-аналитических трудов, изучающие данный вопрос. Предметом исследования в работе являются три концерта современных авторов для балалайки – Александра Марчаковского, Ефрема Подгайца и Владимира Беляева. В статье решается ряд задач: выявляются основные характерные структурные тенденции произведений, дается подробный анализ формы, композиционных и драматургических приемов, используемых композиторами, определяются принципы тематического развития, особенности современного тонального и ладогармонического стиля концертов. Отмечается уровень исполнительской и интеллектуальной культуры солиста и оркестра, художественный потенциал балалайки, возможность создания концертов для разных по тембровому наполнению оркестровых составов симфонических и народных инструментов. В результате анализа произведений выявляются главные тенденции развития жанра, индивидуальное композиционно-драматургическое решение в воплощении авторской мысли подчеркивается уникальность и притягательность жанра концерта, в котором через взаимодействие образно-смысловых и драматургических концепций проявляется облик русской народно-инструментальной культуры настоящего времени.

Ключевые слова: концерт для балалайки; композиция концерта; драматургические приемы; ведущие исполнители-балалаечники; каденция солиста; состав оркестра

Для цитирования: Полосаев Н. А. Концерт для балалайки начала XXI века. Основные принципы развития жанра, композиционные и идейно-драматургические особенности на примере концертов А. Марчаковского, Е. Подгайца, В. Беляева // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 150-164. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-12

N. A. Polosaev

Concert for balalaika of the beginning of the 21th century. The basic principles of the genre development, compositional and ideological-dramatic features on the example of concerts by A. Marchakovsky, E. Podgaits, V. Belyaev

Gubkin Affiliate of Belgorod State Institute of Arts and Culture, 4 Pobedy St., Gubkin city, Belgorod region, 309186, Russia; *polosaev@yandex.ru*

Abstract. The object of research of the article is a concert for balalaika, created at the beginning of the 21th century. In the modern cultural and educational context, a deep study of the popular works of modern authors for professional and novice performers on the balalaika becomes relevant, which will contribute to improving the level of intellectual and performing culture of musicians, promoting performance on a folk instrument, popularizing worthy examples of musical art. The aim of the work is to identify the fundamental features of dramatic development, compositional solutions and stylistic embodiment of previously unexplored instrumental concerts for balalaika. The article gives a brief analysis of the achievements of the concert genre of the previous century, identifies the leading composers of the turn of the 20-21th centuries, soloists-balalaika, who played an important role in the formation of the concert, identifies the researchers of the genre. The subjects of research of this work are three concerts by contemporary authors for balalaika – Alexander Marchakovsky, Efrem Podgaits, Vladimir Belyaev. A number of tasks are solved in the work: the main characteristic structural tendencies of the works are identified, a detailed analysis of the form, compositional and dramatic techniques used by the composers is given, the principles of thematic development, the features of the modern tonal and lado-harmonic style of concerts are determined. The level of the performing and intellectual culture of the soloist and orchestra, the artistic potential of the balalaika, the possibility of creating concerts for orchestral compositions of symphonic and folk instruments of different timbre content are noted. As a result of the analysis of the works, the main trends in the development of the genre are revealed, an individual compositional and dramatic solution in the embodiment of the author's thought emphasizes the uniqueness and attractiveness of the concert genre, in which the image of the Russian folk instrumental culture of the present time is manifested through the interaction of figurative and semantic and dramatic concepts.

Keywords: concert for balalaika; composition of the concert; dramatic techniques; leading performers-balalaika; soloist's cadence; orchestra composition

For citation: Polosaev N. A. (2023), “Concert for balalaika of the beginning of the 21th century. The basic principles of the genre development, compositional and ideo-

logical-dramatic features on the example of concerts by A. Marchakovsky, E. Podgaits, V. Belyaev", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 150-164, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-12

Введение

Первое десятилетие XXI века знаменует собой появление нового оригинального балалаечного репертуара, масштабное развитие произведений крупной формы, создание достойных образцов, написанных в жанре концерта для балалайки как самостоятельного инструмента, обладающего многогранными возможностями для воплощения различных идей, образов, стилистических исканий. Композиторы проявили огромный интерес к инструменту русского народного оркестра, ведущим жанром среди произведений крупной формы, написанных для балалайки, стал концерт. Появилось много значимых произведений, в которых раскрываются новые грани инструмента, существенно повышается уровень профессионального мастерства композиторской и исполнительской школ. К жанру концерта для балалайки и оркестра симфонических, народных инструментов в XXI веке обращаются такие композиторы, как В. Беляев, В. Панин, Е. Дербенко, Е. Подгайц, А. Марчаковский, А. Цыганков, В. Фадеев и многие другие. Идейно-драматургический и композиционный облик концертов усложняется, насыщается сложным тематическим развитием, в музыке передается самобытный авторский взгляд на современную действительность, чутко отражаются все течения и веяния современного музыкального искусства.

Значительное влияние на формирование оригинального стиля и облика современных концертов оказала исполнительская деятельность выдающихся солистов-балалаечников XX века – А. Доброхотова, Б. Трояновского, Н. Осипова, П. Нечепоренко, М. Рожкова, Ш. Амирова, В. Зажигина, А. Данилова, которые активно пропагандировали, виртуозно исполняли произведения разных жанров, а также способствовали формированию ведущих исполнительских и педагогических школ. В репертуарном же фонде ощущалась острая нехватка сложной, развернутой по форме инструментальной музыки, которая раскрывала бы возрастающие потребности исполнителей и развивала бы профессиональный статус инструмента. Во второй половине XX века в России еще продолжает развиваться тенденция включения в музыку концертов обработок народных тем, но с введением в них более сложных принципов развития, мотивной разработки, использованием нового гармонического наполнения, симфонического мышления. Балалайка начинает проявлять качества, свойственные другим академическим инструментам. Многие произведения крупной формы создают и сами исполнители – В. Панин, А. Марчаковский.

Согласно научным исследованиям Е. Шаравина, в концертном жанре для балалайки этой эпохи кристаллизовались два направления развития жанра. Первое основано на активном использовании мелодий, мотивов или отдельных интонаций народной музыки, опоре на традиционные приемы игры и виды техники, довольно невысокий уровень сложности. Это концерты З. Фельдмана (1929), А. Соколова-Камина (1946), Е. Кичанова (1949, 1960), Т. Шутенко (1956), П. Барчунова (1968, 1975), В. Веккера (1981) и других. Второе направление в развитии жанра концерта особенно ярко заявило о себе в последней четверти XX века и характеризовалось оно тем, что композиторы довольно редко и более опосредованно стали использовать интонации народной музыки. Это концерты К. Мяскова (1977, 1989, 1991), Н. Пейко (1978), А. Кусякова (1992). Эти произведения отмечены большей глубиной замысла, сложностью и насыщенностью идейно-образного содержания и драматургического развития, усложняется композиторская техника и музыкальный язык. По мнению

А. Усова, основной тенденцией развития концерта на рубеже XX-XXI вв. является «опора на фольклор, включающая обработки народных тем и использование элементов народного тематизма. Однако эти интонации и темы, составлявшие основу музыкального тематизма в произведениях для балалайки ранее, сейчас используются более опосредованно, преломляясь сквозь призму современных средств композиции» (Усов, 2008: 199).

В концертной и образовательной практике жанр концерта для балалайки становится притягательным, используется достаточно широко, в научной же литературе не хватает разностороннего освещения постоянно пополняющегося репертуарного фонда произведений. Специфика инструментальных концертов становится «предметом изучения исследователей разных поколений: И. Гребеновой, Д. Дятлова, М. Лобановой, О. Зароднюк, Н. Кравец, М. Тараканова» (Шаравин, 2015: 6), исследуется жанр концерта в целом, историческое продвижение, авторские прочтения. Пристально изучается жанр в других сферах народно-инструментального искусства. Так, баянным концертам посвящена докторская диссертация В. Бычкова (Бычков, 1999), который представил их жанровую классификацию; в диссертации А. Лебедева обозначены основные линии развития жанра (Лебедев, 2013); различные интерпретации концертов для домры анализировал Е. Волчков (Волчков, 2011). Но непосредственно жанру концерта для балалайки долгое время не уделялось достойного внимания, существовали лишь краткие упоминания в отдельных статьях, монографиях и учебных пособиях. Настоящим прорывом и ценным вкладом в развитие современного балалаечного музыкального искусства явились научно-исследовательские работы Е.В. Шаравина, Г.А. Рубахиной, А.А. Усова, посвященные феномену становления и развития жанра современного концерта для балалайки. В своих исследованиях Г. Рубахина подробно останавливается на трактовке жанра концерта Е. Подгайца, изучает его именные концерты. Но исследуемый в статье концерт композитора не вошел в рамки аналитических глав диссертаций Г. Рубахиной.

Е. Шаравин ставит целью своих исследований «комплексное изучение жанра концерта для балалайки композиторов конца XX - начала XXI столетия, раскрытие значения этих сочинений для современной отечественной музыки, постижение их художественного своеобразия, доминирующих стилевых особенностей» (Шаравин, 2015: 12). А. Усов посвящает свои работы наиболее ярким произведениям композиторов для балалайки, созданных в 1990-2000 годах.

Основная цель данной статьи состоит в выявлении основополагающих черт драматургического развития, композиционного решения и стилевого воплощения отдельных современных инструментальных концертов для балалайки, которые не нашли отражения в научных исследованиях других авторов. В современном культурно-образовательном контексте актуальным становится глубокое изучение формообразующих и драматургических принципов востребованных произведений современных авторов для профессиональных и начинающих исполнителей, что, несомненно, должно способствовать повышению уровня интеллектуальной и исполнительской культуры музыкантов, продвижению исполнительства на народном инструменте, популяризации достойных образцов музыкального искусства, привлечения внимания к ним. В статье мною используются принципы системного музыковедческого, стилевого, сравнительного структурного и драматургического видов анализа. Важным методологическим источником построения работы являются фундаментальные труды по анализу музыкальных произведений Л. Мазеля, И. Способина (Способин, 1984), В. Холоповой (Холопова, 1982), А. Сохора (Сохор, 1971), В. Цуккермана (Цуккерман, 1964), очерки по современной гармонии

Ю. Холопова (Холопов, 1974, 2006). В процессе исторического анализа привлекались исследования Е. Шаравина, Г. Рубахиной, А. Усова, работы по истории исполнительства на народных инструментах М. Имханицкого, А. Горбачёва.

Основная часть

Концерт для балалайки начала XXI века продолжает тенденции именно позднего, второго направления развития жанра предыдущего столетия. Это сложное и уникальное явление, основанное на синтезе и взаимодействии академических тенденций развития жанра и веками создававшейся народно-инструментальной культуры. Появляются философски наполненные произведения: концерт-монолог для балалайки с оркестром русских народных инструментов Е. Дербенко (2003), «Время прощать» для балалайки и камерного оркестра М. Броннера (2005), «Концерт в двух аффектах» для балалайки, фортепиано и камерного оркестра А. Тихомирова (2003), «Манускрипты Эо» О. Осиповой, концерт № 2 для балалайки и симфонического оркестра А. Марчаковского (2006) - концерты, в жанрово-стилевом и композиционном отношении впитавшие в себя элементы современного музыкального языка. В концертах отразилась основная тенденция развития музыкального тематизма в произведениях для балалайки, а именно – значительное расширение образно-тематической сферы, усиление драматизма, использование народных интонаций через призму современных средств композиции.

Предметами моего исследования стали три современных выдающихся, ярких и высокопрофессиональных, но совершенно разных по стилю, драматургии, композиционному решению концерта:

концерт № 2 для балалайки с симфоническим оркестром Александра Марчаковского, написанный в трех частях;

концерт для мандолины (балалайки или скрипки) и камерного оркестра, соч.160 Ефрема Подгайца, одночастное произведение;

концерт-буфф для балалайки, фортепиано и русского оркестра Владимира Беляева, состоящий из двух частей.

Александр Марчаковский. Концерт № 2 для балалайки с симфоническим оркестром

Среди большого количества подобных произведений конца XX – начала XXI вв. с нестандартным решением общей структуры, тяготением концертов к камерности, одночастности, поэмности, данное произведение написано в традиционной форме трехчастного цикла. То есть сохраняется классическая основа образования циклических форм, основанная на «контрастировании частей, при общем их единстве, так или иначе выраженном» (Способин, 1984: 241).

В концерте № 2 А. Марчаковского, созданном в 2006 году, нашла отражение характерная тенденция в развитии балалаечного концерта современности, а именно, возникновение концертов в результате творческого содружества композиторов и выдающихся исполнителей. Достаточно назвать ряд таких творческих союзов: А. Кусяков и А. Данилов, О. Осипова и А. Горбачёв, А. Цыганков и А. Горбачёв. Балалаечные концерты последних десятилетий имели признаки программности: появлялись подзаголовки концертов или программные комментарии к отдельным частям. В это же время рождались концерты, где «композиторы пользовались программностью на обобщенно-философском уровне» (Шаравин, 2015, 6), или программный смысл был заложен в виде посвящения. Например, концерт-симфония А. Цыганкова посвящена балалаечнику-виртуозу А. Горбачёву, концерт Г. Зайцева и концерт-фантазия В. Бикташева посвящены исполнителю-балалаечнику Д. Калинину. Так и концерт № 2 А. Марчаковский посвятил памяти своего преподавателя Павла Ивановича Нечепоренко - выдающегося педагога, профессора, народного артиста СССР, балалаечника-виртуоза XX столетия.

Классическая трехчастная структура цикла позволила автору в полной мере раскрыть главную идею произведения – благодарность своему педагогу, воссоздать искренние и теплые чувства, пронизывающие все основные разделы концерта. Общая лирико-драматическая направленность концерта, включающая проникновенно лирические, повествовательные и жанровые танцевальные образы, сочетается с напряженным и динамичным драматическим развитием музыкальной мысли.

Первая часть концерта написана в характерной для данного цикла форме сонатного аллегро с эпизодом в разработке. Тематическое насыщение первой части отличается некоторой калейдоскопичностью, композитор использует метод сопоставления контрастных тем, обращается к элементам различных музыкальных жанров. Так, лирическая главная партия первой части написана в манере романтической, канителенной музыки, побочная партия – скерцозного плана, стремительная заключительная стилизована под жанр тарантеллы, а эпизод в разработке имеет черты волыночного наигрыша.

Открывается первая часть небольшим спокойным оркестровым вступлением, которое подготавливает появление основных тем концерта – философски мудрой, возвышенной главной партии и скерцозно-активной, действенной побочной. Главная партия первой цифры (далее обозначение цифр произведений-(ц.1)) написана в трехчастной форме. Гармонический лад основной тональности вносит особый характер звучания главной темы. Богатый гармонический план темы, модулирование, обилие хроматизмов, полутонов – все это усиливает внутреннее насыщение темы, подчеркивает ее масштабность и значимость.

Побочная партия (ц.4) имеет скерцозный характер, как и главная партия, она представлена широко, в ней присутствуют черты трехчастности. Частая смена метра (2/4, 5/4, 4/4, 3/8), сложная метроритмическая насыщенность темы подчеркивает внутренний напор и скрытый драматизм музыки. Заключительная партия (ц.7), исполняемая солистом, написана в духе итальянского народного танца тарантеллы. Виртуозность, стремительность темы контрастирует с элегическим характером главной партии. Важно отметить, что именно данная тема будет положена в основу финала - третьей части концерта «Скерцо-тарантелла», где по замыслу автора тема прозвучит в одноименном миноре. Возникает будущая тематическая арка, скрепляющая цикл концерта, посвященного общей идее - показать разные творческие грани великого музыканта и любимого педагога.

В разработке композитор вводит Quasicadenza, «как бы каденция» - именно так обозначает ее композитор, небольшого размера, она проходит не сольно, а в сопровождении оркестра. В каденции слышны интонации главной темы, которые обволакиваются виртуозными пассажами, демонстрацией технических и тембровых возможностей инструмента. Разработка (ц.8) основана на развитии тематических элементов вступления, главной и побочной партий. В ладогармоническом плане разработке присущи тональная неустойчивость, свободное сопоставление тональностей, усложненных хроматикой, обилие секвенций, эллипсисов – все то, что делает музыку внутренне богатой, экспрессивной, драматически обостренной.

Неожиданным и ярким моментом разработки является эпизод (ц.14), который звучит в самой светлой тональности (до мажор), основанный, казалось бы, на совершенно новом тематическом материале, но начинается он с той самой квартовой интонации, с которой начиналась побочная партия, только в другом, более простом ритме. Двухдольный размер, ровное движение длительностей, характерный мордент на сильную долю в партии солиста на фоне монотонного тонического органного пункта в оркестре – все это вызывает аналогию со звучанием народного инструмента - волынки. После небольшой по размеру динамической репризы наступает

кода (ц.24) – величественное звучание основной интонации главной партии. Таким образом, несмотря на образный, жанровый контраст основных тем, в первой части концерта прослеживаются внутренние интонационные, ладогармонические связи. Тема вступления буквально пронизывает все основные разделы первой части, предваряя их появление; главная партия, как своеобразный лейтмотив, звучит во всех разделах, включая коду, подчиняет себе характер побочной партии в кульминации. Партии оркестра и солиста не соревнуются, а являются полноправными, взаимодополняющими участниками развития общей идеи концерта.

Вторая часть концерта – это лирический центр. Написана она в промежуточной концентрической трехчастной форме: А-ВСВ1-А1 (А – 1 часть, в форме сложного (двойного) периода, ВСВ1 – средняя часть, в простой трехчастной форме, А1 - динамическая реприза. Аналогично первой части здесь есть вступление и кода. Основная тональность второй части – ми мажор. Музыка овеяна повествованием, воспоминанием о былом - светлым, лирическим в крайних частях и драматическим в среднем разделе. Вступление и кода обрамляют эту часть концерта, строятся на одном, общем для них тематическом элементе, в котором присутствует та самая квартовая интонация, которая была в основе побочной партии I части.

Драматическим центром не только этой части, но и всего концерта становится монолог – средний раздел II части (ц.3), в котором звучит развернутая каденция солиста, его драматический речитатив. Здесь каденция предстает не как показ виртуозного мастерства солиста, а как выражение глубоких чувств, переживаний, как речь человека, взволнованная и драматическая. Особую красоту, выразительность музыке второй части придает богатое внутреннее гармоническое насыщение. Важно отметить, что именно каденция в концерте для балалайки XXI века становится идейно-смысловым центром всего произведения.

Третья часть – «Скерцо-тарантелла» - финал концерта, стремительный, активный и драматический. Форма финала – рондо-соната. Интересно, что в основу «Скерцо-тарантеллы» А. Марчаковский положил тему заключительной партии из первой части, образовав тем самым тематическую арку на уровне всего произведения. Экспозиция III части открывается главной партией («рефрен», ц.1). Образ данной темы подчиняет своему динамичному характеру все развитие финала. Характерные черты жанра тарантеллы пронизывают все основные разделы части. Значительным акцентом третьей части, центральным и ярким, становится эпизод, знаменующий начало разработки (ц.27). Важно, что в основу этого эпизода положена главная партия первой части концерта. Широко, масштабно, очень выразительно звучат основные интонации данной темы, которая предстает в измененном и постоянно развивающемся виде. В ней также слышны интонации монолога солиста из второй части концерта. То есть здесь создается еще одна тематическая арка с первой и второй частями, образуется своеобразная квинтэссенция основных смысловых акцентов концерта. Реприза (ц.45) - зеркальная, что характерно для формы рондо-сонаты, открывается побочной партией. Главная партия звучит после побочной как рефрен, обрамляющий и объединяющий весь тематический материал третьей части. Кода (ц.57) венчает драматическое и напряженное развитие музыки финала. Строится она на интонациях главной партии, которая проводится как в гомофонно-гармоническом, так и в полифоническом изложении, активно, стремительно и динамично завершая музыку всего произведения.

Концерт Александра Марчаковского – это эмоционально-выразительное произведение, воспринимающееся слушателями на одном дыхании. Показ контрастных образов, жанровая многослойность, необычайная мелодичность и виртуозность музыки, драматизм высказывания - все это

становится привлекательным для исполнителей самых разных возрастов и национальностей. Внутреннее единство данного цикла, тематическая связь отдельных партий, частей, принципы сквозного развития, приемы монотематического мышления, интонационные арки на протяжении всего концерта – все это концептуально связывает произведение, придает ему черты романтической поэмы, способствует большей его слитности и цельности в воплощении основной идеи.

При всех своих новшествах, концерт для балалайки с симфоническим оркестром А. Марчаковского, как один из ведущих жанров периода расцвета народно-инструментальной эры в конце XX – начале XXI века, сумел сохранить все основные законы, присущие этому жанру, связанные с проявлениями концертности и импровизационности.

Ефрем Подгайц. Концерт для балалайки (мандолины или скрипки - издается в трех авторских версиях партии солиста) и камерного оркестра

Это произведение было написано в 2000 году по просьбе Вячеслава Круглова, российского музыканта, исполнителя на домре и мандолине, профессора кафедры народных инструментов Российской академии музыки имени Гнесиных. Премьера концерта состоялась в Великом Новгороде. Изначально он был создан для мандолины и камерного оркестра, затем появились различные исполнительские его версии, что говорит об удивительной ценности произведения и заинтересованности в нем. Была сделана авторская скрипичная редакция, которую с успехом исполняли такие известные музыканты, как Л. Амбарцумян, А. Брусиловский. В 2004 году Андреем Горбачёвым (при непосредственном участии автора) была сделана редакция для балалайки, а в мае 2006 года концерт был исполнен даже на маримбе.

Ефрем Подгайц – известный и востребованный композитор, заслуженный деятель искусств России. Диапазон концертных произведений Е. Подгайца огромен. Им написано 24 концерта для различных солистов с оркестром, как для традиционных академических инструментов (фортепиано, скрипка, альт, виолончель), народных (баян, балалайка, мандолина, домра, гитара), духовых (гобой, кларнет, флейта, саксофон), так и для целого ансамбля ударных инструментов и старинного клавесина. «Произведения, выполненные в жанре концерта, характеризуются многообразием художественных решений» (Рубахина, 2014: 4) и оригинальностью композиций. Концерты пронизывают всё творчество Е. Подгайца, имеют много редакций. Концертность, как принцип развития, становится основным, «специфическим типом музыкального мышления композитора» (Рубахина, 2014: 12).

Концерт для балалайки и камерного оркестра – это один из вариантов жанра, показывающего сложный индивидуальный уровень композиционного мышления автора, основанный на воплощении напряженной лирико-драматической идеи и развертывании ее на протяжении всего произведения. Концерт Е. Подгайца - одночастное произведение, насыщенное сложным драматургическим развитием. Главенство сонатной формы, импровизационное развитие, характерное для многих концертов композитора, проявляется здесь в сочетании с некоторой рондальностью (кружением вокруг одного интонационно-тематического комплекса), со сквозным проведением идеи – основной темы концерта, которая вновь и вновь появляется на всех уровнях музыкального развития. В концерте происходит взаимодействие и взаимопроникновение двух основных образов – образа жесткой, активной реальной действительности (главная партия) и более человечного, психологически надломленного образа (побочная партия). Из основного мотива главной партии строится вся ткань концерта, пронизывая его как концептуальный стержень, без которого произведение не может состояться. Перед слушателями вновь возникает свойственный концертам

XXI века принцип сквозного развития, основанный на главенстве одной идеи, гибкой, подвижной, способной трансформироваться и развиваться.

Говоря о гармоническом насыщении музыкальной ткани всего концерта, можно говорить о полиладовости высотной структуры, свойственной музыке многих современных композиторов, стирается грань, отличающая альтерированные ступени и гармонии лада от неальтерированных, они организованы по принципу равноправия. В музыке концерта Е. Подгайц использует принципы хроматической тональности, свободно применяет диссонансы, которые ценны и самостоятельны как таковые, а не являются средством временного оттеснения или подготовки консонанса. Композитор использует новый современный ладогармонический материал с изменением функциональных отношений между всеми элементами этой системы, благодаря этому подчеркивается его индивидуальный стиль, создается современное звучание концерта.

Экспозиция концерта открывается оркестровым вступлением; жесткие, энергичные кластерные аккорды, секундовое сочетание акцентированных созвучий, своеобразная пульсация органного пункта в басу сразу вводит в атмосферу напряженного звучания, подобно пружине, готовой вырваться в любой момент. Главная партия (ц.1) возникает затаенно, неожиданно, это есть основной звуковой тематический комплекс, развитию которого будет подчинена вся музыкальная ткань концерта. Движение по звукам обращений уменьшенного септаккорда, эллиптическое его развитие, акцентировка, метрическая неустойчивость придает музыке напряженный, колкий, драматический характер. Именно этот комплекс, движение по уменьшенным созвучиям пронизывает весь концерт, становится центром притяжения и развития основной идеи. Тема преимущественно имеет восходящий принцип развития. Уже в экспозиции главная партия активно развивается, постоянное ее секвенцирование, модулирование, появление новых элементов, основанных на уменьшенных созвучиях, звучание на разных звуковысотных уровнях придает музыке характер непрерывного нагнетания драматизма.

Можно говорить о некоторой трехчастности главной темы, в ц.8 появляется новый ее элемент, звучит в партии солиста, основанный на секундовых интонациях, хроматизмах и наслоениях, к которому в (ц.10) подключается оркестр. В облике этого полутонового мотива закладываются черты будущей побочной партии, а также черты некоего нисходящего мотива-символа, несущего трагическое, безысходное звучание, который появится перед и каденцией солиста и после нее прозвучит вновь. Облик темы совершенно изменен, это новый ее мотив, но остается характер крайнего напряжения, предчувствия чего-то неотвратимого, неизбежного. В ц.11 возвращается стремительное развитие основного жесткого мотива главной партии. Активное развитие, переклички солиста и оркестра, переплетение мотива вступления и основной темы, ни на секунду не останавливающееся движение приводит к своеобразному предыкту (ц.15) и появлению новой темы – побочной партии (ц.16).

Крайне взволнованный характер звучания лирико-драматической темы в верхнем регистре на фоне интонаций главной темы в сопровождении оркестра не нарушает общую концепцию концерта. Побочная партия также подвержена секвенционному развитию, смене напряженных гармоний, в секстовом удвоении тема звучит особенно выразительно и драматически (ц.17). Эта тема контрастирует с характером основной темы, но интонационно угадываются черты мотива из ц.8, степень драматизма не уменьшается, напряженный гармонический план, смена метра, выразительные хроматические ходы мелодии, ее взлеты и падения, полиритмия, все это лишь показывает новую, более человечную грань развития основной идеи концерта. Развитие этой темы вновь сменяется появлением элементов главной партии (ц.18);

небольшое затихание звучности, некоторое оцепенение в оркестровой партии приводит к разработке.

Разработка (ц.20) основана на развитии основных интонаций главной партии, начинается с контрапунктических проведений тематических элементов в партиях солиста и оркестра. Импровизационное развитие главной партии, основной идеи концерта, полифоническое переплетение с интонациями побочной темы, постоянное гармоническое внутреннее нагнетание, основанное на смене эллиптических уменьшенных созвучий, хроматических скольжений, отсутствие ладовых разрешений, все это придает музыке динамически-напряженный, стремительный характер. Разработка развивается некими звуковыми волнами, так с ц.28 начинается новый подъем звучности, своеобразный эпизод, основанный на восходящем полутоновом звучании темы, в сопровождении развивающейся главной темы в партии оркестра. Происходит еще большее увеличение звучности, невероятно активная смена метра, возрастание динамики как стремительный круговорот событий, громогласные, жесткие аккорды из вступления в партии солиста, все это приводит к центральному эпизоду разработки – каденции солиста.

Каденция (ц.36) предваряется небольшим оркестровым переходом (ц.35) – тихим, сдержанным, напряженным, каким-то не земным и отстраненным звучанием в партии маримбы, в котором проявляются интонации полутоновой темы экспозиции и побочной партии. И на затихании звучности вступает солист. Каденция – это вновь монолог солиста, это не просто импровизационный и технический сложный момент, это напряженная исповедь, психологический центр концерта, его кульминация. Крайне обостренное звучание, смена надорванных фраз, как разных чувств, в которых узнаются интонации побочной партии, сменяется стремительным импровизационным развитием в характере главной темы, нарастанием общей звучности.

Вступление оркестра (ц.37) знаменует собой переход к репризе. Надлом, некое смятение проявляется в нисходящей полутоновой теме, которая перед каденцией звучала в партии маримбы. Этот сквозной нисходящий мотив как некий трагический символ проникает в ткань концерта. Происходит кратковременная смена темпа, появляется основная тема главной партии, затаенно, приглушенно, как бы разгоняясь. Начинается еще один виток нарастания динамики. Теперь уже и солист, и оркестр сливаются в едином звучании, объединяются трансформированные мотивы главной и побочной партии, не контрастируя друг с другом, а подчиняясь общему развитию, доводят звучание концерта до еще одной кульминационной зоны (ц.41). Разработка продолжается, ускоряется темп.

Появление аккордов из экспозиционного вступления знаменуют собой начало динамизированной репризы (ц.45). Главная партия звучит более стремительно, в сжатом виде. Интересно, что побочная партия по высоте, по звучанию и по продолжительности практически совпадает с ее экспозиционным проведением, но кажется, что она стала еще более напряженной, более яркой, звучит как еще одна лирико-драматическая кульминация концерта в сопровождении тутти оркестра. Небольшой спад звучности (ц.54) знаменует собой коду – заключительное проведение мотивов главной партии, происходит волна нарастания звучности, расширение диапазона и утверждающие аккорды тутти в конце. Важно отметить, что именно в последних аккордах концерта впервые, как яркая итоговая точка проявляется светлая и четко определенная тональность, жизнеутверждающе звучит ля мажор.

Таким образом, в этом концерте проявляются яркие индивидуальные особенности концертных произведений Е. Подгайца – работа с устойчивым образно-тематическим комплексом, сквозным его развитием, стремительным развертыванием музыкальной мысли-идеи, переплетением об-

разно-контрастных, но интонационно родственных тем, появлением неких мотивов-символов, осмысленной виртуозности. Основной идее сочинения, выраженной в начальном звуковом комплексе главной партии экспозиции, подчиняется вся ее форма, посредством становления которой и достигается заданная композитором концепция непрерывного развертывания музыкальной мысли. Одночастное произведение позволило композитору сжато, но очень интенсивно и остро выразить основную драматическую идею концерта, представить слушателям напряженную музыкальную историю, выраженную средствами современного музыкального ладогармонического языка.

Владимир Беляев. Концерт-буфф для балалайки, фортепиано и русского оркестра

Концерт создан в 2008 году, редакцию сольной партии балалайки осуществил выдающийся исполнитель, отечественный балалаечник, блистательный виртуоз Андрей Горбачёв, которому и был посвящен концерт. То есть вновь, как и концерт А. Марчаковского, появилось произведение в результате тесного творческого содружества композитора и исполнителя.

Владимир Владимирович Беляев – современный композитор, педагог, член Союза композиторов, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, с 2003 года он является профессором кафедры оркестрового дирижирования Российской академии музыки имени Гнесиных и Московского государственного института музыки имени А.Г. Шнитке. Автор многих вокальных произведений, драматической музыки для русского оркестра, В. Беляев в концерте-буфф проявил себя как мастер театральной музыки, юмористической «клоунады». Это яркое произведение, пестрое, нарядное, звучит как настоящий карнавал жанров, масок и образов.

Большое количество концертов конца XX века представляли собой народно-оркестровый репертуар, основанный на тематизме народного происхождения. Концерты XXI века продолжают и эту традицию, это концерт для балалайки с оркестром народных инструментов А. Рогачева, концерт-монолог Е. Дербенко, а также рассматриваемый концерт В. Беляева, написанный для русского оркестра. Именно на фоне народного инструментария балалайка в полной мере могла показать свои тембровые ресурсы, а также подчеркнуть яркие колористические свойства, характерные для русского оркестра. В концерте-буфф В. Беляев продолжает экспериментировать и обращается к сочетанию тембров двух солирующих инструментов – балалайки и фортепиано.

Концерт-буфф состоит из двух частей. Первая часть Аллегретто, вторая часть – «Тема с вариациями».

Первая часть написана в своеобразной сонатной форме без разработки, с эпизодом, заменяющим ее. Такое строение обусловлено образно-жанровым разнообразием тематического материала концерта, стремлением показать яркую картинку чередования и развития контрастных тем-образов. Открывается 1 часть неожиданно – вступление (ц.1-3), рисующее образ опаздывающего солиста, импровизационное ритмическое постукивание, хлопки оркестрантов, как бы ожидающих появление главного героя. Театральность вступления сразу настраивает слушателей на шутливый, игровой, юмористический характер произведения. Основная тема экспозиции, открывающая представление (главная партия, ц.4), носит активный, стремительный характер. Аккордовая фактура, широкий диапазон, переменная акцентировка придают музыке нарядный, скомороший образ. Партии солистов (фортепиано, балалайка) не соревнуются, а поддерживают образ друг друга, перекликаются и сочетаются в разных ритмических и штриховых вариантах. Яркие глиссандо подчеркивают праздничный облик темы. После небольшой связующей темы (ц.10), напоминающей припев куплета народной песни, вступает по-

бочная партия (ц.11) – новый образ, лирически-песенный, девичий, женственный, проводимый в партии фортепиано. Все основные темы экспозиции активно развиваются. В побочной партии более ясно ощущается тональная основа, начинается она в ля мажоре, активно секвенцируется; применяется принцип мотивного развертывания, звучания на новых тонально-динамических высотах. Отсутствие разработки компенсируется активным развитием основных тем в пределах экспозиции.

17 цифра знаменуют собой начала эпизода – серединного раздела 1 части. Появляется следующий герой, новая тема – некоторый игрушечно-жалобный, печальный образ, нисходящие интонации, уменьшенно-вопросительные ходы мелодии, переклички солистов, оркестра, возможно в данном эпизоде предвосхищается образ третьей вариации («Жалобы») второй части. Тема так же, как и основные партии, активно включается в развитие, секвенционное, мотивное ее развертывание приводит к появлению жестких активных аккордов, интонационно напоминающих звучание главной партии (ц.20), и начинается реприза (ц.21). Зеркально появляются мотивы основной темы, вначале яркое глиссандо-перекличка солистов, а потом уже и основная активная, праздничная тема (ц.22). Точного повтора в репризе нет, основные темы продолжают звучать в действии, динамично развиваясь и сочетаясь. Побочная партия (ц.26) звучит на новой тональной высоте, лирически-певучая, парящая, возвышенная она растворяется в партии оркестра и солистов. Завершается 1 часть своеобразной аркой, вновь появляются активно-ритмические аккорды вступления на выжидающем доминантовом органном пункте, и яркое глиссандо солиста и оркестра заключает празднично-нарядное звучание первой части в ре мажоре. Ярка картинка, промелькнувшая перед слушателями, концентрированно и стремительно явила собой целый ряд контрастных народных и лирических образов.

Вторая часть концерта имеет название «Тема с вариациями», то есть сама форма, так характерная для русского народного творчества, определяется композитором сразу в названии.

Небольшая по объему основная тема 2 части, зерно которой – шуточный наигрыш (до мажор), чередование типично русского народного балалаечного двухтактового мотива и секундового «кудахтанья». Создается картинка русской жизни, села, подворья. Стремительный взлет темы в конце знаменует собой переход к первой вариации. Всего во второй части пять вариаций, различных по образу, стилю и жанру, а также принципам развития основной темы. Первая вариация (ц.1) – импровизационно-джазовый вариант, благодаря ритмическому, аккордово-фигурационному развитию, гармоническому насыщению достигается активное, современное звучание основной темы, праздничное и нарядное.

Вторая вариация – «Тарантелла». Смена ритма, размера (6/4), стремительное пунктирное звучание основного мотива, активное восходящее секвенцированное его проведение, все это погружает слушателя в характер итальянского танца. Яркая и динамичная смена расширенных мажорных тональностей (ми, фа, ля, до, ре бемоль, ля мажор), активное гармоническое и ритмическое развитие придает музыке восторженный, зажигательный характер.

Контрастом, после небольшой передышки-остановки звучности (свободной каденции в конце 6 цифры), начинается третья вариация – «Жалоба», ц.7. Происходит смена характера, темпа, динамики, появляется фа диез минор, уменьшенные мотивы, затаенное нисходящее звучание оркестра и солистов. В измененных интонациях основной темы можно заметить черты некоторых элементов из темы эпизода 1 части. Эта вариация по структуре трехчастна. В среднем разделе (ц.9) происходит постепенное ускорение темпа, тема развивается и сатирически искажается, появляются жесткие глиссандо, в 10 цифре начинается настоящая

напряженная, демоническая пляска, аккордовая фактура, стремительный темп, активное нагнетание динамики способствует созданию образа жесткого, фантастического танца, как бы отвергающего жалобное и страдальческое. В репризе третьей вариации (ц.11) вновь возвращается жалобный характер темы, всё затихает, пиццикато солиста, оркестра, уменьшение общей динамики приводит к четвертой вариации.

Четвертая вариация – Анданте – это лирический центр концерта. Тема звучит в характере русской песни, широко, протяжно, задушевно. В отдельных проведениях темы можно заметить интонации побочной партии из 1 части (ц.16, ц.18). Тема активно развивается, расширяется диапазон, усиливается мощь проведения, солисты и оркестр звучат в одном порыве, звучит лирическая кульминация всего концерта (ц.17). Именно здесь слушателям представляется образ широкой русской души, красоты природы и русской песенности.

Небольшая каденция в конце этой вариации (а каденции, как мы заметили, размещаются в смысловых центрах современных концертов для балалайки, что еще раз подчеркивает ключевой смысл этого эпизода), основана на звучании жестких, резких, ярких перекличек аккордов в партиях солистов, в которых можно заметить интонационные и фактурные черты главной партии первой части концерта. Каденция возвращает активный характер музыки и знаменует собой появление финала – пятой вариации «В темпе циркового марша».

Последняя вариация – это праздничное, веселое шествие. Появление до мажора, нарядный характер музыки, стремительное звучание вызывают ассоциации с шуточным цирковым маршем, демонстрацией ярких образов; нисходящий тетрахорд темы проходит, наоборот, в восходящем звучании, и эта интонация становится общей идеей финала, пронизывает всё его развитие. Заканчивается вторая часть на подъеме, вновь расходящееся глиссандо (как и в окончании первой части), яркое тутти, утвердительное, радостное звучание заключительного аккорда в до мажоре. Праздник завершен! Шуточное комическое представление, построенное на принципах народного, площадного театра, как нельзя лучше отражает основную идею концерта-буфф В. Беляева.

Заключение

Таким образом, несмотря на идейно-концептуальное, структурное многообразие современных концертов, обилие ярких контрастных тем и образов, прослеживается внутренняя интонационная, драматургическая связь, скрепленная общей мыслью композиторов – показа русской культуры, юмора, широты и многообразия проявления души.

Во всех трех концертах как ярких представителях концертов современности разрушается стереотип о том, что тембр балалайки – это только голос народного инструмента с характерными наигрышами. Балалайка предстает в разном облике, она способна исполнить глубокие лирические, драматические, трагические высказывания, а также представить шутливые, скерцозные и демонические образы, передать самые различные переживания, подчинить блестящую виртуозность инструмента общей серьезной концепции произведения. Все представленные концерты созданы как единые музыкальные организмы, как разные грани целого повествования о многообразной культуре русского народа, подчинены сквозному драматургическому развитию основной идеи, насыщены интонационной связью на протяжении всех разделов и частей. Рассмотренные концерты стилистически разные, технически сложны, виртуозны, рассчитаны на высокий уровень профессиональной исполнительской и интеллектуальной культуры солиста и оркестра, созданы с опорой на современный музыкальный ладогармонический язык, что придает музыке современность, насыщенность, яркость и проникновенность звучания. Все три концерта написаны для разного состава оркестра: симфонического, камерного, рус-

ского народного, и это еще раз подчеркивает универсальные возможности балалайки, огромный потенциал исполнительских, профессиональных ресурсов, убедительность звучания инструмента на высоком художественном уровне в самом разном тембровом окружении.

Современный концерт для балалайки – это востребованный, уникальный и притягательный жанр для профессиональных исполнителей всех возрастов, ориентированный на продвижение и развитие национальной исполнительской школы. Через тесное взаимопроникновение и «взаимодействие образно-смысловых и идейно-драматургических концепций» (Шаравин, 2015: 24) в нем раскрывается истинный облик русской народно-инструментальной культуры XXI века.

Всё сказанное убеждает, что постигая внутренние, глубинные закономерности существования и развития музыкальных произведений, мы становимся ближе к пониманию и более достоверному исполнительскому воплощению заложенного в них авторского смысла.

Литература

Бычков, В.В. Формирование и развитие баянно-аккордеонного искусства как явления отечественной и европейской музыкальной культуры, начало XIX - конец XX вв.: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: СПб., 1999. 53 с.

Волчков, Е.А. Концерт для трехструнной домры в творчестве отечественных композиторов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: Ростов н/Д.: РИО РГК им. С.В. Рахманинова. 2011. 52 с.

Лебедев, А.Е. Концерт для баяна с оркестром в отечественном музыкальном искусстве: процессы стилевой эволюции и принципы организации фактуры: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: Саратов, 2013. 48 с.

Рубахина, Г.А. «Именные» концерты-посвящения Е. Подгайца // Проблемы музыкальной науки. Уфа: Издательство Уфимской государственной академии искусств, 2013. № 1. С. 260-263.

Рубахина, Г.А. Инструментальный концерт в творчестве Е. Подгайца: трактовка жанра: дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Ростов н/Д., 2014. 210 с.

Сохор, А. Теория музыкальных жанров: задачи и перспективы // Теоретические проблемы музыкальных форм и жанров / сост. Л. Раппопорт; общ. ред. А. Сохор, Ю. Холопов. М.: Музыка, 1971. С. 292-309.

Способин, И.В. Музыкальная форма. М.: Музыка, 1984. 400 с.

Усов, А.А. Произведения концертного репертуара для балалайки 1990-2000-х годов: основные стилевые направления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 77. С. 198-201.

Усов, А.А. Сонаты для балалайки в аспекте развития репертуара русских народных инструментов: дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Казань, 2008. 180 с.

Холопов, Ю.Н. Введение в музыкальную форму. М.: МГК, 2006. 428 с.

Холопов, Ю.Н. Очерки современной гармонии. М.: Музыка, 1974. 287 с.

Холопова, В.Н. Типы новаторства в музыкальном языке русских советских композиторов среднего поколения // Проблемы традиций и новаторства в современной музыке. М.: Сов. композитор, 1982. С. 158-205.

Цуккерман, В. Музыкальные жанры и основы музыкальных форм. М.: Музыка, 1964. 158 с.

Шаравин, Е.В. Особенности драматургии одночастных концертов для балалайки // Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство. Мат-лы X междунар. науч.-практич. конференции. Тамбов, 07 февраля 2014 г. Тамбов: Тамбов. гос. муз.-пед. ин-т им. С. В. Рахманинова, 2014. С. 198-202.

Шаравин, Е.В. Особенности развития жанра концерта для балалайки // Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство. Мат-лы IX междунар. науч.-практич. конференции. Тамбов, 01-03 февраля 2013 г. / отв. ред. О.В. Немкова. Тамбов, 2013. С. 129-136.

Шаравин, Е.В. Феномен жанра концерта для балалайки в творчестве отечественных композиторов рубежа XX-XX1 столетий: дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Саратов, 2015. 192 с.

References

Bychkov, V. V. (1999), “Formation and development of bayan-accordion art as a phenomenon of national and European musical culture, the

beginning of the 19th - the end of the 20th centuries", Abstract of the dissertation of the Doctor of Art History: St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kholopov, Yu. N. (1974), *Ocherki sovremennoi* garmonii [Essays on modern harmony], Muzyka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kholopov, Yu. N. (2006), *Vvedenie v muzykalnuyu formu* [Introduction to the musical form], MGK, Moscow, Russia (in Russ.).

Kholopova, V. N. (1982), "Types of innovation in the musical language of Russian Soviet composers of the middle generation", *Problemy traditsiy i novatorstva v sovremennoy myzyke* [Problems of traditions and innovation in modern music], Sovetskiy kompozitor, Moscow, Russia, 158-205 (in Russ.).

Lebedev, A. E. (2013), "Concerto for Accordion and Orchestra in Russian Musical art: processes of stylistic evolution and principles of texture organization", Abstract of the dissertation of Doctor of Art History, Saratov, Russia (in Russ.).

Rubakhina, G. A. (2014), "Instrumental concert in E. Podgaits's works: interpretation of the genre", Abstract of the dissertation of Candidate of Art Criticism, Rostov on Don, Russia (in Russ.).

Rubakhina, G. A. (2013), "'Nominal' concerts-dedications of E. Podgaits", *Problemy muzykalnoy nauki* [Problems of musical science], Publishing House of the Ufa State Academy of Arts, Ufa, Russia, 1, 260-263 (in Russ.).

Sharavin, E. V. (2013), "Features of the development of the balalaika concert genre", *Muzyka v sovremennom mire: nauka, pedagogika, ispolnitelstvo* [Music in the modern world: science, pedagogy, performance], in Nemkova, O. V. (ed.), Tambov, 129-136 (in Russ.).

Sharavin, E. V. (2015), "The phenomenon of the balalaika concert genre in the works of Russian composers of the turn of the 20-21th centuries", Dissertation of the Candidate of Art Criticism, Saratov, Russia, (in Russ.).

Sharavin, E. V. (2014), "Features of dramaturgy of one-part concerts for balalaika", *Muzyka v sovremennom mire: nauka, pedagogika, ispolnitelstvo* [Music in the modern world: science, pedagogy, performance], Tambov State Musical and Pedagogical Institute named after S. V. Rachmaninov, Tambov, 198-202 (in Russ.).

Sokhor, A. (1971), "Theory of musical genres: tasks and prospects", *Teoreticheskie problemy muzykalnykh form i zhanrov* [Theoretical problems of musical forms and genres], in Sokhor, A. and Kholopov, Yu. (ed.), Muzyka, Moscow, Russia, 292-309 (in Russ.).

Sposobin, I. V. (1984), *Muzykalnaya forma* [Musical form], Muzyka, Moscow, Russia (in Russ.).

Tsukerman, V. (1964), *Muzykalnye zhanry i osnovy muzykalnykh form* [Musical genres and the basics of musical forms], Muzyka, Moscow, Russia (in Russ.).

Usov, A. A. (2008), "Sonatas for balalaika in the aspect of the development of the repertoire of Russian folk instruments", Abstract of Ph.D. dissertation, Art History, Kazan, Russia (in Russ.).

Usov, A. A. (2008), "Concert balalaika compositions of the 1990-2000s: the main stylistic schools", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 77, 198-201 (in Russ.).

Volchkov, E. A. (2011), "Concerto for three-stringed domra in the works of Russian composers", Abstract of Ph.D. dissertation, Art Criticism, Rostov State Rachmaninov Conservatory, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Полосаев Николай Анатольевич, преподаватель отделения оркестровых инструментов, Губкинский филиал Белгородского государственного института искусств и культуры, ул. Победы, д. 4, г. Губкин, Белгородская обл., 309186, Россия; *polosaev@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Nikolay A. Polosaev, Teacher of the Department of Orchestral Instruments, Gubkin Affiliate of Belgorod State Institute of Arts and Culture, 4 Pobedy St., Gubkin city, Belgorod region, 309186, Russia; *polosaev@yandex.ru*

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 364.07 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-13**

Сипягина Е. А.

Социальное служение Русской православной церкви в конце XX – начале XXI вв. (на примере Костромской епархии)

Благотворительный фонд «Жизнь как чудо», ул. Палиха, д. 13/1, стр. 1, г. Москва, 127055, Российская Федерация; *sipyag@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос о социальном служении Русской православной церкви в конце XX – начале XXI вв. на примере Костромской епархии. Значимость проблемы определена рядом факторов. Во-первых, потребностью научного осмысления социальной деятельности Русской православной церкви как одной из наиболее важных структур, играющих ведущую роль в общественной жизни России. Во-вторых, возрастанием значения и роли Церкви в нашей стране в постсоветский период. В-третьих, на фоне социально-экономического кризиса и снижения доходов населения в обществе возрастает необходимость в церковных благотворительных структурах. В статье выделяются основные направления социальной деятельности православного духовенства в Костромском регионе. На основе архивных материалов прослеживается история формирования церковных институтов, способствовавших расширению социального служения в Костромской епархии. Особое внимание уделено изучению опыта практического взаимодействия государства и Церкви в оказании помощи малоимущему населению. Полученные выводы могут быть учтены и использованы в социальной работе Русской православной церкви.

Ключевые слова: Костромская епархия; социальное служение; благотворительность; социальная жизнь; православное духовенство; организация социального служения

Для цитирования: Сипягина Е. А. Социальное служение Русской православной церкви в конце XX – начале XXI вв. (на примере Костромской епархии) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 165-175. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-13

E. A. Sipyagina

Social service of the Russian Orthodox Church in the late 20th – early 21st centuries (on the example of the Kostroma Diocese)

Charitable Foundation "Life as a Miracle", 13/1 (1) Palikha St., Moscow, 127055, Russian Federation; *sipyag@mail.ru*

Abstract. The author considers the problem of social service of the Russian Orthodox Church at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries, using the example of the Kostroma diocese. The relevance of the problem arises from a number of factors. First, the need for an understanding of the social role of the Russian Orthodox Church, as one of the most important structures influencing an active public position in Russia. Secondly, by strengthening its practical importance, since in the post-Soviet period the role of the Church in our country has increased significantly. Third, in the conditions of a permanent socio-economic crisis and a drop in the standard of living of the population, the public demand for church charitable structures is increasing. This article highlights the main directions of the social activities of the Orthodox clergy in the region under consideration. On the basis of archival materials, the history of the formation of church institutions that contributed to the expansion of social service in the Kostroma diocese is traced. Special attention is paid to the study of the experience of practical interaction between the state and the church in providing assistance to the poor. The findings can be used in the social work of the Russian Orthodox Church at the present time.

Keywords: Kostroma Diocese of the Russian Orthodox Church; social service; charity; social life; orthodox clergy; organization of the social service

For citation: Sipyagina E. A. (2023), "Social service of the Russian Orthodox Church in the late 20th – early 21st centuries (on the example of the Kostroma Diocese)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 165-175, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-13

Изучение опыта социального служения Русской православной церкви (далее – РПЦ) в исторической ретроспективе представляет несомненный интерес не только на региональном, но и на общегосударственном уровне. Президент России В.В. Путин на торжественном мероприятии в Кремле в честь 10-летия Поместного собора РПЦ и интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла отметил, что «Русская православная церковь всегда там, где трудно, всегда с людьми, которые попали в беду»[1]. Понятие «социальное служение» стало настолько значимым, что получает в наше время обобщенное толкование в теоретической плоскости. О.В. Решетников считает, что социальное служение необходимо рассматривать как совокупность многочисленных форм социальной деятельности, направленных на дела милосердия, благотворительность и на помощь нуждающимся. Социальное служение призвано создавать благоприятные условия для социальной реабилитации тех, кто по раз-

[1] Президент России: Церковь всегда там, где трудно, всегда с людьми, которые попали в беду // Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви. 01.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.diaconia.ru/prezident-rossii-cerkov-vsegda-tam-gde-trudno-vsegda-s-lyudmi-kotorye-popali-v-bedu (дата обращения: 15.12.2022).

ным причинам (например, лишение здоровья или материальных благ) вынужден вести асоциальный образ жизни (Решетников, 2008: 27). В.Г. Галушко, который рассматривает социальное служение через призму учения Церкви, определяет его как борьбу за достоинство человеческой личности. Он также указывает средства для этой борьбы – милосердие и любовь (Глушко, 2013: 48-52). Г.В. Щекин придает особое значение социальной работе в кризисные и переломные моменты социально-политических реформ. По его мнению, социальное служение особенно необходимо обществу в кризис из-за безработицы, обесценивания национальных валют и массового обнищания (Щекин, 2000: 473). Протоиерей Д.С. Мартышин и исследователь П.В. Бочков считают социальное служение Церкви задачей индивидуального духовного воспитания и деятельностью на благо общества в целом. Руководствуясь данными принципами, церковные институты должны предоставлять соответствующую духовную и социальную помощь (Мартышин, Бочков, 2014: 609-613). Ю.П. Сурмин и И.П. Бидзюра подчеркивают, что «без этого эффекта принципиально невозможны самосохранение, функционирование и развитие общества, его подсистем и сфер жизнедеятельности» (Сурмин, Бидзюра, 2012: 11). Не стоит замыкаться лишь на сохранении традиции «в лабораторных условиях», традицию необходимо развивать. Поэтому церковные усилия по исправлению человека должны осуществляться во взаимодействии с общественными институтами, в пересечении интересов конкретных людей и социальных групп. Церковь, осуществляя свою социальную помощь, должна свидетельствовать о любви Бога к своему творению, а это невозможно без развития активной общинной жизни в приходах. Настоятели и другие священнослужители должны сопоставлять свою деятельность с динамичным развитием и изменением многообразных окружающих социальных процессов – так деятельность приходов позволяет выявлять лучшие практики. В непосредственной работе с людьми преодолеваются противоречия, «исчезают одни интересы и возникают другие» (Сурмин, Бидзюра, 2012: 11).

Социальное учение Церкви базируется на комплексном подходе, включающем достижения таких отраслей науки, как педагогика, психология, философия, социология и теология. Но учение о социальном служении является в первую очередь прикладной практической наукой, оперирующей уникальными методиками социальной реабилитации человека. По этой причине чрезвычайно сложно свести определения социального служения к однозначным понятиям, которые бы вмещали в себя всю широту и многогранность социальной работы Церкви (Мартышин, 2016: 70).

В конце XX – начале XXI вв. в России произошли существенные политические, социальные и экономические изменения, которые привели к резкому снижению уровня жизни населения страны. Проблема бедности усугубилась духовным кризисом. Идеологические установки, действовавшие на протяжении многих лет, стали не востребованными. В обществе возникла острая необходимость в новых мировоззренческих ориентирах. В этих условиях важнейшую роль сыграла РПЦ и ее социальная работа. Святейший Патриарх Алексий II отмечал: «Как проявить любовь к ближнему в наше неспокойное время… когда население целых регионов страны поставлено в тяжелые условия выживания… Ответом на этот вопрос должно быть возрастание уровня социального служения Церкви» (цит. по: (Басов, 2007: 237)). Для реализации поставленной задачи 31 января 1991 года был образован Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению. Сей орган способствовал активизации и координации рассматриваемой деятельности РПЦ на уровне епархий, монастырей, приходов, братств и сестричеств.

Существенный вклад в развитие социальной работы РПЦ внесла Костромская епархия. Местное духовенство уже в начале

1990-х гг. посещало детские дома, проводило благотворительную работу в тюрьмах, женских и детских колониях, школах-интернатах для инвалидов. Например, в 1994[2] и 1999[3] годах священники опекали сорок престарелых человек, четыре дома престарелых, семь мест лишения свободы (следственный изолятор, тюрьмы и т. д.)).

При этом региональные органы власти лояльно относились к церкви и христианским идеям: к примеру, в Постановлении бюро обкома КПСС № 6-2\3 от 27 декабря 1988 г.[4] и в Плане работы бюро на 1990 г.[5] отмечалась определенная близость христианских и коммунистических идей. Государство передавало Церкви здания под храмы и даже выделяло на их ремонт средства[6], не препятствовало субботникам для их реставрации[7]. Вместе с тем властные структуры в конце 1980-х гг. интересовал доход Церкви – в паспорте на Постановление секретариата обкома КПСС № С-29\1 указывалась стоимость отпеваний и других треб[8]. Однако полноценное сотрудничество государства и Церкви в 1990-е гг. в сфере социальных программ отсутствовало. Даже в Костроме контакты городской администрации с Церковью сводились лишь к денежной помощи при восстановлении храмов[9].

В 1991 г. Воскресенский собор г. Костромы взял шефство над одним из городских госпиталей[10]. В начале 1990-х гг. в Костроме функционировал зубоврачебный кабинет епархии под руководством врача Т.В. Виноградовой. В 1995 г. от немецких благотворителей этот кабинет получил дополнительный комплект стоматологического оборудования, в результате чего 1600 человек получили помощь в 1995 г. и 1200 человек в 1999 г[11].

В соответствии с определениями Архиерейского собора 1994 г. «О задачах Церкви в области религиозного образования» епархией в Костроме были взяты под опеку два детских сада, ясли, две общеобразовательные школы и гимназия «Щедрое яблоко» под ответственность протоиерея Виталия (Шастина)[12].

Одним из важных событий в становлении системы социального служения Костромской епархии стало создание в 1995 г. в Нерехтском районе православного детского дома «Ковалево». Его руководителем стал благочинный Нерехтского округа протоиерей Андрей (Воронин). Основными учредителями детского дома стали Костромская епархия и приходской совет Преображенской церкви г. Нерехты. Созданный в ответ на резкое обострение проблемы социального сиротства Ковалевский детский дом стал одним из первых учреждений подобного рода в России. В ходе деятельности этого учреждения была выработана уникальная педагогическая система, позволяющая гармонично развивать различные стороны личности ребенка. Воспитанники школы-интерната активно участвовали в богослужениях, учились, привыкали к труду, занимались спортом.

В детском доме использовалась методика воспитания детей в группах-семьях. В каждое семье, имевшей в детском доме собственную квартиру, состоявшую из нескольких спальных комнат, кухни, игрового зала, проживало по 5-8 детей разного возраста от шести до 16 лет. Каждая семья,

[2]Архив Канцелярии Костромской епархии РПЦ МП (далее – АККЕ РПЦ МП). Годовой отчет по Костромской епархии за 1994 г. Исх. № 96. Л. 6.
[3] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1999 г. Исх. № 125. Л. 8.
[4] Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее – ГАНИКО). Ф. П-765. Оп. 64. Д. 39. Л. 42.
[5] ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 64. Д. 91. Л. 35.
[6] ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 64. Д. 40. Л. 11.
[7] ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 64. Д. 1. Л. 78.
[8] ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 64. Д. 154. Л. 12.
[9] Муниципальный архив города Костромы. Ф. Р-10. Оп. 2. Д. 144. Л. 198; Д. 235. Л. 69; Д. 249. Л. 102; Д. 344. Л. 106; Д. 359. Л. 43.
[10] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1991 г. Исх. № 75. Л. 4.
[11] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1999 г. Исх. № 125. Л. 8.
[12] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1995 г. Исх. № 96. Л. 9.

в которой работало по два воспитателя, самостоятельно готовила пищу, производила уборку в помещениях, обрабатывала на огороде свой участок (по 10 соток). В 2003 г. в приюте было 48 воспитанников, в 2004 г. – 58[13], в 2008 г. – 29[14].

Кроме послушаний для детей и подростков предусматривалась система оплачиваемой работы на ферме, в столярной и механической мастерских. Большое внимание уделялось физическому воспитанию детей. В детском доме к началу 2000-х гг. имелся собственный спортивный зал, являвшийся одним из лучших в Костромской области. Четыре раза в неделю в нем проводились обязательные для всех воспитанников тренировки по борьбе – самбо и дзюдо. Многие воспитанники являлись членами сборной команды Костромской области, имели награды за победы в различных соревнованиях.

В 1999 г. в Костроме при Знаменском женском монастыре был организован благотворительный глазной кабинет и медицинский центр во имя святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны, для чего 14 ноября 2000 г. были получены соответствующие лицензии. В составе центра был дополнительно оборудован стоматологический кабинет. Деятельность учреждения в 2000-х гг. была направлена прежде всего на оказание помощи малообеспеченным группам людей – пенсионерам, инвалидам, детям из неблагополучных семей. Стоматологический кабинет за 2000 г. посетило 960 чел., офтальмологический – 816 чел. (на дневном офтальмологическом стационаре обследовано 50 чел., амбулаторные операции были проведены семи больным)[15]; в 2001 г. зубной кабинет посетило 850 чел. (в 2002 г. – 520 чел., в 2003 г. – 513 чел.[16], в 2004 г. – 436 чел.[17], в 2008 г. – 467 чел.[18]), офтальмологический – 908 чел. (в 2002 г. – 227 чел., в 2003 г. – 234, в 2004 г. – 456[19], в 2008 г. – 200)[20]. Первичный осмотр в 2000 г. прошли 247 чел., повторный осмотр – 661 чел., на дневном стационаре обследовано 54 чел., амбулаторные операции проведены пяти больным)[21]. Проводились благотворительные выезды сотрудников медицинского центра в удаленные населенные пункты Костромского района для офтальмологического обследования местных жителей, а также выезды на дом к нетранспортабельным пациентам[22].

Сестры костромского Знаменского монастыря в 2002 г. выдали неимущим 854 обеда, 94 нуждающимся была оказана помощь одеждой и продуктами питания[23]. Функционировали две благотворительные столовые для малоимущих слоев населения при Костромской духовной семинарии и при Введенском кафедральном соборе г. Галича[24]. С июля 2000 г. с участием местных предпринимателей А.Л. Синякова, С.А. Секлюцкого и А.К. Андреева[25] при восстанавливаемом Иоанно-Предтеченском храме г. Костромы дополнительно

[13] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии за 2004 г. Т. I. Исх. № 297-АА. Л. 81.
[14] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии о деятельности в 2008 г. Т. I. Часть 2. Л. 179.
[15] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2000 г. Исх. № 461\95-АА. Л. 23.
[16] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2003 г. Исх. № 144\86-АА. Л. 23.
[17] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии за 2004 г. Т. I. Исх. № 297-АА. Л. 83.
[18] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии о деятельности в 2008 г. Т. I. Часть 2. Л. 185.
[19] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии за 2004 г. Т. I. Исх. № 297-АА. Л. 83
[20] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии о деятельности в 2008 г. Т. I. Часть 2. Л. 185.
[21] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2001 г. Исх. № 287\132-АА. Л. 27.
[22] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2000 г. Исходящий № 461\95-АА. Л. 23.
[23] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2002 г. Исходящий № 376-АА. Л. 28.
[24] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1999 г. Исходящий № 125. Л. 8.
[25] АККЕ РПЦ МП. Отчет о работе отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2001 г. Исх. № 2140\1355. Л. 2.

была организована благотворительная столовая «Трапезная»[26]. В течение 2001 г. в ней получили обеды 1700 чел. (каждое воскресенье обедали 100-120 одиноких пенсионеров)[27], в 2002 г. – 3967 чел.[28], в 2003 г. – 4085 чел.[29]

С целью координации и централизации управления в 1997 г. в Костроме был создан епархиальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению (руководитель – Т.Н. Митрофанова). В 2000 г. его сотрудники провели работу по распределению гуманитарного груза, предоставленного Международной православной христианской организацией (IOCC) в рамках благотворительной акции «Продовольствие ради прогресса». В общей сложности было получено более 1000 тонн продуктов питания (рис, сухое молоко, растительное масло, мука, фасоль), которые через приходы, монастыри и государственные социальные учреждения получили более 36 тыс. чел. – представителей социально незащищенных групп населения[30]. В 2001 г. работа была продолжена – распределено 1 020 т продуктов питания для 51 тыс. чел. (через приходы и монастыри епархии – 17 900 чел. и через государственные социальные учреждения – 33 100 чел.)[31]. На средства благотворителей для проведения рождественских елок в 2000 г. было приобретено три тысячи подарков на сумму 65 тыс. руб.[32] (в 2001 г. – также три тысячи подарков). Малоимущим по прошению была оказана адресная материальная помощь на сумму более 18 тыс. руб. (в 2001 г. – более 25 тыс. руб.)[33].

Сотрудники данного епархиального отдела приняли участие в формировании грузов для моряков подшефной Костромской епархии атомной подводной лодки «Кострома», для военнослужащих федеральных сил в Чечне, в сборе и отправке гуманитарной помощи в места лишения свободы.

В 2001 г. была оказана помощь 35 престарелым людям, находившимся под опекой областной организации Красного Креста. В мае-июне этого же года при содействии митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима была осуществлена гуманитарная акция помощи жителям г. Кологрива (50 чел.) и г. Шарьи (95 семей), пострадавшим от пожаров: им были переданы одежда, вещи, постельные принадлежности, канцтовары, игрушки общим весом более 1000 кг, поступившие из ставропигиального Успенского Иосифо-Волоцкого монастыря. Сотрудники епархии приняли активное участие в проводившейся с 15 октября по 10 декабря 2001 г. Фондом социальной поддержки населения при областной администрации акции-марафоне «Спешите делать добро». Была разработана программа совместной деятельности отдела и некоммерческой организации – фонда «Реабилитация и милосердие» – по оказанию социальной помощи малообеспеченным гражданам г. Костромы и Костромской области[34].

Общие вопросы сотрудничества Костромской епархии и правоохранительных органов были закреплены в соглашениях с управлением исполнения наказаний (22 марта 2000 г.), управлением внутренних дел (29 марта 2002 г.) и линейным отделом внутренних дел на транспорте (1 марта 2002 г.). К 2002 г. священнослужи-

[26] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2000 г. Исх. № 461\95-АА. Л. 23.
[27] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2001 г. Исх. № 287\132-АА. Л. 26.
[28] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2002 г. Исх. № 376-АА. Л. 28.
[29] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2003 г. Исх. № 144\86-АА. Л. 22.
[30] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2000 г. Исх. № 461\95-АА. Л. 23.
[31] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2001 г. Исх. № 287\132-АА. Л. 26.
[32] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2000 г. Исх. № 461\95-АА. Л. 23.
[33] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2001 г. Исх. № 287\132-АА. Л. 26.
[34] Там же.

тели Костромской епархии духовно окормляли более семи тысяч человек, находящихся в местах лишения свободы. Шла подготовка к строительству храма во имя святителя Николая Чудотворца в исправительно-трудовой колонии строгого режима г. Костромы. Для мест лишения свободы было скомплектовано и передано несколько библиотечек духовной литературы. К началу 2000-х гг. регулярными стали акции по передаче заключенным гуманитарной помощи, как полученной из епархии, так и собранной прихожанами костромских храмов (продукты питания, одежда, обувь, предметы личной гигиены, канцелярские принадлежности). Традиционными стали подарки заключенным к Рождеству Христову и Пасхе, полученные от епархиального отдела по социальному служению или приобретенные на средства благотворителей. В мае-июне 2002 г. в г. Владимире состоялся региональный семинар по обмену опытом работы с заключенными, в котором приняли участие представители управления исполнения наказаний Минюста России по Костромской области и сотрудники епархиального отдела[35].

Наличие отдела по церковной благотворительности и социальному служению позволило епархии в начале 2000-х гг. значительно расширить сферу своей деятельности. Было налажено сотрудничество с новыми общественными организациями и социальными учреждениями г. Костромы – Домом малютки, Советом матерей (для данной организации, в частности, была выделена социальная литература и видеокассеты, а в 2005 г. направлено 3000 руб. на приобретение технических средств и реализацию духовно-просветительских программ[36]) и др. Воспитанникам Денисовской школы-интерната были вручены рождественские подарки и канцелярские товары (затрачено 3 тыс. руб., выделен 41 подарок). Был организован праздник для детей-инвалидов из многодетных семей в поселке Сухоногово на Пасху.

Важным направлением в социальной работе Костромской епархии являлось продолжение сотрудничества с системой исполнения наказаний. Так, учреждениям УИН Минюста России для приобретения литературы и видеоматериалов было выделено 2 251 руб. Осуществлялось дальнейшее взаимодействие с другими социальными структурами – например, совместно с российским Красным Крестом была реализована программа «Помогите детям» (закуплены продукты питания для 83 многодетных семей на сумму 8 300 руб.). Вместе с муниципальным учреждением «Центр социальной поддержки населения» было выделено 200 руб. для проведения праздничной программы в День матери России, а в 2006 г. при подготовке к празднованию Святой Пасхи епархиальный отдел выделил 3000 руб. на приобретение продуктовых наборов для инвалидов[37].

Совместно с Фондом социального страхования в 2005 г. по Костромской области была проведена акция передачи колясок в количестве 142 единиц для инвалидов[38] (в 2006 г. – 304 единицы[39], в 2007 г. – 150[40]). Отдел церковной благотворительности и социального служения в качестве соисполнителя с Заводом специального и медицинского оборудования по программе обеспечения инвалидов средствами реабилитации в 2006 г. ежемесячно покрывал

[35] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2002 г. Исх. № 376-АА. Л. 30.
[36] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2005 г. Исх. № 4102\2169а. Л. 4.
[37] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2005 г. Исх. № 4102\2169а. Л. 6.
[38] Там же. Л. 3.
[39] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2006 г. Исх. № 4475\2960-и. Л. 5.
[40] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2007 г. Исх. № 4717\3943-и. Л. 1.

стоимость абсорбирующего белья, памперсов и ходунков для более 500 человек[41], в 2007 г. – более 800 человек.[42].

Дополнительно детскому дому в деревне Ченцы была оказана помощь для приобретения подарков к награждению детей, участвовавших в спектакле, посвященном Святой Пасхе, и для реализации духовно-просветительских программ[43]. В 2007 г. епархия приняла участие в получении и распределении гуманитарной помощи из Нью-Йорка в виде 500 детских свитеров для многодетных семей и детей-сирот, а также детей, оставшихся без попечения родителей[44].

Одним из крупнейших центров благотворительности в Костромской епархии в 1990–2000-х гг. стал Богоявленско-Анастасиин монастырь, основанный в XV в. преподобным Никитой Костромским. Обитель с дореволюционных времен уделяла большое внимание социальному служению: в ней действовали бесплатные лечебницы для народа, школа-приют для девочек-сирот и первый в России приют для слепых детей. В советское время монастырь был закрыт и только в начале 1990-х гг. получил возможность для возрождения. Настоятельницей Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря с этого времени по настоящий день является игуменья Иннокентия (Травина).

После того как монастырская жизнь была возрождена, насельницы начали вести активную социальную работу. В 1993 г. по благословению патриарха Алексия II при монастыре был образован детский приют св. Иоанна Кронштадтского[45] (св. о регистрации № 86 от 3 августа 1994 г.)[46]. В истории Церкви в Российской Федерации он стал первым детским приютом, где воспитывались и проживали сироты и оставленные родителями несовершеннолетние. Среди первых воспитанниц были совсем юные девочки четырех лет, нуждающиеся в медицинском уходе. В приют принимали сирот и беспризорников, оказавшихся в сложной ситуации из-за родителей, больных алкоголизмом, наркоманией, страдающих психическими расстройствами. Были и такие случаи, когда детей подбирали на городских свалках. В 1995–1998 гг. число воспитанниц приюта было 25 чел.[47] [48], в 2002 г. – 40 чел.[49], в 2004 г. – 20 чел., в 2008 г. – 18 чел.[50]

Также в 1991 г. монастырь открыл богадельню св. Марии Магдалины[51]. Она стала домом реабилитации для женщин, восстанавливающихся после тяжелых переломов, получивших увечья после побоев. Богадельня приняла множество бездомных скиталиц, а также тех, кто был вынужден покинуть свои дома из-за бесчеловечного обращения родственников или соседей. К 1995 г. богадельня содержала 30 чел.[52], в

[41] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2006 г. Исх. № 4475\2960-и. Л. 3.

[42] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2007 г. Исх. № 4717\3943-и. Л. 1.

[43] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2006 г. Исх. № 4475\2960-и. Л. 4.

[44] АККЕ РПЦ МП. Отчет о деятельности отдела церковной благотворительности и социального служения Костромской епархии за 2007 г. Исх. № 4717\3943-и. Л. 2.

[45] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1994 г. Исх. № 96. Л. 8.

[46] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии за 2004 г. Т. I. Исх. № 297-АА. Л. 77.

[47] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1995 г. Исх. № 96. Л. 7.

[48] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1998 г. Исх. № 90. Л. 5.

[49] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии за 2004 г. Т. I. Исх. № 297-АА. Л. 78.

[50] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии о деятельности в 2008 г. Т. I. Часть 2. Л. 177.

[51] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1991 г. Исх. № 75. Л. 4.

[52] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1995 г. Исх. № 96. Л. 7.

1998 г. – 35 чел.[53], 2002 г. – 40 чел.[54], 2004 г. – 25 чел.[55], 2008 г. – 20 чел[56]. Каждая из женщин получала всю необходимую медицинскую помощь и, что немаловажно, тепло семьи, заботу, ласку, внимание. Местные врачи лечили от тяжелых заболеваний и поднимали на ноги насельниц богадельни.

Монастырь вел активную социальную работу среди бывших заключенных. Так, было принято около 1000 человек, которые закончили отбывать наказание в системе ФСИН России. Монастырь предоставил им кров, пищу и медицинское обслуживание. Все они принимали посильное участие в трудах по восстановлению монастыря (Травина, 2005: 7).

Обитель отмечена множеством церковных и государственных наград и благодарностей. Особо отмечают широкую социальную работу сестер и трудниц монастыря. В честь 575-летия основания монастыря патриарх Алексий II отметил: «На протяжении 10 лет матушка игуменья Иннокентия руководит возрождением монастыря, развитием в его стенах душепопечительной и благотворительной деятельности. Прекрасный храм, в котором ныне находится главная святыня Костромской земли – чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, многочисленные насельницы монастыря, успешно действующие богадельня и детский приют – свидетельство плодотворности и Божия благословения данных трудов…»[57]. Архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев) также высоко оценивал значение монастыря. В своем поздравительном обращении он особо отметил то, что монастырь стал крупнейшей обителью Костромской епархии и, более того, центром социальной помощи, просветительской и благотворительной деятельности (Травина, 2005: 8).

Таким образом, в 1990-х гг. в связи со смягчением религиозной политики государства РПЦ смогла начать активное социальное служение. Стоит согласиться с мнением современных исследователей Т.Д. Мироновой и М.Г. Солнышкиной, что в период 1990–2000-х гг. сформировалась полноценная система взаимодействия РПЦ и государства по социальным вопросам как общему знаменателю в интересах обеих сторон. Эффективные результаты сотрудничества стали возможны благодаря выполнению системы соглашений, заключенных между епархиями и органами государственной власти различных уровней, и высокой мотивированности участников процесса. Конкретная специализация церковной деятельности, по замечанию исследователей, осуществлялась на уровне приходов (Миронова, Солнышкова, 2019: 208-215). Подобный процесс нашел отражение и в Костромской епархии: уже с конца 1980-х гг. здесь было налажено тесное сотрудничество государственных и церковных структур в сфере благотворительности. Социальное служение Костромской епархии в конце XX – начале XXI вв. велось в различных направлениях. Во-первых, регулярная благотворительность: создание приютов для престарелых и детей из неблагополучных семей, функционирование богаделен, столовых, медицинских кабинетов. Во-вторых, проведение разовых акций, таких как закупка и распределение постельных принадлежностей в 2004 г. Важное значение в институционализации социальной работы РПЦ в Костромской епархии имело

[53] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 1998 г. Исх. № 90. Л. 4.
[54] АККЕ РПЦ МП. Годовой отчет по Костромской епархии за 2002 г. Исх. № 376-АА. Л. 8.
[55] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии за 2004 г. Т. I. Исх. № 297-АА. Л. 81.
[56] АККЕ РПЦ МП. Отчет Костромской епархии о деятельности в 2008 году. Т. I. Часть 2. Л. 183.
[57] Послание Святейшего Патриарха Алексия II ко дню празднования 575-летия основания Богоявленско-Анастасииного монастыря и 10-летия возрождения иноческой жизни. 2001 г. // Богоявленско-Анастасиин женский монастырь [Электронный ресурс] URL: https://xn-----7kcaachht8aaslxgdeebf5dgbw62a.xn--p1ai/novosti/obrashcheniya-svyateyshego-patriarha-aleksiya-ii (дата обращения: 15.12.2022).

создание в 1997 г. отдела по церковной благотворительности и социальному служению. В связи с этим к середине 2000-х гг. удалось систематизировать и расширить работу среди социально незащищенного местного населения Костромской области.

Источники

Архив канцелярии Костромской епархии Русской православной церкви Московского патриархата (АККЕ РПЦ МП), годовые отчеты по Костромской епархии за 1991–2003 гг., отчеты по Костромской епархии за 2001–2007 гг.

Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Фонд П-765.

Муниципальный архив города Костромы (МАГК). Фонд Р-10.

Литература

Басов, Н.Ф. Практикум по истории социальной работы в России. М.: Дашков и К, 2007. 337 с.

Галушко, В.Г. Социальная справедливость и социальное служение // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, 7–8 июня 2013 г. СПб.: СПбГИПСР, 2013. С. 48-53.

Мартышин, Д.С., Бочков, П.В. Социальная работа Церкви как важнейшее условие социализации человека // Молодой Ученый. 2014. № 1 (60). С. 609-613.

Мартышин, Д.С., прот. Социальная работа Церкви как наука на современном этапе // Богословско-исторический сборник. Юбилейный выпуск. 2016. № 1 (8). С. 51-62.

Миронова, Т.Д., Солнышкина, М.Г. Социальное служение РПЦ: взаимодействие институтов государства и церкви в области социальных программ // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 208-215.

Решетников, О.В. Концепция социального служения в современном обществе. М.: Изд-во РГСУ, 2008. 168 с.

Сурмин, Ю.П., Бидзюра, И.П. Социология управления: Уч. пособие. Киев: Персонал, 2012. 728 с.

Травина, И.С. Социальное служение Богоявленско-Анастасииного женского монастыря (г. Кострома) // Информационный бюллетень российского круглого стола по религиозному образованию и диаконии. 2005. № 58. С. 7-8.

Щекин, Г.В. Социальная теория и кадровая политика: Монография. Киев: МАУП, 2000. 576 с.

Sources

Archive of the Office of the Kostroma Diocese of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, annual reports on the Kostroma Diocese for 1991-2003, reports on the Kostroma Diocese for 2001-2007 (in Russ.).

Municipal Archive of the city of Kostroma, F. P-10 (in Russ.).

State Archive of the modern History of the Kostroma region, F. П-765 (in Russ.).

References

Basov, N. F. (2007), *Praktikum po istorii sotsial'noy raboty v Rossii* [Practicum on the history of social work in Russia], Dashkov and Co., Moscow, Russia (in Russ.).

Galushko, V. G. (2013),“Social justice and social service”, *Sotsial'noe sluzhenie Pravoslavnoy Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 7–8 iyunya 2013 g.* [Social service of the Orthodox Church: problems, practices, prospects: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 7-8 June 2013], SPbGIPSR, St. Petersburg, Russia, 48-53 (in Russ.).

Martyshin, D. S. and Bochkov, P. V. (2014), “The social work of the Church as the most important condition for human socialization”, *Molodoy Ucheny* [Young Scientist], 1, 609-613 (in Russ.).

Martyshin, D. S. (2016), “The social work of the Church as a science at the present stage”, *Bogoslovsko-istoricheskiy sbornik. Yubileyny vypusk* [Theological and historical collection. Anniversary issue], 1, 51-62 (in Russ.).

Mironova, T. D. and Solnyshkina, M. G. (2019), “Social service of the Russian Orthodox Church: interaction of state and church institutions in the field of social programs”, *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 3, 208-215 (in Russ.).

Reshetnikov, O. V. (2008), *Kontseptsiya sotsial'nogo sluzheniya v sovremennom obschestve* [The concept of social service in modern society], RSSU Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Schekin, G. V. (2000), *Sotsial'naya teoriya i kadrovaya politika* [Social theory and personnel policy], Publishing House of the Interregional Academy of Personnel Management, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Surmin, Yu. P. and Bidzyura, I. P. (2012), *Sotsiologiya upravleniya: Uchebnoe posobie* [Sociology of Management: Textbook], Personal, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Travina, I. S. (2005), "Social service of the Epiphany-Anastasia Convent (Kostroma)", *Informatsionny byulleten' rossiyskogo kruglogo stola po religioznomu obrazovaniyu i diakonii* [Newsletter of the Russian Round Table of religious education and deaconry], 58, 7-8 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Сипягина Елена Александровна, преподаватель-исследователь отечественной истории, координатор Благотворительного фонда «Жизнь как чудо», ул. Палиха, д. 13/1, стр. 1, г. Москва, 127055, Российская Федерация; *sipyag@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Elena A. Sipyagina, National History Teacher and Researcher, Coordinator of the Charitable Foundation "Life as a Miracle", 13/1 (1), Palikha St., Moscow, 127055, Russian Federation; *sipyag@mail.ru*

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 1(091) **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-14**

Масалов А. Г.[1], Чистякова Е. Ю.[2]

Естественнонаучные труды Н. Н. Страхова (опыт информационно-аналитического обзора)*

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *masalov@bsu.edu.ru*
[2] Институт логики, когнитологии и развития личности, проспект Мира, д. 70А, корпус (строение) 2, оф. 41, Москва, 129110, Россия; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

Аннотация. Труды Н.Н. Страхова по вопросам естествознания представляют собой сравнительно малоизученный «культурный слой» в истории отечественной науки. Мыслитель рассматривает проблемы физики, химии, биологии, антропологии в широком философском контексте, аргументированно отстаивает важность релевантной предмету методологии познания, основанной на априорных истинах разума. В статье делается вывод об антропологической перспективе, в которую Страхов помещает свою естественнонаучную мысль, что обеспечивает последней философскую долговечность и актуальность.

Ключевые слова: Н. Н. Страхов; естествознание; атомизм; дарвинизм; антропология

Для цитирования: Масалов А. Г., Чистякова Е. Ю. Естественнонаучные труды Н. Н. Страхова (опыт информационно-аналитического обзора) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 176-193. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-14

Masalov A. G.[1], Chistyakova E. Yu.[2]

Natural science works of N. N. Strakhov (experience of information and analytical review)*

[1] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *masalov@bsu.edu.ru*
[2] Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, of. 41, bd. 2, 70A, Mira av., Moscow, 129110, Russian Federation; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

Abstract. N.N. Strakhov's works in natural science represent a relatively little-studied "cultural layer" in the history of Russian science. The thinker examines the problems of physics, chemistry, biology, anthropology in a broad philosophical context, defends the importance of a methodology of cognition relevant to the subject, based on a priori truths of reason. The article concludes about the "human dimension" of Strakhov's natural science thought, which gives it an enduring relevance.

*Работа Е.Ю. Чистяковой выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения».
*Ekaterina Yu. Chistyakova's research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 23-28-01844 "Archive of the era of N.N. Strakhov: existential contexts and interdisciplinary crossroads".

Keywords: N. N. Strakhov; natural science; atomism; Darwinism; anthropology

For citation: Masalov A. G., Chistyakova E. Yu. (2023), "Natural science works of N.N. Strakhov (experience of information and analytical review)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 176-193, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-14

Стремление к естественным наукам есть стремление к новым идеям; оно вытекает из глубокого источника, из философского переворота в умах, а не из распространения утилитарности.

Н.Н. Страхов. О методе естественных наук и значении их в общем образовании

Судьба выдающегося русского ученого, философа и публициста Николая Николаевича Страхова (1828–1896) могла сложиться по-другому. Выпускник физико-математического отделения Главного педагогического института, один из двух серебряных медалистов 1851 г., он рано продемонстрировал научные способности. Впрочем, первоначально, под влиянием родственников, им был выбран «камеральный» факультет Санкт-Петербургского императорского университета, на котором готовили специалистов по административной работе. «Никто не хотел и слышать о моем желании идти по ученой части…, – сообщает Страхов в частном письме, – все только и думали, что о гражданской службе, которой я совсем не терплю. И если меня не примут во второй курс, то я перейду на филологический или математический» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18883). Желание Н.Н. Страхова сменить специальность исполнилось, и летом 1851 г. на выпускных экзаменах он получил от академика М.В. Остроградского высокую оценку за свое кандидатское сочинение «Решение линейных неравенств».

Между тем, математика была выбрана почти случайно. Выходец из духовного звания, в студенческие годы Страхов оказался в непривычной среде, где процветали нигилистическое вольнодумство и скептицизм. Среди студентов и ученых того времени бытовало мнение, что «только натуралисты находятся на верном пути познания и могут правильно судить о самых важных вопросах» (Никольский, 2009: 254). И Страхов, чтобы «стать с веком наравне» и разобраться во всем самостоятельно, обратился к естественным наукам, а поступил «на математику, как на ближайший к ним предмет, чтобы иметь возможность получать стипендию» (там же: 253). По окончании учебы он был направлен на службу учителем, сначала в Одессу, а затем перевелся в Петербург, где преподавал во 2-й гимназии естественную историю.

Научная карьера Страхова стартовала, стало быть, вполне успешно. В сентябрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» (ЖМНП) за 1857 г. была напечатана его диссертация «О костях запястья млекопитающих» (руководитель академик Ф.Ф. Брандт), подробно раскрывающая гомологию (сходство) одноименных костей разных животных. Ум Страхова, приученный к математике, прошедший школу естествознания, не принимал, с одной стороны, крайних форм метафизики материалистов, и «духовидцев» – с другой; ученый много претерпел от несправедливой критики со стороны и тех, и других. Здесь же, вероятно, надо искать причину того, что философия Страхова – это прежде всего методология познания, которое должно быть конкретным, аналитическим и держаться фактов. То, как ученый модифицировал и применял «методу» гегелевской философии в своей «понимающей»

литературной, научной и философской критике – отдельная и обширная тема. Для Страхова человек – центр мироздания, венец и сложнейший его феномен. И если в науке, согласно Страхову, «решение вопросов нужно искать в самых сложных явлениях», то, следовательно, естествознание в значительной степени есть *человекознание*; антропология – ключ к философии природы. Главная черта живой природы для Страхова – способность к развитию. Она прилагается не только к биологическому организму, но и к ходу науки, и к эволюции личности.

Итогом многолетней работы над проблемами естествознания, их философскими последствиями, полемики с оппонентами стали десятки статей, наиболее значимые из которых составили сборник «Мир как целое» (1872, 1892) – первую в России книгу по философии науки, составляющую опыт «рационального естествознания» Н.Н. Страхова. Много потрудился он и в части комментария и защиты наследия одного из ближайших своих друзей, Н.Я. Данилевского, – важнейшей работы о дарвинизме, его познавательных ресурсах и исторической ограниченности.

***

Труды Страхова, посвященные вопросам естествознания, можно для удобства разделить на несколько типологических групп: посвященные проблемам физики и неживой природы, посвященные органической природе, методологические, педагогические, антропологические. Деление это в целом условно, поскольку частные вопросы отдельных наук, как правило, помещаются Страховым в широкий философский контекст, пересекаются или дополняют друг друга. В целом, эти работы можно представить в следующем систематическом виде.

Общие вопросы естествознания

«Ход и характер современного естествознания» (Русский вестник. 1892. № 3).

Статья была написана по поводу второго издания книги «Мир как целое» и содержит взгляд на движение естествознания в продолжение двадцати лет, прошедших со времени первого издания этой книги. Автор отмечает сохранение утвердившейся в научной среде тенденции механически объяснить явления органической природы и предвидит неудачу подобных попыток. Он выражает осторожную надежду на освобождение науки от предрассудков. Задача научной литературы Страхову видится в развитии способности к независимому мышлению и объективному исследованию.

Проблемы методологии науки

«О методе наук наблюдательных» (ЖМНП. 1858. № 1–12)[1].

Работа стала дополнением к диссертации магистра зоологии («О костях запястья млекопитающих», 1857 г.) и написана под влиянием оппонента на защите, профессора ботаники Л.С. Ценковского. В ней усилена философская составляющая. Анализируя такие приемы и методы, как собирание фактов, классификация, сравнение и прочее, автор стремиться выйти за пределы собственно естественнонаучных вопросов.

«Клод Бернар о методе опытов. Статья первая» (Отечественные записки. 1866. Сентябрь. Кн. 2)[2].

Статья-рецензия на книгу выдающегося французского физиолога Клода Бернара «Введение к изучению опытной медицины», изданной в переводе Н.Н. Страхова (1866), в которой излагаются начала экспериментальной медицины. Автор статьи отмечает выдающееся значение данной работы. Проблемы опытного познания рассматриваются им в более широком философском контексте.

[1] Отд. изд.: Н. Страхов. О методе наук наблюдательных. СПб., 1858. 55 с. (Из «Журн. М-ва нар. просвещения». 1858. № 1). Статья вошла в сборники: О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. С. 3-71; О методе естественных наук и значении их в общем образовании. 2-е изд., доп. Киев: И.П. Матченко, 1900. XVI, 186 с.

[2] Статья включена в сборник: Н. Страхов. Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. С. 123-150.

«Клод Бернар о методе опытов. Статья вторая. Приложение к организмам» (Отечественные записки. 1867. Март. Кн. 1)[3].

Вторая часть рецензии на книгу Клода Бернара «Введение к изучению опытной медицины». Автор статьи рассматривает возможность и условия опыта с философских позиций, отстаивает неизменность априорных законов науки в исследовании объектов живой и мертвой природы. Н.Н. Страховым отмечается смешение у французского ученого явлений «круговоротных» с явлениями развития, делается вывод о том, что необходимо для понимания развития.

Фундаментальные вопросы физики

«Об атомистической теории вещества» (Русский вестник. 1860. Май. Кн. 2)[4].

Статья направлена против атомистического учения о строении тел. Это объемное исследование подвергало критике вульгарный эмпиризм в науках. Автор уделяет внимание истории науки, критикует ее постоянно растущий уклон к материализму и механицизму. Глубокий анализ сложной философской и одновременно естественнонаучной проблемы понимания природы вещества указывает на выдающиеся научные способности автора.

«Вещество по учению материалистов» (Время. 1863. № 3)[5].

В статье Страхов отстаивал возможность, хотя и сложность, нахождения научной истины. Обращает внимание на «бессознательность» материализма, но критика данного учения должна учитывать его объективно сильные стороны, в частности, силу представления и наглядности. Критикуя взгляды Бюхнера, Молешотта, Страхов подчеркивает противоречивость материалистических представлений и самого понятия вещества во взглядах материалистов.

«О простых телах. Статья первая» (Отечественные записки. 1865. Август. Кн. 2).

«О простых телах. Статья вторая и последняя» (Отечественные записки. 1865. Декабрь. Кн. 2)[6].

В указанных статьях Страхов дает развернутую критику атомизма в науке. Автор указывает на метафизический характер данного учения; делает заключение о невыводимости из опыта никаких абсолютных положений, в том числе и неделимости простых тел, отмечает, что сила атомизма и материализма вообще – в его наглядности, в нашей привычке к представлению. Актуальность идей автора на современном этапе развития физики подтверждается рядом исследований (см.: Ильин, 2007: 54-60).

Об органической природе, ее сущности и развитии:

«О костях запястья млекопитающих» (ЖМНП. 1857. № 9)[7].

Диссертация, представленная на соискание степени магистра зоологии. По замечанию биографа Н.Н. Страхова Б.В. Никольского – работа «замечательная по полноте и точности методических требований» (Никольский, 1896: 22). Автором составлена классификация форм запястья млекопитающих, сделана попытка найти все ступени, по которым формы костей запястья животных и человека обнаруживают сходство (гомологию), проведен сравнительно-анатомический анализ соответствующих костей разных видов млекопитающих. Дис-

[3] Статья включена в сборник: Н. Страхов. Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. С. 151-173.

[4] Статья была включена в сборник «Мир как целое» (1872, 1892).

[5] Работа вошла в сборник «Мир как целое» (1872, 1892) без существенных изменений под названием «Вещество по учению материалистов. Критика теории сил».

[6] Материалы статей вошли в сборник «Мир как целое» (1872, 1892).

[7] Отд. изд.: Н. Страхов. О костях запястья млекопитающих: рассуждение, написанное для получения степени магистра зоологии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. 60 с. (Из «Журн. М-ва нар. просвещения». 1857. № 9, о. II). Хранится в фонде редких и ценных изданий РГБ.

сертация выполнена с учетом работ виднейших ученых-зоологов (Кювье, Меккель и др.).

«Физиологические письма. Письмо 1» (Русский мир. 1859. № 2).

«Физиологические письма. Письмо 2» (Русский мир. 1859. № 22).

«Физиологические письма. Письмо 3» (Русский мир. 1859. № 59).

Рассматриваются вопросы общего интереса к естествознанию; телесного и душевного сходства человека и животных. Высшая животность рассматривается как условие духовности. Автор анализирует общие свойства организмов, деление природы на органическую и неорганическую, попытки найти различие между животными и растениями.

Под названием «Письма об органической жизни» «Физиологические письма» составили первый раздел фундаментальной монографии Страхова «Мир как целое» (1872 г.)[8].

«Значение смерти. Письма о жизни. Письмо IV» (Светоч. 1860. № 8).

В статье на основе ряда примеров из жизни человека и животных делается вывод об отсутствии в жизни чистого круговорота событий. Напротив, она понимается как непрерывное обновление. Живые организмы рассматриваются как существенно временные, подверженные постоянным изменениям. Автор указывает на рождение, развитие (совершенствование) и смерть как на сущностный признак живого существа. Он считает абсурдным бесконечное развитие; после достижения организмом полноты физических и умственных возможностей, смерть не дает ему «пережить себя». Статья вошла в 1-й раздел 1-й части книги «Мир как целое».

«Содержание жизни» (Светоч. 1861. № 1–2).

«Птицы. Несколько слов об их теле и душе: по поводу книги А. Брема “Жизнь птиц”. СПб., 1865 г.» (Отечественные записки. 1866. Июнь. Кн. 2).

Русский перевод книги А. Брема был выполнен Страховым. В статье он обращает внимание на особенности анатомии и физиологии птиц, а также отмечает их красоту и особенности поведения. Книга А. Брема, утверждает Страхов, «замечательна по духу», передает читателю те теплые чувства, которые автор испытывает к птицам. Утверждается, что не только внешняя, но и душевная деятельность птиц отличается своеобразием и красотой. Размышления Страхова по поводу книги А. Брема вошли в первую часть сборника «Мир как целое» (3-й раздел «Птицы»).

«“О происхождении видов”, соч. Чарльса Дарвина, пер. С.А. Рачинского. Изд. третье, испр. М., 1873. “Zum Streit uber den Darwinismus”. Von K.E. von-Baer ... Dorpat, 1873. (К спору о дарвинизме. К.Э. Бера. [Из “Всеобщей Аугсбургской Газеты”], Дерпт. 1873)» (Гражданин. 1873. № 29)[9].

Страхов обращает внимание на философские основы корректного познания. Анализируется строение объектов живой и неживой природы. Автор указывает на целесообразность в природе, указывает на совершенство строения человеческого тела. Основное содержание жизни, по мнению автора, означает «постепенно усиливающееся взаимодействие с внешним миром». Кроме познания и чувства он относит к существенному содержанию человеческой жизни деятельность – стремление к еще недостигнутым целям[10].

«О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос» (Природа: попул. естеств.-ист. сб. Кн. 1. М., 1874).

Страхов отстаивал идею развития как «самобытную», внутреннюю способность организма. Он полагал недоказанной идею

[8] «Письма» заинтересовали А.А. Григорьева и способствовали их сближению с Н.Н. Страховым.

[9] В переработанном виде статья вошла в главу «Дарвин» (Н.Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. С. 110-146).

[10] Статья вошла в сборник «Мир как целое».

появления новых видов в ходе естественного подбора. Полемизируя с дарвинизмом, он указывал на то, что скрещивание препятствует закреплению признаков, приобретенных благодаря изменчивости.

«Об основных понятиях физиологии» (Русская мысль. 1883. № 5).

Статья представляет собой критический очерк по вопросам физиологии. Отмечается, что определение предмета данной науки – достаточно сложная задача, поскольку физические, химические и психологические явления в человеке тесно взаимосвязаны. В отличие от других наук, физиология изучает организмы, процессы в которых некорректно и невозможно свести к физике, химии, силам или движениям атомов.

«Полное опровержение дарвинизма. “Дарвинизм”. Критическое исследование Н.Я. Данилевского... СПб., 1885» (Русский вестник. 1887. № 11)[11].

Страхов отмечает беспристрастие и научную добросовестность автора книги. В заочной полемике с Дарвином он не выходит за пределы естествознания, не вносит доводы извне. Некоторые философские отступления автор сам обозначил как надстройку, отличную от общего задания этого строго научного труда, – указывает Страхов. Автор приводит ряд доводов против естественного подбора в ходе борьбы за существование, показывает, что объяснять с его помощью ничего нельзя.

«Главная задача физиологии» (Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 8-9)[12].

В статье точно разведены понятия некоторых естественных наук, таких как сравнительная анатомия, физиология, зоология, изложена строгая и ясная постановка научных задач. Наука не знает пределов своей области, – отмечает автор, – а только постоянно стремится найти их и выяснить. Утверждается, что физиология рассматривает перемены и процессы, происходящие в животных, как наука экспериментальная, наука о явлениях, совершающихся в органических телах.

«Всегдашняя ошибка дарвинистов» (Русский вестник. 1887. № 11-12).

Полемизируя с профессором Тимирязевым по поводу книги Н.Я. Данилевского «Дарвинизм», Страхов обращает внимание на эмоциональный тон профессора и отсутствие возражений по существу дела. Им подмечено недопонимание, и возможно, невнимательное прочтение оппонентом труда Данилевского. Страхов отмечает «ученый фанатизм», распространенный в научной среде того времени, а также то, что дарвинисты путают возможность и действительность, в чем и заключается их основная ошибка[13].

Страхов отмечает популярность трудов Ч. Дарвина в России среди просвещенной публики. Но указывает на недостаточное раскрытие им хода собственных рассуждений, что ведет, по мнению автора статьи, к путанице в умах читателей. В статье утверждается, что два сочинения Ч. Дарвина «О происхождении видов» и «О происхождении человека» озаглавлены неправильно и никакого происхождения не объясняют; первое более повествует о вымирании видов, а второе – о сходстве между человеком и животными. Автор указывает на распространенное ошибочное понимание эволюционных процессов, описанных в труде британского ученого как чисто меха-

[11] 1-й том сочинения Н.Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» издания М.Е. Комарова опубликован в 1885 г. 2-й остался незавершенным ввиду смерти автора.

[12] Отд. изд.: Страхов Н. Главная задача физиологии. Т. 1. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. 27 с.; Т. 2: Окончание [28 с.] (из «Журн. М-ва нар. просвещения». 1886. № 8. О. 2).

[13] Перепечатана товариществом «Общественная польза» (Страхов Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов: [по поводу статьи проф. Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?» Санкт-Петербург, 1887]. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1887. [79 с.] (из журн. «Русский вестник». 1887. № 11, 12)).

нических (у Э. Геккеля и др.). В статье отмечена некоторая небрежность в русских переводах трудов Ч. Дарвина.

Проблемы антропологии:

«Жители планет» (Время. 1861. № 1)[14].

Автор обращает внимание на то, что человеку свойственно постоянно обращаться к задачам, по-видимому, имеющим к нему весьма далекое отношение. Таковы, например, вопросы о начале и конце мира. Точно таковым же автору представляется вопрос о жителях других планет. Отмечается, что величайшие умы человечества внесли свой вклад в историю мнений по данному вопросу. Автор показывает совершенство человеческого организма, его максимальное соответствие земной природе и потребностям самого человека как разумного существа. Поиски же существ, подобных человеку и превосходящих его в чем-то, Страхов объясняет беспокойством ума и вечной неудовлетворенностью собой и своей жизнью, присущими человеку.

«Чем отличается человек от животных?» (Натуралист. 1864 [без №])[15].

Страховым отмечается интерес к природе человека в связи с учением Ч. Дарвина. Автор подчеркивает, что вопрос этот не может быть прямо отнесен ни к какой из отдельных наук. Вопрошая о том, в чем состоят главные отличия человека от животных, он делает вывод, что вопрос этот стоит выше естественных наук, это – философский вопрос о сущности как таковой. В статье делается вывод, что понимать человека лучше всего как предел, к которому стремится органическая природа.

Статьи вошли в одноименный 4-й раздел 1-й части книги «Мир как целое».

«Переворот в науке. “Происхождение человека, подбор по отношению к полу” Чарльза Дарвина. В двух томах … СПб., 1871» (Заря. 1872. № 1)[16].

В статье отмечается удивление самого Дарвина тому успеху, который имели его взгляды на изменение и происхождение видов в ученой среде. При этом автор «Происхождения…» не анализирует сами требования науки, ее внутренние законы и методы, подразумевая, что все это вполне определяется большинством голосов натуралистов. Автор статьи указывает на узость мировоззрения некоторых ученых, погруженных в свою дисциплину и не принимающих во внимание достижения других областей знания, а также отмечает распространенные в научной среде предрассудки. Тем не менее, Страхов признает смелость и некоторое остроумие теории Ч. Дарвина, что обеспечило ей успех не только среди профессионалов, но и в широких слоях образованного населения.

Сборник статей Н.Н. Страхова *«Мир как целое: черты из науки о природе»* (СПб., 1872)[17] можно считать итогом кропотливого профессионального анализа проблем естествознания XIX века. На множестве примеров показана целостная иерархическая организация универсума, в центре которого находится человек как наиболее сложное и уникальное, завершающее явление природы. Книга состоит из двух крупных частей. Первая – «Органическая природа» – посвящена организации живых существ (организмов) в их сравнении с неживой природой. Во второй части – «Неорганическая природа» – Страхов дает критику атомистической теории вещества, рассматривает значение основных физических и химических законов и сил. Там же автор рассматривает метафизические предпосылки естественных наук и дает развернутую критику материализма. Один из основ-

[14] Работа вошла в сборник «Мир как целое» (1872, 1892).

[15] То же (Натуралист. 1865. № 11. С. 207-211).

[16] В переработанном виде статья также вошла в главу «Дарвин» (Н.Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. С. 110-146).

[17] Дополненное 2-е издание: СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. XXX, 582 с. Первое современное издание: М.: Айрис-пресс: Айрис-дидактика, 2007. 569 с.: ил., портр. (Б-ка истории и культуры).

ных и актуальных выводов Страхова заключается в том, что «существенная часть науки состоит не в фактах, а во взгляде на факты». Во вторую часть исправленного и дополненного второго издания (1892) автор включил новую главу «О законе сохранения энергии». Сборник стал первой в России книгой по философии естествознания.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает непродолжительный, но чрезвычайно плодотворный период в деятельности Н.Н. Страхова как публициста. С мая 1857 г. он вместе с Д.С. Михайловым (1824–1889) ведет рубрику «*Новости по части наук естественных*» в VII отделении «Наука и смесь» «Журнала Министерства народного просвещения»[18]. В этот период вышло 120 статей Н.Н. Страхова разного объема. Полный перечень названий статей этого периода содержится в *Приложении* к данной статье.

В июле 1860 г. редактором журнала становится К.Д. Ушинский, что превратило его фактически в педагогический журнал. Кардинально меняется структура журнала, и из него пропадает рубрика «Новости естественных наук», в которой работали Н.Н. Страхов и Д.С. Михайлов. Однако отдельная статья Страхова «*Органические категории: по поводу статьи г. Эдельсона “Идея организма”*» выходит в номере 3 за 1861 г.[19].

Отдельным проблемно-тематическим блоком в списке естественнонаучных трудов Н.Н. Страхова стоят статьи о месте естественных наук в образовании и о методе их преподавания. Н.Н. Страхов имел существенный педагогический опыт преподавания естественной истории во 2-й Санкт-Петербургской гимназии с 1852 по 1861 гг. Период активных научных изысканий Н.Н. Страхова в области зоологии совпадает с периодом работы в гимназии, что делает особо актуальными его статьи о естественнонаучном образовании. В библиографии Н.Н. Страхова насчитывается шесть работ, посвященных этой теме.

Первая статья – *«Естественные науки как предмет общего образования»* выходит в 1861 году в «Отечественных записках». Начинается статья с указания, что восемь лет назад были введены в гимназический курс естественные науки. Страхов отмечает, что впервые естественные науки были введены в гимназический курс уставом Александра I, но затем изъяты из учебных планов. Преподавание естественных наук, по замечанию Н.Н. Страхова, вызвано запросом общества на естественнонаучные знания. Востребованность естественных наук он демонстрирует количеством студентов на естественном факультете: их в десять раз больше, чем на филологическом (ранее самом востребованном). Объясняя причину такой популярности естественных наук, Страхов отмечает, что, по обыкновенному мнению, естественные науки считаются полезными. В вопросах общего образования особенно ценится практическая польза изучаемых предметов. Страхов называет такой взгляд «чисто-идеальный», то есть основанный не на действительности, а на голых отвлечениях. По общему мнению, вещественная польза является главной целью и следствием изучения естественных наук. Но имеет определяющее значение не то, чем занимаются естественные науки, не предмет их, а метод. Цель науки – возведение вещественного мира в умственный, познание ради самого познания, а польза – побочный продукт. Науки уже не должны обосновывать практической пользой свое право на существование. «В действительности наука служит самой себе и не приносит никакой пользы» (Страхов. Естественные науки как предмет… 1861: 305).

[18] Журнал Министерства народного просвещения. 1857. № 94.

[19] Отдельным изданием вышла под тем же названием: Страхов Н. Органические категории: по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма» (Библиотека для чтения. 1860. № 3). [СПб., 1861]. 15 с. (Из «Журн. М-ва нар. просвещения». 1861. № 3).

Науки бесполезны для общего образования и в том смысле, что применить познания, полученные при изучении естественной истории, ученику негде. Для практической пользы человеку не нужна наука, с этой задачей хорошо справляется прямой опыт. Страхов различает как противоположные прямой опыт и науку. Наука в его понимании всегда теоретична и фундаментальна. В практических науках, которые пользуются достижениями наук фундаментальных, все еще присутствует ненаучный элемент прямого опыта. Как замечает Страхов, люди по своей природе идеалисты и поэтому готовы пожертвовать пользой в угоду своему любопытству.

По словам Страхова, изучение природы в XIX веке приобрело значение «важной мудрости». Естественные науки дают особый взгляд на мир, питают жажду новых идей и имеют свой глубокий источник в философии. В гимназическом курсе естественной истории стоит преподавать начала, общие положения, систему, а не разрозненные факты, поскольку все в природе связано. Страхов полагает, что изложение голых фактов в учебниках совершенно бессмысленно и вредно, дает ложное представление и путает читателей. Естественные науки, прежде всего, являются науками и поэтому руководствуются теоретическим интересом и стремлением объяснить явления, исходя из общих начал. Всем наукам свойственно стремление понять существующее с помощью правильной умственной деятельности.

Н.Н. Страхов отмечает, что в результате познания природы с помощью естественных наук наступает момент эстетического сближения с ней. Для детей, которым предлагают изучать естественную историю в гимназии, эстетический интерес к природе имеет большое значение, так как абстрактное мышление у них еще не развито. Методологически этот интерес детей можно поддержать художественными (а не словесными) изображениями животных, далеких стран и растений. Художественно должны быть составлены и рассказы о животных. Страхов полагает, что эстетическое отношение к природе древнее науки и должно быть свойственно каждому образованному человеку. Образованный человек должен не только знать факт, но и понимать его значение. Эстетический подход к природе нужно строго отличать от научного, чтобы их приемы были точнее.

Подводя итог, Страхов отмечает троякий интерес естественных наук: они полезны в практике, отвечают теоретическим потребностям ума и питают эстетические чувства. В первом смысле они не могут быть предметом общего образования, потому что не несут конкретной пользы. Во втором и третьем смыслах они как раз становятся предметом общего образования. Разделяя три этих интереса, можно дать естественным наукам справедливое место в общем образовании. Учащимся следует давать самые строгие методы и глубокие взгляды, а не голые факты.

Вторая статья – «*Естественные науки и общее образование*» выходит в 1864 году в журнале братьев Достоевских «Эпоха». В этой работе Н.Н. Страхов снова поднимает вопрос о месте естественных наук в системе общего образования. Само притязание естественных наук на место в общем образовании говорит об их возрастающей силе, как отмечает Страхов. Сила естествознания кроется в точности и ясности его выводов. Страхов пишет о твердой почве, которую дают человеческому уму эти науки. То, что значение естественных наук возрастает – это факт правильного развития человечества. Страхов решает рассмотреть естественные науки по отношению к общему образованию, предлагает обратить пристальное внимание на свойства и особенности естественных наук, которые могут иметь значение для общего образования.

Решив ограничить предмет исследования, Страхов делит естественные науки по методу на науки наблюдательные (астрономия, анатомия, систематика тел при-

роды и пр.) и науки опытные (физика, физиология, химия). По существенным понятиям и предмету он делит науки на механические (физика, астрономия), химические (химия, минералогия) и органические (анатомия, физиология, зоология, ботаника, палеонтология и др.). По степени развития эти три вида естественных наук должны находиться в разном отношении к общему образованию. Физика и астрономия как науки механические завоевали себе прочное место в системе общего образования благодаря своей точности. Науки механические и химические уже заслужили себе место в системе общего образования благодаря своем достижениям. Органические же науки не вошли пока в систему общего образования, причину этого Страхов усматривает в малом научном достоинстве этих наук. В качестве причины несовершенства органических наук Страхов усматривает их метод: это науки наблюдательные или описательные, менее точные, чем науки механические и химические. Однако же они имеют богатый научный материал и обширные цели, что делает их важнее других наук.

Далее Страхов ставит вопрос о том, каким должно быть общее образование, какие предметы должны входить в его программу. Содержание общего образования определяется идеалом образованного человека. Он должен иметь обширный и полный взгляд на мир: литература, науки, искусства, история. Имея в виду этот идеал, общему образованию следовало бы придать характер энциклопедический. Следовательно, задача обучения в том, чтобы эти обширные сведения сосредоточить, уяснить и упростить, то есть сделать доступным ребенку то, чем он должен обладать, и дать ему это по возможности раньше. Страхов полагает, что это неправильный взгляд на общее образование, поскольку он подгоняет развивающееся и подвижное существо ребенка под строгий стандарт. Страхов подчеркивает, что воспитание не готовит ко взрослой жизни, но является ее началом и первым этапом правильного развития. Неверно думать, что после школы учиться не придется, образование не должно ей ограничиваться.

Страхов настаивает, что необходимо сообразовывать с возрастом детей предметы общего образования. Детская литература и учебники стремятся приспособить для детского восприятия то, что в полной мере понятно только взрослому человеку. В итоге выходит искусственный и жеманный текст. Именно поэтому он считает, что идею энциклопедического образования стоит отбросить. В систему общего образования должны войти только некоторые, пригодные для этих целей предметы, имеющие образовательное влияние на ум учащихся, закладывающие основы их правильного развития. На этом основании к общеобразовательным предметам причисляются математика и чужие языки (греческий и латинский). Эти предметы ближе всего к цели общего образования. Математика предоставляет возможность упражнения, то есть умственной деятельности, а не простого восприятия и запоминания, иными словами, предполагает активную деятельность ума, а не пассивную. Также пригодны для общего образования и естественные науки (описательные и органические), которые обладают простым и строгим методом, заключающимся в сравнении и группировке явлений. Естественные науки противоположны догматическому стилю мышления, они постепенно образуют новые понятия, пригодные для изучаемых предметов.

Изучение естественной истории начинается с элементарных основ в любом возрасте, поэтому она не может быть как-то дополнительно упрощена для детей. Следовательно, дети изучают настоящую науку во всей ее полноте, а не в сокращенном или урезанном виде. Как математика и языки, естественные науки трудны, но зато их можно постичь в полной мере. Страхов противопоставляет их русской словесности и истории, в которых возможны разные степени понимания и делаются снисхождения со стороны преподавателей. Подобно математике и языкам, они являются отвлечен-

ным от жизни предметом и требуют упражнений. По наблюдению Страхова, детей с пробуждающимся умом очень увлекает естественная история. Изучать историю, географию, словесность, как и все, что касается форм человеческой жизни, удобнее и интереснее в более взрослом возрасте, когда человек достаточно развился и вступил в практическое отношение к жизни. Тем же, кто не изучал языков, математику и естественную историю в школе, труднее их изучить в зрелом возрасте. При этом полное понимание истории может быть достигнуто не в детском, а во взрослом возрасте. Еще один аргумент в пользу изучения естественных наук в узком смысле слова – они являются науками о внешнем, об объективном, учат видеть природу не как грубый механизм, а как «сферу явлений, исполненных жизни и глубокой самостоятельности» (Страхов. Естественные науки и общее…1864: 28).

В завершение статьи Страхов отмечает, что после введения естественных наук в гимназический курс велись споры. Однако большинство высказавшихся авторов фантазировали на тему естественных наук, приписывая им несуществующие свойства, то упрекая в элементарности или верхоглядстве, то приписывая им возможность раскрыть вдруг все загадки природы. Единственное адекватное возражение против естественных наук в общем образовании Страхов признает в недостаточной их законченности: они все еще активно преобразуются и развиваются. Лучше всего преуспели в систематизации описательные зоология и ботаника, но так как это новый предмет в гимназической программе, пока еще нет достаточного количества методических разработок и учебников.

Через год, в 1865 году, выходит объемистая книга Н.Н. Страхова *«О методе естественных наук и значении их в общем образовании»*. Статья, вышедшая в ЖМНП в 1858 г., «О методе наук наблюдательных» вошла как первый раздел в книгу. Во втором разделе Страхов рассматривает органические категории. В третьем разделе «Интерес естественных наук» развиваются идеи статьи 1861 г. из «Отечественных записок»: он рассматривает теоретический и эстетический интерес естественных наук. И завершается работа четвертым разделом «Естественные науки и общее образование», где в более развернутом виде представлены выводы статьи 1964 г. из журнала «Эпоха».

Три остальные работы на тему естественнонаучного образования выходят посмертно (Страхов Н. Естественные науки как общеобразовательный предмет… 1898; Страхов Н. Метода естественных наук… 1898; Страхов Н. Значение естественных наук в общем образовании… 1899). Примечательно, что во втором издании опыта педагогической хрестоматии М.И. Демкова 1913 г. статей Н.Н. Страхова уже нет, что связано, вероятно, со скандалом вокруг письма Л.Н. Толстому о Ф.М. Достоевском.

Современные исследователи констатируют актуальное значение естественнонаучных работ Страхова и для нашего времени. Так, Н.П. Ильин в предисловии к первому современному изданию «Мира…» подчеркивает сходство антропологических идей русского мыслителя позапрошлого века и «антропного принципа» современной космологии; мыслитель, «по сути, выдвинул значительно раньше, чем Анри Пуанкаре (1854–1912), идею так называемой конвенциональности» (Ильин, 2007: 52); и «совершенно верно предсказывает, что атомизм неизбежно найдет в атомах и прочих частицах “*вещество, не имеющее никаких свойств вещества”*» (Ильин, 2007: 57), т. е. образность и наглядность, составлявшая силу материализма и механицизма как такового, были превращены наукой в его очевидную слабость.

Примечательно, что в век преклонения перед практической стороной научного знания как силы, преобразующей мир, Страхов подводит под само занятие естествознанием антропологическую основу. Существенная особенность естественных наук, вопреки расхожему мнению, «не в том, что мы обращаемся к природе, но в

том, *чего* мы хотим от природы, чего мы ищем в ней… цель их вовсе не приближение к вещественному миру, а наоборот, возведение вещественного мира в умственный» (Страхов. О методе естественных наук…, 1865: 98).

Подводя итог, можно утверждать, что естественнонаучная мысль Страхова еще недостаточно освоена современной философией науки и открывает перед исследователями широкую перспективу, особенно в сфере междисциплинарных исследований. Как отмечал ученик Н.Н. Страхова В.В. Розанов: «Лучшая философия, без сомнения, та, которая возникает из изучения природы и после этого изучения» (Розанов, 2007: 522), и философия естествознания Страхова являет нам уникальный пример такой последовательности.

Источники

Страхов, Н. Вещество по учению материалистов // Время. 1863. № 3. С. 191-234.

Страхов, Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов // Русский вестник. 1887. № 11. С. 66-114; № 12. С. 98-129.

Страхов, Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов: [по поводу статьи проф. Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?». Санкт-Петербург, 1887]. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1887 [79 с.].

Страхов, Н. Главная задача физиологии // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 8. О. II. С. 311-338; № 9. О. II. С. 1-28.

Страхов, Н.Н. Дарвин // Философская культура. 2005. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk208.html (дата обращения: 18.09.2018).

Страхов, Н. Дарвинизм: критическое исследование Н.Я. Данилевского. СПб., 1885. [СПб.]: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1886. 8 с.

Страхов, Н. Естественные науки и общее образование // Эпоха. 1864. № 7. С. 1-32; № 8. С. 1-24.

Страхов, Н. Естественные науки как общеобразовательный предмет // М.И. Демков Русская педагогика в главнейших ее представителях: опыт пед. хрестоматии / сост. М.И. Демков. М.: Книгоизд-во К.И. Тихомирова, 1898. С. 330-334. (Педагогическая библиотека, изд. К. Тихомировым и А. Адольфом. Вып. 12).

Страхов, Н. Естественные науки как предмет общего образования // Отечественные записки. 1861. № 2. С. 301-324.

Страхов, Н. Жители планет // Время. 1861. № 1. О. III. С. 1-56.

Страхов, Н. Значение естественных наук в общем образовании // Естествознание и география. 1899. № 9. С. 10-38.

Страхов, Н. Значение смерти. Письма о жизни. Письмо IV // Светоч. 1860. № 8. О. II. С. 1-22.

Страхов, Н. Клод Бернар о методе опытов. Статья первая // Отечественные записки. 1866. Сентябрь. Кн. 2. С. 217-234.

Страхов, Н. Клод Бернар о методе опытов. Статья вторая. Приложение к организмам // Отечественные записки. 1867. Март. Кн. I. С. 148-163.

Страхов, Н. Метода естественных наук // М.И. Демков Русская педагогика в главнейших ее представителях: опыт пед. хрестоматии / сост. М.И. Демков. М., 1898. С. 324-330. (Педагогическая библиотека, изд. К. Тихомировым и А. Адольфом. Вып. 12).

Страхов, Н. Мир как целое: черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. XXVI, 506 с.

Страхов, Н. Мир как целое: черты из науки о природе. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. XXX, 582 с.

Страхов, Н. Мир как целое: черты из науки о природе. М.: Айрис-пресс: Айрис-дидактика, 2007. 569 с.: ил., портр. (Б-ка истории и культуры).

Страхов, Н. Новости естественных наук // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. № 5. О. VII. С. 47-64; № 6. О. VII. С. 89-103; № 7. О. VII. С. 1-18; № 8. О. VII. С. 51-63; № 9. О. II. С. 274-332; № 9. О. VII. С. 103-118; № 10. О. VII. С. 1-17; № 11. О. VII. С. 59-74; № 12. О. VII. С. 115-119.

Страхов, Н. Новости естественных наук // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. № 1. О. VII. С. 1-9; № 2. О. VII. С. 51-65; № 3. О. VII. С. 111-124; № 4. О. VII. С. 1-14; № 5. О. VII. С. 61-75; № 8. О. VII. С. 85-102; № 9. О. VII. С. 149-162; № 10. О. VII. С. 1-16; № 11. О. VII. С. 51-67; № 12. О. VII. С. 113-128.

Страхов, Н. Новости естественных наук // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. № 1. О. VII. С. 1-12; № 2. О. VII.

С. 53-70; № 3. О. VII. С. 121-129; № 4. О. VII. С. 1-17; № 5. О. VII. С. 55-69.

Страхов, Н. О времени, числе и пространстве // Русский вестник. 1897. № 1. С. 69-81; № 2. С. 264-278.

Страхов, Н. О костях запястья млекопитающих // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. № 9. О. II. С. 274-332.

Страхов, Н. О костях запястья млекопитающих: рассуждение, написанное для получения степени магистра зоологии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. 60 с. (Из «Журн. М-ва нар. просвещения». 1857. № 9. О. II. С. 274-332.).

Страхов, Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. XII, 185 с.

Страхов, Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. 2-е изд., доп. Киев: И.П. Матченко, 1900. XVI, 186 с.

Страхов, Н. О методе наук наблюдательных // Журнал Министерства народного просвещения. 1858. № 1. О. II. С. 36-90. О. VII. С. 1-18; № 2. О. VII. С. 65-76; № 3. О. VII. С. 117-128; № 4. О. VII. С. 1-16; № 5. О. VII. С. 67-81; № 6. О. II. С. 135-151; № 7. О. VII. С. 1-18; № 8. О. VII. С. 59-74; № 9. О. VII. С. 119-135; № 10. О. VII. С. 1-18; № 11. О. VII. С. 65-75; № 12. О. VII. С. 115-122.

Страхов, Н. О методе наук наблюдательных [СПб., 1858]. 55 с.

Страхов, Н. «О происхождении видов», соч. Чарльса Дарвина / пер. С.А. Рачинского. Изд. третье, испр. М., 1873. «Zum Streit uber den Darwinismus». Von K.E. von-Baer ... Dorpat, 1873. (К спору о дарвинизме. К.Э. Бера. [Из «Всеобщей Аугсбургской Газеты»], Дерпт. 1873) // Гражданин. 1873. № 29. С. 809-812.

Страхов, Н. О простых телах. Статья первая // Отечественные записки. 1865. Август. Кн. 2. С. 605-625.

Страхов, Н. О простых телах. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1865. Декабрь. Кн. 2. С. 666-678.

Страхов, Н. О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос // Природа: попул. естеств.-ист. сб. Кн. 1 / ред.-изд. Л.Н. Сабанеев. М., 1874. С. 1-58.

Страхов, Н. Об атомистической теории вещества // Русский вестник. 1860. Май. Кн. 2. С. 143-194.

Страхов, Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1886. XIV, 317 с.

Страхов, Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 3-е изд. Киев: И.П. Матченко, 1904. XVI, 238 с.

Страхов, Н. Об основных понятиях физиологии // Русская мысль. 1883. № 5. С. 1-32.

Страхов, Н. Органические категории: по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма» // Библиотека для чтения. 1860. № 3. 15 с. [СПб., 1861].

Страхов, Н. Органические категории: по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма» // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. № 3. Ч. неофиц. О. II. С. 49-63.

Страхов, Н. Переворот в науке. «Происхождение человека, подбор по отношению к полу» Чарльза Дарвина. В двух томах... СПб., 1871 // Заря. 1872. № 1. О. II. С. 1-18.

Страхов, Н. Письма о жизни. Письмо I. Письмо II // Светоч. 1860. № 3. О. II. С. 1-40.

Страхов, Н. Письма о жизни. Письмо III // Светоч. 1860. № 5. О. II. С. 1-23.

Страхов, Н. Полное опровержение дарвинизма. «Дарвинизм». Критическое исследование Н.Я. Данилевского... СПб., 1885 // Русский вестник. 1887. № 11. С. 1-62.

Страхов, Н. Птицы. Несколько слов об их теле и душе: по поводу книги А. Брема «Жизнь птиц». СПб., 1865 г. // Отечественные записки. 1866. Июнь. Кн. 2. С. 765-786.

Страхов, Н. Содержание жизни // Светоч. 1861. № 1. О. II. С. 37-58; № 2. О. II. С. 111-128.

Страхов, Н. Физиологические письма. Письмо 1 // Русский мир. 1859. № 2. С. 40-44.

Страхов, Н. Физиологические письма. Письмо 2 // Русский мир. 1859. № 22. С. 523-526.

Страхов, Н. Физиологические письма. Письмо 3 // Русский мир. 1859. № 59. С. 1005-1009.

Страхов, Н. Ход и характер современного естествознания // Русский вестник. 1892. № 3. С. 230-249.

Страхов, Н. Чем отличается человек от животных? // Натуралист. 1864. [без №]. С. 53-57.

Страхов, Н. Чем отличается человек от животных? // Натуралист. 1865. № 11. С. 207-211.

Литература

Ильин, Н. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и ее авторе) // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе / предисл., коммент. Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. С. 5–62.

Никольский, Б.В. Сокрушить крамолу / сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

Розанов, В.В. Идея рационального естествознания (Рецензия на книгу Н. Страхова «Мир как целое. Черты из науки о природе») // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе / предисл., коммент. Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. С. 522-548.

Sources

Strakhov, N. N. (1885), “A complete refutation of Darwinism. ‘Darwinism’. A critical study of N. Y. Danilevsky...”, *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin], St. Petersburg, 11, 1-62 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), “A revolution in science. ‘The origin of man, selection in relation to sex’ by Charles Darwin. In two volumes ... St. Petersburg, 1871”, *Zarya* [Dawn], 1 (2), 1-18 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1857), “About mammalian wrist bones”, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 9 (2), 274-332 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1865), “About simple bodies. Article one”, *Otechestvennye zapiski*, August, book 2, 605-625 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1865), “About simple bodies. Article two and the last”, *Otechestvennye zapiski*, December, book 2, 666-678 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1897), “About time, number and space”, *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin], 1, 69-81; 2, 264-278 (in Russ.).

Strakhov, N .N. (1883), “About the basic concepts of physiology”, *Russkaya mysl’* [Russian thoght], 5, 1-32 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1874), “About the development of organisms. An attempt to put the question accurately”, *Priroda: populyarnyy estestvenno-istoricheskiy sbornik. Kniga 1* [Nature: a popular natural history collection. Book 1], in Sabaneev, L. N. (ed.) Moscow, 1-58 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1858), “About the method of observational Sciences”, *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1 (2), 36-90; 1 (7), 1-18; 2 (7), 65-76; 3 (7), 117-128; 4 (7), 1-16; 5 (7), 67-81; 6 (2), 135-151; 7 (7), 1-18; 8 (7), 59-74; 9 (7), 119-135; 10 (7), 1-18; 11 (7), 65-75; 12 (7), 115-122.

Strakhov, N. N. (1866), “Birds. A few words about their body and soul: about the book by A. Brem “The Life of birds”. St. Petersburg, 1865”, *Otechestvennye zapiski*, June, 2, 765-786 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1866), “Claude Bernard on the method of experiments. Article one” *Otechestvennye zapiski*, 2, 217-234 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1867), “Claude Bernard on the method of experiments. Article two. Application to organisms”, *Otechestvennye zapiski*, March, 1, 148-163 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1886), *Darvinizm: kriticheskoe issledovanie N. Ya. Danilevskogo. SPb., 1885)* [Darwinism: A Critical research by N.Ya. Danilevskiy. St. Petersburg, 1885], Publishing House “Obschestvennaya pol’za”, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1886), “The main task of physiology. Vol. 1-2”, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 8 (2), 311-338; 9 (2), 1-28 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1861), “Inhabitants of planets”, *Vremya* [Time], 1 (3), 1-56 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1860), “Letters about life. Letter I. Letter II”, *Svetoch*], 3 (2) 1-40 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1860), “Letters about life. Letter III”, *Svetoch*, 5 (2), 1-23 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), *Mir kak tseloe: cherty iz nauki o prirode* [The world as a whole: features from the science of nature], K. Zamyslovskiy Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1892), *Mir kak tseloe* [The world as a whole: features from the science of nature], Br. Panteleev’s Publishing, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2007), *Mir kak tseloe* [The world as a whole: features from the science of nature], Ayris-press, Moscow, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1864), “Natural sciences and general education”, *Epokha* [Epoch], 7, 1-32; 8, 1-24 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1898), “Natural sciences as a general education subject”, *Russkaya pedagogika*

v glavneyshikh ee predstavitelyakh: opyt pedagogicheskoy khrestomatii [Russian pedagogy in its main representatives: the experience of teachers. anthologies], in Demkov, M. I. (ed.), Moscow, Russia, 330-334 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1861), "Natural sciences as a subject of general education", *Otechestvennye zapiski*, 2, 301-324 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1859), "Natural Sciences News", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1 (7), 1-9; 2 (7), 51-65; 3 (7), 111-124; 4 (7), 1-14; 5 (7), 61-75; 8 (7), 85-102; 9 (7), 149-162; 10 (7), 1-16; 11 (7), 51-67; 12 (7), 113-128 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1860), "Natural Sciences News", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1 (7), 1-12; 2 (7), 53-70; 3 (7), 121-129; 4 (7), 1-17; 5 (7), 55-69 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1857), "Natural Sciences News", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 5 (7), 47-64; 6 (7), 89-103; 7 (7), 1-18; 8 (7), 51-63; 9 (2), 274-332; 9 (7), 103-118; 10 (7), 1-17; 11 (7), 59-74; 12 (7), 115-119 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1857), *O kostyakh zapyastya mlekopitayuschikh: rassuzhdenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra zoologii* [About mammalian wrist bones: A Discussion Written for a Master's degree in Zoology], Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1865), *O metode estestvennykh nauk i ikh znachenii v obschem obrazovanii* [About the method of natural sciences and their significance in general education], Printing house of E. Pratz, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1900), *O metode estestvennykh nauk i ikh znachenii v obschem obrazovanii* [About the method of natural sciences and their significance in general education], I. P. Matchenko, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1886), *Ob osnovnykh ponyatiyakh psikhologii i fiziologii* [About the basic concepts of psychology and physiology], Printing house of br. Panteleevs, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1904), *Ob osnovnykh ponyatiyakh psikhologii i fiziologii* [About the basic concepts of psychology and physiology], I. P. Matchenko, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1860), "On the atomistic theory of matter", *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin], May, 2, 143-194 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1873), "'On the origin of species', the work of Charles Darwin, transl. by S. A. Rachinsky. Third edition, revised. Moscow, 1873". "Zum Streit uber den Darwinismus". Von K. E. von-Baer ... Dorpat, 1873. (To the Darwinism controversy. K.E. Bera. [From the "General Augsburg Newspaper"], Dorpat. 1873), *Grazhdanin* [Citizen], 29, 809-812 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1861), "Organic categories: about Mr. Edelson's article 'The Idea of an organism'", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 3 (2), 49-63 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1861), *Organicheskie kategorii: po povodu stat'i g. Edel'sona 'Ideya organizma' (Biblioteka dlya chteniya, 1860, 3)* [Organic categories: about mr. Edelson's article "The Idea of an organism"], St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1859), "Physiological letters. Letter 1", *Russkiy mir*, 2, 40-44 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1859), "Physiological letters. Letter 2", *Russkiy mir*, 22, 523-526 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1859), "Physiological letters. Letter 3", *Russkiy mir*, 59, 1005-1009 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1863), "Substance according to the teachings of the materialists", *Vremya* [Time], 3, 191-234 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1861), "The content of life", *Svetoch*, 1 (2), 37-58; 2 (2), 111-128 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1892), "The course and nature of modern natural science", *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin], 3, 230-249 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1899), "The importance of natural sciences in general education", *Estestvoznanie i geografiya* [Natural science and geography], 9, 10-38 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1886), "The main task of physiology", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 8 (2), 311-338; 9 (2) 1-28 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1860), "The meaning of death. Letters about life. Letter IV", *Svetoch*, 8 (2), 1-22 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1898), "The method of natural sciences", *Russkaya pedagogika v glavneyshikh ee predstavitelyakh: opyt pedagogicheskoy*

khrestomatii [Russian pedagogy in its main representatives: the experience of teachers. anthologies], in Demkov, M. I. (ed.), Moscow, Russia, 324-330 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1887), "The usual mistake of Darwinists", *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin], 11, 66-114; 12, 98-129 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1887), *Vsegdashnyaya oshibka darvtnistov: [po povodu stat'i professora Timiryazeva "Oprovergnut li darvinizm?". Sankt-Peterburg, 1887]* [The usual mistake of Darwinists: [about the article by Prof. Timiryazeva "Will Darwinism be refuted?" St. Petersburg, 1887]], Publishing house of the partnership "Public benefit", St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1864), "What is the difference between humans and animals?", *Naturalist* [Naturalist], 53-57 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1865), "What is the difference between humans and animals?", *Naturalist* [Naturalist], 11, 207-211 (in Russ.).

References

Ilyin, N. "The last mystery of nature (About the book 'The World as a Whole' and its author"), in Strakhov, N. N. *Mir kak tseloye. Cherty iz nauki o prirode* [The world as a whole. Features from the science of nature], Airis-press: Airis-Didactica, Moscow, Russia, 5-62 (in Russ.).

Nikolskiy, B. V. (2009), *Sokrushit' kramolu* [Crush the sedition], in Platonov, O. A., (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2007), "The idea of rational natural science (Review of the book by N. Strakhov 'The world as a whole. Features from the science of nature')", in Strakhov, N. N. *Mir kak tseloye. Cherty iz nauki o prirode* [The world as a whole. Features from the science of nature], Airis-press: Airis-Didactica, Moscow, Russia, 522-548 (in Russ.).

Приложение. Статьи Н.Н. Страхова в «Журнале Министерства народного просвещения»
Appendix. N. N. Strakhov's articles in the "Journal of the Ministry of Public Education"

Год / Year	Часть / Part	Номер / Number	Названия статей / Titles of articles
1857	94	5	«Алмазовидный бор», «Новый телескоп Леона Фуко», «Наблюдение над водяною саламандрою», «Развитие плоских глист», «Чтение Либиха о жизненной силе»
		6	«Сродство и географическое распределение насекомоядных млекопитающих», «Значение азотокислых солей в питании растений», «Теплота тела животных», «Теория ледников», «Размножение насекомых без оплодотворений»
	95	7	«Соединения озона», «Значение нервных узлов», «Кольцо Сатурна», «Земное электричество», «Размножение кружалок», «Возрастание кристаллов»
		8	«Различные состояния серы», «Отправление нервной системы суставных животных, «Звездная карта Шакорнака», «Действия прибора индукции, введенного в гальваническую цепь»
		9	II отделение: «О костях запястья млекопитающих» VII отделение: «Развитие пресноводных губок», «Оплодотворение фукусовых», «Облака», «Гемиэдрия – куб, шестигранная призма, квадратная призма»
	96	10	«Новое млекопитающее, найденное в оолитовых пластах», «Чтение Фарадея о сохранении силы», «Тетартоэдрия»
		11	«Спиртовое брожение», «Превращение маннита и глицерина в сахар», «Оплодотворение головоногих», «Исследования Якубовича над микроскопическим устройством нервной системы», «Гермафродитизм некоторых позвоночных»
		12	«Естественная система», «Оптическое изучение дрожаний», «Чувствительность некоторых частей тела», «Телеоскопичность»
1858	97	1	II отделение: «О методе наук наблюдательных»

Год / Year	Часть / Part	Номер / Number	Названия статей / Titles of articles
			VII отделение: «Сродство азота и титана», «Типы животных», «Солнечные пятна», «Электрические явления», «Термины»
		2	«Составление древесного спирта», «Новые планеты», «Общая естественная история»
		3	«Новый трактат сравнительной анатомии и физиологии», «Способ образования гранита», «Фотографические изображения луны»
	98	4	«Изменение в цвете венной крови», «Новый гелиоскоп», «Современное состояние этнологии в отношении к изучению черепа», «Нервное кругообращение»
		5	«Пан простых тел», «Земной магнетизм», «Деление кровяных клеточек в зародыше»
		6	«Новые млекопитающие в юрских пластах», «Гиперметаморфоза в семействе мелоид», «Труды Гузо над озоном», «О движении, называемом теплотою»
	99	7	«Горилла», «Превращение миноги», «Новые превращения в классе ракообразных», «Составление углеродистых водородов», «Вхождение семенных животных в яйца», «Размножение пчел», «Новый источник электричества»
		8	«Отношения между физическими свойствами тел и их химическими реакциями», «Различение пространства осязанием», «Отношение золота и других металлов к свету», «Развитие костного вещества»
		9	VI отделение: рецензия Н.Н. Страхова «Цветность пера птиц. Биологический очерк А. Богданова» VII отделение: «Влияние нервов на венную кровь желез», «Окрашивание зрения», «Плотность озона», «Образование и состав изумрудов», «Влияние света на животных», «Возобновление испорченных костей».
	100	10	«Половое размножение инфузорий», «Пчелиные ячейки», «Современное образование зоолитов», «Метаморфизм осадочных пород»
		11	«Новые исследования г. Якубовича», «Новые наблюдения над размножением инфузорий»
		12	«Слух насекомых», «Количество кислорода в венной крови», «Понижение восточных берегов Америки»
1859	101	1	«О простых телах»
		2	«Речь Оуэна»
		3	«Произвольное зарождение», «Жизненный узел», «Способ определять удельный вес», «Новый род червей»
	102	4	«Ископаемые млекопитающие в Триасе», «Наносы Нила», «О Норвежских и Русских силурийских пластах», «Цеце».
		5	«Еще о простых телах»
		6	-
	103	7	-
		8	«Древность Австралии», Свойства льда»
		9	«Новое отправление последа», «Открытия Якубовича»
	104	10	«Значение гликогена при развитии зародыша», «Мнимые органы слуха»
		11	«Сохранение вида в низших отделах животного царства»
		12	«Сохранение вида в низших отделах животного царства» (окончание)
1860	105	1	«Появление человека на земле», «Открытие одной из планет, предсказанных Леверье»
		2	«Новая классификация холоднокровных позвоночных»

Год / Year	Часть / Part	Номер / Number	Названия статей / Titles of articles
		3	«Причина цветов», «Наклонение планетных орбит», «Развитие трихины», «Оживающие животные», «Вымершие животные, современные человеку»
	106	4	«Брожение», «Прививки костей», «Ублюдки», «Искусственное самосъедание», «Опыты над произвольным зарождением», «Различие в эквиваленте теплоты», «Пурпур древних»
		5	«Общий закон образования русла рек»
		6	-

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

ОБ АВТОРАХ:

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н. Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *masalov@bsu.edu.ru*

Чистякова Екатерина Юрьевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт логики, когнитологии и развития личности, проспект Мира, д. 70А, корпус (строение) 2, оф. 41, Москва, 129110, Россия; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books, Strakhov Scientific Library, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *masalov@bsu.edu.ru*

Ekaterina Yu. Chistyakova, PhD in Philosophy, Researcher, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, of. 41, bd. 2, 70A, Mira av., Moscow, 129110, Russian Federation; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

УДК 1 (091) **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-15**

Бондарев А. А.[1], Апатенко Д. В.[2]

А.Ф. Кони в русской философии права (некоторые размышления о книге А.Я. Кодинцева, Д.В. Рыбина и Н.Н. Штыковой «Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони», СПб.: Нестор-История, 2022. 336 с.)

[1] Белгородский федеральный аграрный научный центр Российской академии наук, ул. Октябрьская, д. 58, г. Белгород, 308001, Россия; *bondarev_aa@bsu.edu.ru*

[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;

Майская гимназия Белгородского района Белгородской области, ул. Кирова, д. 16а, г. п. Майский Белгородского района Белгородской области, 308503, Россия; *diana.apatenko@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализуются междисциплинарные аспекты русской философии права, представленные во вновь изданной монографии А.Я. Кодинцева, Д.В. Рыбина и Н.Н. Штыковой, посвященной гуманитарным аспектам наследия А.Ф. Кони. Показывается, что в монографии впервые в современной истории философии права комплексно представлено творческое наследие выдающегося русского правоведа Анатолия Фёдоровича Кони; комментируется структура и содержание важнейших частей монографии. Обосновывается вклад А.Ф. Кони в этико-философскую разработку проблем русского правоведения. Анализ вновь изданной книги позволяет, как полагают авторы статьи, наметить перспективы контекстуализации дальнейших исследований трудов А.Ф. Кони, герменевтической реконструкции его архива, в котором содержатся свидетельства об этико-философских, психологических и иных практических философских основаниях профессиональных и литературно-творческих инициатив российского юриста и мыслителя.

Ключевые слова: А.Ф. Кони; юриспруденция; этика; деонтология; гуманизм; философия; архив

Для цитирования: Бондарев А.А., Апатенко Д.В. А. Ф. Кони в русской философии права (некоторые размышления о книге А.Я. Кодинцева, Д.В. Рыбина и Н.Н. Штыковой «Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони», СПб.: Нестор-История, 2022. 336 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 194-200. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-15

A. A. Bondarev[1], D. V. Apatenko[2]

A. F. Koni in Russian philosophy of law (some reflections on the book by A. Ya. Kodintsev, D. V. Rybin and N. N. Shtykova (2022), *Humanitarian research of Anatoly Fedorovich Koni,* Nestor-Istoriya, St. Petersburg)

[1] Belgorod Federal Agricultural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 58 Oktyabrskaya St., Belgorod, 308001, Russia; *bondarev_aa@bsu.edu.ru*

[2] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;

Mayskaya Grammar School, Belgorod District, Belgorod Region, 16a Kirov St., Maysky, Belgorod district, Belgorod region, 308503, Russia; *diana.apatenko@mail.ru*

Abstract. The article actualizes the interdisciplinary aspects of the Russian philosophy of law, presented in the newly published monograph by A.Ya. Kodintsev, D.V. Rybin and N.N. Shtykova, devoted to the humanitarian aspects of A.F. Koni. It is shown that for the first time in the modern history of the philosophy of law, the monograph com-prehensively presents the creative heritage of the outstanding Russian legal scholar Anatoly Fedorovich Koni (the structure and content of the most important parts of the monograph are commented). The analysis of the newly published book allows, as the authors of the article believe, to outline the prospects for the contextualization of fur-ther studies of the works of A.F. Koni, a hermeneutic reconstruction of his archive, which contains evidence of the ethical-philosophical, psychological and other practical philosophical foundations of the professional and literary-creative initiatives of the Russian lawyer and thinker.

Key words: A. F. Koni; jurisprudence; ethics; deontology; humanism; philosophy; archive

For citation: Bondarev A. A., Apatenko D. V. (2023), “A.F. Koni in Russian philosophy of law (some reflections on the book by A.Ya. Kodintsev, D.V. Rybin and N.N. Shtykova (2022), *Humanitarian research of Anatoly Fedorovich Koni*, Nestor-Istoriya, St. Petersburg)”, *Research Result. Social Studies and Humanities,* 9 (1), 194-200, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-15

> Когда человеку, кем бы он ни был, пусть даже самым отъявленным злодеем (если только он вообще привык к применению разума), приводят примеры честности в намерениях, твердости в следовании добрым максимам, сочувствия и всеобщего благоволения (и к тому же связанных с отказом от многих выгод и удобств), то он не может не желать, чтобы [и сам] он был настроен поступать таким же образом.
>
> *И. Кант. Основы метафизики нравственности*

Вновь опубликованная обзорная монография является уникальным изданием, в котором впервые в современной истории философии права комплексно представлено творческое наследие выдающегося русского правоведа Анатолия Фёдоровича Кони (1844–1927). Являясь практикующим юристом, А.Ф. Кони никогда не действовал и не мыслил исключительно в рамках уже состоявшихся разборов событий преступлений; его правовое мышление было интенсивно гуманитарным (особенно сосредоточенным на нравственных аспектах правового поведения человека, или, иначе, его

этической определённости). Яркий оратор, ученый и публицист, чей охват интересов удивлял его современников и продолжает удивлять исследователей сегодня, Кони был прежде всего судьей редчайшего «понимающего» склада, умел мыслить различными нравственными кругозорами в строгой перспективе государственного законодательства. Взяв за нравственную основу необходимость личного примера для окружающих, он постоянно самосовершенствовался, пытаясь донести свое понимание практической философии (и прежде всего философии права) словом и делом, чему всячески способствовала деятельность на государственных должностях и широкая известность в судебной практике, что позволяло транслировать собственные идеи широкой аудитории, высказываясь и предлагая реформы различных аспектов общественной жизни. Именно поэтому весьма затруднительны сугубо дисциплинарные исследования трудов, жизни и деятельности А.Ф. Кони. Монография петербургского авторского коллектива[1] выполняет важную миссию по целостной (междисциплинарной) актуализации творческого наследия А.Ф. Кони.

Авторы книги прежде всего (и весьма успешно, на наш взгляд) решают непростую задачу: внести некоторую упорядочивающую ясность во все многообразие трудов А.Ф. Кони. В качестве основных структурных элементов систематической монографии предлагаются следующие: Гуманизм А.Ф. Кони (вместо введения); Раздел I. Историография и источниковедение трудов А.Ф. Кони; Раздел II. Этика. Деонтология. Философия права; Раздел III. Участие А.Ф. Кони в разрешении социально-психологических проблем общества; Раздел IV. Судебная экспертиза в трудах А.Ф. Кони; Раздел V. История. Этнография. Религиоведение в трудах А.Ф. Кони; Раздел VI. Уголовное право; Раздел VII. Уголовный процесс; Заключение; Приложения. Тем самым уточняется общий строй мышления А.Ф. Кони, гуманистический в его основании, и при этом отличающийся антропологической, социальной и профессиональной корректностью. Выбор этой структуры вполне оправдан содержательностью монографического труда.

Вводная часть монографии посвящена обзорной характеристике общественной и правовой деятельности Кони как гуманиста своей эпохи; при этом здесь нет поспешного проектного, идейно-обособляющего понимания гуманизма А.Ф. Кони. Такое понимание, по мысли авторов книги, едва ли возможно (Кодинцев, Рыбин, Штыкова, 2022: 5). Кони *мыслил* историческими идеями и контекстами, а *не создавал* их; поэтому в монографии предлагаются наброски касательно общих философских и историко-правовых предпосылок гуманизма А.Ф. Кони. Авторы предлагают представлять гуманизм Кони как открытый проект, принципиально далекий от доктринальной завершенности и ярко историчный в своих проявлениях.

В первом разделе авторами представлены результаты колоссальной работы с архивными материалами А.Ф. Кони (основная работа проводилась в архивах: ГАРФ, РО ИРЛИ, РО ИРЛИ РАН, РГИА, ЦГИА; авторами изучено 86 архивных единиц различных материалов, часть документов оцифрованы и представлены в приложении к монографии, опубликованные впервые);

[1] Кодинцев Александр Яковлевич, доктор юридических наук и кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ) (до мая 2015 года – Российская правовая академия (РПА) Минюста России); Рыбин Данил Вячеславович, кандидат исторических наук, директор Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России); Штыкова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, директор колледжа Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

был использован хронологический метод, который позволил выявить и систематически уточнить «волны» исследовательского интереса к трудам классика русского права. Тем самым, яснее стал виден масштаб лакун, которые современным исследователям его творчества и, шире, отечественной истории философии права предстоит устранять.

Второй раздел посвящен одной из самых значимых, но до сих пор остававшихся в исследовательской тени областей познавательного опыта А.Ф. Кони – его этике и деонтологии. А.Ф. Кони был нравственно ангажированным мыслителем; тем не менее, как показывают авторы монографии, научной общественности известны лишь несколько его трудов, в которых отчетливым образом дают о себе знать этические умонастроения российского судебного деятеля. Между тем, существует ряд трудов этико-ориентированного характера, которые не опубликованы и хранятся в архивах. Обращая внимание на общедоступные, уже опубликованные работы А.Ф. Кони, авторы уточняют смысловой состав архивных материалов, способствующих целостной реконструкции этико-философских его воззрений. Не может идти речи о воссоздании того, чего не было, концептуально автономной этики А.Ф. Кони (Кодинцев, Рыбин, Штыкова, 2022: 65). Однако авторы обращают внимание на высокий уровень этико-философской осведомленности А.Ф. Кони, описывая тот круг мыслителей и философов, работами которых был увлечен мыслитель. Среди «собеседников» выделяются И. Кант, Б. Спиноза Ж-Ж. Руссо, И. Фихте, Г. Спенсер и др. Несмотря на то, что этические идеи А.Ф. Кони чаще всего рассматриваются в контексте юриспруденции, авторы монографии достаточно подробно описали вклад А.Ф. Кони в этические основы медицины или врачебную этику. В деятельности врача А.Ф, Кони усматривал начала истинного человеколюбия, сильный нравственно-ориентированный потенциал.

Помимо этого, рассматриваются основы этики общественного устройства, литературной этики. Огромной утратой авторы признают не сохранившуюся в полной мере этику личного поведения А.Ф. Кони. Саму этику А.Ф. Кони авторы монографии характеризуют как практическую. Авторы рассматривают и описывают этические труды Кони, не упуская, в том числе, и лишь фрагментарно сохранившихся источников. Этические мотивы пронизывают большинство рассуждений и идей А.Ф. Кони, их исследование помогает в наиболее полной мере реконструировать наследие и вклад Кони в русскую философию права. Однако, несмотря на то, что монография носит обзорно-систематический характер, в некоторых аспектах хотелось бы видеть более глубокий анализ этико-ориентированных работ А.Ф. Кони с содержательной точки зрения, приведение цитат из архивных, неопубликованных материалов и их «встраивание» в общую картину этических воззрений мыслителя, установление их взаимосвязей с историческим этико-философским контекстом.

В третьем и четвертом разделах рассматриваются вопросы психологии и психиатрии. Как показывают авторы монографии, для Анатолия Фёдоровича интересны, прежде всего, практические аспекты этих двух наук и их использование при разрешении конкретных социальных ситуаций. С другой стороны, довольно убедительно показывается, что размышления над теми или иными проблемами общественной жизни часто приводят Кони к идее о связи психологии права и нравственности, что наводит на некоторые интеллектуальные параллели с другим выдающимся современником – создателем психологической школы права Львом Иосифовичем Петражицким (1867-1931), чьи идеи имели большое влияние в отечественной и зарубежной юриспруденции того времени (он считал что юриспруденцию нельзя рассматривать вне психосоциального контекста, внутри которого формируются нравственные и правовые нормы, которые необходимо изучать в том

числе и методами научной социологии (Петражицкий, 2000: 597)). Не случайно авторским коллективом упоминается большое количество различных социологических данных, прямо или косвенно собранных и проанализированных А.Ф. Кони в его многочисленных докладах, посвященных, в частности, проблемам пьянства, суицидов и проституции в Российской империи, что подтверждает большой интерес Кони к социологической методологии – в попытках выяснить внешние и внутренние причины упадка нравов, которые (как и в случае Петражицкого) понимаются как обусловленные социальными нормами. Впрочем, в отличие от Льва Иосифовича, практические установки Кони склоняют его видеть в психологизме лишь инструмент для юридической практики, нежели основание для выстраивания некоей общей теории права.

Примечателен пятый раздел книги, в котором предстает и анализируется одна из самых неизученных сторон творческой биографии юриста – как инициативного социального антрополога, знатока архетипических форм городской культуры. Публикуемые авторами архивные материалы позволяют узнать о его опытах исследований религиозных феноменов городской жизни, что оказывается неожиданно близко концептуальным размышлениям о «городах и духовной жизни» немецкого философа и социолога, младшего современника Кони, Георга Зиммеля (1858-1918) (Зиммель, 2018: 1) и вполне перекликается с тем интересом к городу, который давал себя знать в новоевропейской интеллектуальной культуре, от трудов А. Смита до антропологически подробных романов О. де Бальзака, В. Гюго, Ч. Диккенса, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Э. Золя, или этнографических наблюдений В.А. Гиляровского, символизаций А. Белого и др. Для А.Ф. Кони, как выясняется, «город есть состояние многогранное» (Кодинцев, Рыбин, Штыкова, 2022: 264), требующее некоторого целостного, междисциплинарного подхода; и в монографии намечаются эпистемологические контуры такого новаторского антропологического холизма А.Ф. Кони. В этом же разделе показывается также новаторство Кони по отношению к вопросу о старообрядчестве – в контексте существовавшей правоприменительной практики, установки которой тогда были достаточно консервативны. Правовая оценка действий старообрядцев предполагала их отнесение к представителям христианских сект, что, по мысли Кони, является помехой для объективной оценки доказательств в судебном процессе, и, во всяком случае, нуждается в более детальном понимании социально-религиозных смыслов старого обряда.

При обстоятельном анализе религиозной жизни общества для ученого становится все более очевидной ситуация глубокого духовно-нравственного кризиса, ярким представителем которого он считает графа Л.Н. Толстого и его учение. Безусловным достоинством книги А.Я. Кодинцева, Д.В. Рыбина и Н.Н. Штыковой является публикация рукописи А.Ф. Кони «Нравственная сила православия и свобода совести», где содержится подробная сравнительная социально-антропологическая характеристика русской православной традиции (в соотношении с католичеством и другими христианскими конфессиями). Указывая на долгую историческую вовлеченность православного духовенства в различные социальные аспекты русской действительности, А.Ф. Кони тревожится насчет затемнения базовых нравственных ориентиров православного христианства массовым чиноисполнительством и обезличиванием, омассовлением религиозного чувства православных христиан. Православие, по убеждению А.Ф. Кони, может иметь успех в борьбе против «нравственного бессилия» (Кодинцев, Рыбин, Штыкова, 2022: 266) общества, если будет отброшено лицемерие, нравственная безмятежность и беспечность немалого числа пастырей в общении со своей духовной паствой. Для этого необходима, в числе прочего, и реформа по

улучшению духовного образования, которая позволит крепче усвоить и адаптировать незыблемые вероучительные начала православия к современному состоянию общественной жизни, избыть догматически корректным образом распространившееся профанное понимание Православия как надличностной или государственной религии. Тесная связь с государственными институтами играет двоякую роль для церкви: с одной стороны, церковь укреплена авторитетом власти, с другой же – глубокая интеграция в государственный механизм принятия решений мешает ей гибко реагировать на изменения в религиозной жизни народа.

Несмотря на то, что уголовное право и процесс играли огромную роль в юридической карьере А.Ф. Кони, его значительный профессиональный вклад и известность, приобретенную в ходе работы на различных должностях, имеющих отношение к уголовно-правовой сфере деятельности, многие материалы, накопившиеся за годы его службы, оказались на грани забвения. Отмечая этот парадокс, авторы монографии вполне основательно намечают перспективы его разрешения. В разделах пятом и шестом монографии систематически уточняются основные направления деятельности выдающегося юриста и его практически разносторонний, глубокий интерес к различным вопросам уголовных правоотношений на всем протяжении его профессиональной жизни – от университетской скамьи до активного участия в реформировании законодательной базы. Большой заслугой монографии является систематический анализ множества идей и интересов Кони, которые формировались у него в контексте работы прокурором, судьей и законодателем, что во многом предопределило тематику его работ и, собственно, служебный интерес ко многим областям знаний, «трансцендентальным» понятиям философии права.

На протяжении всей книги А.Я. Кодинцев, Д.В. Рыбин и Н.Н. Штыкова показывают и обосновывают тесную взаимосвязь между исследованиями Александром Федоровичем проблем нравственности, психологии, психиатрии и уголовно-процессуальной областью, где высокие познавательные смыслы приходят в некоторое напряженное отношение с реальностью, жизненной практикой. Все это, по мысли А.Ф. Кони, ведет к периодической переориентации принципов уголовного судопроизводства между двумя крайностями, выражающимися либо в слишком поспешном принятии новых юридических категорий, например, в судебно-психиатрической экспертизе (Кодинцев, Рыбин, Штыкова, 2022: 121-122), либо в угнетении человека «безжизненными уголовными формулами» (Кони, 2000: 192) без оглядки на изменения общественной жизни. Как практикующий судья, А.Ф. Кони тонко чувствовал изменения, которые необходимо внести в правоприменительную практику судов уголовной системы; прекрасно понимая остроту этой темы для широкой общественности, он предпочел выступать с инициативами реформ «сверху», чем дожидаться стихийных изменений «снизу». В монографии широко представлен спектр инициатив, с которыми выступал А.Ф. Кони, предлагая внести изменения в действующее уголовное законодательство.

Книга, только что увидевшая свет, является, без сомнения, значительным событием для современной истории русского права. И дело не только в том, что введен в научный оборот значительный массив архивных материалов, большая часть которых становится впервые доступна для широкой публики. Обладавший обширными познаниями, энциклопедически обстоятельным и философски активным складом ума, А.Ф. Кони во многом предвосхитил те герменевтические направления научно-философского поиска, которые только еще развиваются в современной философии права, юридической антропологии и юридической герменевтике. Дар понимания и ответственного судебного красноречия, ко-

торым блистал А.Ф. Кони в своих выступлениях, все более обнаруживает свою герменевтико-диалогическую обоснованность. Продуктивный интеллектуальный диалог, который вел А.Ф. Кони со многими выдающимися современниками (попутно выполняя важную задачу нравственно-правового просвещения), никоим образом нельзя назвать познавательно поверхностным или тривиальным. На наш взгляд, выход в свет монографии, нацеленной на целостное, гуманитарное понимание наследия А.Ф. Кони, в равной степени окажется полезным как для систематической (и давно уже назревшей) разработки глубинных оснований правового мышления Александра Фёдоровича, так и станет вкладом в разработку новых, актуальных методологий в области истории философии права.

Источники

Кодинцев, А.Я., Рыбин, Д.В., Штыкова, Н.Н. Гуманитарные исследования Анатолия Фёдоровича Кони: монография / науч. ред. А.Я. Кодинцев. СПб.: Нестор-История, 2022. 336 с.

Литература

Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.

Кони, А.Ф. Избранные труды и речи / сост.: Потапчук И.В. Тула: Автограф, 2000. 640 с.

Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 608 с.

Sources

Kodintsev, A. Ya., Rybin, D. V. and Shtykova, N. N. (2022), *Gumanitarnye issledovaniya Anatoliya Fedorovicha Koni: monografiya* [Humanitarian researches of Anatoly Fedorovich Koni], in Kodintsev, A. Ya. (ed.), Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

References

Simmel, G. (2018), *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [The big cities and intellectual life], Strelka Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Koni, A. F. (2000), *Izbrannye Trudy i rechi* [Selected works and speeches], Avtograf, Tula, Russia (in Russ.).

Petrazhitsky, L. I. (2000), *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nravstvennosti*. [The theory of law and state in connection with the theory of morality], Publishing house "Lan", St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Бондарев Артём Александрович, магистр юриспруденции, юрисконсульт отдела закупок, ФГБНУ «Белгородский федеральный аграрный научный центр РАН», ул. Октябрьская, д. 58, г. Белгород, 308001, Россия; *bondarev_aa@bsu.edu.ru.*

Апатенко Диана Валерьевна, магистрант кафедры философии и теологии, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; тьютор МОУ «Майская гимназия Белгородского района Белгородской области», ул. Кирова, д. 16а, г. п. Майский, Белгородский р-он, Белгородская обл., 308503, Россия; *diana.apatenko@mail.ru.*

ABOUT THE AUTHORS:

Artem A. Bondarev, Master of Laws, Legal Advisor, Department of Procurement, Belgorod Federal Agricultural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 58 Oktyabrskaya St., Belgorod, 308001, Russia; *bondarev_aa@bsu.edu.ru*

Diana V. Apatenko, Master Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; Tutor in Mayskaya Grammar School, Belgorod District, Belgorod Region, 16a Kirov St., Maisky, Belgorod district, Belgorod region, 308503, Russia; *diana.apatenko@mail.ru*

УДК 111.85 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-16**

Борисов С. Н.[1], Дроботова Н. А.[2]

Как никогда новая наука политики Э. Фёгелина (рецензия на книгу Э. Фёгелин. Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.)

[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *borisov_sn@bsu.edu.ru*
[2]Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1034387@bsu.edu.ru*

Аннотация. В рецензии на главный теоретический труд Э. Фёгелина «Новая наука политики», впервые вышедший в полном русском переводе в 2021 году, авторы стремятся не просто дополнить ряд уже опубликованных рецензий и комментариев на книгу, но увидеть и показать ее новейшую актуальность в контексте самых последних событий глобальной политики, в которых можно усмотреть столкновение типов истины – теоретической и экзистенциальной, трансцендентной и эмпирической, научной и религиозной.

Ключевые слова: Э. Фёгелин; политика; знание; модерн; власть; религия

Для цитирования: Борисов С.Н., Дроботова Н.А. Как никогда новая наука политики Э. Фёгелина (рецензия на книгу Э. Фёгелин. Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 201-206. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-16

S. N. Borisov[1], N. A. Drobotova[2]

As never before E. Voegelin's New Science of Politics (review of the book by Eric Voegelin (2021) *The New Science of Politics. Introduction*, Vladimir Dal, St. Petersburg.)

[1]Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *borisov_sn@bsu.edu.ru*
[2]Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *1034387@bsu.edu.ru*

Abstract. In a review of the main theoretical work of E. Voegelin, The New Science of Politics, which was first published in full Russian translation in 2021, the authors seek not only to supplement a number of already published reviews and comments on the book, but to show its latest relevance. In the context of the most recent events in global politics, one can see a clash of types of truth – theoretical and existential, transcendent and empirical, scientific and religious.

Key words: E. Voegelin; policy; knowledge; modern; power; religion

For citation: Borisov S. N., Drobotova N. A. (2023), "As never before E. Voegelin's New Science of Politics (review of the book by Eric Voegelin (2021) *The New Science of Politics. Introduction,* Vladimir Dal, St. Petersburg.)", *Research Result. Social Studies and Humanities,* 9 (1), 201-206, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-16

Вышедшую в свет в 1952 году работу Эрика Фёгелина «Новая наука политики. Введение» сложно было назвать новой в 2021 году, когда состоялось ее издание на русском. Дискуссия Фёгелина с Ханной Арендт, Гансом Кельзеном и Лео Штраусом, развернувшаяся по выходе книги, также оставила открытым вопрос о ее новизне; в частности, Кельзен писал об «очень старой науке» политики уже в 1953 году (Kelsen, 2004). И тем не менее, в русском переводе 2021 года автор назван «одним из самых глубоких и оригинальных политических философов XX века» (Прокопенко, 2021: 5). Мы предлагаем сформулировать вопрос о новизне идей «Новой науки политики», а значит, об их значимости сегодня, допуская, что новизна состоит не в одновременности идей и их рефлексии, а в их значимости для открытия истины о мире здесь и сейчас.

При такой установке нужно отдавать отчет в том, что она может не коррелировать с популярностью. По крайней мере, Э. Фёгелина нельзя назвать хорошо известным русскоязычному читателю. Из многотомного наследия первый перевод состоялся в 1973 году. Это была работа «О Гегеле (исследование чародейства)» в переводе Н.А. Твердохлебова. Вторым стал в 1997 году в серии «Антология мировой политической мысли» в переводе К. Аршина небольшой текст «Политическая теория и паттерн всеобщей истории». Следующий перевод К. Колкуновой рецензии Э. Фёгелина на работу Л. Штрауса «О тирании». В.В. Прокопенко в подробном обзоре библиографии Фёгелина упоминает также несколько фрагментов различных работ на русском языке, которыми русские переводы и ограничиваются (Прокопенко, 2021: 12-13).

Выраженную некоторыми авторами надежду на рост известности Фёгелина после издания «Новой науки политики» можно назвать оправданной лишь отчасти, поскольку отзывы на нее, по большей части, ограничиваются несколькими рецензиями, например, А. Павлова (Павлов, 2021) или В.В. Прокопенко и В.М. Камнева (Прокопенко, Камнев, 2021). Среди других публикаций, также немногочисленных, стоит упомянуть статьи А. Чернявской и Д. Маштакова (Чернявская, Маштаков 2015), Н.Ф. Жирнова (Жирнов, 2014), Т.А. Дмитриева (Дмитриев, 2022).

Позволим себе предположить, что новизна идей Фёгелина не была актуализирована «… внезапным крушением государственного социализма в Восточной Германии, Восточной Европе и Советском Союзе в конце 1980-х - начале 1990-х годов» (Чернявская, Маштаков, 2015: 182), по крайней мере, для российского читателя и отечественной мысли. И «критика новых левых и сложившаяся определенность в интерпретации модерна» (Чернявская, Маштаков, 2015: 182), так же, как и идеи реинтерпретации политической философии через идеи теологии, не стали актуальны. Добавим, сделав еще одно предположение, что это продолжалось до момента не просто переосмысления модерна, а вплоть до современной ситуации столкновения с определенной версией модерна.

Рассматриваемые в таком ракурсе идеи Э. Фёгелина приобретают актуальную новизну только сейчас, поскольку им совершенно определенно называется точка пересечения исторического движения России, современности или модерности, а также борьбы с Западом. Это письмо монаха Филофея дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину и Василию III. Мы приведем значительно меньшую ци-

тату из этого письма, чем это сделал Фёгелин, а именно, напомним достаточно известную фразу: «Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» (Послания старца Филофея, 1997). Фёгелину она нужна для обоснования своей теории представительства. Но если рассматривать обращение к этой идее о Москве – третьем Риме как отправную точку анализа, обострить ее, исходя из современной борьбы за современность (А. Чадаев), то «Новая наука политики» становится именно новой.

Идеологема Москвы как третьего Рима, по Фёгелину, иллюстрирует две модели представительства власти, а также идею борьбы Запада и России, прежде всего, борьбы за трактовку мира. Этот второй аспект для Фёгелина перифериен. Важнее очертить диспозицию сложного комплекса идей представительства: «Трансцендентально Россия отличалась от всех западных наций как имперская представительница христианской истины, и посредством социальной реартикуляции, из которой возник царь как экзистенциальный представитель институтов по образцу западных национальных государств» (Фёгелин, 2021: 252). И далее Фёгелин приводит слова Наполеона о наличии в мире только двух наций, России и Запада.

Для Фёгелина движение от политической мысли от Античности до современности, попавшее в ловушку сциентизма, увлеченности опытным знанием под влиянием гностицизма, ведет к очевидности кризиса самого политического знания. Интерпретация его идей исходя из противостояния России и Запада как двух моделей мира и мировосприятия, разных конфигураций представительства власти и ее организации, ставит на первое место в теории Фёгелина не историю идей, а методологию. Последняя в тезисном изложении достаточно проста. Человек в своем историческом бытии, организованном и упорядоченном, не ждет внешнего теоретического осмысления, а интерпретирует себя посредством выработки системы символов. Символизация, с одной стороны, позволяет людям осознать себя как целое, с другой стороны, осмыслить существующий опыт множества людей (Фёгелин, 2021: 110-113). Это соединение общего и частного, их примирение в мире символической реальности длится и составляет историческое самопонимание, которое предшествует теоретической рефлексии.

При этом общество всегда есть политическое общество, поскольку являет собой «космион» как нечто упорядоченное и находящееся внутри себя в отношениях зависимости и подчиненности. Соответственно, общества имеют определенную структуру власти, «которая позволяла бы его определенным членам – властелину, правительству, государю, суверену, магистрату и т. п. согласно характерной для каждой эпохи терминологии – рассчитывать на привычное подчинение своим распорядительным актам. А эти акты должны служить экзистенциальным потребностям общества, таким как защита королевства и отправление правосудия…» (Фёгелин, 2021: 126). Исторический процесс существования систем организации и порядка Фёгелин называет артикуляцией общества. Артикуляция приводит к появлению людей, которые способны «действовать от имени общества, и действия этих людей вменяются не персонально им, но обществу в целом…» (Фёгелин, 2021: 126). То есть, представительство основано на принятии обществом действий конкретного лица как общих действий.

Историческим примером такой артикуляции является власть короля, что находит отражение в удачной аналогии человеческой телесности (Канторович, 2015). Дальнейшая динамика артикуляции ведет через рост представительности к представлению каждого в едином сообществе под

названием народ: «…по мере того как артикуляция распространяется по всему обществу, его представитель также подвергнется расширению, пока не достигнет предела, когда состав общества будет артикулирован вплоть до последнего индивидуума, и, соответственно, общество станет представлять само себя» (Фёгелин, 2021: 131). Отметим, что представлять совершенно определенным образом, устанавливая исторически конкретные отношения представительства, которые наряду с экзистенциальными, укоренными в непосредственной жизнедеятельности, могут иметь также теоретические основания.

Фёгелин по этому поводу пишет, что следует различать истину экзистенциальную и теоретическую: «…понадобится провести различие между тем вариантом, когда общество представлено его артикулированными представителями, и тем, когда само общество становится представителем чего-то, находящегося за его пределами: трансцендентальной реальности» (Фёгелин, 2021: 153). Примеров такого представительства чрезвычайно много, и исторически первыми для Фёгелина являются древние империи, от китайских до европейских. Все они основаны на идее власти как поддержании порядка, установленного некоторой божественной сущностью. Диспозиция артикуляции существенно усложняется с возникновением христианства, которое дополняет типологию истины ее «сотериологическим вариантом». Собственно, этот тип истины, чрезвычайно сложный, основанный на ожидании спасения и вечной жизни, приводит к феномену секуляризации и развитию сциентизма, трактуемого как тупиковое увлечение опытным знанием.

Отметим, что в оценке секуляризации как феномена, зародившегося в самом христианстве, Фёгелин не одинок. Ч. Тейлор также трактует секуляризацию как сдвиг в самом христианстве (Тейлор, 2017). И если христианство постепенно «сжимало» само себя, освобождая сферы жизнедеятельности, то они наполнялись в том числе под влиянием желания не только верить, но также знать. Сначала знать о возможности спасения, после узнавать его в явлениях мира, пока сам этот мир не вышел на первый план. Гностицизм в этой истории артикуляции стал формой конвертации сложного религиозного опыта в опыт более простой и зримый: «Гностические идеи одержали победу над неуверенностью веры, покинув трансцендентность и наделив человека и его чисто земное поле деятельности смыслом эсхатологического осуществления… Сверхъестественная (spiritual) сила души, которая в христианстве направлялась на освящение жизни, теперь могла прилагаться к более привлекательному, понятному и прежде всего гораздо более легкому созиданию земного рая» (Фёгелин, 2021: 272).

Развивая эту идею далее, Фёгелин выводит из установки гностицизма эмпиризм, который скрывает свое собственное религиозное основание в опыте, и опыте религиозном. Отметим еще раз, что в силу своей сложности изначальный «проект» представительства, основанный на религиозном опыте, потерпел неудачу, по крайней мере, в эпоху модерна и господства сциентизма. В главе «Конец модерна» Фёгелин пишет, что сциентизм не утратил своей экспансивности и вестернизация еще далека от завершения. Это также можно прочесть в контексте современного противостояния. Борьба за современность продолжается, и Фёгелин также указывает на возможность, скрытую и подавляемую альтернативу, которая основана на неустранимости трансцендентности как таковой: «Закрытие души в современном гностицизме способно подавить как истину души, так и опыты, манифестирующие себя в философии и христианстве, но не в силах устранить душу и ее трансцендентность из структуры реальности» (Фёгелин, 2021: 324). Фёгелин в последующем вопросе о том, что будет итогом подавления, осторожно относится к прогнозу, но предрекает войну. По прошествии семидесяти лет мы можем говорить не только об актуальности его идей, но и точности прогноза. «Гностическая политика» привела к

войне; остается ожидать ее конца и победы традиции – с той существенной оговоркой, что надежда Фёгелина на традицию западную себя исчерпала.

Источники

Фёгелин, Э. Новая наука политики. Введение / пер. с англ. Н.М. Селивёрстова. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 327 с.

Литература

Дмитриев, Т.А. Эрик Фёгелин – критик «гностического» социализма Карла Маркса // Социология власти. 2022. Т. 34. № 2. С. 162-180. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-2-162-180

Жирнов, Н.Ф. Идеи консерватизма в работах Э. Берка, Э. Фегелина и К. Шмитта // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 3. С. 123-127.

Канторович, Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. Изд. 2-ое, испр. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 744 с.

Павлов, А. Семидесятилетняя “Новая наука политики” // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 244-261. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-244-261

Послания старца Филофея / подг. текста, пер. и ком. В.В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 9: Конец XV – первая половина XVI века // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-9/17#sel=27:61,27:98 (дата обращения: 20.01.2023).

Прокопенко, В.В. Эрик Фёгелин и его манифест новой политической науки // Фёгелин, Э. Новая наука политики. Введение. СПб.: «Владимир Даль», 2021. С. 5-66.

Прокопенко, В.В., Камнев, В.М. Проект ретеоретизации политической философии в «Новой науке политики» Э. Фёгелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 623-634. https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.404

Тейлор, Ч. Секулярный век / пер. с англ. А. Васильев, Л. Колкер, А. Лукьянов. М.: ББИ, 2017. 967 с.

Чадаев, А. Что такое современность, почем туда билеты, почему нас оттуда выгнали и можно ли ее импортозаместить [Электронный ресурс]. URL: https://chadayev.ru/publications/2022/07/12/chto-takoe-sovremennost-pochyom-tuda-bilety-pochemu-nas-ottuda-vygnali-i-mozhno-li-eyo-importozamestit/

Чернявская, А., Маштаков, Д. Бытие «между»: Пролегомены к политической теории Эрика Фёгелина // Логос. 2015. Т. 25, № 6(108). С. 180-195.

Kelsen, H.A. A New Science of Politics: Hans Kelsen’s Reply to Eric Voegelin’s “New Science of Politics”. A Contribution to the Critique of Ideology / ed. by Eckhart Arnold., Frankfurt – Lancaster: Ontos Verlag, 2004. 135 p.

Sources

Voegelin, E. (2021), *Novaya nauka politiki. Vvedenie* [The New Science of Politics. Introduction], Vladimir Dal’, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

References

Chadaev, A. (2022) *Chto takoe sovremennost', pochjom tuda bilety, pochemu nas ottuda vygnali i mozhno li ejo importozamestit'* [What is modernity, how much are tickets there, why were we kicked out of there and whether it is possible to replace its import] [Online], available at: https://chadayev.ru/publications/2022/07/12/chto-takoe-sovremennost-pochyom-tuda-bilety-pochemu-nas-ottuda-vygnali-i-mozhno-li-eyo-importozamestit/ (Accessed 20 January 2023) (in Russ.).

Chernyavskaya, A. and Mashtakov, D. (2015), “Being ‘in Between’: Prolegomena to Eric Voegelin’s Political Theory”, *Logos*, 25(6(108)). 180-195 (in Russ.).

Dmitriev, T. A. (2022), “Eric Voegelin – A Critic of Karl Marx's "Gnostic Socialism"”, *Sociology of Power*, 34(2), 162-180, doi: 10.22394/2074-0492-2022-2-162-180 (in Russ.).

Kantorowicz, E. H. (2015*), Dva tela korolya* [The King’s Two Bodies – A Study in Mediaeval Political Theology], Translated by Boytsov, M.A. and Seregina A.Yu., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Kelsen, H. (2004), *A new science of politics: Hans Kelsen’s reply to Erik Voegelin’s “New science of politics” A Contribution to the Critique of Ideology*, in Arnold E. (ed.), Ontos Verlag, Frankfurt – Lancaster (in Germ.).

Kolesov, V. V. (ed.) (1997), “Elder Philotheus' Messages” in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], Nauka, Sankt-Peterburg [Online], available at:

https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-9/17#sel=27:61,27:98 (Accessed 20 January 2023) (in Russ.).

Pavlov, A. (2021), "The 70-Year-Old *The New Science of Politics*", *Russian Sociological Review*, 20(1), 244-261, doi: 10.17323/1728-192x-2021-1-244-261 (in Russ.).

Prokopenko, V. V. (2021), "Erik Voegelin and his manifesto for a new political science", in Voegelin, E. *Novaya nauka politiki. Vvedenie* [The New Science of Politics. Introduction], Vladimir Dal', St. Petersburg, 5-66 (in Russ.).

Prokopenko, V. V. and Kamnev, V. M. (2021), "The project of retheoretization of political philosophy in E. Voegelin`s *A New Science of Politics", Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 37(4), 623-634, https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.404 (in Russ.).

Taylor, Ch. (2017), *Sekulyarnyy vek* [A Secular Age], Transl. by Vasiliev, A., Kolker, L. and Lukyanov, A., Izdatel'stvo BBI, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhirnov, N. F. (2014), Ideas of conservatism in works of E. Burke, E. Voegelin and K. Schmitt], *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 3, 123-127 (in Russ.).

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

ОБ АВТОРАХ

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *borisov_sn@bsu.edu.ru*

Дроботова Наталья Андреевна, аспирант кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1034387@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *borisov_sn@bsu.edu.ru*

Natalya A. Drobotova, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *1034387@bsu.edu.ru*

УДК 316.728 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-17**

Мальцева Н. Н.[1], Новак М. В.[2]

Медиаграмотность, безопасность и социализация личности в цифровом пространстве: обзор отечественной и зарубежной аналитики

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *maltseva@bsu.edu.ru*
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *novak_m@bsu.edu.ru*

Аннотация. Статья представляет собой обзор научных источников, в которых рассматриваются образовательные процессы, связанные с переходом современного социума в цифровую эпоху. Развитие информационных технологий изменяет условия межличностного и межкультурного взаимодействия практически во всех сферах жизни общества. Отечественные исследователи отмечают, что для успешной социализации личности необходимо: включение в программы школьного и вузовского образования материала, требуемого для информационной безопасности в цифровую эпоху; создание технической базы для перевода системы образования в дистанционный формат; расширение содержания методических дисциплин педагогических специальностей с учетом разработки методик перевода традиционных методов обучения в цифровой формат; формирование юридической грамотности молодого поколения. Зарубежные исследователи концентрируют внимание вокруг вопросов «расширенного познания», самомотивации индивида в вопросах становления цифровой грамотности.

Ключевые слова: личность; социализация; цифровизация; коммуникация; информационные технологии

Для цитирования: Мальцева Н.Н., Новак М. В. Медиаграмотность, безопасность и социализация личности в цифровом пространстве: обзор отечественной и зарубежной аналитики // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 207-212. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-17

N. N. Maltseva[1], M. V. Novak [2]

Media literacy, security and socialization of the individual in the digital space: overview analytics

[1] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *maltseva@bsu.edu.ru*
[2] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *novak_m@bsu.edu.ru*

Abstract. The article is a review of scientific sources that discuss the educational processes associated with the transition of modern society to the digital age. The development of information technologies is changing the conditions of interpersonal and intercultural interaction in almost all spheres of society. Domestic researchers note that

for the successful socialization of an individual, it is necessary: to include in the programs of school and university education the material necessary for information security in the digital age; to create a technical base for the transfer of the education system to a distance format; expansion of the content of methodological disciplines of pedagogical specialties, taking into account the development of methods for translating traditional teaching methods into digital format; formation of legal literacy of the younger generation. Foreign researchers focus on the issues of "expanded cognition", self-motivation of the individual in the formation of digital literacy.

Keywords: personality; socialization; digitalization; communication; information technologies

For citation: Maltseva N. N., Novak M. V. (2023), “Media literacy, security and socialization of the individual in the digital space: overview analytics”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 207-212, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-17

Современное общество столкнулось с совершенно новой проблемой, связанной с развитием информационных технологий, которые повлияли не столько на биологическую составляющую человека, сколько на социальную. Оказался затронут важнейший механизм развития личности – социализация индивида.

Пожалуй, в каждый исторический период человечество нуждалось в новых технологиях и прогрессе ради своего выживания. В то же время, парадоксально, но прогресс сам по себе рождает и риск. В XXI веке нам даны не только новые возможности, но и новые риски, конфликтные ситуации, которые отрицательно сказываются на здоровье и эмоциональной устойчивости людей, их моральном и финансовом благополучии. Большое влияние на эту проблему оказала пандемия короновируса, вызвавшая в разных странах необходимость введения так называемых «локдаунов». Очевидно, что с ограничением общения пострадала и возможность социализации личности для многих групп населения, то есть «усвоение и активное воспроизводство индивидом социокультурного опыта (социальных норм, ценностей, образцов поведения, ролей, установок, обычаев, культурной традиции, коллективных представлений и верований и т. д.)» (Васильева, 2019: 90). Теперь она происходит в совершенно иных условиях, чем 15-20 лет назад. Тем не менее, социализация личности возможна и через интернет-пространство, социальные сети, использование «умных технологий». Так, например, у человека с ограниченными возможностями здоровья может не быть никакой другой возможности расширить свой круг общения и получить ценный жизненный опыт. И даже если человек ведет привычный образ жизни, все же «личность проходит все стадии социализации в интернете, взаимодействуя со своими ровесниками, вступая в различные группы, общаясь, обмениваясь информацией» (Лескова, Юдина, Киселева, Ушаков, 2020: 3). Таким образом, появилось новое пространство, в котором эту социализацию можно пройти (не всегда поэтапно, последовательно), но ответственность за нее не будет нести никто (в отличие от института семьи, школы и пр.). Недаром специалисты говорят о необходимости повышения информационной грамотности населения, что должно обеспечивать связанную с ней информационную безопасность.

Все вышесказанное обусловливает необходимость философско-культурологического анализа данной ситуации, но прежде всего необходим обзор научных источников, посвященных этой проблеме.

Многие русскоязычные источники концентрируют внимание читателя вокруг проблемы медиаграмотности и проблем обучения в целом в меняющемся мире.

Например, П.С. Катляр считает, что медиаграмотность – необходимое условие становления информационной культуры человека (Катляр, 2017: 31). В.К. Шайдуллина высказывает мнение, что необходимо не только полагаться на передачу теоретических знаний, но и искать возможности усовершенствования моделей и методов обучения (Шайдуллина, 2021: 130). Конечно, затрагивается и тема создания технической базы для перевода системы образования в дистанционный формат. Этому вопросу посвящена одна из работ Д.В. Лучанинова, который проводил исследование, касающееся возможности применения в целях обучения самых разных программных инструментов – от презентаций Power Point до тестов GIFT (Лучанинов, 2014: 30). Несмотря на то что вышеуказанное исследование проводилось, подразумевая систему высшего образования, его результаты с таким же успехом могут быть применены и для школьников. Е.Г. Артамонова акцентирует внимание на рисках утраты здоровья, в том числе психического, обусловленных поглощением подростками контента с сомнительным содержанием (Артамонова, 2017: 29).

Другие исследователи обращают внимание на проблему юридической грамотности, а значит, и безопасности в цифровом пространстве. Справедливо предполагается, что чем более высок будет уровень такой грамотности, тем более интенсивно индивид будет погружаться в цифровую среду. Существуют следующие аспекты данной проблемы: целесообразность цифровизации и самого права (Петрова, Кулакова, 2021: 175), повышение открытости государственного управления (Овчинников, 2019: 158), проблема формирования преступного сообщества в виртуальном пространстве, интегрирующего «классические» преступления и новые способы их совершения (Бегларян, Войтова-Долгих, Одинцов, 2020: 11).

Многие исследования посвящены характеристикам личности человека, вовлеченного в интернет-активность, – ребенка, подростка, взрослого. Нас интересуют такие качества, которые бы коррелировали с возможностью успешного общения между людьми, а следовательно, касающиеся возможной социализации. Исследование, проведенное группой крымских коллег, показало, что цифровое пространство может оказывать как негативное, так и положительное влияние на формирование когнитивных процессов. Подростки с высокой интернет-активностью выбирают импульсивные, манипулятивные и агрессивные действия в качестве стратегий для того, чтобы справиться с задачей, реже они выбирают такие, как поиск социальной поддержки и предусмотрительные шаги (Luchinkina, Zhikhareva, Yudeeva, Luchinkina, 2020: 15005).

М. Фаликман пишет о том, что цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью нашей когнитивной системы, и, ссылаясь на А. Кларка и Д. Чалмерса (Clark, Chalmers, 1998: 7-19), говорит о том, что в философии это называется «расширенное познание». Становится очевидно, что «расширение» выходит далеко за пределы самого инструмента (устройства или приложения) и без него недоступно. Другими словами, такие инструменты обеспечивают расширенный доступ к познанию, а не просто поддержку процесса познания. Как следствие, границы между собственной когнитивной системой и техническим устройством стираются, нет четкого понимания, где, например, заканчивается память человека и начинается распределенная всемирная паутина памяти (Falikman, 2021).

В целом, многими авторами признается как возможность повышения медиаграмотности населения, так и положительная оценка результатов такого процесса для новых возможностей социализации. Однако не стоит забывать и о проблеме подготовки педагогических кадров, способных пользоваться новыми образовательными платформами, иначе возникает уже проблема профессиональной социализации.

Цифровая грамотность может быть совершенно различной и основываться на

разных факторах. Д.К. Гомес пишет о том, что исследование, проведенное посредством интервьюирования тридцати молодых жителей Мадрида, позволило выявить типологию четырех идеальных форм цифровой грамотности: «неосознанная грамотность, самомотивированная грамотность, профессиональная грамотность и социальная поддержка. Для достижения цифровой интеграции самомотивация к использованию цифровых технологий обязательна, но и социальные практики, академическая и профессиональная грамотность могут работать как вторичный процесс социализации, который усиливает близость субъектов к ИКТ. Тем не менее, эффект социальной поддержки двойственен: она могла бы способствовать цифровой интеграции среди людей, которые уже проявляют интерес к цифровым технологиям, но это также может привести к динамике самоисключения среди людей, которые не уверены в своих цифровых компетенциях или не заинтересованы в ИКТ» (Gomez, 2020: 222).

В целом данная работа согласуется с мнением других исследователей, которые также выделяют большую роль самомотивации и самообразования в процессе социализации человека в цифровом пространстве.

Исследования, проведенные в семьях, показывают, что использование мобильных телефонов и планшетов опосредованно служит социализации, поскольку является средством контакта между ребенком и родителем. Они могут функционировать как способ привлечь родительское внимание и обрести близость, поскольку все члены семьи испытывают тягу к использованию гаджетов. На родителей как на носителей знаний и опыта возлагается ответственность за социализацию детей, но никто не в состоянии контролировать и ограничивать использование родителями средств массовой информации и коммуникационных технологий. Дети пытаются прервать своих родителей, используя устройства, потому что они хотят внимания (Mantere and Raudaskoski, 2015: 205-226; Mantere, 2014). Очевидно, что с постфигуративной культурой детства в современном обществе развивается и кофигуративная и префигуративная (следуя классификации М. Мид). Именно цифровые технологии открывают возможности для социализации посредством использования опыта трех поколений.

Ключевой статьей для понимания рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, может служить исследование вхождения и социализации в виртуальных группах новичков через коммуникацию с более опытными представителями группы. После трехмесячного наблюдения стало понятно, что новички занимаются поиском информации, активно участвуют в дискуссии, а состоявшиеся участники группы им информацию предоставляют (Ahuja Galvin, 2003: 161-185). Хочется отметить, что эта система очень напоминает систему ребенок – родитель, где один демонстрирует передачу информации, медиаграмотности, а другой с готовностью ее воспринимает. Таким образом, между социализацией в живом общении и социализацией в виртуальном пространстве размывается граница, хотя результаты такого развития ни при каких условиях не могут быть равными.

Современный социум находится в состоянии бифуркации, связанной с наступлением цифровой эпохи. Для успешной социализации личности в цифровую эпоху необходимо развивать медиаграмотность населения, создавать совершенную техническую базу для частичного перевода системы образования в дистанционный формат, расширять содержание методических дисциплин педагогических специальностей с учетом разработки способов перевода традиционных методов обучения в цифровой формат, формировать юридическую грамотность молодого поколения в отношении медиасреды, формировать активный обмен мнениями разных поколений, их сотрудничество на базе использования «умных технологий».

Литература

Артамонова, Е.Г. Подростки «цифрового поколения»: штрихи к портрету // Образование личности. 2017. № 4. С. 28-34.

Бегларян, М.Е., Войтова-Долгих, Я.Н., Одинцов, С.А. Исторические аспекты понятий «киберпреступление» и «кибертерроризм» в законодательстве: проблемы трактования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 11-15.

Васильева, Н.Н. Специфика социализации подростка в современном обществе // Современная культура и проблемы образования. Культурологические дебюты: Сб. науч. статей студентов / РГПУ им. А.И. Герцена; отв. ред. Л.М. Мосолова. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 90-94.

Катляр, П.С. Медиаграмотность в условиях развития цифровых технологий // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 26-32.

Лескова, И.В., Юдина, Т.Н., Киселева, Е.Е., Ушаков, А.А. Субкультура и социализация: меняющиеся стили поведения в цифровом обществе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/44SCSK220.pdf (дата обращения 20.01.2023).

Лучанинов, Д.В. Интерактивное информационное взаимодействие средствами Moodle для формирования творческой инициативы студентов в использовании средств информационных технологий // Открытое образование. 2014. № 6 (107). С. 28-33.

Овчинников, А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 158-170.

Петрова, И.Л., Кулакова, О.С. Трансформация юридического языка в свете цифровизации права // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1 (58). С. 175-179.

Шайдуллина, В.К. Направления совершенствования юридического образования в условиях цифровизации // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3 (83). С. 130-132.

Ahuja, M.K., Galvin, J.E. Socialization in virtual groups // Journal of Management. 2003. Vol. 29. No. 2. Pp. 161-185.

Clark, A., Chalmers, D. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58. No. 1. Pp. 7-19.

Falikman, M. There and back again: A (reversed) Vygotskian perspective on digital socialization // Frontiers in psychology. 2021. Vol. 12. P. 501233.

Gómez, D.C. Technological Socialization and Digital Inclusion: Understanding Digital Literacy Biographies among Young People in Madrid // Social Inclusion. 2020. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 222-232.

Luchinkina, A. et al. Cross-border and digital socialization of personality // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 210. P. 15005.

Mantere, E. Ajan ja huomion saaminen vanhemmilta: tutkimus lasten aloitteista yhdessä olemiseen ja vanhempien vastauksista keskustelunanalyysin ja kiintymyssuhdeteorian näkökulmista: Pro gradu tutkielma. Tampere University, 2014.

Mantere, E., Raudaskoski, S. Kun matkapuhelin vie vanhemman huomion // Media lapsiperheessä. Vastapaino, 2015. S. 205-226.

References

Ahuja, M. K. and Galvin, J. E. (2003), “Socialization in virtual groups”, *Journal of Management*, 29 (2), 161-185.

Artamonova, E. G. (2017), “Teenagers of the ‘digital generation’: touches to the portrait”, *Personality formation*, 4, 28-34 (in Russ.).

Beglarian, M. E., Voitova-Dolgikh, Ya. N. and Odintsov, S. A. (2020), “Historical aspects of the concepts of ‘cybercrime’ and ‘cyberterrorism’ in legislation: problems of interpretation”, *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 4 (50), 11-15 (in Russ.).

Clark, A. and Chalmers, D. (1998), “The extended mind”, *Analysis*, 58 (1), 7-19.

Falikman, M. (2021), “There and back again: A (reversed) Vygotskian perspective on digital socialization”, *Frontiers in psychology*, 12, 501233.

Gómez, D. C. (2020), “Technological Socialization and Digital Inclusion: Understanding Digital Literacy Biographies among Young People in Madrid”, *Social Inclusion*, 8 (2), 222-232.

Katliar, P. S. (2017), “Media literacy in the context of the development of digital technologies”, *Herald of Vyatka State University*, 8, 26-32 (in Russ.).

Leskova, I. V., Iudina, T. N., Kiseleva, E. E. and Ushakov, A. A. (2020), “Subculture and socialization: changing styles of behavior in a digital society”, *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 11 (2) [Online], available

at: https://sfk-mn.ru/PDF/44SCSK220.pdf (Accessed 20 January 2023) (in Russ.).

Luchaninov, D. V. (2014), "Interactive information interaction by means of Moodle for the formation of creative initiative of students in the use of information technology tools", *Open Education*, 6, 26-32 (in Russ.).

Luchinkina, A., Zhikhareva, L., Yudeeva, T. and Luchinkina, I. (2020), "Cross-border and digital socialization of personality", *E3S Web of Conferences*, 210, 15005.

Mantere, E. (2014), "Getting time and attention from parents: a study of children's initiatives to be together and parents' responses from the perspectives of conversation analysis and attachment theory", Master's thesis. School of Social and Cultural Sciences, University of Tampere, Tampere, Finland (in Finn.).

Mantere, E. and Raudaskoski, S. (2015), "When a cell phone distracts a parent", *Media lapsiperheessä, Vastapaino* [Media in a family with children, Counterweight], in Lahikainen, A. R., Mälkiä, T. and Repo, K. (eds), Tampere, Finland, 205-226 (in Finn.).

Ovchinnikov, A. I. (2019), "Countering corruption in the context of digitalization: opportunities, prospects, risks", *Journal of Russian Law*, 11, 158-170 (in Russ.).

Petrova, I. L. and Kulakova, O. S. (2021), "Transformation of the legal language in the light of the digitalization of law", *Bulletin of Vladimir Law Institute*, 1 (58), 175-179 (in Russ.).

Shaidullina, V. K. (2021), "Directions of improving legal education in the conditions of digitalization", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 3 (83), 130-132 (in Russ.).

Vasil'eva, N. N. (2019), "The specifics of adolescent socialization in modern society", *Sovremennaya kul'tura i problemy obrazovaniya. Kul'turologicheskie debyuty: Sbornik nauchnykh statey studentov* [Modern culture and problems of education. Cultural debuts: A collection of scientific articles by students], in Mosolova, L. M. (ed.), Asterion, Saint Petersburg, Russia, 90-94 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Мальцева Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *maltseva@bsu.edu.ru*

Новак Маргарита Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *novak_m@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Natalia N. Maltseva, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *maltseva@bsu.edu.ru*

Margarita V. Novak, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *novak_m@bsu.edu.ru*

УДК 070; 802.0 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-18**

Ба Амаду | **Особенности функционирования СМИ в Республике Мали**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *potio739@gmail.com*

Аннотация. Общество с целью обеспечения эффективности функционирования всех своих сфер нуждается в конституционной поддержке и правовом сопровождении деятельности средств массовой информации, что объясняет особую значимость национальной коммуникационной политики. Конституционные положения о средствах массовой информации являются основополагающим законодательным актом, который дает медиаиндустрии право на сбор, обработку и распространение информации, а также на свободу выражения мнения (как личного, авторского, так и общественного). Каждая страна проводит свою политику по отношению к средствам массовой информации. В статье изложены результаты анализа конституционных положений, ориентированных на поддержку СМИ, в Республике Мали. Наблюдения над функционированием медиасферы Республики Мали свидетельствуют о необходимости в создавшихся в стране сложных политических условиях формирования правовых основ деятельности средств массовой информации, в особенности в пункте права на сбор, обработку и распространение информации, а также на выражение мнений.

Ключевые слова: Республика Мали; Конституция; СМИ; право на информацию; свобода выражения мнений; коммуникационная политика

Для цитирования: Ба Амаду. Особенности функционирования СМИ в Республике Мали // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 213-221. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-18

Ba Amadou | **Features of the functioning of the media in the Republic of Mali**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *potio739@gmail.com*

Annotation. In order to ensure the effective functioning of all its spheres, society needs constitutional support and legal support for the activities of the mass media, which explains the particular importance of the national communication policy. The constitutional provisions on the media constitute a fundamental piece of legislation that gives the media industry the right to collect, process, and disseminate information, as well as freedom of expression (both personal, author's, and public). Each country has its own policy towards the media. In this study, an attempt is made to analyze the constitutional provisions aimed at supporting the media in the Republic of Mali. Observations on the functioning of the media sphere of the Republic of Mali indicate the need in the difficult political conditions created in the country to form the legal basis

for the activities of the media, especially in the right to collect, process and disseminate information, as well as the expression of opinions.

Keywords: Republic of Mali; Constitution; mass media; right to information; freedom of expression; communication policy

For citation: Ba Amadou (2023), "Features of the functioning of the media in the Republic of Mali", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (1), 213-221, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-18

Введение

Для экономического роста, индустриализации, политических перемен в обществе, его культурной динамики и модернизации всех сфер жизни и деятельности, для повышения уровня урбанизации необходимы не только технологии, но и свободный обмен информацией, надлежащим образом выстроенные социальные коммуникации (Ekpo, 2017: 27). Другими словами, для того чтобы общество динамично развивалось в перспективе формулируемых им социальных, политических и культурных проектов, необходим как непрерывный и целенаправленный поток информации от разных социальных субъектов, от всех участников процесса социального развития, от политических лидеров и правительства, от всех субъектов общества, так и доступные всем СМИ, обеспечивающие развернутый публичный диалог с использованием всех возможных в конкретных условиях форматов связи. Как заметил И.И. Засурский, «подлинная задача СМИ, в осознании которой кроется потенциал самостоятельной роли прессы и журналистов, описывать картину реальности, благодаря которой у людей появляется возможность принимать сознательные решения» (Засурский, 1999: 34).

Различные цели на разных уровнях национальной жизни могут быть достигнуты только путем целенаправленного и последовательного использования возможностей средств массовой информации. В большинстве стран Африки важность СМИ сегодня не может быть осмыслена вне того, как они использовались в качестве одного из основных инструментов получения этими странами независимости и освобождения от колониальных держав. Для того, чтобы средства массовой информации могли эффективно функционировать ради достижения общей цели, необходимо конституционное и политическое регулирование их деятельности.

Конституция является высшим законом, который устанавливает правила и основные принципы функционирования государства, всех его структур и учреждений, включая СМИ. Это еще раз подчеркивает важность выверенной, соответствующей актуальным задачам национальной коммуникационной политики (Вартанова, 2001; Короченский, 2003; Ложко, Яковлев, 2013; Полонский, 2009; Сако, 2022; Abebe, 2019; Daniel, 2020; Momoh, 2021), основная цель которой заключается в том, чтобы определить, каким образом и на каких принципах СМИ могут быть использованы для достижения ускоренного развития общества и успешного решения стоящих перед ним все усложняющихся задач. Целью данного исследования является анализ обеспечения в Республике Мали права средств массовой информации на сбор, обработку и распространение информации. Предмет исследования правовые и конституционные гарантии развития СМИ в Республике Мали.

В основе исследования лежит теория СМИ Д. МакКуэйла, в соответствии с которой СМИ рассматриваются как обязательный участник общественных отношений, нацеленный на то, чтобы служить потребностям общества и своей аудитории (McQuail, 2020). Использованный в исследовании описательный метод позволил си-

стематизировать и последовательно представить полученный материал. Исследование построено на основе осмысления информации, полученной в результате изучения как публикаций в СМИ, так и вторичных источников (статистических и аналитических материалов, посвященных различным аспектам деятельности СМИ).

В качестве эмпирического материала исследования выступают СМИ Республики Мали. В фокусе аналитико-исследовательского внимания находится также текст Конституции Республики Мали (Конституция, 2021: 615-640) и текст закона «Режим СМИ и правонарушение в СМИ» от 7 июля 2000 г. (https://www.rwi.uzh.ch/dam/jcr:00000000-0c04-fd04-0000-00002a968c2f/loi-00-046-an-rm-regime-de-la-presse-et-delit-de-presse.pdf), согласно которому правом на собственность в сфере медиа обладают только граждане Мали.

Основная часть

Для обеспечения эффективного функционирования всех сфер общества, для формулирования и озвучивания общественных запросов, для обеспечения надлежащего диалогового взаимодействия всех социальных субъектов средства массовой информации должны выполнять функцию надежного посредника между обществом и властью, а также выступать в качестве субъекта общественного (гражданского) контроля (Вартанова 2009; Позднякова, 2018; Лучин 2006). Доступ к информации, как и «способность ее анализировать и принимать решение» (Марков, 2000: 44), является важнейшим элементом демократического общества. При этом СМИ, как и все социальные субъекты, несут ответственность перед законом за дезинформацию (Ekpo, 2017: 30).

Реальная ситуация такова, что значительное количество средств массовой информации ориентировано на бизнес, на получение прибыли (Вартанова 2012; Демина 2010) и находится в руках лиц, которые зачастую владеют не только одним средством массовой информации и не только в одной стране. Так, например, медиахолдинг австралийского магната Руперта Мердока «The News Corporation» включает десятки СМИ в разных странах мира (Крикунова 2012: 103).

Федерация Мали получила независимость от Франции 20 июня 1960 г. После выхода Сенегала из Федерации в августе 1960 г. она обрела статус Независимой Республики Мали. День 22 сентября 1960 г. стал Днем независимости. Первая Малийская Конституция была отменена 6 декабря 1968 г. после военного переворота и заменена новым основным законом. Новая Конституция была принята на основе проведенного в стране референдума в 1974 г. и просуществовала до 1991 г., до свержения Муссы Траоре в результате государственного переворота. Разработанная в августе 1991 г. новая Конституция была одобрена на референдуме 12 января 1992 года 98 процентами голосов.

Как отмечает в своем исследовании А. Абебе, появление средств массовой информации в Мали восходит к колониальным временам, когда французские поселенцы использовали прессу в качестве инструмента пропаганды для распространения сообщений в поддержку своего господства (Abebe, 2019: 89). В период между обретением независимости и военным переворотом (1960-1968 гг.) было несколько попыток создания печатных изданий. После переворота многие СМИ либо закрылись, либо перешли под контроль армии. С многопартийными демократическими выборами 1991 г. и либерализацией рынка средств массовой информации в 1992 г. ландшафт радикально изменился благодаря появлению новых изданий и созданию частных радиостанций по всей стране.

В этот период СМИ акцентированно идентифицировали себя с разными политическими партиями. Эта новая динамика способствовала созданию новых законов о СМИ и формулированию этического кодекса. В 2002 г. появились частные телеканалы, первоначально вне политико-административного регулирования, до момента

создания HAC («Haute Autorité de la Communication»), высшего органа по управлению коммуникациями. По состоянию на 2019 г. в стране разрешено вещание около десяти станций.

Как отмечает Б. Комбо, по данным за 2020 г. Мали занимает 108-е место (из 180 стран) в Мировом индексе свободы прессы, составленном организацией «Репортеры без границ» (RSF) (Kombo, 2020: 756). По данным Национальной комиссии по правам человека (CNDH) и международных правозащитных организаций, гражданские и политические права в Мали в целом соблюдаются. Медийная среда также считается одной из самых либеральных в регионе. Это принесло стране репутацию ориентира свободы прессы и информации в Западной Африке. Тем не менее после событий 2012 г., которые ввергли страну в общий кризис, затронувший безопасность, политику, экономику и т. д., малийская пресса в целом пережила трудные времена, особенно в ее северных и центральных регионах, где сохраняется социальная и политическая напряженность и некоторым корреспондентам поступали различного рода угрозы. Эта ситуация повлияла на малийские СМИ, в частности, в аспекте увеличения как интереса населения к новостям, так и финансовых ресурсов, генерируемых этими СМИ. В результате во всех слоях общества и социально-профессиональных секторах значительно расширилось медиапредпринимательство и медиапотребление (Ewelukwa, 2020: 50).

Помимо государственной газеты «Essor», другие издания либо принадлежат политическим или религиозным лидерам, либо подконтрольны тем или иным политическим организациям и партиям. Все они активно вовлечены в политическую и религиозную сферы, в частности, для поддержки и продвижения определенных взглядов и лежащих в их основе систем ценностей. Некоторые радиостанции транслируют программы, которые дают слушателям возможность высказать свое мнение о конфликтных или судебных ситуациях. Например, в программе «Большой диалог» на радиостанции «Studio Tamani», которую называют «голосом разума» и «надежным источником диалога» (Informer pour comprendre, dialoguer pour s'entendre. 2016. - https://www.swisspeace.ch/apropos/informer-pour-comprendre-dialoguer-pour-sentendre/?lang=fr), обсуждаются острые проблемы конкретного региона, при этом представители разных сторон аргументированно отстаивают свои позиции.

Кризис 2012 г. и последовавшая за ним экономическая нестабильность делают СМИ все более в политическом отношении влиятельными, однако и более разделенными, чем когда-либо. До конфликта самоцензура и политическое влияние сосуществовали с законами, благоприятными для деятельности СМИ, поддерживая их имидж «четвертой власти» (Короченский, 2003; Полонский, 2017; Сафарян, 2008). Затем были введены законы, которые расширили возможности использования национального бюджета для государственной рекламы, а также изменили налоги, взимаемые со средств массовой информации. Вооруженные группы следят за всей печатной и радиовещательной информацией. Они не используют активно печатные СМИ в качестве канала связи, однако часто отправляют «предупредительные» голосовые сообщения на некоторые радиостанции (Daniel, 2020: 11).

Помимо политического влияния на СМИ, на качество информации влияют и другие факторы, такие как низкая квалификация журналистов, как правило, низкая заработная плата и отсутствие гарантий занятости и коллективных договоров. Кроме того, не хватает подготовленных специалистов среди журналистов, продюсеров и аниматоров. Большая часть рабочей силы освоила профессию на местах, после обучения в университете, а некоторые даже не имеет академического образования.

Финансовая нестабильность сектора СМИ связана с отсутствием доходов как от рекламы, так и от подписки. Это означает, что СМИ не могут выплатить зарплату, что,

безусловно, оказывает влияние на производственный и редакционный аспект изданий, которые обязаны разрабатывать контент в соответствии с «заказом» того, кто предлагает им необходимые финансовые средства.

В малийских СМИ также достаточно сильна самоцензура по социальным, политическим и культурным причинам, не говоря уже о проблемах, связанных с гарантиями занятости и физической неприкосновенностью. Заметим, что политические структуры используют зависимость СМИ в своих интересах.

Весь сектор СМИ Республики Мали сегодня развивается неустойчиво, даже несмотря на то, что приход демократии и развитие информационных и коммуникационных технологий произвел революцию в аудиовизуальных средствах массовой информации.

Малийские СМИ испытывают трудности, связанные с отсутствием необходимого уровня профессионализма и финансовой нестабильностью, что угрожает их независимости. СМИ выживают благодаря вмешательству государства, которое предоставляет им ежегодные субсидии. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) является контролирующим органом, осуществляющим мониторинг и регулирование средств массовой информации. Это участие государства в организации функционирования сферы СМИ приветствуется теми, кто считает выдачу лицензий беспристрастной или считает, что государственные СМИ поглощают подписки, от которых мог бы выиграть частный сектор.

Волна либерализации в Мали быстро увеличила сферу СМИ, привлекая большое количество людей, которые стали журналистами без какой-либо подготовки. Менее десяти процентов активных журналистов являются выпускниками факультетов журналистики, что имеет очевидные последствия для качества их работы. Несмотря на существование этического кодекса с 1991 г., лишь немногие журналисты соблюдают профессиональные стандарты. Обработка информации, которую они предоставляют, зачастую носит случайный характер. Нередким является факт распространения недостоверной, непроверенной информации. Некоторые средства массовой информации используются для «личных» целей со стороны политиков, стремящихся занять должности в администрации, или со стороны оппозиции для критики правящей партии. Тем не менее, есть достаточное количество примеров деятельности журналистов, которые прилагают усилия для продвижения качественной журналистики.

По данным «Annuaire Media Mali» за 2019 г., подготовленным «Forum de la Presse» и «Maison de la Presse», в Мали издается 227 газет, из которых 10 – ежедневных, 192 еженедельных, 13 выходят один раз в две недели, 12 портовых газет. Ежедневная газета «L'Indépendant», еженедельная газета «Sphinx» и правительственная ежедневная газета «Essor» являются самыми популярными (https://medialandscapes.org/country/mali/media/print), хотя они распространяются только в столице Бамако. В некоторых регионах они доступны лишь по подписке.

В Мали, чтобы работать в качестве журналиста, необходимо получить лицензию Комиссии по пресс-картам, причем каждый член комиссии, который не может быть младше 18 лет, должен поставить свою подпись на удостоверении личности журналиста. Статьи 7 и 9 Конституции Республики Мали требуют, чтобы все СМИ были зарегистрированы в суде первой инстанции.

Сегодня влияние прессы в значительной степени ограничено из-за низкого уровня грамотности, при этом интеллектуалы и политические лидеры являются единственными категориями, привыкшими к регулярному чтению. Кроме того, безбарьерная доступность онлайн-информации изменила способ медиапотребления малийцев, заставив читателей отказаться от платной печатной прессы. Информации в Интернете достаточно, поэтому пользователи находят

бесплатные новостные сайты, которые они могут читать в соответствии со своими интересами и возможностями. Однако доверие к онлайн-СМИ, по нашему наблюдению, у аудиторий невысокое, что обусловлено отсутствием в некоторых редакциях практики обработки информации в погоне за сенсационными или экстренными новостями. Нередко можно прочитать противоречащие друг другу версии одних и тех же новостей по темам, связанным с политическими, религиозными или художественными деятелями.

В Конституции Республики Мали (Конституция, 2021: 615-640) свобода выражения мнений гарантируется разделом 1 и охватывает права и обязанности человека. Статья 4 гласит: каждый человек имеет право на свободу мысли, совести, религии, вероисповедания, убеждений, их выражения и на деятельность в соответствии с законом. В то время как статья 7 признает и гарантирует свободу средств массовой информации, право на доступ к информации не упоминается. Свобода прессы ограничивается условиями, которые определяются законом «Режим СМИ и правонарушение в СМИ» от 7 июля 2000 г. (https://www.rwi.uzh.ch/dam/jcr:00000000-0c04-fd04-0000-00002a968c2f/loi-00-046-an-rm-regime-de-la-presse-et-delit-de-presse.pdf). Он учитывает международное право, а также национальную политику в области средств массовой информации. Закон также наделяет суды полномочиями оценивать конституционность законодательства о средствах массовой информации без права отвечать на присоединение к двум международным соглашениям, касающимся средств массовой информации, а именно к Международной конвенции о гражданских и политических правах от 23 марта 1976 г. (https://www.ohchr.org/fr/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights) и к Африканской хартии прав человека и народа 1983 г. (Charte africaine des droits del'homme et des peuplesrapport. URL: https://www.achpr.org/public/Document/file/French/sierra_leone_state_report_fr.pdf)

Существуют меры или возможности для административных санкций по отношению к журналистам и средствам массовой информации, если их деятельность противоречит законам. Министерство территориального управления уполномочено запрещать любые СМИ, которые оно рассматривает как угрозу национальному единству, однако существуют критерии для таких запретов. Что касается телевизионных станций, то министр связи и министерство внутренних дел совместно несут ответственность за выдачу разрешений на лицензирование вещания. Такое решение должно быть принято в течение пятнадцати дней с даты подачи заявления. Невозможность ответить на заявление в течение 15 дней приравнивается к одобрению лицензии, которая возобновляется через три года, что отражено в статье 7 Конституции Мали.

В 2000 г. были приняты законы о том, кто имеет право владеть средством массовой информации в Мали. Такое право закон предоставил только гражданам Мали (статья 11 Закона «Режим СМИ и правонарушение в СМИ» от 7 июля 2000 г.). Кроме того, любая публикация за пределами страны упоминается как иностранная, поэтому только малийцам может быть предоставлена лицензия на управление частными радио- и телевизионными станциями. Закон также создает основу для государственного субсидирования СМИ и определяет, что правительство обязано помогать медиаиндустриям, которые способствуют реализации права на информацию.

Проведенное нами исследование показывает, что в Мали существуют правовые и конституционные гарантии средств массовой информации. Статья 7 Конституции Мали признает и гарантирует свободу средств массовой информации, которые включают в себя как печатные средства массовой информации, так и радио, телевидение и Интернет.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что функционирование СМИ в Мали гарантируется Конституцией и регулируется национальным законодательством. При этом гражданам и социальным субъектам гарантируется равный доступ к средствам массовой информации. Конституция учитывает как международные законы, так и законы государства. Суд имеет право выносить решения по любому конституционному закону, касающемуся средств массовой информации.

Уважение верховенства права путем предоставления средствам массовой информации подлинной свободы выражения мнений при наличии ответственности перед обществом ведет не только к подлинно демократическому обществу, но и к экономическому развитию страны. Эффективное функционирование СМИ как «четвертой власти» является условием поступательного развития Республики Мали.

Литература

Вартанова, Е.Л. Коммуникационная политика России: нужен решительный шаг // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. № 1. С. 58-73.

Вартанова, Е.Л. Медиаиндустрии в Европе: современные вызовы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 5. С. 12-35.

Вартанова, Е.Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. № 2. С. 15-24.

Демина, И.Н. Трансформация медиасистемы: взаимовлияние экономики и журналистики // Известия Байкальского государственного университета. 2010. № 5. С. 183-187.

Засурский, И.И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 272 с.

Конституция Республики Мали // Конституции государств Африки и Океании / А.С. Автономов, А.М. Белялова, Н.М. Касаткина и др. Т. 4. М.: Изд. дом «Юриспруденция», 2021. С. 615-640.

Короченский, А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов н/Д. Изд-во Ростов. ун-та, 2003. 283 с.

Крикунова, В.В. Мировые СМИ – инструмент политического влияния // Обозреватель – Observer. 2012. № 4. С. 101–107.

Ложко, В.В., Яковлев, И.П. Социально-экономическая миссия региональных средств массовой информации // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 272-276.

Лучин, В.О. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Право и политика. 2006. № 10. С. 27–31.

Марков, Б В. Демократия и Интернет // Информационное общество. 2000. № 6. С. 43-47.

Позднякова, Е.М. Роль средств массовой информации в осуществлении гражданского контроля // Миссия конфессий. 2018. Т. 7. № 4(31). С. 421-429.

Полонский, А.В. Человек и культура в эпоху современных масс-медиа // Инновационные технологии в кооперативном образовании как фактор развития экономики: Мат-лы междун. науч.-практ. конф.: в 7 частях, Белгород, 22–24 апреля 2009 г. Часть 2. Белгород: Кооперативное образование, 2009. С. 163-167.

Полонский, А.В. Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // Медиалингвистика: Мат-лы II Междун. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 г. / отв. ред. А.А. Малышев. Вып. 6. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2017. С. 329-331.

Сако, Б. Гражданское общество и его влияние на СМИ Мали и Гвинеи (Конакри) в 2010-2021 годы // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 416-419.

Сафарян, А.В. СМИ как «четвертая власть» и институт социализации // Власть. 2008. № 5. С. 62-65.

Abebe, A.K. Taming regressive constitutional amendments: The African Court as a continental (super) Constitutional Court // International Journal of Constitutional Law. 2019. Vol. 17. No. 1. Pp. 89-117.

Daniel, P.U. Closing the gap between time and space in news dissemination in Radio-Rivers and rivers state television: an analysis of the new media potentials. An Unpublished thesis submitted to the department of English and Communication, Faculty of Humanities, Ignatius Ajuru University of Education. 2020. 402 p.

Ekpo, C.E. Interest, diffidence, rigidity and the challenge of constitutional chance – The Nigerian experience // Legal Aid Oyo Journal of Legal Issues. 2017. Vol. 1. No. 1. Pp. 27–34.

Ewelukwa, B.N. Introduction to Nigerian press law: law and ethics of communication. Onitsha: Varsity Publishing. 2004. 402 p.

Kombo, B.K. A missed opportunity? Derogation and the African Court case of APDF and IHRDA v Mali // African Human Rights Law Journal. 2020. Vol. 20. No. 2. Pp. 756-776.

McQuail, D. Mass communication theory: 6th ed. Los Angeles: Sege Publication. 2020. 566 p.

Momoh, P.T. Codes of conduct from Nigerian journalists appraising the old and the new. In R. A. Akinfeleye & I. E. Okoye (eds). Issues in Nigerian media history: 1900–2000. AD. Pp. 141–152.

References

Abebe, A. K. (2019), "Taming regressive constitutional amendments: The African Court as a continental (super) Constitutional Court", *International Journal of Constitutional Law*, 17 (1), 89-117.

Daniel, P. U. (2020), "Closing the gap between time and space in news dissemination in Radio-Rivers and rivers state television: an analysis of the new media potentials", An Unpublished thesis submitted to the department of English and Communication, Faculty of Humanities, Ignatius Ajuru University of Education, Nigeria.

Demina, I. N. (2010), "Transformation of the media system: mutual influence of economics and journalism", *News of Baikal State University*, 5, 183-187 (in Russ.).

Ekpo, C. E. (2017), "Interest, diffidence, rigidity and the challenge of constitutional chance – The Nigerian experience", *Legal Aid Oyo Journal of Legal Issues*, 1 (1), 27–34.

Ewelukwa, B. N. (2004), *Introduction to Nigerian press law: law and ethics of communication*, Varsity Publishing, Onitsha, Nigeria.

Kombo, B. K. (2020), "A missed opportunity? Derogation and the African Court case of APDF and IHRDA v Mali", *African Human Rights Law Journal*, 20 (2), 756-776.

Korochensky, A. P. (2003), *«Pyataya vlast'»? Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki* ["The Fifth Power"? Media criticism in the theory and practice of journalism], Publishing House of Rostov University, Rostov on Don, Russia (in Russ.).

Krikunova, V. V. (2012), "World media as an instrument of political influence", *Obozrevatel – Observer*, 4, 101–107 (in Russ.).

Lozhko, V. V. and Yakovlev, I. P. (2013), "Socio-economic mission of regional mass media", *Problems of the modern economy*, 4, 272-276 (in Russ.).

Luchin, V. O. (2006), "The constitutional system of Russia: the main political and legal characteristics", *Law and Politics*, 10, 27–31 (in Russ.).

Markov, B. V. (2000), "Democracy and the Internet", *Information Society*, 6, 43-47 (in Russ.).

McQuail, D. (2020), *Mass communication theory*, 6th ed., Sege Publication, Los Angeles, US.

Momoh, P. T. "Codes of conduct from Nigerian journalists appraising the old and the new", in Akinfeleye, R. A. & Okoye, I. E. (eds). *Issues in Nigerian media history: 1900–2000*, AD, 141–152.

Polonsky, A. V. (2009), "Man and culture in the era of modern mass media", *Innovatsionnyye tekhnologii v kooperativnom obrazovanii kak faktor razvitiya ekonomiki* [Innovative technologies in cooperative education as a factor in the development of the economy] in 7 parts, part 2, Cooperative Education, Belgorod, Russia, 163-167 (in Russ.).

Polonsky, A. V. (2017), "Media reality: what can we say about it today?", *Medialinguistics*, in Malyshev, A. A. (ed.), issue 6, St. Petersburg State University, Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg, Russia, 329-331 (in Russ.).

Pozdnyakova, E. M. (2018), "The role of the mass media in the implementation of civil control", *Mission of confessions*, 7 (4(31)), 421-429 (in Russ.).

Safaryan, A. V. (2008), "Media as a 'fourth power' and an institution of socialization", *Power*, 5, 62-65 (in Russ.).

Sako, B. (2022), "Civil society and its impact on the media in Mali and Guinea (Conakry) in 2010-2021", *World of Science, Culture, Education*, 2, 416-419 (in Russ.).

"The Constitution of the Republic of Mali" (2021), *Konstitutsii gosudarstv Afriki i Okeanii* [Constitutions of the States of Africa and Oceania], in Avtonomov, A. S., Belialova, A. M., Kasatkina, N. M. (eds.), vol. 4, Yurisprudentsiya, Moscow: Russia, 615-640 (in Russ.).

Vartanova, E. L. (2001), "Communication policy of Russia: a decisive step is needed", *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 1, 58-73 (in Russ.).

Vartanova, E. L. (2009), “Mass media and journalism in the space of post-industrial society”, *Mediascope*, 2, 15-24 (in Russ.).

Vartanova, E. L. (2012), “Media industries in Europe: modern challenges”, *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 5, 12-35 (in Russ.).

Zasursky, I. I. (1999), *Mass-media vtoroy respubliki* [Mass media of the second republic], Publishing House of Moscow University, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ба Амаду, специалист по связям с общественностью, аспирант кафедры журналистики, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *potio739@gmail.com*

ABOUT THE AUTHOR:

Ba Amadou, Public Relations Specialist, Postgraduate Student of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *potio739@gmail.com*